

история / география / этнография

Гунны

Олег Ивик
Владимир Ключников

Г
унны

Олег Ивик
Владимир Ключников

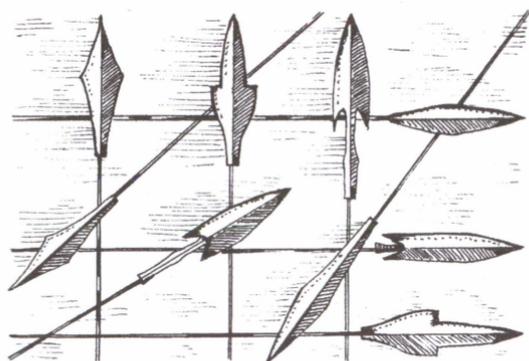

Ломоносовъ
Издательство

Олег Ивик,
Владимир Ключников

Гуны

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(369.1)
ББК 63.3(0)4
И25

Серия **Византизм**
Vizantismus & Kalli

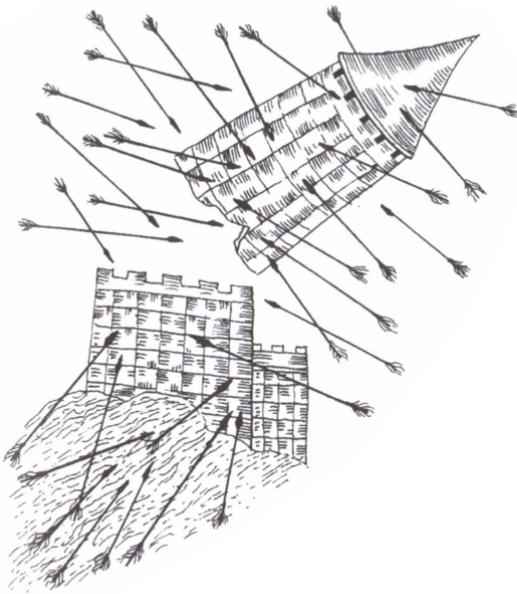
Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-259-2

© Олег Ивик, Владимир Ключников, 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Правление римского императора Валента II (364–378 годы) ознаменовалось многими мрачными знаменьями. По сообщению историка и современника этих событий Аммиана Марцеллина, помимо страшных предсказаний, изреченных прорицателями, в империи, которая уже вступала в последний, бесславный век своего существования, «метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня». Тени людей, невинно убиенных соправителем Валента, его недавно умершим старшим братом Валентинианом I, «являлись многим во сне, изрекали страшные зловещие слова и наводили ужас». Однажды нашли орла с перерезанным горлом, и был сделан вывод, что «смерть его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения».

Но самым страшным, а главное, самым точным пророчеством оказались слова, найденные на каменной плите на территории Константинополя, который всего лишь полвека назад из провинциального городка Византия был превращен в новую столицу державы стараниями императора Константина Великого. Когда в пригороде столицы, Халкедоне, сносили старую стену для того, чтобы построить на ее месте приличествующую столице мира баню, в самой середине стены нашли плиту с высеченными на ней стихами. Поскольку древний провидец, вытесавший эти строки, удивительным образом сумел прозреть сквозь века, что на этом месте будет построена именно баня, а не что иное, то не было никаких оснований сомневаться и в остальном. Пророчество гласило:

Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградой станут купанья —
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область¹ и землю мизийцев² погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев³,
Там же и жизни конец обретет и жестокою гибель⁴.

И действительно, прошло совсем немного лет, и в 70-е годы IV века в степях Приазовья и Прикубанья появились невесть откуда взявшиеся племена, которые, по словам Марцеллина, «превосходили своей дикостью всякую меру». «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадной грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов». Пришельцы «произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»⁵. В историю эти захватчики вошли под именем *гуннов*.

Гунны были кочевниками-скотоводами, но они не прельстились зелеными и влажными степями алан и без задержки двинулись на запад. Далеко впереди них неслась молва о том, «что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадаетеся навстречу»⁶. Стронутые ими с насиженных мест народы Юго-Восточной Евро-

пы ринулись к границам империи, чтобы найти защиту под крыльями римских орлов. Рим сначала обещал беженцам свое покровительство, но не смог справиться с их потоком, и в восточных землях империи стало беспокойно. Варвары, теснимые на запад неведомыми пришельцами, в свою очередь громили восточные провинции императора Валента II и его нового соправителя Грациана.

Покорив алан, сокрушив Боспорское царство и готскую державу и выйдя в 376 году к берегам Дуная, гунны оказались на границах Римской империи.

Кто такие гунны и откуда они пришли, тогда никто доподлинно не знал. Марцеллин писал: «Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана...»⁷ Сообщение это было не слишком конкретным и еще менее точным, поскольку гунны в этих местах во всяком случае не обитали — они пронеслись через них в своем неуклонном стремлении на запад. Сегодня на север от «Меотийских болот» — так в античном мире называли Азовское море — археологи действительно находят следы пребывания гуннов, но это в основном следы, оставленные ими веком позже, когда они откатились сюда из Западной Европы после недолгого победного шествия и последующего разгрома.

С тех пор прошло более полутора тысячелетий, но вопрос о том, откуда пришли гунны, до сих пор не решен. Не решен окончательно и вопрос о том, кем были эти пришельцы, на каком языке говорили, чьи они потомки. Впрочем, несмотря на разнообразие версий и теорий, большинство ученых сегодня склоняется к мысли о том, что гунны были потомками северной ветви племен сюнну, которые начиная со II века до н. э. наводили на окраины Поднебесной примерно такой же страх, какой несколькими веками спустя гунны наводили на Европу. «Варварские» традиции сюнну ужасали китайских историков примерно так же, как цивилизованных римлян — нравы воинов Атилы.

Авторы настоящей книги гуннами интересовались давно, что вполне естественно для археологов, работающих в нижнедонских степях. Впрочем, профессиональным археологом

является только Владимир Ключников — он занимается ранним Средневековьем, прежде всего хазарами, которые были наследниками гуннов на Дону. Что же касается Олега Ивика, под этим общим псевдонимом работают два литератора — Ольга Колобова и Валерий Иванов. Оба они участвуют в литературном редактировании археологических журналов и сборников и пишут научно-популярные книги по истории и археологии. Но иногда им случается с лопатой в руках провести лето в какой-нибудь из археологических экспедиций.

Нам троем приходилось исследовать курганы самых разных народов, прошедших через Донские степи. Но вот гунны ни одному из нас не встречались ни разу. И возможно, именно поэтому они нам всегда были особо интересны. Впрочем, мы сталкивались с ними «по работе» — на страницах книг и журналов, редактированием которых нам приходилось заниматься.

После того как мы втроем написали книгу «Хазары», в которой гунны неоднократно упоминались, мысль о посвященной им отдельной книге возникла сама собой. Естественно, что первая глава ее должна была рассказывать о сюнну — их вероятных прародителях. Но когда мы занялись изучением этого интереснейшего народа, когда мы перечитали множество посвященных ему работ древнекитайских историков и современных археологов, мы так увлеклись сюнну, что вместо одной главы нечаянно написали о них целую книгу. В 2014 году она была опубликована в издательстве «Ломоносовъ»⁸.

А теперь мы вновь решили вернуться к гуннам. И первую главу этой книги опять решили посвятить сюнну, как уже пытались сделать когда-то. Но теперь мы расскажем о них лишь самое главное, а также то, что имеет хоть какое-то отношение к гуннам. Поэтому мы начинаем свою книгу с того, что обращаемся к северным границам Срединного государства — так называли свою родину древние китайцы. Именно здесь, с точки зрения большинства ученых, и следует искать корни народа гуннов.

С первых веков китайской истории на северных границах Поднебесной обитали многочисленные кочевые племена — одно или, скорее, несколько из них в конце концов получили имя *сюнну*. Информацию о сюнну сохранили древние китайские хронисты, но сегодня мы уже не знаем, как звучало в их устах название этого народа, остались лишь обозначающие его иероглифы. В современном Китае на юге страны эти иероглифы читаются «хунну», а на севере — «сюнну».

Китайские хроники в качестве предков сюнну перечисляют самые разные племена, воевавшие с жителями Поднебесной начиная с эпохи мифических Пяти императоров, правивших в третьем тысячелетии до н. э. Непрерывные войны с северными варварами привели к тому, что в конце эпохи Чжоу (с XI века по 221 год до н. э.), в дни которой Поднебесная была раздроблена на множество враждующих царств, северные царства стали сооружать на своих границах стены для защиты от ху, или хусцев — так китайцы теперь все чаще называли своих воинственных соседей (слово это могло относиться к «варварам вообще», но постепенно оно закрепил-

лось прежде всего за сюнну⁹). Позднее, при императоре Цинь Ши-хуанди, взошедшем на трон в 221 году до н. э., эти и другие оборонительные сооружения были объединены в Великую Китайскую стену.

В отличие от китайских хронистов, археологи до сегодняшнего дня так и не смогли решить вопрос о происхождении сюнну — археологическая культура сюнну тех времен, когда они уже доподлинно известны под этим именем, не имеет единого достоверного корня ни на северных и западных границах Китая, ни где-либо еще.

Но от кого бы ни произошли сюнну, откуда бы они ни появились, с уверенностью говорить о них как о народе можно лишь с рубежа IV и III веков до н. э. К концу IV века до н. э. относятся первые упоминания о сюнну, в которых они названы этим именем и встроены в исторический контекст. А в середине III века до н. э. сюнну уже всерьез тревожили северные царства Поднебесной. Знаменитый китайский историк II—I веков до н. э. Сыма Цянь рассказывает о том, как полководец Ли Му сдерживал их натиск на границах царства Чжао: «Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй (титул правителя сюнну. — *Авт.*) спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао»¹⁰.

Число погибших сюннуских конников, возможно, несколько преувеличено, но ясно, что сюнну к этому времени уже располагали огромной армией и выступали во главе целого ряда племен, которые позднее войдут в состав сюннуской державы. У них имелся единый шаньюй — хотя не исключено, что он был лишь военным вождем, а в мирное время его власть ограничивалась собственным племенем. Так или иначе, сюнну уже приблизились к созданию своего государства.

В конце III века до н. э. власть над сюнну принадлежала шаньюю по имени Тоумань. Император Цинь Ши-хуанди, объединивший под своей властью разрозненные царства, на которые пятью веками ранее распалось Срединное государство,

оттеснил Тоуманя на север, отвоевал земли Ордоса в большой излучине Хуанхэ, воздвиг Великую стену и построил вдоль границы сорок четыре новых города. Но расходы по борьбе с кочевниками и по укреплению границ истощили силы Поднебесной — после смерти императора в стране вспыхнуло восстание, наследники Ши-хуанди были уничтожены, и престол захватил повстанческий вождь Лю Бан, вошедший в историю как Гао-ди (или Гао-цзу), — основатель династии Хань.

Пока китайцы занимались династическими преобразованиями, у их северных соседей тоже шла борьба за трон. Тоумань намеревался передать власть младшему сыну, рожденному любимой женой. Но старший сын, по имени Маодунь (Модэ или Моду), убил отца и объявил себя шаньюем¹¹. Это случилось в 209 году до н. э.¹²

Придя к власти, Маодунь в течение нескольких лет подчинил соседние «варварские» племена, полностью вернул сюннуские земли, отобранные императором Цинь Ши-хуанди, и установил границу с Китаем по прежней укрепленной линии в Ордосе, к югу от Хуанхэ. С тех пор, как пишет Сыма Цянь, «вся сюннская знать и высшие сановники покорились Маодуню, посчитав его мудрым правителем». Объединив под своей властью степняков, Маодунь в 201 году до н. э. вновь обрушил всю мощь своих войск на Китай¹³.

Надо сказать, что полный разгром Поднебесной не входил в намерения Маодуня. Граница между миром кочевников и миром оседлых китайских земледельцев, которая была зафиксирована Великой стеной, довольно точно совпадала с границей природных зон: к северу лежали земли, пригодные для кочевого скотоводства, к югу было выгоднее заниматься земледелием. Кочевникам нечего было делать на исконных территориях Срединного государства. Уничтожить своего южного соседа им тоже не имело смысла: начиная с правления Маодуня и на многие века вперед Китай стал для них «дойной коровой» — сюнну грабили его пограничные земли, обеспечивая себя продуктами земледелия и ремесел. Для того чтобы хоть как-то обуздать кочевников, китайцы заключали с ними бесчисленные договоры о мире, в рамках которых посылали в степь подарки, скорее напоминавшие дань.

Забегая вперед, отметим, что примерно такую же политику по отношению к своему великому оседлому соседу — Восточной Римской империи — позднее проводил вождь гуннов Аттила. Вообще нельзя не заметить определенного сходства между создателями сюннуской и гуннской держав. Оба они пришли к абсолютной власти, убив один — отца, другой — брата. Оба в кратчайшие сроки подчинили себе множество близких по образу жизни кочевых народов. Оба создали огромные, но сравнительно рыхлые державы, не имевшие четких границ, кроме одной — границы с богатым земледельческим государством, совпадавшей с границей между природными зонами. Державы эти существовали в значительной мере за счет набегов на земли богатых соседей и за счет дани, которую эти соседи вынуждены были платить.

Устав от постоянных вторжений сюнну, император Гао-ди отправил к Маодуню послов, чтобы заключить «договор о мире, основанный на родстве», и предложил в жены шаньюю свою дочь. Правда, ближе к делу принцессу пожалели и вместо нее к Маодуню отправили другую девушку, выдав за дочь императора¹⁴. Вероятно, шаньюй догадался о подмене, — по крайней мере, наследником его стал сын от другой женщины. Но скорее всего, подлинность принцессы не особенно волновала Маодуня. Гораздо больше его интересовало, чтобы в степь вовремя поступали регулярные подарки, которые ему причитались согласно тому же договору.

Тем временем держава сюнну продолжала расти и крепнуть. В 176 году до н. э. Маодунь прислал императору Вэнь-ди письмо, в котором в числе прочего сообщалось: «Благодаря милостям Неба и тому, что командиры и солдаты были на высоте, а лошади в силе, [мы] смогли уничтожить юэцжи, которые были перебиты или сдались. Были усмирены также племена лоуфань, усунь, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, и все они подчинились сюнну. Так все народы, натягивающие луки со стрелами, оказались объединенными в одну семью»¹⁵.

В 174 году до н. э. Маодунь скончался¹⁶, и на престол гигантской молодой державы взошел его сын, принявший титул Лаошан-шаньюй («Почтенный шаньюй»), — он продолжил завоевательную политику отца.

К концу правления Маодуня и в период правления Лаошан-шаньюя держава сюнну достигла пика могущества. Она занимала огромную территорию, сердцем которой (хотя и не географическим центром) были горы Иньшань к северу от Ордоса и сам Ордос в излучине Хуанхэ — исконные сюннуские земли с прекрасными пастбищами. На востоке сюннская империя включала в себя почти всю Маньчжурию и граничила с государством Чаосянь (на севере Корейского полуострова). На севере в состав державы входили Монголия, Южное Прибайкалье, Верхний и Средний Енисей¹⁷. На западе в зависимость от сюнну попали их соседи-кочевники юэчжи, жившие к западу от Ордоса, в так называемом Ганьсуском проходе, который протянулся от юго-западного «угла» большой излучины Хуанхэ к оазисам — «царствам Западного края» в Восточном Туркестане. Лаошан окончательно разгромил и изгнал юэчжи, убив их правителя и сделав из его черепа чашу для питья¹⁸, — с тех пор Ганьсуский проход полностью принадлежал сюнну. Сами же «царства Западного края» были завоеваны еще Маодунем.

В течение примерно пятидесяти лет после завоеваний Маодуня и Лаошана границы сюннуской державы оставались практически неизменными. Неизменными в своей основе оставались и взаимоотношения сюнну с Китаем. Как только на престол восходили очередной шаньюй или император, заключался очередной договор о мире, который предусматривал отсылку в степь очередной невесты императорского рода и выплату регулярной дани. Но купленный китайцами мир обычно длился не более трех-четырёх, максимум десяти лет.

В 140 году до н. э. на трон Поднебесной взошел император У-ди, который вознамерился радикально решить сюннускую проблему силой оружия. Тридцать два года — большую часть своего правления — он истратил на то, чтобы отогнать кочевников от границ Срединного государства. Территориальные потери сюнну в войнах с императором У-ди были огромны: они утратили Ордос, горы Иньшань и Ганьсуский проход. Но это не изменило ситуации принципиально.

Сюнну оплакали утраченные территории, после чего стали пасти свои стада на оставшихся в их распоряжении землях. Они продолжали набеги на Китай, и, хотя укрепления,

сквозь которые им приходилось прорываться, сдвинулись на север и на запад, громить их было не труднее, чем прежде. Что же касается Китая, то ему пришлось не только строить новые пограничные укрепления на новых границах, но и содержать огромное количество военнопленных. Дело в том, что китайцы традиционно не делали большой разницы между пленными и перебежчиками, они считали своим долгом поощрять и тех и других богатыми подарками и обеспечивать им приличное содержание. Возможно, это было неплохим тактическим решением в войнах с малочисленными племенами, но держава сюнну была очень многочисленна. Положение, в котором оказался злополучный У-ди, напоминает старый анекдот о том, как Китай победит Советский Союз: в первый день сдастся в плен первый миллион китайцев, во второй день — второй миллион... А через несколько дней, не выдержав этой обузы, сдастся Советский Союз... Именно такая ситуация и сложилась в войне У-ди против сюнну, только пострадавшей стороной были сами китайцы.

Война полностью истощила финансы империи, и У-ди вынужден был признать ошибочность своей политики. В так называемом «Луньтайском указе» император «раскаивался в проведении дальних походов» и сообщал, что затеял их «по неразумению»¹⁹.

Хотя Китай не слишком выиграл от многолетней войны с кочевниками, держава сюнну за эти три с лишним десятилетия тоже ослабла. В первой половине I века до н. э. здесь несколько раз случался голод. Племена, еще недавно бывшие покорными вассалами сюнну, стали совершать набеги на их земли. После смерти очередного шаньюя в 60 году до н. э. в государстве вспыхнула смута — власть и титул захватил узурпатор. Законный наследник бежал к своему тестю, который управлял небольшим подвластным сюнну народом; здесь он тоже получил титул шаньюя сюнну. В последовавшей затем гражданской войне шаньюи стали возникать, как грибы после дождя.

Смута длилась около шести лет. В конце концов в живых остались два брата — законный наследник престола, получивший при коронации имя шаньюя Хуханье, и его младший брат шаньюй Чжичжи. Тогда Хуханье обратился за помощью к Китаю, признал себя вассалом императора и обосновался на северных берегах Хуанхэ. Что же касается Чжичжи, то он

после вялых попыток заключить союз с Поднебесной откочевал на север, а потом — на запад.

Впервые держава сюнну оказалась расколотой надвое — условная граница пролегла между северными и южными землями. Отныне во времена любых смут на север стали стремиться вожди тех сюннских кочевий, которые предпочитали суверенитет. На юге же со времен Хуханье оказывались те, кто готов был перейти под покровительство китайского императора. И хотя в конце концов сюнну объединились, прецедент был создан. Позднее история повторится, и противостояние южных и северных сюнну приведет к тому, что последние будут вынуждены покинуть родные степи и двинуться на запад. Так, вероятно, начнется история гуннов. Но это случится еще через полтора столетия.

А пока что, в 36 году до н. э., мятежный шаньюй Чжичжи был разбит китайскими войсками. Народ сюнну опять стал единым, но его независимости пришел конец. И хотя позднее сюнну вновь будут совершать набеги на Срединное государство и диктовать ему свои условия, их взаимоотношения с Китаем перешли в новое качество. Теперь они стали пусть не всегда покорными, но все же вассалами китайских императоров, и в случае любых внутренних распрей успех сторон определялся прежде всего их умением договориться с правителями Поднебесной.

Впрочем, на некоторое, очень короткое, время сюнну сумели восстановить свой суверенитет. Гражданская война, вспыхнувшая в Китае в 20-е годы I века н. э., усилила позиции сюннской державы. Сюнну, которые и раньше, несмотря на свое вассальное положение, периодически совершали набеги на земли Поднебесной, теперь стали отвергать прежние формулировки договоров о мире и даже намекали на то, что в новой ситуации китайский император должен стать вассалом сюннского шаньюя. В первой половине I века н. э. сюнну снова, как в первый век своего существования, сравнялись с Поднебесной по могуществу. Но удержать эти достижения они не смогли — их державу подкосила внутренняя смута, и она рассыпалась в одночасье, хотя, казалось бы, находилась в расцвете сил.

Смута, приведшая державу к быстрому и неожиданному концу и вынудившая северных сюнну двинуться на запад, связа-

на с неопределенностью, которая существовала у сюнну в вопросах престолонаследия.

К середине I века н. э. у них практиковались две параллельные системы наследования власти: от отца к сыну и от старшего брата к младшим, в порядке старшинства. Поначалу престол передавался от отца к сыну и лишь в виде исключения мог перейти к наследнику по боковой линии. Порядок этот был изменен шаньюем Хуханье. Перед смертью Хуханье хотел передать державу старшему сыну от главной жены, но мать наследника обратила внимание супруга на то, что ее сын «молод годами и народ не привержен к нему», и предложила возвести на трон старшего сына своей сестры, которая тоже была женой шаньюя. Хуханье согласился при условии, что новый шаньюй в дальнейшем передаст трон младшему брату, рожденному теткой. Так была узаконена новая система наследования — по боковой линии, — которая раньше практиковалась лишь в виде исключения (она получила название лествичной). С этих пор титул шаньюя последовательно переходил к сыновьям Хуханье, от старших братьев к младшим, и новый порядок наследования престола надолго вытеснил старый²⁰.

Отметим, что у гуннов тоже практиковались обе системы передачи власти, как по прямой, так и по боковой линиям; например, Аттила и его соправитель Бледа были племянниками своего предшественника. Трудно представить, чтобы у их дяди, гуннского вождя по имени Руа, не было сыновей — система многоженства практически исключала такую возможность. Тем не менее власть над гуннам перешла к племянникам вождя, причем случилось это мирно и, вероятно, вполне легитимно. Но уже Аттила, убив брата, собирался передать власть своим сыновьям.

Обычно лествичная система работала удовлетворительно лишь до тех пор, пока не умирал последний из братьев. К этому времени число его племянников от браков всех его предыдущих братьев-правителей с их многочисленными женами могло быть огромным, разобраться, кто из них всех старше по возрасту и статусу сразу, было сложно. Да и сыновья правителя совсем не обязательно отказывались от власти.

В случае с сюнну лествичная система дала сбой еще до того, как умер последний из братьев. После смерти очередно-

го шаньюя — брата Хуханье — на престол стали претендовать его сын Пуну и один из представителей боковой линии, внук Хуханье, по имени Би. Впоследствии именно Пуну, потерпев поражение в гражданской войне, станет предводителем северных сюнну.

Держава сюнну раскололась, как и век назад. Над северными ее землями владычествовал шаньюй Пуну. В южных землях Би принял титул шаньюя и имя Хуханье, провозглашая намерение следовать политике деда и отдаться под протекторат Китая. Но если Хуханье I после завершения гражданской войны и ухода своего соперника мирно жил на оставшихся ему южных землях, то Хуханье II с первых дней своего правления начал вести агрессивную политику по отношению к северным сюнну.

Зависимость южных сюнну от Поднебесной стараниями Хуханье II становилась все глубже. Теперь их шаньюй должен был простираться ниц не только перед самим императором, но и перед его послами. Как сообщает историк V века Фань Е в своем труде «История поздней династии Хань», к традиционным жертвоприношениям духу Неба южные сюнну присоединили «жертвоприношения ханьскому императору»²¹ — вероятно, имелся в виду культ почивших императоров, существовавший в Поднебесной.

Но шаньюю было щедро заплачено за унижение: общее количество подарков и продовольственной помощи превысило все, что сюнну когда-либо получали от Китая. Забегая вперед, отметим, что эта идиллия продолжалась по крайней мере полвека, не только при Хуханье II, но и при его преемниках. Правда, южным сюнну случалось совершать набеги на земли Срединного государства, но шаньюи в них были, как правило, неповинны и вместе с императорскими войсками принимали меры к подавлению мародеров.

История южных сюнну будет длиться еще достаточно долго. Они не навсегда останутся вассалами Китая — в начале IV века сюннуские шаньюи провозгласят себя китайскими императорами, преемниками династии Хань. Правда, власть их будет распространяться не на всю Поднебесную, а на ее северную часть, при этом на территории расколовшейся империи возникнет еще несколько государств, властителями ко-

торых станут сюнну — бывшие вассалы Поднебесной. Но южные сюнну нас, в рамках настоящей книги, уже не интересуют — они будут жить собственной жизнью, постепенно смешиваясь с ханьцами (то есть с этническими китайцами) и перенимая их обычаи.

Что же касается северных сюнну, к ним стоит отнестись гораздо внимательнее, несмотря на то что они начиная с середины I века н. э. оказываются на задворках истории. Ведь именно северные сюнну — точнее, небольшая их группа — три столетия спустя под именем гуннов перекроили карту Европы, сполна вознаградив себя за поражения, пережитые их предками в Азии.

Но пока что северные сюнну оказались в весьма тяжелой и печальной ситуации. Ни одна из частей расколовшейся надвое державы уже не обладала прежней мощью. Но если за спиной южных сюнну стоял могущественный Китай, северные оказались один на один и со своими южными сородичами, и с многочисленными племенами, которые раньше находились у сюнну в подчинении. Понимая это, шаньюй Пуну попытался тоже заручиться поддержкой императора Гуан-у. Он вернул на родину ханьцев, плененных ранее, и прекратил набеги на их земли. Со своими бывшими соплеменниками, которые отныне обитали в пределах китайских оборонительных рубежей, он воевал по-прежнему. Но Фань Е пишет, что когда северные сюнну вторгались в земли южных для грабежа, то на обратном пути, проходя мимо китайских наблюдательных вышек, «они извинялись и говорили: “Мы нападаем на перебежчика юцзянь жичжу (Старый титул Хуханье II. — *Авт.*), а на ханьцев нападать не смеем”»²².

Однако все эти реверансы в адрес Поднебесной остались без ответа. Теперь северные сюнну уже не представляли для империи ни особой опасности, ни даже просто интереса. Фань Е, включивший в свой труд специальное «Повествование о южных сюнну», поименно называет южных шаньюев и рассказывает о каждом из них. Но северным сюнну он отдельной главы не посвятил, и лишь три северных шаньюя названы историком по имени. Можно только гадать, как долго прожил Пуну и кто именно — сам Пуну или его наследники предпринимали неоднократные, но бесплодные попытки наладить отношения с Китаем.

В 51 году северные сюнну обратились к императору с предложением заключить «договор о мире, основанный на родстве», но тот отказался даже принять посла. Северный шаньюй оказался настойчив. Он стал регулярно посылать императору «многочисленные дары» и на следующий год повторил свое предложение, присовокупив к нему просьбы о присылке музыкальных инструментов. В ответ Гуан-у отправил ему мелкие подарки, а в инструментах отказал, заявив: «...Считаю, что хорошие луки и острые мечи более необходимы, чем музыкальные инструменты».

Отметим, что к культурным запросам южных сюнну Сын Неба относился гораздо отзывчивее: за три года до этого он послал им в числе прочего музыкальные инструменты и «коляску с барабаном».

В 55 году северные сюнну направили в Поднебесную посла с теми же самыми просьбами. «В ответ им было послано письмо за императорской печатью и пожалованы шелка, но ответный посол не отправлялся».

Не получив возможности заниматься музыкой, северные сюнну последовали совету Гуан-у и стали наращивать свою военную мощь. Вскоре они совершили несколько набегов на пограничные земли, «что обеспокоило императорский двор», и в 65 году император Мин-ди (он же Сянь-цзун) согласился заключить с северными сюнну договор, которого они так долго добивались²³. Но договор этот так и не был подписан. Северный шаньюй, в отличие от южных, все еще сохранял иллюзии по поводу собственной значимости. Он потребовал, чтобы китайский посол, приехавший для заключения договора, поклонился ему, но тот отказался, в результате чего был взят под стражу и лишен еды и питья. Вернувшись в Поднебесную, посол в самых нелестных выражениях обрисовал императору северного шаньюя и его политические планы, и на этом переговоры закончились²⁴.

Среди северных сюнну теперь находилось все больше желающих поменять свободу на сытое существование подданных империи. Ежегодно на сторону южных кочевий переходило по несколько тысяч человек. А в 83 году «вожди северных сюнну, жившие у горы Саньму лоуцзы», пришли к пограничной линии с изъявлением покорности и «привели с собой

38 тыс. человек, 20 тыс. лошадей и свыше 100 тыс. голов крупного рогатого скота и овец».

В 84 году император Чжан-ди, видя окончательный крах северян, сжалился над ними, заключил договор о мире и разрешил торговать с жителями империи. Начальнику округа Увэй было приказано «пригласить северных сюнну и ласково принять их». Северяне доверились императору и погнали скот на продажу, но южные сюнну напали на них и угнали скот за укрепленную линию. А вскоре небольшая армия южан, отправившись на охоту, встретила одного из северных князей и отрубила ему голову.

Фань Е пишет: «В это время северные варвары ослабли, их сообщники отложились, южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края теснили с правой стороны».

В 87 году в восточные земли северян вторглись сяньбийцы, они нанесли им сильное поражение, обезглавили шаньюя Юя и содрали с него кожу. В результате «северная ставка пришла в полное расстройство», и 58 кочевий — более 200 тысяч человек изъявили покорность Хань. А в следующем году те немногие, кто еще сохранял независимость, пострадали от нашествия саранчи и вызванного им голода. Новый шаньюй, «получив урок от войск южных сюнну и опасаясь динлинов и сяньбийцев, бежал далеко». Военачальники возвели на престол его старшего брата, но «народ из-за борьбы за престол между братьями рассеялся в разные стороны»²⁵.

И тогда южный шаньюй решил присоединить к себе остатки северян. Китай дал согласие на военную операцию, и в 89 году объединенная армия, состоявшая из ханьских и сюннских отрядов и из «пограничных цянов и хусцев», выступила на северо-запад. Северный шаньюй бежал, потеряв свыше 200 тысяч человек убитыми и взятыми в плен, а союзники захватили свыше «1 млн. лошадей, крупного рогатого скота, овец и верблюдов». После этого 81 северное кочевье изъявило покорность императору.

В следующем году операцию повторили. «Напуганный до крайности» северный шаньюй смог выставить только тысячу с лишним воинов. Он «был ранен, упал с коня, снова сел на него и бежал с несколькими десятками легковооруженных

всадников, сумев таким образом избежать гибели». Победители захватили яшмовую печать шаньюя, его жен и пятерых сыновей и дочерей. Восемь тысяч человек было убито, несколько тысяч взято в плен.

Казалось бы, северные сюнну были окончательно разгромлены. Тем не менее, по сообщению Фань Е, в 91 году «северный шаньюй был снова разбит <...> и бежал неизвестно куда»²⁶.

Описывая одну из этих трех последних побед (или, может быть, обобщая их), Фань Е рассказывает, как ханьские войска разгромили жертвенник, сожгли войлочные юрты, закопали в землю живыми десять сюннуских сановников, надели кандалы на руки шаньюйских жен, увековечили свои подвиги на каменной стеле и «с победными криками возвратились назад». «Испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней, после этого район к северу от пустыни обезлюдел»²⁷.

Юйчуцзянь, младший брат бежавшего шаньюя, попытался возглавить оставшихся соплеменников и отправил послов в Хань с изъявлением покорности. В ответ он получил известие о согласии и оскорбительный подарок: печать со шнуром, четыре украшенных яшмой меча и «один зонтик из птичьих перьев». Никогда еще сюннуский шаньюй не получал от Хань такого жалкого подношения. Юйчуцзянь не захотел менять свободу на зонтик из перьев — он пробыл вассалом Хань всего лишь около года и в 93 году «поднял восстание и вернулся на север». В Поднебесной решили покарать строптивца, впрочем, это было несложно: ему вдогонку была послана всего лишь тысяча воинов. Беглеца уговорили вернуться обратно, «а затем обезглавили его и уничтожили его войско»²⁸.

С северными сюнну было покончено. Земли их попали под власть сяньби, которые создали к северо-западу от Поднебесной новую кочевую империю, а многие сюнну «стали называть себя сяньбийцами»²⁹. Впрочем, в хрониках вплоть до середины II века время от времени еще мелькали какие-то северные сюнну и их шаньюи. Так, в 105 году некий северный шаньюй направил в Хань посла, который «принес извинения в том, что его государство, будучи бедным, не смогло поднести подарки, предусмотренные правилами, и просил прислать посла для отправки вместе с ним сына шаньюя прислуживать

императору». Однако вдовствующая императрица отправлять к сюнну своего посла не стала и сыном шаньюя не прельстилась — она лишь передала бедному соседу подарки³⁰.

Между 120 и 150 годом северные сюнну еще совершали набеги на оазисы Западного края. Но это были мелкие стычки, и упоминания о них встречаются достаточно редко³¹. Следы раздробленных северян почти полностью теряются. Но кое-что китайские хронисты о них все-таки сообщают.

Записанная в VII веке китайская хроника «Бэй-ши» рассказывает про некое «Владение Юебань» (Юэбань): «Это есть аймак, прежде принадлежавший Северному хуннускому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэу-Хянь». Согласно «Бэй-ши», бежавший шаньюй перешел через хребет Гинь-вэй-шань* и «ушел на запад в Кангюй» (в сторону Сырдарьи) с теми, кто мог идти. А «малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним», остались жить на своих прежних землях и образовали «Владение Юебань».

В «Бэй-ши» дается не вполне четкая информация о том, где же находился этот последний оплот «малосильных» северных сюнну — вероятно, к востоку или к северо-востоку от Балхаша³². Но где бы ни находилась Юэбань, это государство существовало еще в середине V века³³.

Прежде чем окончательно проститься с народом сюнну, скажем несколько слов об этих людях: как они выглядели, на каком языке говорили, каких традиций придерживались. Ведь именно их облик, язык и традиции, трансформировавшись и обогатившись за два с половиной века, вероятно, легли в основу облика, языка и традиций гуннов.

Сюнну, даже во времена их расцвета, были не слишком многочисленным народом. До распада их империи в ней, по подсчетам современных исследователей, проживало около полутора миллионов человек³⁴. Не все они были этнически сюнну — последние составляли, вероятно, меньше полумиллиона. На пять человек приходился один взрослый мужчина-воин, и, значит, сюннуское войско в лучшие времена могло насчитывать около 300 тысяч конников.

* Предположительно современный хребет Тарбагатай на границе Китая и Казахстана (Бичурин. Собрание сведений. III. С. 20).

Все мужчины сюнну, чем бы они ни занимались в мирное время, были воинами и всегда находились в состоянии боевой готовности. Основой войска была конница, главным оружием — лук и стрелы. В трактате начала I века до н. э. «Спор о соли и железе» о сюнну сообщается, что «они не знают употребления длинных копий рогатиной и мощных самострелов», зато у них есть «боевые кони и добрые луки»³⁵.

Археологи подтверждают, что сюнну были прежде всего лучниками: остатки луков, стрел и колчанов найдены во многих погребениях. Кроме того, и китайские рисунки и скульптуры, и монгольские петроглифы изображают сюннуских воинов лучниками, стреляющими на скаку или скачущими с луком в налучье за спиной. Сюннуский лук был сложносоставным с костяными накладками и достигал полутора метров длины³⁶. Этот тяжелый дальнобойный лук (так и называемый — «хуннского», или «гуннского», типа) именно во времена державы сюнну получил широкое распространение в среде евразийских кочевников и оказал огромное влияние на развитие у них этого вида оружия. В Европе подобные луки появились у сарматов еще до гуннского нашествия — возможно, через «третьи руки». А с IV века, с приходом гуннов, эти луки получают в восточноевропейских степях еще большее распространение. По мнению ряда исследователей, наличие у европейских гуннов сложносоставного лука и характерных стрел сюннуского облика служит одним из аргументов в пользу родства европейских гуннов и сюнну³⁷.

На каком языке говорили сюнну, доподлинно не установлено. Единственным конкретным сообщением на эту тему считается фраза из китайской хроники «Бэй-ши», где о жителях Юэбани сказано: «Обыкновения и язык одинаковы с гаогюйскими...»³⁸. Поскольку язык гаогюйцев — это язык древних тюркских племен, многие считают, что язык сюнну тоже относился к тюркским³⁹. Впрочем, это — далеко не единственная точка зрения.

Что касается расовой принадлежности, сюнну — по крайней мере через какое-то время после формирования их державы — представляли собой смешение европеоидной и монголоидной рас, хотя монголоидные черты заметно доминировали. В населенных ими землях были районы, где жили в основном монголоиды, но были и контактные зоны (например, в Цен-

тральной Монголии), где расы генетически смешивались⁴⁰ (то есть не только жили бок о бок, но и давали смешанное потомство). По внешнему облику сюнну отличались от китайцев: по сообщениям китайских авторов, у цзесцев (так называлось одно из сюннских кочевий) были глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы⁴¹ — два последних признака могут говорить о европеоидной примеси.

По образу жизни сюнну, вероятно, были типичными кочевниками-скотоводами. Сановник Чао Цо отмечал: «Варвары ху едят мясо, пьют кобылье молоко, одеваются в шкуры и мех, у них нет жилищ с полями в пределах внутренних и внешних городских стен, куда возвращаются жить. [Они] — как летающие птицы и рыскающие звери в широкой степи. Если есть прекрасные травы и вкусная вода, то они останавливаются. Если трава кончилась, вода иссякла, то они перекочевывают»⁴².

Юрты сюнну, да и других кочевников, в те времена представляли собой плетенные из ивовых прутьев шалаши, покрытые войлоком. Каркас перевозили на колесном транспорте, не разбирая, а войлоком его покрывали в зависимости от сезона — или полностью, или только сверху. Юртой в современном смысле слова это жилище не являлось — разборная юрта появилась в середине I тысячелетия н. э.,⁴³ и, значит, юрты, которыми пользовались гунны, вероятно, выглядели так же.

Быт сюнну отличался простотой и аскетизмом. В «Споре о соли и железе» говорится, что сюнну не увлекаются украшением своего быта: « [Таким образом, лишняя] работа сокращена, а [изделия] годны к употреблению; их легко изготовить, но трудно испортить»⁴⁴. Тем не менее сюнну не были чужды декоративно-прикладного искусства: они делали сами и заказывали в Китае разнообразные украшения из бронзы, серебра, кости и камня, декорировали свою керамику сложными орнаментами. Если рассмотреть находки сюннского времени, сделанные археологами в некрополях одного только Северного Алтая, мы увидим десятки типов украшений.

Обычай и нравы сюнну подробнее всего (хотя, возможно, и не вполне беспристрастно), описаны Сыма Цянем, который, как и другие китайские авторы, упрекает своих северных соседей в корыстолюбии и незнании «правил поведения

и приличия»⁴⁵. Он возмущенно пишет о сюнну: «Взрослые и сильные мужчины [едят самое] жирное и лучшее, старые едят то, что остается. Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым»⁴⁶.

Впрочем, если сюнну плохо заботились о своих родителях, это в какой-то мере искупалось их заботой о вдовах: после смерти отца сыновья женились на мачехах, после смерти брата другие братья забирали к себе невесток⁴⁷. Этот обычай, который так возмущал китайцев, в степи был необходим: женщина, если у нее нет взрослых сыновей, не может одна справиться с кочевым хозяйством.

Интересно, что сюнну, по крайней мере северные, после своего переселения в Юэбань славились особой опрятностью. В «Бэй-ши» рассказывается, что они «ежедневно по три раза моются, и потом принимаются за пищу», а также стригут волосы и подравнивают брови, «намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск»⁴⁸. Жители Юэбани принадлежали к тем же самым северным сюнну, которые, уйдя на запад, положили начало племени гуннов, а ранние гунны, судя по тому, что пишут о них античные авторы, ни опрятностью, ни заботой о своей внешности, мягко говоря, не славились. Возможно, их нравы поменялись за два с лишним века скитаний по чужим землям. Но не исключено и то, что быт кочевников во время военных набегов и в мирное время различался.

О религиозной жизни сюнну и по сообщениям китайских хроник, и по данным археологии известно очень мало — судя по всему, они не были фанатами веры. Сюнну верили в загробную жизнь и заботились о том, чтобы их соплеменники, отправляясь в последнее путешествие, были обеспечены всем необходимым, но ни одно святилище, ни одно культовое сооружение сюнну (кроме могил), насколько известно авторам данной книги, до сих пор не найдено, — вероятно, их было очень немного. Такое же равнодушие к религии проявляли и гунны — об этом мы подробнее расскажем позднее.

Единственная хорошо изученная сфера ритуальной жизни сюнну — это погребальный обряд. Сыма Цянь рассказывает: «Для похорон [у них] есть внутренний и внешний гроб, [с покойником кладут] золото и серебро, одежду и шубы, но [они] не насыпают могильных холмов, не обсаживают могилы де-

ревьями и не носят траурных одежд. Когда умирает правитель, то вместе с умершим хоронят его любимых слуг и наложниц, их число достигает нескольких сотен или тысяч человек»⁴⁹.

Впрочем, археологи считают, что историк сильно преувеличил кровожадность сюнну: максимально известное количество захоронений, которые, возможно, были жертвенными, при одном «царском» кургане не превышает 27⁵⁰.

Самый распространенный тип курганного сюннуского погребения — в прямоугольной глубокой (обычно до 3,5 метра) яме, на дне которой помещался прямоугольный же сруб из деревянных бревен. Внутри сруба ставился дощатый гроб с телом; покойник, как и в грунтовых погребениях сюнну, был ориентирован головой к северу. Этот тип обряда — гроб в срубе — напоминает обряд похорон, описанный Сыма Цянем. В северной части могилы, между стенками сруба и гроба или над венцами сруба укладывали жертвенную пищу, иногда — целое «стадо» крупного и мелкого рогатого скота⁵¹. Когда могила засыпалась землей, над ней делалась небольшая каменная вымостка диаметром 8–10 метров и высотой до полуметра...⁵²

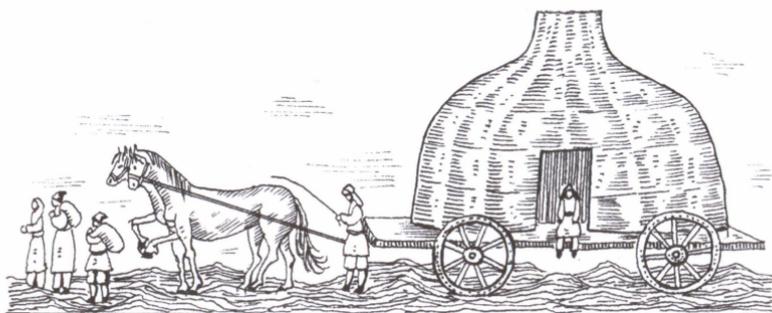
«Царские» курганы выделяются среди рядовых курганов сюнну большими размерами и редкой формой — в плане они квадратные. При небольшой, обычно не более полутора метров, высоте эти насыпи имеют длину сторон 15–25 и более метров. К югу от насыпи тянется довольно длинный (5–20 метров) продолговатый низкий холм, который археологи иногда зовут «хвостом» или «шлейфом».

В разрезе погребение знатного сюннусца напоминало перевернутую ступенчатую пирамиду. Квадратная у поверхности яма несколькими уступами сужалась ко дну. В верхней ее части имелись разнообразные перегородки и перекрытия. Ниже шел прямоугольный колодец с почти вертикальными стенками — на его дне ставились два деревянных сруба из бревен и брусьев, один в другом; внутри меньшего сруба помещался гроб с телом. Сверху срубы были дополнительно перекрыты мощным деревянным настилом, над которым после совершения погребения разжигался очистительный огонь. Видимый на поверхности земли «шлейф», или «хвост», — это засыпанный дромос, вход в погребальную камеру.

Дошатый гроб обычно был покрыт красным лаком, а внутри обтянут тканью, поверх которой дополнительно украшен «решеткой» из полосок золотой фольги с золотыми розетками в углах клеток. Стены сруба драпировались драгоценными тканями; пол устилался коврами. Посмертные дары находились в самом гробе или в северной части погребальной конструкции, в том числе между внешним и внутренним срубами. Они обязательно включали в себя части туш животных — ритуальное стадо, сопровождавшее шаньюя-скотовода в загробный мир⁵³.

Ученые в основном сходятся на том, что конструкция ступенчатого погребального сооружения заимствована сюнну из Китая, как и некоторые другие детали обряда. Говоря о тройной погребальной камере (два сруба и гроб), а также о золотых украшениях гроба, нельзя не вспомнить свидетельство готского хрониста Иордана, о том, что Аттила был похоронен в трех гробах, один из которых был золотым⁵⁴. Возможно, Аттила, в отличие от рядовых гуннов, сохранил традиции сюннских шаньюев.

Глава 2 «Темные века» гуннской истории

И так, как мы уже говорили, на рубеже I и II веков н. э. группа северных сюнну во главе с шаньюем ушла на запад, оставив своих «малосильных» соплеменников в Юэбани. Впрочем, возможно, это была не единственная волна переселенцев.

Незадолго до описанного в «Бэй-ши» бегства из Юэбани северные сюнну потерпели несколько сокрушительных поражений сначала от сяньбийцев, потом от южных сюнну и, наконец, от войск Поднебесной. Вспомним, что в 87 году шаньюй был убит сяньбийцами и «северная ставка пришла в полное расстройство». В 88 году следующий шаньюй «бежал далеко», а народ «рассеялся в разные стороны»⁵⁵. В 89 году под натиском южных сюнну, которыми предводительствовали китайские полководцы, «варвары рассеялись, а шаньюй бежал»⁵⁶. В 90 году некий северный шаньюй «бежал с несколькими десятками легковооруженных всадников, сумев таким образом избежать гибели». И наконец, в 91 году «северный шаньюй был снова разбит правым полковником Гэн Куем и бежал неизвестно куда»⁵⁷. Есть некоторые основания думать, что бежал он в Усунь⁵⁸. Но нет никаких оснований считать, что он задержался там надолго. Кроме того, не

исключено, что поражения 88—91 годов терпели разные шаньюи, один за другим, и соответственно «беглых» шаньюев было несколько (не говоря уже о народе, который «рассеялся в разные стороны»).

Однако северные земли после этого не опустели, и какие-то сюнну там продолжали обитать. Напомним, что некоторые из них попали под власть сяньбийцев и постепенно смешались с ними, приняв имя победителей. Но до того как процесс ассимиляции завершился, какие-то группы их могли, спасаясь от завоевателей, откочевать на запад. Наконец, по крайней мере до середины II века существовали к северу от Китая и независимые, хотя неимущие и, вероятно, малочисленные сюнну, имевшие своего шаньюя и пытавшиеся наладить дипломатические связи с Поднебесной — в 105 году они отправили к императорскому двору посла, но Китай отделался от бедного соседа подарками.

В любой из этих групп сюнну — и среди воинов разбитых армий, и среди жителей покоренных сяньбийцами земель, и среди независимых кочевий, которые безуспешно пытались навязать свой вассалитет Китаю, — могли найтись желающие начать новую жизнь на западе. Поэтому сегодня трудно с уверенностью сказать, когда и кто из жителей развалившейся сюннуской державы бежал за пределы своих бывших владений, чтобы через два с лишним века создать новую кочевую империю на границах Европы⁵⁹. Тем более что количество эмигрантов было, вероятно, очень невелико — недаром следы их немедленно теряются.

Отметим, что некоторые ученые вообще отрицают столь дальнюю миграцию сюнну. Так, известный российский археолог С. С. Миняев считает, что сюнну в основном остались жить в пределах своих прежних кочевий, приняли имя сяньби и их последующая история связана только с Центральной Азией⁶⁰.

Во всяком случае, если сюнну и скитались по Азии от границ Западного края до степей Прикаспия, они не оставили там по себе почти никакой памяти. Ни письменные источники, ни археологические данные на сегодняшний день не позволяют уверенно отождествить с сюнну или с «европейскими» гуннами ни один кочевавший в этих местах народ. Такое впечатление, что, окончательно исчезнув к середине II века

из окрестностей Западного края и из китайских летописей, во второй половине IV века они сразу объявляются в Восточной Европе.

Но поскольку сюнну там все-таки объявились (а этой точки зрения придерживается сегодня большинство исследователей) и поскольку попасть в Европу они могли, только пройдя через Среднюю Азию, археологам, так или иначе, пришлось рассматривать археологические культуры этого региона через призму возможного сюннуского влияния.

Как это ни удивительно, по мере развития археологической науки достоверных следов сюнну в Средней Азии становится не больше, а меньше. Еще в середине XX века множество таких следов казались неоспоримыми. А. Н. Бернштам в своей книге «Очерк истории гуннов» перечисляет огромное количество самых разнообразных открытых в Средней Азии памятников, прежде всего погребений, которые он безусловно относит к гуннским⁶¹. Но уже сегодня ни один (!) из них не классифицируется как гуннский. Так, Бернштам считает гуннскими многочисленные погребения в катакомбах. Но ни азиатские сюнну, ни европейские гунны не хоронили своих покойников в могилах такой конструкции, и это мнение может основываться лишь на том, что некоторые предметы, найденные в катакомбах, напоминают сюннуские. Однако вещи могут менять хозяев, мода на них распространяется от одного племени к другому, и к таким находкам следует относиться очень осторожно.

В Семиречье со второго века нашей эры начинается расцвет кенкольской археологической культуры. По времени это «подозрительно» совпадает со временем крушения сюннуской державы. Да и регион Семиречья граничит с местами последних сражений сюнну с сяньбийцами и китайцами. Кенкольцы, так же как и сюнну, были вооружены сложносоставными луками. И луки, и наконечники стрел были сходны с сюннускими, но усовершенствованы ими⁶². Однако их обряд погребения в катакомбе совершенно не сходен с сюннуским. Бернштам относил кенкольцев к гуннам⁶³. Но другие ученые склоняются к тому, что кенкольцы были местным населением, которое, самое большее, испытало влияние неких пришельцев⁶⁴.

Кроме кенкольских в Семиречье и сопредельных районах к настоящему времени раскопаны сотни курганов кочевников и выявлены разные формы обряда, но погребения первых веков нашей эры ученые более всего склонны связывать с усунями⁶⁵ — давними соседями, вассалами и соперниками сюнну, продолжавшими жить в этих местах и после крушения сюннуской державы.

Поскольку было распространено мнение, что часть сюнну, оказавшись в Средней Азии, стали называться эфталитами (которые известны также как белые гунны), то находки, связываемые с эфталитами, считались маркерами передвижения сюнну. Сегодня с этой точкой зрения тоже пришлось расстаться. Не говоря уже о том, что принадлежность некоторых из этих находок эфталитам тоже оспаривается.

В курганах у поселка Орлат возле Самарканда были найдены несколько костяных пластин — вероятно, детали поясного набора. На них древний художник выгравировал батальные сцены, где конные и пешие воины в шлемах и защитных панцирях бьются друг с другом на мечах и копьях и стреляют из больших луков. Причины этой битвы не вполне понятны, так как доспехи, оружие и другие детали снаряжения у бойцов в принципе сходны — вероятно, воины принадлежали к одному народу. Кочевников орлатских курганов связывали с хионитами, или эфталитами⁶⁶, и поэтому не исключалась их связь с сюнну. Тем более что кроме знаменитых пластин в некоторых орлатских погребениях были найдены стрелы, металлические и костяные детали поясов, имеющие сходство с сюннускими⁶⁷. Но дальнейшее изучение находок показало, что орлатские всадники имеют общие черты и с ираноязычными кочевниками, и даже с жителями ханьского Китая⁶⁸. Само же погребение с пластинами датируется I—II веками нашей эры⁶⁹, когда ни хиониты, ни эфталиты еще не были известны.

Но все же в Средней Азии и Прикаспии есть некоторые более явные следы бежавших от границ Китая сюнну, маркирующие их путь в Европу. Прежде всего это — бронзовые литые котлы «гуннского» типа. Такие котлы и их фрагменты находят на огромных пространствах Евразии от Ордоса и Маньчжурии до Франции. Нельзя сказать, чтобы они были особо многочисленны, но, поскольку, по мнению большинства исследователей, предназначались эти котлы не для го-

товки, а для каких-то ритуальных целей, их малое количество и не должно вызывать удивление.

Несмотря на то что у всех котлов «гуннского» типа есть общие черты, они делятся на две большие группы. Котлы первой группы находят в Азии, они довольно разнообразны по форме и декору, что вполне естественно, ведь они бытовали здесь целых четыре столетия: со II века до н. э. по II век н. э. включительно. Котлы второго типа появляются в Европе в конце IV века, бытуют здесь же в V веке и потом, по мере ухода части гуннов из Европы, вновь появляются в Азии. Преемственность между этими двумя типами котлов особых сомнений не вызывает⁷⁰. Сложнее обстоит дело с вопросом, где находились котлы (и соответственно их хозяева) с конца II по конец IV века.

В какой-то мере на этот вопрос отвечают археологические исследования в Восточном Приаралье, где среди пересохших древних русел Сырдарьи советскими археологами был открыт удивительный мир джетысарской культуры⁷¹. Масштабные раскопки в этих местах удалось провести в связи с расширением космодрома Байконур. Здесь во времена расцвета сюннуской державы, вероятно, располагалось царство Кангюй⁷². После распада империи сюнну жизнь в этом регионе продолжалась. Археологи исследовали сотни курганов, городища с плотной жилой застройкой, где были развиты керамическое и другие ремесла...

В культурных слоях городищ и в некоторых погребениях археологи нашли несколько котлов сюннуского типа. Интересно, что они, в отличие от большинства котлов из других мест, были не только бронзовыми, но и керамическими. Керамические котлы трогательно похожи на своих металлических собратьев — вплоть до того, что на их поверхности скопированы совершенно ненужные в керамике «технологические» детали — заклепки и швы⁷³.

Джетысарские котлы датируются примерно II—IV веками нашей эры — то есть как раз тем временем, когда бежавшие на запад сюнну исчезают из поля зрения и китайских летописей, и современных археологов. По мнению ряда ученых, это служит весомым доказательством того, что какая-то группа сюнну обосновалась здесь надолго и именно здесь провела «темные века» своей истории⁷⁴.

К бежавшим сюнну могут относиться и некоторые погребения в степях Северного Казахстана и Заволжья. В Саратовском Заволжье, среди погребений сарматской культуры, археологи исследовали любопытное погребение воина, похороненного по сарматскому обряду, но с необычным вооружением. Особенно интересен один из наконечников стрел, полностью идентичный тем, которыми пользовались хунну Монголии и Забайкалья⁷⁵. Это погребение датируется I веком н. э. и наводит на мысли, что отдельные сюнну или их группы, может быть, уже тогда достигли степей Восточной Европы.

В Карагандинской области Казахстана было раскопано погребение молодой женщины-монголоида не старше 25 лет, вооруженной палашом и стрелами⁷⁶. Такие палашы — центральноазитского происхождения⁷⁷ и, возможно, были принесены в Европу гуннами, а подобные наконечники стрел были в ходу и у сюнну, и у европейских гуннов⁷⁸. Конечно, по одному лишь вооружению нельзя определить этническую принадлежность погребенного. Но что касается карагандинской «амазонки», и ее монголоидность, и конструкция могилы не противоречат гипотезе о сюннуском происхождении воительницы (хотя и не подтверждают ее окончательно). Жила она, судя по принадлежавшим ей наконечникам стрел, в промежутке между III и V веками, и, значит, могла умереть как на пути сюнну в Европу, так и во время обратного пути гуннов в Азию.

В Средней Азии, в том числе в Северном Казахстане, археологи регулярно встречают погребения и отдельные вещи, которые связывают с миром европейских гуннов. Но эти находки датируются, как правило, IV–VI веками и не относятся к «темным векам» гуннской истории. Большинство из них скорее связаны с возвращением части гуннов в Среднюю Азию после краха державы Атилы.

В конце XX века археологами был подведен своеобразный итог поискам протогуннских памятников. По результатам дискуссии на страницах журнала «Российская археология» было отмечено, что проблема выявления этих памятников «пока не имеет удовлетворительного решения»⁷⁹.

Когда именно гунны достигли восточных пределов Европы, не известно. Еще недавно среди историков было широко рас-

пространено мнение о том, что какие-то их группы появились в Европе уже во II веке. Основывалось это мнение прежде всего на сообщениях двух античных авторов: астронома и географа II века Клавдия Птолемея и его старшего современника, автора поэмы «Описание ойкумены» Дионисия Периегета.

Птолемея, перечисляя племена, обитавшие в Северном Причерноморье, сообщает: «...У поворота реки Танаиса — офлоны и танаиты, за ними — осилы до роксолан... Между бастернами и роксоланами живут хуны (χουνοι)...»⁸⁰ Но Птолемей в своем труде называет множество племен и народов, причем некоторые из них более ни у кого из древних авторов не упоминаются, и сопоставить их с известными сегодня этнонимами удастся далеко не всегда. Что за «хунов» (через одно «н») имел в виду Птолемей, теперь уже никто не скажет. Жили они, судя по его сообщению, в районе Левобережья Днепра⁸¹ — трудно представить, чтобы потомки воинственного кочевого народа прошли не только через Азию, но и через пол-Европы и оказались в этих хорошо известных грекам и римлянам местах, никак не проявив себя по дороге. Кроме того, написание этнонима «хуны» у Птолемея отличается от написания, которое обычно использовали более поздние античные авторы — большинство из них, за редкими исключениями, писали это слово через два «н». Все это наводит на мысль, что «хуны» Птолемея к гуннам, разорившим пол-Европы, отношения не имеют⁸².

Впрочем, некоторые исследователи считают, что Птолемей действительно писал о том народе, который позднее стал известен под именем «гунны», но в его сведения вкралась географическая ошибка, и на самом деле его «хуны» обитали значительно восточнее, в Средней Азии. Кроме того, текст самого знаменитого географа тоже допускает различные толкования, и разные ученые помешают «хунов» Птолемея и в западном Предкавказье (между Манычем и Верхней Кубанью), и на берегах Дона, и к востоку от Днепра, и в низовьях Днестра⁸³.

Если по поводу текста Птолемея еще возможны какие-то сомнения, то современный анализ текста Дионисия места для сомнений не оставляет — исследователи пришли к выводу, что гунны в нем не упоминаются. Правда, если раскрыть его «Описание ойкумены» в переводе девятнадцатого века, по

поводу Каспийского моря там говорится: «Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него, начавши с северо-западной стороны. Первые — скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря*, по устью Каспийского моря; потом унны, а за ними каспийцы»⁸⁴.

Но «унны» эти, которых исследователи долгое время считали гуннами, возникли лишь у поздних переписчиков Дионисия⁸⁵. Византийский комментатор Евстафий в XII веке поправлял Дионисия, заявляя: «Унны, или тунны с буквой θ, — каспийский народ из племени скифов. Нужно следовать тем, которые пишут “унны” без θ...»⁸⁶ Однако Евстафий, по-видимому, все же ошибся, и в оригинальном тексте Дионисия стояло θῦνοι; вероятно, автор имел в виду «фракийских финов» — родственных малоазийским вифинам и не имевших к гуннам абсолютно никакого отношения. В современном русском переводе Дионисия, опубликованном в 2006 году, загадочных «уннов» уже нет — их место заняли «фины»⁸⁷. Существуют и другие версии того, как именно текст Дионисия был искажен переписчиками, но все они сводятся к тому, что ни о каких гуннах речь там не шла⁸⁸.

В III веке гунны, казалось бы, вновь всплывают, на этот раз в армянских хрониках. Историк Агатангехос (или Агафангелос) упоминает их как союзников армянского царя Хосрова I Великого (217–238 годы), который мобилизовал гуннов в числе других племен для похода на Иран. Этот же автор сообщает, что царь Трдат III (287–332) «изгнал воинственных гуннов...». Но Агатангехос жил и работал в V веке, когда гунны давно уже хозяйничали в Европе. В его эпоху слова «гунн» и «кочевник» были почти синонимами, поэтому историк вполне мог называть этим именем всех кочевников северной степи. Это же касается и других армянских хронистов, «помещающих» гуннов в III и первую половину IV века, — сами они жили позднее, и в их устах слово «гунны» — явный анахронизм⁸⁹.

Отметим заодно, что позднее гуннами часто называли все племена, когда-либо входившие в гуннскую империю, даже после того, как эта империя давно распалась. Кроме того,

* Имеется в виду Северный океан, берег которого античная география помещала намного южнее, чем он находится на самом деле.

этим же словом называли и многие другие народы, имевшие с гуннами хоть какое-то сходство. Древние авторы вообще и раннесредневековые в частности обычно не слишком за­давались вопросом о корректности употребления этнонимов. Поэтому гуннами у них «побывали» и кочевники-бол­гары, и авары, и тюрко-хазары, и венгры, и узы, и куманы, и даже турки — сельджуки и османы⁹⁰. Как отмечает совет­ский востоковед Б. Г. Гафуров, для западных авторов эпохи раннего Средневековья «все среднеазиатские кочевники бы­ли “гуннами”»⁹¹.

С середины IV века в армянских, сирийских и византийских источниках появляются некие хиониты (хионы, хоны), они же эфталиты, которых Прокопий Кесарийский позднее на­зывал «белые гунны». Но нет особых оснований думать, что они имели к «европейским» гуннам хоть какое-то отношение. Впрочем, поскольку уж они носили одинаковое с ними имя и поскольку их одно время считали потомками бежавших на запад сюнну и предками европейских гуннов, стоит уделить им некоторое внимание в нашей книге.

Первым⁹² о народе хионитов, обитавшем по соседству с Персией, рассказал римский историк IV века Аммиан Мар­целлин. Он сообщил, что в 358 году персидский царь Ша­пур II (у Аммиана Сапор) собрался «заключить союзный до­говор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особой воинственностью»⁹³, чтобы вместе напасть на восточ­ные провинции Римской империи. Сам историк в это вре­мя находился в действующей римской армии. Ему довелось с наблюдательного пункта следить за выступлением объеди­ненных сил противника. Он пишет: «...Мы увидели все окру­жающее пространство до того, что по-гречески называется “горизонт”, заполненным несчетной массой войск, а во гла­ве — царя (Шапура. — *Авт.*), блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщи­нами, правитель выдающегося ума и прославленный множе­ством побед»⁹⁴.

В 359 году Марцеллин участвовал в обороне Амиды (ныне город Диярбакыр на юго-востоке Турции) от объединенных войск персов и их союзников. Он подробно описал ход бое-

вых действий и, в частности, гибель хионитского царевича от рук осажденных:

«И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников. Как только он упал, все его соплеменники обратились в бегство, но вскоре вернулись, опасаясь, чтобы наши не захватили тело павшего, и нестройными криками призвали к оружию множество людей»⁹⁵.

Описание хионитов, данное Марцеллином, часто приводится в качестве аргумента в споре о том, могли ли они иметь какое-то отношение к гуннам⁹⁶. Римские историки обыкновенно отзывались о гуннах как о диких и уродливых варварах, что же касается хионитов, то и их «выдающегося ума» царь, и его высокий и красивый сын совершенно не соответствуют расхожим представлениям о разорявших Европу кочевниках. Однако, с точки зрения авторов настоящей книги, это мало о чем говорит. Напуганные гуннским вторжением, летописцы могли быть несправедливы к своим завоевателям. Кроме того, по наличию в хионитской армии одного-единственного юноши, который выделялся «высоким ростом и красотой», вряд ли можно делать выводы об антропологическом типе целого народа.

Впрочем, мы тоже далеки от мысли отождествлять хионитов и гуннов. Тем более что описанный Марцеллином погребальный обряд хионитов — и это гораздо более весомый аргумент — не похож ни на сюннуский, ни на гуннский. Марцеллин так рассказывает о похоронах погибшего царевича:

«В военном облачении был он вынесен и помещен на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особые погребальные песни, оплакивая царственного юношу. А женщины скорбными стенаниями по своему обычаю оплакивали надежду на-

рода, погибшую во цвете юности <...>. Когда труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле, принято было на военном совете решение совершить умиловительную жертву манам* убитого разрушением и сожжением города, так как Грумбат не допускал самой возможности идти дальше, не отомстив за смерть единственного сына»⁹⁷.

Отметим, что сам Марцеллин, прекрасно знакомый с хионитами и бывший современником нашествия гуннов на Европу, не стал отождествлять эти два народа — он не проводит между ними вообще никаких параллелей.

Позднее хиониты вновь появляются в исторических трудах и хрониках, теперь уже под именем «эфталиты». На развалинах Кушанского царства, расположенного в Средней Азии и на севере современных Индии, Пакистана и Афганистана, этот народ в середине V века создал огромное государство.

Отметим, что самих кушан (точнее, кидаритов — подданных последнего кушанского царя Кидары) тоже могли называть гуннами. Приск Панийский, римский историк и дипломат середины V века, пишет о войне парфян «с Уннами Кидаритами»⁹⁸. К европейским гуннам кидариты, конечно же, отношения не имели. Вероятно, не имели они отношения и к эфталитам, которые пришли им на смену⁹⁹.

Что же касается самих эфталитов, то существует мнение, что они именовали себя «хионы», или «хиониты», — недаром один из их царей чеканил монеты, на которых было написано: «Хэфтал — царь хионитов». А эфталитами их могли называть по имени правящего рода, восходящего к царю Эфталану¹⁰⁰. В индийских источниках эфталитов называли «хуна» (huna)¹⁰¹.

Вероятно, сходство самоназваний двух народов и привело к тому, что хионитов традиционно отождествляли с гуннами. Сирийский хронист начала VI века Иешу Стилит прямо писал, что Пероз, царь персидский, воевал с кюнае (вариант этнонима «хиониты»), — «т. е. с гуннами»¹⁰². В том, что хиониты (эфталиты) — это гунны, не сомневался и византийский писатель первой половины — середины VI века Прокопий

* В римской мифологии — духи умерших предков.

Кесарийский. Он сообщает: «Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами...»¹⁰³

Известны по крайней мере две этнополитические группы эфталитов: «белые хионы» и «красные хионы»¹⁰⁴. Прокопий пишет только о «гуннском племени эфталитов, которых называют белыми». При этом он сам четко отделяет их от собственно гуннов: «...Они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них...» Прокопий так описывает быт и нравы эфталитов: «Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским войском. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их не похож на скотский, как у тех. Ими правит один царь, и обладают они основанным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже римлян или персов. Но богатые из них приобретают себе дружину, порой до двадцати человек, а то и больше, члены которой навсегда становятся их сотрапезниками, разделяя и все их богатства, так как в данном случае имущество у них становится общим. Когда же тот, у кого они являлись дружинниками, умирает, эти мужи по существующему у них обычаю живыми ложатся с ним в могилу»¹⁰⁵.

Сегодня специалисты разделяют мнение Прокопия о том, что эфталиты, они же хиониты, ни внешним видом, ни образом жизни на гуннов не походили. Более того, в отличие от Прокопия, современные историки полагают, что они вообще не имели к гуннам никакого отношения.

Древние китайские тексты предлагают несколько версий происхождения эфталитов (от юэцжи, от жителей Чэши и Кангюя), но и они не возводят этот народ к сюнну. Сегодня большинство ученых согласны с тем, что эфталиты были народом с индоевропейскими (иранскими) корнями¹⁰⁶. Есть предположение, что хиониты были аланским племенем¹⁰⁷.

Так или иначе, вопрос о корнях «белых гуннов» никак не проливает света на проблему корней «европейских» гуннов.

Позднеантичные и раннесредневековые авторы IV–VI веков пытались решить вопрос о происхождении европейских

гуннов уже с первых лет появления этого народа на исторической арене. Но никому в те годы не приходило в голову считать их выходцами с границ Китая. В основном все придерживались того мнения, что гунны испокон века обитали в Северном Причерноморье.

Марцеллин считал, что они живут «за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана»...¹⁰⁸ Римский поэт рубежа IV–V веков Клавдий Клавдиан писал о них: «Племя это живет у дальних скифских пределов, Там, где течет Танаид»¹⁰⁹. Историк V века Филосторгий отождествлял гуннов с неврами¹¹⁰ — племенем, которое было описано у Геродота как северный сосед скифов¹¹¹, и считал, что они жили «у подножия Рифейских гор, откуда берет начало Танаис, вливающий свои воды в Меотийское болото»¹¹². Правда, о том, что именно называлось в древности Рифейскими горами, сегодня ведутся споры, но в основном ученые склоняются к мысли, что это Урал.

Прокопий иногда отождествлял гуннов с массагетами¹¹³. Он же уверял, что воинственные гуннские женщины положили начало легендам об амазонках¹¹⁴. Кроме того, тот же Прокопий утверждал, что в древности гуннов называли киммерийцами, — они обитали к востоку от Керченского пролива и «все жили в одном месте». Прокопий писал: «Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собою власть и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое еще время они наименовались одни утигурами, другие кутригурами». Далее историк рассказывает о том, как племена эти, перейдя Керченский пролив, обрушились на готов и положили начало гуннскому нашествию¹¹⁵.

Племена утигуров и кутригуров, возможно, входили в состав гуннского союза. Но в том, что они издавна обитали в Причерноморье, Прокопий ошибся — эти племена стали известны не ранее середины V века¹¹⁶. Существует мнение, что это были осколки гуннов, отступивших на восток, прошедших через Крым и обосновавшихся в Приазовье уже после того, как они были разгромлены в Европе¹¹⁷.

Многие позднеантичные и раннесредневековые писатели отождествляли гуннов со скифами. Впрочем, со словом

«скифы» древние авторы обращались очень вольно и относили его ко множеству самых разных народов, в том числе тех, которые не имели к собственно скифам никакого отношения. Но, например, церковный писатель св. Иероним Стридонский прямо говорит, что гунны — это племя, описанное еще Геродотом под именем скифов. Правда, Иероним перефразирует рассказ Геродота достаточно вольно, но делает он это в частном письме, которое посвящено отнюдь не вопросам этнической истории Причерноморья, а добродетелям некой почившей христианки, и нельзя упрекать его в том, что он ссылается на «отца истории» по памяти. Самих же гуннов Иероним знал достаточно близко — ему довелось пережить их набег на Палестину в 398 году¹¹⁸.

Агафий Миринейский (Схоластик) — византийский поэт и историк середины VI века — тоже отождествляет гуннов со скифами. Агафий считает, что гунны «много столетий» жили на одном месте: «вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, <...> севернее реки Танаиса»¹¹⁹.

Подобные сведения о происхождении гуннов можно найти и у других авторов, и только византийский историк и софист конца IV — начала V века Евнапий сообщает: «Никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли унны, где они находились и как прошли всю Европу»¹²⁰.

Оригинальную концепцию происхождения гуннов выдвигает византийский историк конца V века Зосим, который, как и св. Иероним, апеллирует к Геродоту, но при этом допускает оплошность, для ученого мужа недопустимую. Он пишет: «...На жившие выше Истра скифские племена напало некое варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся. Их называли уннами; [остается неизвестным], следует ли называть их царскими скифами, или [признать] за тех курносых (σιττοῦς; более точный перевод: «плосконосых»¹²¹. — *Авт.*) и бессильных людей, которые, по словам Геродота, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии»¹²². Но Геродот, вопреки Зосиму, отнюдь не считал жителей северных берегов Истра ни курносыми (плосконосыми), ни бессильными — он называл таковыми не людей, а разводимых в этой местности лошадок. О сигиннах, живущих за Истром, у него сказано: «...лошади их покрыты на всем теле густыми волосами длиною до пяти пальцев в ширину; лошади малы,

с раздутыми ноздрями (То же слово *σφουρ*. — *Авт.*) и не могут носить на себе всадников...»¹²³ Трудно заподозрить Зосима — образованного человека и неплохого историка — в том, что он был плохо знаком с трудами «Отца истории» (тем более что сам Зосим тоже писал по-гречески). Однако факт остается фактом: текст Геродота он, употребив то же самое слово *σφουρ*, искажил тем не менее до неузнаваемости. И здесь возникает одно занятное предположение. Дело в том, что гунны, будучи монголоидами, действительно имели, с точки зрения европейца Зосима, плоские носы. Вероятно, византийский историк каким-то образом соотнес это с текстом Геродота о плосконосых лошадках и, сознательно или бессознательно, искажил слова своего предшественника. В таком случае надо признать, что его сведения о гуннах, якобы издавна живших за Истром, скорее всего, базируются на зыбком фундаменте сходства между носами самих гуннов и носами лошадей, обитавших в тех же местах во времена Геродота.

Наиболее экзотическую версию происхождения гуннов излагает готский историк VI века Иордан. Он сообщает, что король готов Филимер, возглавлявший переселение готов в Причерноморье, когда «вступил в скифские земли», обнаружил среди своих подданных нескольких женщин-колдуний. Иордан пишет: «Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи. Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов»¹²⁴.

Интересно, что, несмотря на столь нечестивое происхождение, гунны, по сообщению архиепископа Исидора Севильского (канонизированного Римской католической церковью), исполняли весьма богоугодную историческую роль. Святой пишет: «...Были они [гунны] бичом Божиим, и как только проявлялось Его негодование в отношении верующих, Он наказывал через них, чтобы исцеленные от уныния

[верующие] сами сдерживали себя от алчности мира и греха и достигли наследства царства небесного»¹²⁵.

Мысль о том, что гунны происходят от сюнну, зародилась лишь в середине XVIII века, ее высказал отец европейской синологии француз М. Дегинь, который, будучи уверенным, что европейские «гуны» Марцеллина и варвары, обитавшие у границ Китая, это один и тот же народ, называл последних «гунами» (Huns). И это даже несмотря на то, что в китайском языке слово «гунны» (хунну, сюнну) состоит из двух иероглифов — «сюн» и «ну», то есть имеет два звука «н». Дегинь впервые предположил, что азиатские «гуны» переселились в Европу. Дегинь считал сюнну и соответственно гуннов монголами, — эта часть его теории опровергнута позднейшими исследователями. Но в том, что касается самого факта переселения, идеи Дегиня по сей день имеют множество последователей в научном мире.

В XIX веке в Европе стали широко публиковаться переводы древнекитайских рукописей. В России огромный вклад в это дело внес Н. Я. Бичурин. И он, и некоторые другие переводчики правильно транскрибировали название азиатского народа и писали его через «нн» — гунны, хунны, сюнну... Бичурин поддержал мысль о переселении хунну из Азии в Европу, хотя и сожалел, что не успел подробно исследовать эту тему.

Авторитет двух крупнейших сиологов, Дегиня и Бичурина, привел к тому, что их версия стала ведущей¹²⁶. Более того, поскольку азиатские сюнну, как бы их ни называл Дегинь, однозначно транскрибируются через «нн», теперь и европейских гуннов стали писать с двумя «н». В новых переводах из Марцеллина и других латинских, греческих, армянских авторов прочно укрепилось слово «гунны», независимо от того, как оно было написано на языке оригинала.

Именно на гипотезе о миграции сюнну в Европу базируется одна из концепций Великого переселения народов. Суть ее в том, что с начала II века н. э. сюнну из Центральной Азии двинулись на запад, увлекая за собой прототюркские и угрские племена. В начале 70-х годов IV века они перешли Волгу, разгромили и частично подчинили алан, разбили готов и вышли к границам Римской империи¹²⁷. Большинство сторон-

ников этой теории относят и сюнну, и гуннов к тюркоязычным народам и в общности языка видят одно из доказательств их родства.

Кроме того, существовали (а некоторые существуют и по сей день) и другие гипотезы происхождения европейских гуннов.

«Финская», или «тюркско-финская», гипотеза была выдвинута в XIX веке; позднее в России ее приверженцем был крупный востоковед К. А. Иностранцев, затем — Л. Н. Гумилев. Они считали, что сюнну действительно пришли из Азии на земли, лежащие к северу от Каспия, но здесь растворились среди гораздо более многочисленных финских племен, сохранив лишь правящую династию и этноним. Сюнну в рамках этой теории считались тюркским народом, а гунны соответственно — результатом смешения сюнну и финно-угров.

М. И. Артамонов пишет: «Относительно малочисленная хуннская орда в степях Приуралья оказалась в окружении местных, главным образом угорских племен, с которыми и не замедлила вступить в различные формы контактов. <...> Растерявшие обозы и семьи беглецы на новом месте жительства не могли обойтись без смешения с местным населением, в результате чего у нового народа угорский физический тип восторжествовал над монгольским. Западные гунны утратили многие культурные признаки своих предков и усвоили местную распространенную среди угров сарматскую культуру. Зато тюркский язык пришельцев не только сохранился у гуннов, но и получил господствующее положение у связанных с ними угорских племен. В свою очередь и угорские племена оказали влияние на этот язык...»¹²⁸

Идея «растворения» сюнну среди финно-угорских племен сегодня непопулярна, но считается вполне вероятным, что финно-угры могли входить в состав гуннского союза.

«Славянская» гипотеза с самого начала носила откровенно ненаучный характер. Среди ее сторонников можно назвать знаменитого, но крайне реакционного историка Д. И. Иловайского, националистические, а часто и антинаучные взгляды которого принесли ему не самую лучшую славу. Главным доказательством того, что гунны были славянами, сторонники этой теории видели в сопоставлении некоторых собственных имен (Баламбер — Владимир, Аттила — Тилан, Бле-

да — Влад). Сегодня эта версия серьезными учеными даже не обсуждается.

«Кавказская» гипотеза происхождения гуннов на основании лингвистического анализа возводит их к племенам, обитавшим на Кавказе, в частности, видит их родство с лезгинами и аварами... Существует и версия, которая считает родственниками гуннов и венгров...¹²⁹

Челябинский археолог С. Г. Боталов предположил, что европейские гунны были потомками сюнну, откочевавших в степи Зауралья и Северного Казахстана во II веке. Здесь пришельцы, смешавшись с ираноязычными кочевниками, образовали местный, хорошо знакомый археологам, вариант позднесарматской культуры и уже в таком качестве двинулись покорять Европу¹³⁰. Его гипотеза была единодушно отвергнута ведущими сарматологами¹³¹. Однако развернувшаяся по этому поводу полемика о хунно-аланских или хунно-сарматских связях была сама по себе крайне интересной. Так, А. В. Симоненко, признавая в сарматских культурах наличие «множества признаков, сближающих их с культурой хунну»¹³², предположил, что какая-то часть ираноязычных кочевников длительное время соседствовала с сюнну, а потом двинулась на запад и в первом веке нашей эры оказалась в Европе под именем алан¹³³. Возможно, это были юэцжи — заклятые и многолетние враги сюнну. С этой точки зрения некоторое сходство сюннуской и позднесарматской культур проливает свет на происхождение алан, но не гуннов.

Л. А. Боровкова на основании письменных источников делает вывод о том, что гунны были европейским народом, обитавшим к северу от истоков Днепра и Дона. Она несколько нетрадиционно считает их светловолосыми европеоидами. Боровкова подчеркивает, что борода у гуннов не росла лишь потому, что их детям делали надрезы на щеках. Кроме того, они были коренасты и имели волосатые ноги — и то и другое более характерно для европейцев¹³⁴. По сообщению Марцеллина, «русоватые» аланы были «во всем похожи на гуннов»¹³⁵. Из этого исследовательница выводит заключение о том, что гунны были «белокурыми»¹³⁶. Отметим, что Н. В. Пигулевская на основании анализа того же Марцеллина делает вывод о том, что внешность гуннов «имеет характерные черты монгольско-тюркского типа»¹³⁷.

Антропологи, изучавшие скелеты из погребений европейских гуннов, считают, что в их облике преобладали монголоидные черты¹³⁸.

С точки зрения отечественного археолога-кавказоведа А. В. Гадло, гунны не были этнически едиными, он считает, что часть их была, возможно еще до переселения в Восточную Европу, связана с лесом и носила название «лесные люди» — акациры¹³⁹. Авторам настоящей книги эта точка зрения представляется не слишком оправданной. Действительно, у Приска Панийского, на которого ссылается Гадло, говорится о народе акациров в составе гуннских орд. Но у того же Приска рассказывается о том, как этот народ уже во времена Аттилы стоял перед выбором: с кем заключить союз, с римлянами или с гуннами? Вопрос этот решился очень просто: Аттила послал на акациров «многочисленное войско», после чего «одни из князей Акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться»¹⁴⁰. В этом контексте считать акациров гуннами было бы весьма странно¹⁴¹.

Для того чтобы подтвердить «лесной компонент» у гуннов, Гадло привлекает слова Аммиана Марцеллина о том, что они «кочуют по горам и лесам». Но Марцеллин знал гуннов, вошедших в Европу и движущихся к границам Римской империи. Естественно, что на этом пути они могли пересечь какие-то лесистые и гористые местности, — этот факт еще ничего не говорит о стиле гуннского хозяйства. Гораздо показательнее, что для своего постоянного проживания и для ставки своих вождей основная масса гуннов в конце концов избрала Венгерскую равнину и причерноморские степи.

Еще одно свидетельство «лесного» происхождения части гуннов Гадло видит в том, что, согласно тому же Марцеллину, гунны прикрывают тело «одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей»¹⁴². Но совершенно непонятно, почему исследователь считает лен принадлежностью лесных жителей. Во-первых, лен прекрасно растет и в степях. Во-вторых, Марцеллин тут же сообщает о гуннах: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи»¹⁴³. Льняную одежду, популярную по всей ойкумене, гунны могли получить в результате обмена, торговли и грабежа хоть в лесной, хоть в степной зоне. Что же касается одежды из «шкурок лесных мышей» (ex pellibus siluestrium murum), то слово *silvestris* (дат. падеж,

мн.ч. — siluestrium) может быть с равным успехом переведено не как «лесной», а как «степной»; пожалуй, самый точный его перевод — «дикий», «сельский»¹⁴⁴, то есть «лесной» — в зоне лесов и «степной» — в зоне степей. Скажем, в английском переводе Марцеллина соответствующий фрагмент переведен как «skins of field-mice»¹⁴⁵ — «шкурки полевых мышей»*.

Авторам настоящей книги представляется, что есть все основания считать гуннов степняками-кочевниками.

* Отметим, что мыши, фигурирующие в русских переводах Марцеллина (*Аммиан Марцеллин*, Римская история. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М., 2005. С. 538; пер. В. В. Латышева по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949, № 3. С. 301) тоже вызывают некоторое сомнение, потому что слово *mus* может означать не только мышей, но и зверьков покрупнее, таких, как куница или горностай (см.: *Дворецкий*. Латинско-русский словарь. Ст. «Mus, muris»).

Глава 3 Европа накануне гуннского нашествия

История гуннов, как ни одного другого народа, теснейшим образом переплетается с историей Европы. Конечно, любое государство связано со своими соседями тысячами политических, экономических, культурных и прочих нитей, но при этом у него, как правило, есть и что-то свое: своя территория, свой народ, своя история... У гуннов до 375 года если что-то подобное и было, то мы ничего об этом не знаем. Seriously «прошлого» у этой группки людей, возникшей «из ниоткуда» на границах Европы, попросту не могло быть, а будущее они создавали силой оружия на чужой территории, которая так и не стала их второй родиной.

У их кочевой империи не было своих исконных владений. Но и на завоеванных землях они не определили новых границ — они пронеслись по развалинам европейских государств, не слишком озадачиваясь созданием собственного. Если Маодунь, завершив свои завоевания, четко представлял, какие именно земли и народы находятся под его властью, и с гордостью писал об этом в Китай, причем территория дер-

жавы в течение многих лет после этого оставалась более или менее неизменной, то гунны, пожалуй, не смогли бы похватать ничем подобным. Границы их кочевой империи непрерывно менялись, Аттила во все время своего правления продолжал завоевания, а после его смерти государство, которое он едва успел создать, рассыпалось в одночасье.

Само понятие «гунны» было, вероятно, еще более расплывчатым, чем «сюнну». Сюнну тоже включили в свою державу множество подчиненных племен, но они с самого начала были довольно многочисленны и, смешиваясь с завоеванными народами, все-таки доминировали среди них. О том, сколько гуннов пересекло границу Европы, не известно ничего, но их не могло быть много хотя бы потому, что они не оставили по себе почти никаких следов в Азии. А в Восточной Европе эта кучка завоевателей стала расти как снежный ком, пополняясь воинами из тех племен и народов, через земли которых они шли. В этой разноплеменной массе гуннов далеко не всегда можно идентифицировать — и археологически, и с точки зрения письменных источников. Не зря позднеантичные и раннесредневековые авторы очень часто гуннов называют скифами и в то же время любых кочевников охотно именуют гуннами.

Гунны не создавали свою историю — они творили историю Европы, сминая и перекраивая ее карту. И поэтому рассказ об империи гуннов надо начать не с самих гуннов, а с Европы, которая стала колыбелью их недолговечной империи и ее же могилой.

Крупнейшим государством Европы в IV веке была Римская империя. Собственно, она была едва ли не единственным государством в современном понятии этого слова. Остальные народы или уже были завоеваны Римом, или же не пошли дальше создания племенных союзов либо крохотных королевств (в одной лишь Ирландии их было пять, причем они, в свою очередь, делились еще на 184 вассальных королевств). Что же касается Римской империи, она занимала огромные территории — около трети современной Европы, не считая провинций в Азии и Африке. В ее состав входили все

европейские земли, лежащие к западу и югу от Рейна и Дуная, и большая часть острова Британия.

Но примерно за полтора века до появления на исторической арене гуннов Римская империя уже начинала расссыпаться под бременем собственных размеров. Она должна была держать огромные армии на границах, чтобы сохранять порядок на завоеванных территориях и отражать натиск варваров извне. Армии эти, удаленные от центра и не подвластные непосредственному императорскому контролю, очень часто начинали представлять самостоятельную силу и провозглашать собственных императоров.

Напомним, что когда-то «император» был лишь почетным титулом, который солдаты давали любимому полководцу после значимой победы. Но с I века н. э. титул этот стал прерогативой главы государства. Теперь солдаты, провозглашая своих «императоров», тем самым объявляли их верховными правителями. А в III веке эта практика стала массовой: в разных регионах державы, в любой из армий мог появиться император, претендовавший на римский престол. В так называемую «эпоху солдатских императоров», которая длилась с 235 по 285 год, таковых набралось до семидесяти¹⁴⁶. Некоторые из них действительно достигли верховной власти, другие успешно отхватили для себя огромные куски империи, образовав на недолгое время Галльскую империю и Пальмирское царство.

В 270 году императором был провозглашен Аврелиан, начальник конницы в придунайских войсках. Аврелиан сумел объединить расколовшееся государство и укрепить его границы. Но он был убит заговорщиками в 275 году.

Империя катилась в пропасть. Ни о какой стабильной политике, ни о каких реформах не могло быть и речи при таких коротких сроках правления. Императоры были озабочены лишь захватом и удержанием власти, а сама эта власть лишилась в глазах подданных остатков всякой сакральности¹⁴⁷. О ее божественности речь уже не шла, звание принцепсов (так римляне называли своих верховных правителей) доставалось случайным людям, порою — выходцам из самых низов общества. Впрочем, принцепсы всегда считались у римлян лишь «первыми среди равных» (само это слово в переводе

с латыни означает «первый») — формально страной управляли сенат и консулы, хотя их роль давно была марионеточной. Иногда императоров обожествляли после их смерти, но при жизни они, как правило, не требовали для себя божественных почестей. Двумя веками ранее Калигула и Домициан пытались заставить сограждан титуловать себя «господином» и «богом», но новшество не прижилось среди свободолюбивых римлян¹⁴⁸.

Однако настало время, когда окончательно расшатавшийся авторитет императорской власти надо было срочно спасать. Первую попытку в этом направлении делает Аврелиан, собравший державу из осколков, — на некоторых его монетах появляется надпись, в которой он уже официально именуется богом и господином — «*Deo et Domino Aureliano*». Впрочем, при обращении к императору эти слова еще не употреблялись.

В 284 году императором был провозглашен сын вольноотпущенника Диоклетиан. Это произошло почти за век до того, как гунны заявили о себе в Европе. Но именно Диоклетиан заложил те принципы управления, которые позволили империи продержаться до окончательного распада еще около века и с которыми столкнулись сами гунны, вступив в войну с Римом. Поэтому на его реформах стоит остановиться особо.

Во-первых, Диоклетиан решительно не захотел называться принцепсом, то есть «первым» среди сенаторов. С его правления в Риме утверждается так называемый «доминат» (от *лат. dominatus* — господство). Императоры отныне становились господами для своих подданных и правили ими единовластно, не требуя даже формального одобрения со стороны сената. Сенат становился не более чем декоративным органом, а империя превращалась не только фактически, но и юридически в абсолютную монархию.

Свободные римляне, предстывая перед императором, теперь должны были простираться ниц. Правители, которые этого требовали, встречались в Риме и раньше, но традиция не прививалась; отныне это стало общепринятой нормой. Аврелий Виктор пишет про Диоклетиана: «...Он первый из всех, если не считать Калигулы и Домициана, позволил открыто

называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе как к богу»¹⁴⁹.

Однако, укрепляя свою единоличную власть, Диоклетиан понимал, что держать в руках гигантскую империю одному человеку не под силу, даже если его будут именовать богом и воздавать ему божественные почести. Поэтому он внедрил так называемую тетрархию — систему, при которой империей управляли четыре властителя (верховная власть, разумеется, сохранялась за Диоклетианом). Два из них — сам Диоклетиан и Максимиан — носили титулы августов и ведали каждый своей половиной державы — она была разделена на восточную и западную части. При каждом августе состоял цезарь — младший соправитель, который получал в управление некоторые из земель, подведомственных его августу. Предполагалось, что оба августа еще при жизни, после двадцати лет правления, должны передать своим цезарям высшую власть. Забегая вперед, отметим, что в 305 году Диоклетиан и Максимиан действительно передали цезарям власть и титулы августов.

Кроме того, всю империю Диоклетиан разделил на 12 диоцезов, в свою очередь делившихся на небольшие провинции общим числом 101 (позднее их количество выросло до 120). Италия лишилась особого статуса и была разделена на два обычных диоцеза. Напомним, что еще в 212 году Каракалла даровал римское гражданство почти всем свободным жителям огромной империи. Теперь же разница в статусе центра и провинций стиралась окончательно. Диоклетиан поселился в Никомедии в Малой Азии. Что касается Максимиана, он обосновался в Милане.

Но уже в начале IV века система тетрархов рассыпалась, сметенная очередным витком гражданских войн, а империя полностью, хотя и ненадолго раскололась надвое, причем линия раздела уже привычным образом пролегла между востоком и западом. В 324 году правивший на западе Константин вновь объединил государство. Но общая тенденция деления империи на две основные части сохранялась и через семьдесят лет привела к окончательному ее расколу.

Наметилась и другая тенденция: политический центр державы смещается на восток. Константин окончательно за-

крепляет это, перенеся столицу на берега Босфора. Здесь он заново отстраивает небольшой городок Византий и дает ему свое имя — Константинополь. Впрочем, столица империи, где бы она ни находилась, еще со времен Диоклетиана потеряла былое значение: теперь императоры большую часть времени проводили в военных походах, а двор сопровождал их.

В отличие от императоров, простые римляне, напротив, от армейской службы стали уклоняться. Во времена республики и ранней империи эта служба была желанна для многих: она позволяла добиться материального благополучия и была почти обязательным условием для политической карьеры. Теперь ситуация изменилась, и солдат все чаще набирали из варваров. Варвары делали карьеру с не меньшим успехом, чем природные римляне, и Аммиан Марцеллин, хотя и стесняя краски, писал о командирах одной из имперских армий в 378 году: «Все были римляне, что в наше время случается редко»¹⁵⁰.

Радикальные изменения происходили не только в политической, но и в религиозной жизни. С тех пор как Каракалла даровал гражданство жителям провинций, римские боги оказались чужими для большинства новоявленных граждан. Армия, состоявшая из варваров, отнюдь не жаждала, чтобы перед боем ее благословляли жрецы Юпитера или Квирина. Что же касается просвещенных римлян, многие из них давно склонялись к атеизму и поклонение богам воспринимали скорее как дань традиции. Впрочем, атеизм этот питался еще не прогрессом естественных наук (за почти полным отсутствием такового), а тем, что наводнившие империю сонмы римских, греческих, малоазийских и прочих богов уже не отвечали требованиям дня.

Потребность в единой наднациональной религии, которая сплотила бы население империи, назрела давно, и некоторые императоры безуспешно пытались сделать общегосударственным простой и всем понятный культ Солнца. Жрецом дневного светила объявил себя, например, Гелиогабал. Но поскольку этот юноша за четыре года правления успел ввести человеческие жертвоприношения, учредить гадания на внутренностях детей, вступить в брак с весталкой и с сы-

ном повара и назначить на самые почетные государственные должности «тех, кто заслужил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов»¹⁵¹, он не сумел стать у римлян духовным авторитетом.

Позднее культ Солнца проповедовал император Аврелиан — ему это удалось несколько успешнее. Но культ этот в том или ином виде существовал на территории империи и раньше и был похож на множество других языческих культов, поэтому его внедрение прошло незаметно и революции в душах граждан не свершило. После смерти Аврелиана он сошел на нет и только в армии укрепился, слившись с культом иранского бога Митры, к которому римские солдаты почему-то питали слабость.

Уже к началу IV века христианству в империи было практически не с кем конкурировать — языческие религии сдавали свои позиции. Диоклетиан был последним императором, при котором последователям новой религии пришлось претерпеть серьезные гонения. В 311 году Галерий издал эдикт о том, что христиане вправе исповедовать свою религию при условии, что они будут молиться о благополучии государства. В 313 году императоры Константин и Лициний в своем Миланском эдикте уравнивали все культы, лишив римское язычество его особого статуса государственной религии. Позднее, во все время своего правления, Константин шаг за шагом дает христианству все новые льготы и перед смертью в 337 году сам принимает крещение. С этих пор христианство если не формально, то фактически становится государственной религией империи — основные противоречия кипят уже не между христианами и язычниками, а между никейцами и арианами.

Император Юлиан, прозванный христианами Отступником, попытался возродить язычество, но новая религия пустила слишком глубокие корни на территории империи. К тому же правление Юлиана длилось всего лишь с 361 по 363 год. Его гибель положила конец реформам, и христианство вновь восторжествовало.

Забегая вперед, скажем, что в конце IV века языческие культы на территории империи были полностью запрещены стараниями императора Феодосия I, который с 381 по 392 год

издал на этот счет целый ряд указов и распорядился о закрытии храмов. Поначалу его рвение распространялось только на восточную часть империи, но в 394 году он ненадолго объединил всю державу под своей властью. Когда она, всего лишь через год, вновь распалась после его смерти, теперь уже окончательно, преемники Феодосия, как на востоке, так и на западе, продолжили его религиозную политику.

От смерти Юлиана Отступника до появления гуннов на римских границах оставалось немногим более десяти лет. Это были годы, когда на территории империи утвердились тенденции, наметившиеся еще со времен Диоклетиана: язычество сдавало свои позиции, Рим более не имел статуса столицы, империя была фактически разделена надвое, и императорам, которые были не в состоянии из единого центра управлять огромной державой, приходилось назначать себе соправителей.

В 364 году Валентиниан I, взойдя на престол, сделал соправителем-августом своего брата Валента II и отдал ему восточную часть империи. Через одиннадцать лет Валенту суждено было пасть одной из первых жертв гуннского нашествия (правда, погиб он в битве не с гуннами, а с готами, которых гунны вытеснили к римским границам). Столицей Валентиниана стал Милан, Валента — Константинополь.

Валентиниану I не пришлось засиживаться в Милане — как сообщает Аммиан Марцеллин, он «с самого начала своего правления пламенел похвальным, но и переходившим через край старанием укреплять границы»¹⁵². Впрочем, на окраинах империи действительно было неспокойно. Марцеллин пишет: «В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рэцию одновременно грабили аламанны¹⁵³; сарматы и квады — обе Паннонии*»;

* Первоначально Паннонией называлась римская провинция на левом берегу Дуная, занимавшая территории современных Западной Венгрии, Восточной Австрии, Восточной Хорватии и частично Словении и Сербии. Позднее она была разделена Траяном на Верхнюю и Нижнюю Паннонии. Диоклетиан, в свою очередь, разделил

пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов. Царь персидский пытался наложить свою руку на армян...»¹⁵⁴

Все эти волнения еще не имели отношения к появлению гуннов, но в империи и без гуннов было беспокойно. Прак-

Верхнюю Паннонию на Паннонию Приму (на севере) и провинцию Савия; Нижняя Паннония превратилась в провинцию Валерия (на севере) и Паннонию Секунду. Таким образом, на территории исторической области Паннония образовалось четыре провинции. Они вместе с провинциями Далмация, Норик Прибрежный и Норик Внутренний входили в более крупную административную единицу, которая называлась диоцез. Этот диоцез тоже носил имя Паннония. В 395 году диоцез переименовали в Иллирик (не путать с префектурой Иллирик, которая включала в себя в основном Грецию). С этого времени Паннониями в узком смысле называли лишь две провинции: Прима и Секунда. Но в широком смысле так могли называть все четыре провинции, на которые была разделена первоначальная Паннония. Это же слово могло относиться и к территории бывшего диоцеза Паннония — то есть к семи провинциям. Древние авторы далеко не всегда заморачиваются этими тонкостями. Чаще всего они говорят о Паннонии, не уточняя, что именно они имеют в виду под этим словом. Современные авторы нередко следуют их примеру. А в том случае, когда они пытаются разобраться, о какой конкретно территории идет речь, это вырастает в отдельное научное исследование, обычно — спорное. Историки до сих пор не могут прийти к однозначному мнению, какие из всех перечисленных выше провинций и в какое время попадали под власть гуннов (См., например: *Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 90; Gračanin. The Huns. P. 35*). Авторы настоящей книги, поскольку она не является научным трудом и рассчитана на широкого читателя, предполагают не вдаваться в эти подробности без особой необходимости. Тем более что с того момента, как на территорию Паннонии вторглись варвары, понятие границ между ее частями стало условным. Трудно представить, чтобы готы, аланы или гунны, воюя с римлянами или кочуя со своими стадами по берегам Дуная, останавливались перед пограничными столбами. Поэтому авторы настоящей книги, если это не оговорено особо, под Паннонией имеют в виду историческую область без четко определенных границ.

тически все двенадцать лет своего правления Валентиниан I сражался с германскими племенами аламаннов, которые в 365 году вторглись в Галлию. В Северной Галлии он отражал нападения саксов и франков. В Британии — руками Феодосия (отца будущего императора Феодосия I) разбил пиктов и восстановил римские владения вплоть до вала Антонина, пересекающего Шотландию. В Африке Валентиниан, с помощью того же Феодосия, подавил восстание Фирма. В начале 70-х годов сарматы и их частые союзники, германское племя квадов, перешли Дунай и стали опустошать Паннонию. В ответ Валентиниан вторгся в земли квадов и стал истреблять варваров «без различия пола и возраста»¹⁵⁵. Этот поход стал последней военной операцией западной части империи в «догуннскую» эпоху — в 375 году император умер от удара во время встречи с послами квадов.

На востоке империи с 364 года правил брат Валентиниана I — Валент II. Ему тоже досталось не самое спокойное политическое наследство. Сначала он умирлял вспыхнувший в столице мятеж Прокопия — двоюродного брата Юлиана Отступника. Прокопий привлек на свою сторону армию и захватил несколько провинций. Разделаться с самозванцем Валенту удалось несмотря на то, что Прокопия поддержали готы. Но теперь августу надлежало покарать самих готов, что он и сделал. Он разбил войско готского короля Атанариха и заключил с ним мир.

На восточных границах от Валента тоже потребовалось немедленное вмешательство. Персы вторглись в Армению, которая входила в сферу римского влияния, и Валент по просьбе армянского принца Папа послал ему на помощь войска. Армянской проблемой император занимался с 369 по 371 год. В 375 году вспыхнул бунт в Западной Киликии. Тогда же войска арабской царицы Мавии захватили Аравию и Палестину и достигли границ Египта. Валент урегулировал этот конфликт и заключил мир с Мавией. Но тут до него дошло известие о смерти брата Валентиниана I, августа запада.

Валентиниану I наследовали сыновья — шестнадцатилетний Грациан, бывший его соправителем на западе, и Валентиниан II, которого солдаты провозгласили императором

после смерти отца, когда мальчику было четыре года. Таким образом, у руля империи оказалось два властителя (четырёхлетнего ребенка можно не считать). Про одного из них, Валента II, Марцеллин писал: «... Трудно решить, принадлежал ли он к хорошим или к дурным государям...»¹⁵⁶ Впрочем, тот же Марцеллин сообщает, что император «был мало образован», несведущ в военном деле, корыстолюбив, раздражителен, ленив и нерешителен... К тому же он славился тем, что был «одержим страстью к грабежу чужого имущества»¹⁵⁷. Что касается Грациана, это был подросток, про которого римский историк IV века Аврелий Виктор писал, что он «был бы полон всякой добродетели, если бы направил свой ум к познанию искусства управления государством; но он чуждался этого...»¹⁵⁸

Именно Валенту II и Грациану довелось принять на себя натиск с востока. В тяжелый для римлян 375 год в империю доходят сообщения о появлении на краю ойкумены неведомого племени гуннов.

Помимо Римской империи существовали в Европе и другие народы и политические силы, с которыми гуннам пришлось столкнуться уже в первые годы их появления. Самыми значимыми из них были германские племена, прежде всего — готы.

Основным источником по истории готов является труд жившего в VI веке романизованного гота Иордана. Причем Иордан не только рассказывает о готах (гетах), но и очень подробно освещает гуннское нашествие, поэтому авторы настоящей книги будут неоднократно к нему обращаться.

Книгу свою Иордан назвал «О происхождении и деяниях гетов» (она же «Гетика»). Посвящена она, безусловно, готам, а не гетам. Но готы пришли в Италию через земли гетов, названия этих племен звучали для римлян очень похоже, и некоторые историки их путали*.

* *Скржинская*. Иордан. С. 9. Прим. 1. Неизвестно, знал ли Иордан — гот по происхождению и римлянин по образованию и культуре — разницу между готами и гетами. Во всяком случае, готы в глазах римлян были чужим варварским племенем, а геты —

Согласно Иордану, в далекой древности готы обитали на «острове Скандзы» — так он называет Скандинавию. «С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг»¹⁵⁹.

Готы высадились на балтийском побережье в дельте Вислы¹⁶⁰. По информации Иордана, они пришли сюда на трех кораблях. Три корабля, видимо, символизируют три большие группы, на которые позднее разделились готские племена: остготы (остроготы, или гревтунги¹⁶¹), вестготы (везеготы, или тервинги) и гепиды. Сойдя на берег, готы разбили германские племена ульмеругов (островных ругов, живших на островах дельты¹⁶²) и вандалов и обосновались в их землях, а побежденные ими народы двинулись на юг. Напуганные готами вандалы за один лишь год сумели дойти до Дуная и поселились на левобережье Тисы (левый приток Дуная)¹⁶³. По прошествии пяти поколений готы тоже отправились на юг и заняли обширные причерноморские территории от Дона до Дуная, а позднее и земли, лежащие между Дунаем и Балканами, — то есть земли гетов.

Сообщения Иордана о продвижении готов, а также тесных ими народов в целом подтверждаются другими источниками, в том числе археологическими, если не считать одного весьма курьезного разногласия: согласно «Гетике», готы обосновались в дельте Вислы примерно в XV веке до н. э.¹⁶⁴, а в Скифии — на пять поколений (то есть примерно на полтора века) позже. Иордан связывает их дальнейшую историю с героями Троянской войны, с легендарными амазонками, с персидскими царями Киrom и Дарием... — со множеством

народ, издревле обитавший между Балканами и Дунаем, — племенем близким и сравнительно цивилизованным. И Иордан исходил из того, что геты и готы — это одно и то же. Такая посылка, вероятно, должна была придать готам некоторую связь с древней средиземноморской цивилизацией (*Шукин*. Готский путь. С. 21–22). Она же позволила Иордану заявить, что «среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам» (*Iord., Get.*, 21), — сказать такое о древних германцах было бы сильным преувеличением, но что касается гетов, доля истины в этом имелаась.

мифических и исторических персонажей, живших в те времена, когда никаких готов в Причерноморье заведомо не было и быть не могло.

Иордану, видимо, очень хотелось доказать родственные связи своего народа с величайшими героями греческого эпоса. Но, согласно археологическим данным, готы появились на берегах Вислы примерно на полторы тысячи лет позже, чем пишет готский хронист, — вероятно, во второй половине I века или начале II века н. э.¹⁶⁵ А в Причерноморье они пришли в конце II или в начале III века¹⁶⁶. Именно эти события иногда считают началом эпохи Великого переселения народов.

Вестготы заняли земли между Днестром и Дунаем. На севере их соседями стали гепиды (их Иордан тоже считал готским племенем), на западе — вандалы, которых готы в свое время вытеснили с берегов Вислы. При этом вестготы оказались близки к западным рубежам Римской империи, а кое-где и прямо граничили с ней.

Остготы обосновались восточнее Днестра¹⁶⁷. Они создали мощный племенной союз, который подчинил племена сарматов на востоке. В середине III века остготы сильно продвинулись на юго-восток — разгромили Танаис, основали поселения в дельте Дона¹⁶⁸.

В степях Северного Причерноморья и Поднепровской Лесостепи археологами была давно выделена самобытная черняховская культура, существовавшая в III—IV веках н. э. Ее население ряд советских историков связывал со славянами. Однако к настоящему времени ученые единодушны в том, что памятники черняховцев оставлены именно готами, известными по письменным источникам.

Некоторые военные операции остготы и вестготы проводили объединенными силами (по крайней мере до середины III века), с ними вместе могли идти и покоренные ими племена. Древние авторы, описавшие эти походы, мало утруждали себя заботой о точности этнонимов и зачастую называли всех выходцев из Причерноморья, включая недавно поселившихся там готов, «скифами». Поэтому сегодня мы далеко не всегда можем сказать, какие именно племена готов и их союзников участвовали в конкретных военных операциях. Во всяком случае, операций этих было очень много, и ко временам гуннского нашествия значительная часть Восточной Европы или

находилась под властью готов, или уже была ими разорена и оставлена, или жила в постоянном страхе перед их возможным вторжением¹⁶⁹.

Готы постоянно совершали набеги на римские территории, а иногда участвовали в разного рода междоусобицах римлян и в их военных кампаниях. Римляне время от времени заключали с готами соглашения о том, что варвары за продовольствие и деньги будут охранять западные границы империи, но мир каждый раз оказывался непрочным. Римляне уклонялись от обещанных выплат, а готы вторгались на территорию своего великого соседа. В 248 году они разорили Мёзию и Фракию, в 253 году — дошли до Фессалоник, в 255 году — захватили Дакию, которую римляне так и не сумели отбить¹⁷⁰.

В 60-е годы IV века, незадолго до гуннского нашествия, готы поддержали восстание Прокопия и были разбиты Валентом II, но углубляться в готские земли император не рискнул и подчинить готов не сумел. Он заключил мир с вестготским королем Атанарихом, при этом соглашение об охране готами римских рубежей было отменено, сама же граница, как и прежде, пролегла по Дунаю.

Остготами в это время правил Германарих (Эрменрих), которого Марцеллин называет «весьма воинственным царем» — его «страшились соседние народы из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов»¹⁷¹. Германарих расширил границы своей державы, по сообщению Иордана (явно преувеличенному), до самого Балтийского моря¹⁷². Впрочем, государством в римском (и нашем, современном) смысле держава Германариха, вероятно, не была. У нее не имелось четких границ — королю подчинялись, вероятно, лишь жители речных долин. Не могло быть и единого законодательства (хотя на него и намекает Иордан). Власть Германариха ограничивалась тем, что подчиненные народы платили ему какую-то дань и оказывали в случае необходимости военную помощь¹⁷³.

И Германариху, и его западному соседу Атанариху вскоре пришлось принять на себя натиск гуннов. Причем Германариху это стоило власти, а потом и жизни.

Римская империя и готские племенные союзы были главными политическими силами, с которыми столкнулись гунны

в своем движении на запад. Но существовали в Европе и другие народы, которым пришлось встретить натиск гуннов. Прежде всего среди них надо назвать алан — хотя бы потому, что они первыми пострадали от захватчиков.

Кочевники аланы появились в степях Восточной Европы с востока в I веке н. э. Они вытеснили на запад и частично ассимилировали своих родственников сарматов и поселились в степном поясе, от Каспия до Дуная, в том числе в Предкавказье. Создавать свое государство аланы не стали и жили независимыми друг от друга племенами.

Разница между аланами и сарматами трудноуловима, недаром археологи называют культуру алан средне- и позднесарматской, или сармато-аланской. И те, и другие представляли собой разные волны переселения близких друг другу ираноязычных индоевропейцев. Некоторые историки считают собственно аланами лишь тех, кто обосновался в степях и предгорьях между Каспием и Доном. Марцеллин сообщает, что аланы живут за Танаисом¹⁷⁴ (в его время эти земли относили к Азии) и что «в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора* с одной стороны и до Армении и Мидии с другой»¹⁷⁵. В то же время он различает «европейских» алан¹⁷⁶ и алан, происходивших от «древних массагетов»¹⁷⁷ — народа, обитавшего в Прикаспии. Этих, последних, алан он, видимо, отождествляет с упомянутыми им же аланми-танаитами¹⁷⁸ — народом, который жил восточнее Танаиса и первым принял на себя натиск гуннов. Впрочем, Марцеллин сам признает, что называет аланами в широком смысле самые разнообразные племена: по его словам, аланы «подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя...»¹⁷⁹.

Марцеллин пишет: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, единого образа жизни и одинаковости вооружения».

Историк описывает алан как типичных кочевников:

* Керченский пролив.

«Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они ни зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами».

Интересно сообщение Марцеллина, что аланы «во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни». Не вполне понятно, какое сходство имеется в виду, надо полагать, что не внешнее, — ведь, по словам историка, «почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые». Что же касается сравнительной «мягкости» аланских нравов, то надо иметь в виду, что сам Марцеллин пишет следующее:

«Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно

поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют»¹⁸⁰.

Во всяком случае, сходства алан с гуннами вполне хватило для того, чтобы аланы присоединились к гуннскому союзу и в значительной степени смешались со своими завоевателями. Марцеллин по этому поводу писал: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»¹⁸¹. Но к гуннскому нашествию мы перейдем в следующей главе. А сейчас, чтобы закончить краткий обзор тех народов и политических сил, с которыми столкнулись гунны в Европе, скажем несколько слов о Северном Причерноморье и Крыме.

Северное Причерноморье издавна было колонизовано греками. Они основали на берегах Черного и Азовского морей множество торговых городов-полисов со смешанным греко-варварским населением и смешанной же культурой. Греческие поселения доходили до окрестностей современного Новороссийска и устья Дона. Крупнейшими из них были Ольвия (возле устья Южного Буга), Херсонес (в черте современного Севастополя) и ряд городов Боспорского царства.

Боспорское царство, возникшее еще в V веке до н. э., объединяло греческие города, лежавшие по обе стороны Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Самыми значимыми центрами его были Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. На северо-востоке форпостом, оторванным от основной территории, был Танаис в устье Дона. Примерно с рубежа эр весь этот регион находился в той или иной степени зависимости от Римской империи. В основном здесь обитало греко-варварское население, а среди варваров преобладали сарматы.

В середине III века готы разгромили Танаис, Горгиппию и многие другие города Боспорского царства и всего Северного Причерноморья и стали использовать побережье как базу для морских походов по Черному и Средиземному морям. В начале 70-х годов того же века император Аврелиан разбил готы, и в регионе восстановился некоторый порядок. Готы

прекратили свои набеги, хотя и сохранили контроль над значительной частью Крыма.

Ко второй половине IV века крымские готы обитали в основном в Горном Крыму — археологи находят здесь множество погребений с характерным для них обрядом трупосожжения. Число алан в Крыму тоже увеличилось — они, вероятно, выступали в союзе с готами, и часть их переселилась на полуостров из Предкавказья. Степи же Крыма в предгуннское время населяли немногочисленные кочевые сарматские племена, родственные аланам¹⁸².

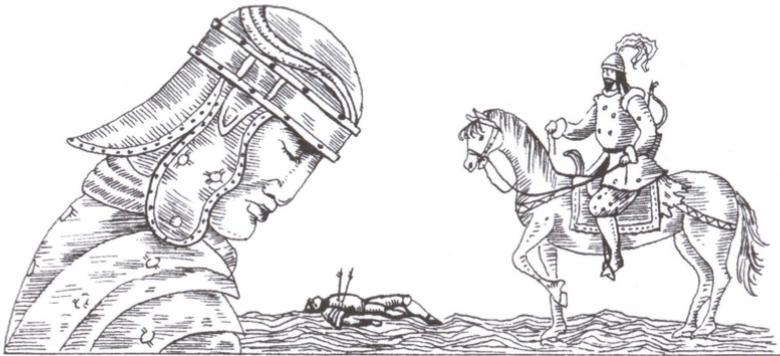
Греческие города Северного Причерноморья и их сельскохозяйственная округа так и не смогли оправиться после готского разгрома. Отметим, что долгое время историки связывали упадок этого региона с пришедшими сюда позднее гуннами. Но в последнее время возобладала точка зрения, что упадок здесь начался значительно раньше, еще в III веке¹⁸³. Более или менее успешно пережил это трудное время лишь Херсонес, который постепенно усиливал свое влияние в Крыму.

Очень тяжело пришлось Боспорскому царству. В IV веке международная торговля, которая составляла основу боспорской экономики, пришла в упадок. А вместе с ней пришло в упадок и само царство. После 330 года здесь прекратилась чеканка своих денег. Археологи отмечают, что гробницы знатных боспорян, которые раньше поражали своей роскошью, стали гораздо скромнее. В ожидании очередных врагов боспорянам пришлось строить новые военные укрепления¹⁸⁴. Территория государства после ряда неудачных войн была урезана¹⁸⁵ и включала в себя только Керченский и Таманский полуострова, да и то не полностью¹⁸⁶.

В 362 году, по сообщению Марцеллина, жители Боспора отправили императору Юлиану посольство с просьбой о мире и военной поддержке: они молили, «чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли»¹⁸⁷. Нельзя исключить, что боспоряне решили прибегнуть к римской помощи потому, что они уже знали о появлении гуннов в Прикаспии (о том, когда именно гунны начали свою экспансию, ведутся споры; существует мнение, что они вступили на земли алан еще в 50-х годах IV века¹⁸⁸).

Неизвестно, согласились ли римляне помочь боспорянам, скорее всего, нет — империя сама переживала не лучшие времена. Впрочем, в ближайшие десятилетия Боспорское царство не слишком пострадало от гуннского нашествия. Как показали археологические исследования последних лет, те слои пожаров и разрушений, которые раньше считались слоями гуннского вторжения 70-х годов IV века, на самом деле датируются значительно более поздним временем¹⁸⁹. Но на этом вопросе авторы подробнее остановятся ниже.

Глава 4 Появление гуннов в Европе

Историк начала V века Олимпиодор сообщает, что в царствование императора Констанция (вероятно, Констанция II, который правил до 361 года) во Фракии был найден серебряный клад. Об этом доложили римскому наместнику, и он, прибыв на место находки, «узнал от окрестных жителей, что место это свято и что здесь есть изваяния, освященные по древнему обряду». Святость клада не смутила римлян, и по приказу императора из земли были извлечены три серебряные статуи. «...Они лежали во всем своем варварском обличье с заведенными за спину обеими руками, одетые в причудливо украшенную варварскую одежду, с длинными волосами, обращенные на север, т. е. в сторону варварской земли».

Как выяснилось, изваяния эти были «заговоренными» и имели магическое предназначение: охранять границы от вражеских нашествий: ведь «число статуй — три — заклиняло от всех варварских племен». Через некоторое время стало ясно, что по крайней мере от трех племен — готов, сарматов и гуннов, по числу идолов — святилище действительно охраняло. После того как статуи были вынуты из земли, началось нашествие этих племен на территорию империи.

Олимпиодор пишет, что вторжение варваров началось через несколько дней после осквернения святилища¹⁹⁰. Это, безусловно, преувеличение. Завоевание гуннами сарматов действительно пришлось, судя по всему, примерно на те годы, когда злополучные статуи были извлечены из-под земли, но бои тогда еще шли далеко на востоке, за пределами римских границ. Тем не менее, именно так объясняет гуннское нашествие язычник Олимпиодор¹⁹¹.

В те же самые годы другой историк и современник этих событий, христианский теолог Павел Орозий, тоже объяснял вторжение варваров в пределы империи сверхъестественными причинами, но считал, что оно произошло «в результате гнева Божьего». Гнев же этот был вызван нечестивыми действиями императора Валента II, который, будучи арианом, «начал по всему Востоку терзать церкви и убивать святых»¹⁹², исповедовавших Никейский символ веры. Кроме того, когда готы обратились к Валенту с просьбой прислать к ним епископов «для наставления в правилах христианской веры», Валент «в пагубной извращенности отправил к ним учителей арианской догмы»¹⁹³.

Впрочем, по мнению Орозия, существовала и другая причина, по которой Божьим соизволением варвары начали громить империю. Историк допускает, что «ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами...»¹⁹⁴.

Забегая вперед, отметим, что если правота Олимпиодора остается на его совести, то правоту последнего утверждения Орозия время частично подтвердило: многие варварские народы, вторгшиеся на территорию империи, очень скоро приняли крещение. Но гунны в годы своего господства в Европе в основном сохранили веру предков, христианизация коснулась лишь немногих из них.

Но какими бы причинами ни объяснялось нашествие гуннов в Европу, оно произошло. Началось оно незадолго до 375 года — если, на античный манер, считать границей Европы и Азии реку Танаис. Если же принять современные географические представления и считать, что к Европе относятся в том числе земли, расположенные между Каспием и Азов-

ским морем, то здесь гунны, возможно, появились несколько раньше.

Первым, кто описал вторжение гуннов в римскую ойкумену, был Аммиан Марцеллин. Дойдя в своей «Римской истории» до 375 года, он пишет: «Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастные события, вооружала Беллону вместе с Фуриями* и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения»¹⁹⁵. «Семенем и началом» грядущих несчастий Марцеллин называет гуннов.

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. <...> Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов <...>. И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Германариха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури, Германарих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них...»¹⁹⁶

Когда именно происходили эти события, Марцеллин не уточняет. Несмотря на то что в его книге они описаны под 375 годом, ясно, что описание это ретроспективно. Завоевание гуннами алан могло длиться не один год. Да и владыка остготов, Германарих, отбивался от пришельцев с востока «в течение долгого времени». Обычно считают, что гунны стали теснить алан примерно в середине IV века или чуть позже, а окончательно завоевали их в начале 370-х годов¹⁹⁷, после чего пришла очередь остготов. Отечественный археолог М. Б. Щукин датирует начало гуннского нашествия — то есть

* Беллона — римская богиня войны, Фурии — богини мести и раздора.

их первые столкновения с аланами и с готами Германариха — временем позже 369-го, но, вероятно, раньше 376 года¹⁹⁸.

Н. Н. Болгов допускает, что первые контакты римлян с гуннами могли состояться уже в 362 году. Именно к этому году относится упоминавшееся нами в прошлой главе сообщение Марцеллина о том, что боспоряне отправили посольство Юлиану Отступнику. Дело в том, что, согласно римскому историку, к императору прибыли послы не только от боспорян, но и от «других неведомых ранее народов». Болгов считает, что «это были, скорее всего, представители каких-то племен гуннского союза»¹⁹⁹. Впрочем, авторам настоящей книги такая трактовка представляется несколько вольной. Послы эти, как сообщает Марцеллин, прибыли «с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли». Но территория, на которой в те годы, возможно, уже обитали гунны, отнюдь не была для них родной. А главное, совершенно непонятно, зачем гуннам, о которых римляне тогда еще и слыхом не слыхивали, нужно было разрешение римского императора на то, чтобы жить в землях, которые никоим образом не контролировались римлянами. Ведь Боспор был крайним северо-восточным форпостом римского влияния. Дальше шли земли независимых алан, которых гунны еще не успели подчинить (по крайней мере, полностью подчинить), — это была уже граница римской ойкумены.

Успехам гуннов в борьбе с аланами мог предшествовать период их более или менее стабильного сосуществования. Иордан пишет о гуннах: «Этот свирепый род, <...> расселившись на дальнем берегу Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»²⁰⁰. Вероятно, гунны, прежде чем перейти к решительным действиям, некоторое время обитали в Азово-Каспийском междуморье, накапливая силы и вступая с аланами в мелкие стычки²⁰¹. Современные им западные авторы не сообщали об этом по той простой причине, что местность к востоку от Меотиды им вообще была очень плохо знакома. Недаром и Марцеллин признает, что о племени гуннов «древние писатели осведомлены очень мало». При этом под «древними писателями» он, вероятно, име-

ет в виду всех своих предшественников вплоть до современников, потому что сам Марцеллин был практически первым, кто рассказал о гуннах. До него, как мы уже говорили в главе «Темные века», об этом племени имелись лишь случайные и малодостоверные упоминания. Поэтому для римлян, и вообще для жителей греко-римской ойкумены, нашествие гуннов, да и само появление их в Европе казались неожиданными и внезапными.

Возможно, у алан была другая точка зрения на этот счет, но она не дошла до наших дней (хотя бы потому, что у них не было письменности). Что же касается просвещенных жителей Запада, то их взгляд на это нашествие выразил Павел Орозий, писавший: «...Народ гуннов, долго живший за неприступными горами, охваченный внезапной яростью, воспламенился против готов и, приведя их в полное смятение, изгнал с прежних мест поселения»²⁰². Византийский историк Зосим в V веке описывает «варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся»²⁰³. Примерно о том же пишет и Марцеллин — он рассказывает, как среди готских племен «распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадается навстречу»²⁰⁴.

Войны гуннов с аланами описаны современниками не слишком подробно — эти события еще происходили на самом краю, если не за краем ойкумены. Поэтому Иордан приводит довольно странное объяснение гуннских побед: «Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [алан] в бегство, потому что их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз»²⁰⁵.

Но вскоре военные действия передвинулись к западу. Впрочем, первый этап этого передвижения, описанный многими авторами, носит еще мифологический характер. Обычно сообщается, что гунны жили на азиатском берегу Меотиды и не питали никаких надежд перебраться на европейский берег. Но однажды гуннские охотники, преследовавшие оленя, увидели, что животное кинулось в воду и вброд перебежало на другую сторону. Вдохновленные его примером, гунны по-

следовали за ним и начали завоевание Европы. Иногда вместо оленя в рассказе фигурирует корова, убежавшая от своего пастуха. Но так или иначе, благодаря смышленому животному гунны догадались, что водное пространство преодолимо.

Прокопий рассказывает, что гунны жили на берегу «Меотийского Болота» и его «устья» — Керченского пролива. «...Они никогда не переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что через них можно переправиться; они имели такой страх перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить этот переезд». Но однажды несколько юношей-охотников погнались за ланью, которая «бросилась в эти воды». Юноши ринулись за ней — Прокопий предполагает, что «их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества», — и достигли противоположного берега. Животное тотчас же исчезло, «но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи». Вернувшись обратно, они поставили своих соплеменников в известность, «что для них эти воды вполне проходимы». После чего, «взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления “Болото” и оказались на противоположном материке»²⁰⁶.

Вся эта история напоминает античный рассказ о превращенной в корову любовнице Зевса Ио, которая, гонимая оводом, тоже пересекла Боспор Киммерийский²⁰⁷ (слово «Боспор» в переводе с греческого и означает «коровий брод»). Современные ученые высказывали предположение, что именно литературная история Ио легла в основу предания о гуннском переходе через Боспор²⁰⁸.

Прокопий высказывает дополнительное соображение о том, что животное это явилось специально, чтобы «причинить несчастье» варварам, обитавшим на другой стороне Болота²⁰⁹. Зачем злокозненное животное задалось такой целью, историк не объясняет. Иордан на этот счет пишет: «Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение»²¹⁰ (напомним, что по версии Иордана гунны произошли от связи готских колдуний и «нечистых духов», скифами же Иордан, видимо, называл жителей Скифии, независимо от их племенной принадлежности).

Несмотря на всю легендарность истории с коровой или оленем, гунны так или иначе действительно оказались в Европе, то есть по другую сторону Танаиса и Меотиды. Древние авторы дают противоречивые указания, где именно гунны форсировали водную преграду и как им это удалось. Зосим пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса, дал им [возможность] перейти сухим путем из Азии в Европу»²¹¹. Прокопий тоже говорит, скорее, об «устье» Меотиды, то есть местах, близких к проливу или о самом проливе. По Иордану же «охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро»²¹². Церковный историк V века Эрмий Созомен писал, что между гуннами и европейским берегом лежало величайшее озеро, которое они почитали «концом земли, за которым уже — море и беспредельное пространство вод». В таком случае речь никак не могла идти о проливе, с одного берега которого прекрасно виден другой. Прямо на этом озере гунны и нашли «дорогу, по поверхности закрытую водою»²¹³.

Пересечь вброд все Азовское море гуннам, пожалуй, было бы трудно, но сам пролив в древности был далеко не так неприступен, как сегодня. У авторов настоящей книги нет данных о его глубине в гуннское время, но известно, что в середине второго тысячелетия до н. э. уровень его был примерно на 4 метра ниже, чем сегодня. Из этого некоторые исследователи даже делают вывод, что глубина пролива тогда не превышала полутора — двух метров. Вывод этот весьма спорный, потому что в таком случае античные торговые корабли, нередко имевшие осадку около двух метров, попросту не могли бы пройти в Меотиду и достигнуть, например, Танаиса. Видимо, слой донных отложений в те годы тоже был меньшим и глубина фарватера во всяком случае превышала два метра. Но зато и сам пролив был значительно уже за счет многочисленных кос, отмелей и островов. Во всяком случае, форсировать его было легче, чем сегодня²¹⁴.

Гунны могли перейти из Азии в Европу и через Таганрогский залив, лежащий в восточной части Азовского моря. Сегодня его средняя глубина составляет около пяти метров, но при сильном ветре-«верховке» воду из залива буквально выдувает в море, и дно частично обнажается. В гуннские времена уровень моря был ниже, а значит, и пересечь залив было

легче. Кроме того, и залив, и все Азовское море, и Керченский пролив в сильный мороз могут покрыться достаточно толстым слоем льда. Страбон на рубеже эр так описывал зимний Боспор Киммерийский: «Морской путь из Пантикапея в Фанагорию становится доступным для повозок, так что это не только морское путешествие, но и сухопутное». Он же сообщил, что на льду пролива разыгралось конное сражение между варварами и войсками Митридата²¹⁵. И это значит, что гуннская конница вполне могла перейти Боспор по льду — правда, легенда говорит именно о бросе.

Как правило, сообщения древних авторов о переходе гуннов в Европу трактовались как переход через пролив, а не через море. Некоторые из них прямо упоминают Боспор Киммерийский. Еще сравнительно недавно мысль о том, что по крайней мере одна из групп гуннской орды (возможно, основная) двигалась на запад через Крым, совпадала с точкой зрения ученых, интерпретировавших археологические материалы Боспора. Считалось, что отмеченные здесь мощные слои разрушений и пожаров связаны именно с гуннским нашествием конца IV века. Но в последнее время датировка этих слоев на Тамани и в Крыму была пересмотрена — теперь их относят к VI веку²¹⁶.

Хотя гунны и захватили Боспор и большую часть Крыма, особого разгрома они там не учинили. А главное — сами следы их пребывания в Крыму датируются, вероятно, более поздним временем. Крымский археолог А. И. Айбабин предполагает, что гунны появились в Крыму лишь на рубеже IV—V веков, во время своего похода на восток (об этом походе 395 года мы будем говорить ниже)²¹⁷. Отметим, кстати, что Боспорское царство сохраняло свою государственность вплоть до VI века, об этом свидетельствуют надписи, найденные в Керчи и на Таманском полуострове²¹⁸. Хотя, возможно, Боспор при этом и находился под «протекторатом» гуннов²¹⁹.

Поскольку в начале своей экспансии гунны, вероятно, обошли Крым стороной, напрашивается предположение, что их путь в Европу пролегал по северным берегам Меотиды. Соответственно, оказались правы те из древних авторов, кто говорил о переходе гуннов через самое Меотийское озеро (вероятно, это был Таганрогский залив), а не через Боспор Киммерийский. Версия о проливе могла возникнуть потому,

что он был заведомо проходим, — об этом знали еще со времен Эсила, изложившего историю Ио, об этом подробно писал Страбон. Что же касается северо-восточного угла Меотиды, он был известен позднеантичным авторам значительно хуже. Правда, к северу от Азовского и Черного морей тоже не сохранилось явных следов движения гуннов на запад. Поэтому вопрос о том, какую именно водную преграду гунны пересекли на своем пути в Европу — Керченский пролив или Таганрогский залив, — остается в какой-то мере открытым. Конечно, нельзя исключить и того, что разные орды гуннов двигались разными путями, но версия о переходе Таганрогского залива представляется авторам настоящей книги более убедительной.

Так или иначе, незадолго до 375 года гунны ворвались в Европу. С ними вместе выступили покоренные ими аланы. Иордан сообщает:

«Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то — подобные некоему урагану племен — захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них [общей] человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обесилив частыми стычками»²²⁰.

Свидетельства древних авторов подтверждаются данными археологии: в последней четверти IV века позднесарматской культуре в восточноевропейских степях приходит конец²²¹. Примерно тогда же начинается кризис черняховской культуры в Днепровской Лесостепи — готы стали следующей жертвой воинственных пришельцев (правда, финал черняховской культуры датируется уже следующим, V веком)²²².

Объединенные силы кочевников напали на остготов, которые обосновались в Северном Причерноморье около двух веков назад. Остготами в те дни правил король Германарих, про которого Иордан пишет: «Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим». Но по словам того же Иордана, Германарих, «хотя... и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов»²²³.

Призадумался он настолько всерьез, что, как сообщает Марцеллин, «положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью»²²⁴.

Иордан называет другую причину гибели готского короля. Он рассказывает о том, что Германарих приказал казнить некую женщину «за изменнический уход» от мужа. Неверную жену привязали к диким лошадям и разорвали на части, после чего братья казненной решили отомстить королю и ранили его в бок мечом. «Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы». Впрочем, Германарих, которому уже давно перевалило за сто лет, так или иначе, навряд ли мог быть хорошим полководцем. Иордан пишет: «Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами»²²⁵.

Иордан — единственный историк, который сохранил имя Баламбера, первого гуннского короля — победителя готов. Имя это вызывает некоторые сомнения у современных исследователей. Дело в том, что в разных сохранившихся списках «Гетики» оно фигурирует как *Balamber*, *Balamir*, *Balamur*, *Balaber* или *Balambug*²²⁶. В целом все это подозрительно похоже на германское имя Валамир (Валамер) — готский король с таким именем известен в середине V века²²⁷. Германское имя гуннского вождя навело некоторых исследователей на мысль о том, что никакого гунна Баламбера не существовало вообще. С другой стороны, гуннское имя в передаче готского историка Иордана вполне могло приобрести германское звучание²²⁸, поэтому авторы настоящей книги не видят особых оснований сомневаться в существовании воинственного гуннского короля Баламбера, даже если сами гунны произносили его имя несколько иначе... Отметим попутно, что Иордан, рассказывая о том, как разные народы издревле перенимали имена друг у друга, писал: «Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»²²⁹.

После смерти Германариха держава его, вероятно, раскололась на части. Согласно Иордану, готскому владыке насле-

довали его внучатый племянник Винитарий, который «с горечью переносил подчинение гуннам», и внук покойного короля, Гезимунд, «который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов» и особой горечи, судя по всему, не испытывал. Винитарий попытался проводить самостоятельную политику: он разгромил антов «и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения...»²³⁰.

О том, кто такие анты, историки спорят давно, в последнее время преобладает версия, что они были славянами. Вопрос о том, кого мог в данном контексте иметь в виду Иордан, стоит отдельно — как мы уже говорили, древние хронисты весьма вольно обращались с этнонимами. Не исключено, что речь идет не о славянском, а о каком-то гуннском или аланском племени²³¹, которое Иордан назвал антами лишь по ошибке. Так или иначе, Баламбер не потерпел самоуправства своего вассала. Он призвал на помощь покорного ему Гезимунда с его готами, и объединенное войско напало на Винитария.

«Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак (вероятно, Нижний Днепр²³². — *Авт.*), пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако, так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов»²³³.

Готы, которыми правили Винитарий и его преемники, «подчиненные власти гуннов, остались в той же стране»²³⁴. Другой потомок Германариха, некто Беремуд (Беримуд), через некоторое время «пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства [над ними] и последовал за племенем везеготов в Гесперийские страны». Это отступление части остготов случилось в 419 году²³⁵.

М. Б. Шукин высказал предположение, что описанная Иорданом битва между потомками Германариха с участием гуннов отражена в одной из песен Старшей Эдды — Песни о Хлёде. Правда, герои ее носят другие имена, но речь там идет

о том, как после смерти некоего готского властителя борьба за власть разгорелась между его наследниками, один из которых, Ангантюр, представлял интересы готов, а второй, Хлёд, будучи готом лишь наполовину (его мать — пленная гуннская принцесса), оказался ставленником гуннского конунга Хумли. Не все географические названия этой песни поддаются расшифровке, но речь, во всяком случае, идет о Восточной Европе, вероятно, о Карпато-Дунайском регионе, что лишний раз наводит на ассоциации с текстом Иордана²³⁶.

Гуннский властитель Хумли предлагает Хлёду вместе напасть на готов:

Мы проведем
эту зиму в довольстве,
станем беседовать,
мед распивая;
гуннов научим
оружье готовить
и смело его
в бой понесем.

Славную, Хлёд,
соберем мы дружину,
доблестно будут
воины биться,
герои-юнцы
на двухлетках-конях,
войско такое
будет у гуннов.

Гуннское войско подступило к границе и разбило готов, которых возглавляла готская дева-воительница Хервёр, сестра обоих противоборствующих братьев. Вестник доложил Ангантюру:

С юга я прибыл
с такими вестями:
в пламени лес,
Мюрквида чаша,
залита кровью
готов земля.

Знаю, что в битве
Хейдрекса дочь,

сестра твоя, пала,
сраженная насмерть,
гунны ее
убили и с нею
воинов многих
из готского войска.

Войско самого Ангантюра было немногочисленно. Окинув взглядом свою дружину, он с горечью сказал:

Много нас было
за чашею меда,
да мало осталось
для ратного дела.

Что же касается гуннов, про них было известно следующее:

Шесть боевых
у гуннов полков,
в каждом пять тысяч,
а в тысяче — сотни
счетом тринадцать,
в каждой же сотне
вчетверо больше
воинов смелых.

Тем не менее готы выступили против своих противников. Прозаическая часть Песни рассказывает:

«На следующий день они начали битву. Они бились целый день и вечером вернулись в свои шатры. Так они сражались восемь дней <...>. День и ночь к Ангантюру подходили подкрепления со всех сторон, так что у него было не меньше народу, чем вначале. Битва стала еще жарче, чем раньше <...>. Готы защищали свою свободу и свою родину, сражаясь против гуннов, они поэтому стойко держались и подбадривали друг друга. К концу дня натиск готов стал так силен, что полки гуннов дрогнули. Увидев это, Ангантюр вышел из ограды щитов, стал во главе войска и, взяв Тюрвинг (знаменитый меч. — *Авт.*) в руки, начал рубить людей и коней. Ограда щитов вокруг конунга гуннов была прорвана, и братья сошлись друг с другом. Тут Хлёд пал, и конунг Хумли пал, и гун-

ны обратились в бегство, а готы убивали их, и убитых было так много, что реки оказались запружены и вышли из берегов, и долины были заполнены мертвыми лошадьми и людьми и залиты кровью».

Все это более или менее согласуется с рассказом Иордана о побоище, «которое устроил Винитарий в войске гуннов». Но Песнь о Хлёде заканчивается гибелью гуннского конунга и его союзника Хлёда. Если верить Эдде, готы одержали окончательную победу:

«Ангантюр пошел тогда на поле боя посмотреть на убитых и нашел своего брата Хлёда. Тогда он сказал:

Сокровищ тебе
немало сулил я,
немало добра
мог бы ты выбрать;
битву начав,
не получил ты
ни светлых колец,
ни земель, ни богатства.

Проклятье на нас:
тебя я убил!
То навеки запомнят;
зол норн приговор!

Ангантюр долго был конунгом в Хрейдготаланде. Он был могуч, щедр и воинствен, и от него произошли роды конунгов»²³⁷.

Согласно Иордану, дела у готов сложились совсем иначе, и готский предводитель Винитарий был убит в третьем сражении. Да и другие источники, включая археологические, говорят о том, что гунны уверенно продвигались на запад, покоря всех на своем пути.

Несколько иную по сравнению с Иорданом, но в общих чертах схожую картину взаимоотношений готов и гуннов рисует Марцеллин. Он пишет, что после смерти Германариха царем остготов был избран Витимир. Главным противником его в эти годы Марцеллин считает алан, которым Витимир безрезультатно пытался сопротивляться, опираясь на одно из гуннских племен, «которых он за деньги привлек в союз

с собою». Существует предположение, что Витимир Марцеллина и Винитарий Иордана — это одно и то же лицо²³⁸. Напомним, что, согласно Иордану, Винитарий тоже некоторое время состоял в союзе с гуннами (а точнее, подчинился им). В таком случае аланы, с которыми сражался Витимир, — это те, кого Иордан называл антами. Так или иначе, скорее всего, Витимир воевал с каким-то из племен уже зарождающегося гуннского союза, опираясь при этом на самих гуннов. В конце концов он «пал в битве, побежденный силой оружия». Сын его был еще мал, и бразды правления временно взяли на себя «Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа». Однако они не смогли противостоять натиску с востока и вынуждены были отступить к берегам Днестра, где уже давно обосновались их родичи вестготы²³⁹.

Вестготами правил Атанарих, которого Марцеллин называет «самым могущественным в ту пору царем»²⁴⁰. Узнав о скорбной судьбе теснимых гуннами алан и остготов, он принял меры на случай, «если и на него будет сделано нападение, как на остальных». Атанарих разбил на берегах Днестра большой лагерь и занялся приготовлениями к войне, а два его передовых отряда отправились навстречу противнику в качестве разведчиков.

«Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал, — сообщает Марцеллин. — Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха».

Ошеломленные неожиданным нападением, вестготы потеряли часть своего войска и отступили. Атанарих в панике начал строить на землях между Прутом и Дунаем «высокие стены». Гуннов эти постройки не слишком смущали — они продолжали теснить готского царя «и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи».

Марцеллин пишет: «Между тем среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведо-

мый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадаетея навстречу».

Единству вестготов настал конец. Большая часть их бросила своего царя и «стала искать место для жительства подальше от всякого слуха о варварах»²⁴¹. Сообщения хронистов пестрят именами новоявленных вождей. Иордан, например, вовсе не упоминает злополучного Атанариха (он появится в его труде позднее), а пишет о Фритигерне, Алатее (Алафее) и Сафракке, которых он называет вождями вестготов²⁴²; Марцеллин же сообщает, что Алафей и Сафрак были остготами, бежавшими на запад от гуннов²⁴³. Так или иначе, подавляющее большинство готов, кто бы их ни возглавлял, ринулись под защиту Рима. Они направили к императору Валенту послов с просьбой дозволить им перейти Днестр и обосноваться во Фракии, Мёзии и Прибрежной Дакии — в землях, которые непосредственно входили в состав Римской империи и числились римскими провинциями²⁴⁴.

Разрешение было получено. Византийский историк Сократ Схоластик так пишет о Валенте: «Для поселения назначил он им Фракию и в сем деле почитал себя очень счастливым, ибо рассчитывал приобрести в них готовое и благоустроенное войско против неприятелей и надеялся, что варвары будут более страшными охранителями пределов империи, чем сами римляне. Посему с того времени он не заботился о пополнении римских войск...» Но готы не оправдали надежд императора: «Получив Фракию и безопасно владея римской областью, варвары не вынесли своего счастья»²⁴⁵.

Впрочем, «счастье» переселенцев было весьма сомнительным. Их, по сообщению Иордана, «постигли, — как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, — оскудение и голод». О тяжелом положении готов, перешедших Дунай, пишут многие историки того времени. Что же касается римлян, то они развернули на берегах Дуная бойкую спекуляцию продуктами, продавая «не только мясо, баранье или бычье, но даже дохлятину — собачью и других нечистых животных, причем по высокой цене; дело дошло до того, что любого раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины». Скоро голодающие были вынуждены продавать предприимчивым римлянам не только рабов, но и собственных детей»²⁴⁶.

И в конце концов они, как пишет Павел Орозий, «принужденные голодом и несправедливостями взяться за оружие, разбив войско Валента, разлились по Фракии, наполняя все вокруг убийствами, пожарами и грабежами»²⁴⁷.

Это было началом конца Римской империи. Теперь разногласия между готами, аланами и гуннами отступили на второй план. Варвары хотя и воевали между собой, но охотно объединялись для того, чтобы совместно грабить имперские земли. Впервые за многие века Риму пришлось не сдерживать натиск противников на приграничных территориях, а сражаться на собственных, давно уже вошедших в состав державы.

Готы «призвали к себе шайки гуннов и аланов, соблазнив их надеждой на огромную добычу»²⁴⁸. Вооруженные орды варваров захватили юго-западные провинции. «Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми»²⁴⁹.

Решающая битва между варварами и римлянами произошла неподалеку от города Адрианополь в 378 году. Варваров возглавлял готский вождь Фритигерн, римским войском командовал Валент, лично принявший участие в битве, которая стала для него последней. После долгого сражения римляне были полностью разбиты, и остатки их войска бежали с поля боя. Император был ранен стрелой во время бегства и вскоре умер. Некоторые говорили, что приближенные спрятали раненого Валента в деревенской хижине, а варвары, не зная, что в ней укрывается столь высокопоставленный противник, подожгли ее, и император погиб в огне. Так или иначе, тело его не было найдено. Всего же римляне потеряли в этой битве две трети своего войска. Марцеллин пишет, что «только битва при Каннах была столь же кровопролитна, как эта»²⁵⁰.

Разгромив римскую армию, готы под предводительством Фритигерна осадили Адрианополь. Правда, город так и не был взят. Но вскоре, по сообщению Марцеллина, который и раньше упоминал гуннов и алан в составе готских орд, к готам вновь «присоединились воинственные и храбрые гунны и аланы, закаленные в боевых трудах». Объединенные вой-

ска варваров двинулись на Константинополь, «неисчисли-мые сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты». Город спасло чудо: в нем случайно оказался отряд союзников-сарацинов, которые имели обыкновение прямо на поле боя пить кровь из горла поверженного врага. Этот обычай (по крайней мере, по утверждению Марцеллина) внушил такой ужас осадившим Константинополь варварам, что они оставили мысль о сокровищах столицы и «рассыпались по северным провинциям»²⁵¹, дойдя до самого подножия Юлиевых Альп, которые в древности назывались Венетскими*.

Значительная часть гуннов вскоре после битвы при Адрианополе, вероятно, обосновалась в Среднедунайской низменности, в том числе в Паннонии, точнее, в какой-то ее части. Вся Паннония гуннам не принадлежала никогда. Здесь долгое время обитали готы, аланы и сарматы, вандалы, гепиды... В 396 году в Паннонии Прима на правах федератов** были поселены маркоманы. Здесь всегда сохранялось какое-то количество римских городов и гарнизонов. Здесь существовали земледельческие поселения — во времена гуннского владения они могли находиться под властью гуннов, но там продолжали жить люди, которые появились в этих местах значительно раньше. Четких границ между всеми этими группами не существовало. И готы, и гунны периодически договаривались с империей о том, что какая-то часть Паннонии будет им отдана для поселения, порой они теряли эти земли, потом получали или захватывали новые. Административно историческая область Паннония была разделена на несколько провинций. Но реальная карта Паннонии постоянно перекраивалась. Позднее, во времена Аттилы, Паннония стала сердцем его державы, хотя при этом главная ставка вождя находилась на другом берегу Дуная.

По поводу того, когда гунны избрали эти земли ядром своего кочевого государства, существуют разные точки зрения —

* Юлиевы Альпы — юго-восточный отрог Альп и его продолжение на юго-восток; фактически, готы дошли почти до Адриатики.

** В период Поздней Римской империи — племена варваров, несшие военную службу на границах. Получали от империи пограничные земли для поселения и жалованье.

некоторые считают, что Паннонию гунны получили лишь в 425 году от римского военачальника Аэция, которому они помогали в войне с готами²⁵². Но в хронике Марцеллина Комита (не путать с Аммианом Марцеллином) под 427 годом идет следующая запись: «Паннонские провинции, которые удерживались в течение 50 лет гуннами, были возвращены римлянами»²⁵³. И это значит, что гунны осели в этих местах еще в 377 году (а скорее, в 378-м, после битвы при Адрианополе).

Примерно о том же пишет Иордан: «В двенадцатый год правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти пятидесятилетнего обладания ею»²⁵⁴. Правда, король вестготов Валия царствовал только четыре года (с 415 по 419 год) и о «двенадцатом» годе его правления речь идти не может — в этом Иордан явно ошибся. Но если понимать слова Иордана как «двенадцатый год от начала правления Валии», то получится тот же самый 427 год, что и у Марцеллина Комита, и соответственно та же самая дата заселения Паннонии гуннами. Существует мнение, что Марцеллин Комит и Иордан почерпнули эти сведения из одного и того же источника. Но нет особых оснований думать, что источнику этому нельзя доверять. Во всяком случае, Марцеллин Комит, первый канцелярий императора Юстиниана, имевший доступ к константинопольским архивам и писавший свою хронику достаточно скоро после описанных событий (в середине VI века), был, очевидно, хорошо осведомлен²⁵⁵.

Близкой точки зрения придерживается современный хорватский исследователь Х. Грачанин. Он считает, что гунны уже в конце 378-го или, самое позднее, в начале 379 года появились в провинциях Паннония Секунда, Савия и Валерия (напомним, что некогда существовавшая провинция Паннония к этому времени была разделена на четыре провинции: Паннония Прима, Паннония Секунда, Савия и Валерия). После этого они в кратчайший срок, уже в качестве римских федератов, закрепились в Паннонии вместе с готами и аланами. Но теперь им выделили для поселения северные провинции: Валерию и Паннонию Приму и, возможно, северную часть Паннонии Секунды. Юг Паннонии, который служил связующим звеном между Западной и Восточной частями империи,

римляне никому, конечно же, уступить не могли. Забегая вперед, отметим, что и южным провинциям Паннонии позднее тоже случалось попадать под власть гуннов, но римляне стремились вернуть эти земли в первую очередь²⁵⁶.

Надо отметить, что археологических находок, которые позволили бы с уверенностью говорить о захвате Паннонии гуннами в конце IV века, практически нет — там известны только два гуннских погребения, которые, возможно, были совершены в IV веке (но не исключены и первые десятилетия V века)²⁵⁷. Однако это не свидетельствует о том, что в те годы гуннов в Паннонии не было. Для кочевых народов достаточно характерно, что между их появлением на какой-то территории и появлением оставленных ими здесь же археологических комплексов проходит некоторое время. Чем более подвижный образ жизни ведет народ, тем меньше следов он оставляет для археологов²⁵⁸. Очевидно, образ жизни гуннов в эпоху завоеваний был крайне подвижным — у них еще не было своей территории, собственно уверенности в завтрашнем дне. Воинам, их женам не было смысла обрывать вешами, домашним скарбом, налаживать какое бы то ни было хозяйство. И погребения «ранних гуннов», в том числе в Паннонии, возможно, «неузнаваемы» для археологов из-за скудости инвентаря. Кроме того, даже погребения, имеющие богатый инвентарь, обычно датируются с точностью лишь до нескольких десятилетий — ведь и технологии, и мода на изделия определенного стиля и облика в древности менялись медленнее, чем сегодня...

Забегая вперед отметим, что, когда бы гунны ни поселились в Паннонии, она принадлежала им до самого краха державы Аттилы. Упомянутое Иорданом и Марцелином Комитом изгнание их из этих мест в 427 году было временным, очень скоро гунны восстановили здесь свою власть.

Впрочем, как мы уже говорили, вся Паннония им никогда не принадлежала, а по поводу захвата (или мирного получения от римлян) отдельных ее частей — исследователи спорят до сих пор, называя разные даты обретений и потерь²⁵⁹. Кроме того, часть гуннов обитала на правом берегу Дуная, в землях, непосредственно примыкавших к Паннонии.

Но далеко не все гунны обосновались в Паннонии и ее окрестностях. Об этом сообщает, например, историк Фило-

сторгий — современник описываемых событий. Он различает гуннов, которые перешли Дунай, «вторглись в римские владения, заняли всю Фракию и стали опустошать целую Европу», и их соплеменников (вероятно, живших восточнее*), — тех, что позднее, в 395 году, отправились в большой поход еще дальше на восток (перешли Танаис и «двинулись к восходу солнца»)²⁶⁰. Последние, возможно, с самого начала осели далеко к востоку от Дуная.

Географ Маркиан Гераклеийский в сочинении «Объезд внешнего моря» писал: «Землю по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хуны»²⁶¹, — это дает основания думать, что ему были известны и «азиатские хуны», то есть гунны, жившие по другую сторону Танаиса.

Есть даже мнение, что в степях Северного Причерноморья были сосредоточены основные силы гуннов — здесь завоеватели владычествовали над покоренными аланами и готами, которые тоже далеко не все ушли на запад²⁶². Правда, археологические находки такую точку зрения скорее не подтверждают. Погребения гуннов в этих местах очень немногочисленны, их известно всего несколько десятков, причем абсолютное их большинство датируется V веком. Собственно, на всю Восточную и Центральную Европу известно только пять гуннских погребений, которые можно с той или иной степенью вероятности отнести к концу IV века, причем два из них найдены в Паннонии²⁶³. Хотя надо отметить, что точная датировка погребений далеко не всегда возможна и погребения гуннов, осевших на востоке в первые годы их экспансии, трудно отличить от более поздних.

В целом же, если опираться на данные археологии, создается впечатление, что в гуннскую эпоху степи Причерноморья изрядно обезлюдели по сравнению с предшествующим временем — на запад отправилось не только подавляющее большинство гуннов, но и огромное количество покоренных ими алан²⁶⁴. Но какая-то часть гуннов все-таки осталась в Причерноморье и благополучно обитала здесь в те годы, когда их соплеменники покоряли Европу. О том, какие следы

* По крайней мере, так понимал текст Филосторгия В. В. Латышев (см.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 3. С. 282).

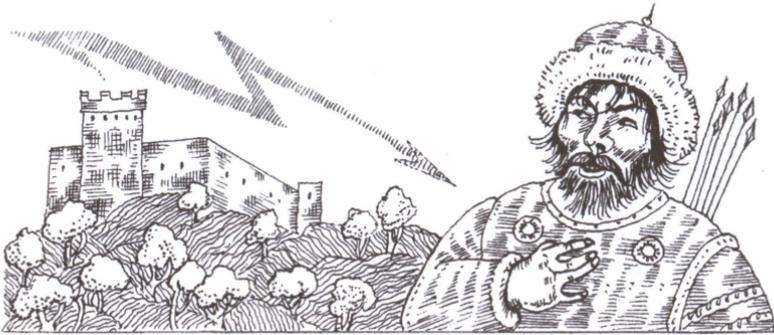
они здесь оставили, мы подробнее поговорим в главе, посвященной гуннской археологии.

Не известно, составляли ли гунны единую державу или хотя бы союз после того, как они расселились на огромной территории от Восточного Причерноморья до Паннонии. В исторических хрониках мелькают имена их вождей (о них мы будем говорить позже), но ни об одном из них нельзя с уверенностью сказать, до каких пределов простирались земли, которые он контролировал. Австрийский историк, исследователь гуннов Отто Менхен-Хельфен выделяет в начале V века четыре группы западных гуннов²⁶⁵ (но кроме них были еще и восточные).

Отдельно стоит сказать о гуннах, якобы проживавших в Предкавказье. Некоторые исследователи настаивают на том, что гунны с конца IV века обитали в том числе и там. Об этом пишет, например, А. В. Гадло²⁶⁶. Но ссылки исследователя на Филосторгия и на Маркиана Гераклейского представляются авторам настоящей книги не слишком убедительными. Филосторгий действительно различал гуннов западных и гуннов «других, [живших] восточнее»²⁶⁷. А Маркиан, как мы уже говорили, писал о европейских гуннах, что наводит на мысль о существовании еще и азиатских. Но ни один из этих авторов, во всяком случае, не помещал своих героев в Предкавказье. Предкавказье вообще было мало известно византийцам той эпохи, и Филосторгий, говоря о восточных гуннах, вряд ли уносился мыслью дальше Танаиса, а Маркиан в лучшем случае намекал на гуннов, живших непосредственно за этой границей Европы и Азии — то есть в нижнедонских и приазовских степях.

Раннесредневековые авторы любили называть гуннами самые разные народы, на самом деле не имевшие к гуннам прямого отношения. В частности, армянские писатели охотно рассказывали о восточнокавказских «гуннах». Но анализ их текстов позволяет заключить, что европейские гунны отнюдь не считали этих тезок своими родичами и что никакого этнического сходства между этими народами не было²⁶⁸.

Глава 5 Рождение державы

В кровопролитных битвах, разразившихся в 70-е годы IV века на западных границах Римской империи, равно как и в политических событиях ближайших десятилетий, гунны сыграли роль спускового крючка. Они струнули с места огромные орды варваров, прежде всего алан и готов, которые обитали к востоку от границ империи, но победоносное шествие на запад очень быстро исчерпало силы гуннов, и новоявленные жители Европы уходят в тень, уступая ведущую роль побежденным ими готам. Сами гунны, хотя и упоминаются в составе готских армий, в это время еще недостаточно сильны, чтобы бросить вызов Риму, — они сделают это примерно полвека спустя. Время от времени они совершают набеги на римские провинции и на соседние государства (например, Персию), но это лишь грабежи, которые не представляют серьезной угрозы. Пока что главное противостояние в Европе будет разыгрываться между готами и Римской империей, которой буквально через несколько лет предстоит окончательно разделиться на Западную и Восточную (Византию). В эти годы гунны будут понемногу накапливать силы; они постоянно мелькают на страницах исторических хроник, но пока еще в качестве второстепенных участников политических событий, сотрясавших Европу. Од-

нако события эти были столь важны, что о них стоит вкратце рассказать, хотя гунны далеко не всегда играли в них главную роль, и роль эта, во всяком случае, не была решающей.

После гибели Валента II под Адрианополем Грациан избрал своим соправителем на востоке полководца Феодосия, которому суждено было впоследствии объединить державу под своей единоличной властью, окончательно разгромить язычество, уничтожить свободу совести, удостоиться титула Великий и стать последним императором единой Римской империи. Выбор Грациана основывался прежде всего на том, что Феодосий успел проявить себя хорошим полководцем. В тексте, приписываемом Аврелию Виктору, говорится: «...Когда [Грациан. — *Авт.*] увидел, что готы-гаифалы, а также гунны и аланы, которые хуже всякой напасти, владеют Фракией и Дакией как своими родными землями и что римскому имени угрожает крайняя опасность, он вызвал с общего согласия из Испании Феодосия в возрасте тридцати двух лет и поручил ему военное командование. <...> Феодосий же оказался выдающимся защитником и распространителем римского могущества. Он в нескольких сражениях разбил гуннов и готов, которые беспокоили республику при Валенте»²⁶⁹.

Впрочем, Феодосий не только побеждал в сражениях — он старался привлекать неприятеля на свою сторону. А поскольку варвары, разорявшие римские земли, ни к чему, кроме войны, пригодны на тот момент не были, император произвел среди них беспрецедентный по своим масштабам набор в римскую армию²⁷⁰.

На одиннадцатом году правления Феодосия некий Латиний Пакат Дрепаний в своем панегирике говорил, обращаясь к императору: «Все скифские племена, склоненные этой твоей добротой, стали стекаться к тебе в таком количестве, что, казалось, ты приказал варварам произвести рекрутский набор, от которого освободил своих подданных. О событие, достойное сохраниться в памяти! Под командованием римских вождей и под римскими знаменами шел прежний противник Рима: он следовал за армией, против которой [некогда] боролся, и города Паннонии, которые прежде опустошал своими безжалостными грабежами, наполнял своими воинами. Сам гот, и гунн, и алан откликнулись на [твой] зов, и по очереди несли охрану, и боялись показаться недостаточно усердными...»²⁷¹

Отметим, что, хотя гунны и упомянуты в Панегирике наравне с готами, готы интересовали Феодосия значительно сильнее. Не случайно на третьем году своего правления (в 381 году) он пригласил в Константинополь короля вестготов Атанариха, устроил ему торжественный прием и даже сам вышел из городских стен навстречу высокому гостю. Варвар был потрясен как роскошью столицы, так и оказанными ему почестями. Но ему недолго пришлось наслаждаться плодами цивилизации: Атанарих умер, проведя в Константинополе всего лишь пятнадцать дней. Тогда Феодосий устроил гостю пышные похороны. Как пишет Зосим, «роскошь погребения была столь велика, что все варвары были поражены ее чрезмерностью»²⁷². Феодосий не ошибся в расчетах: готы не устояли против его милостей. Как сообщает Орозий, «после смерти короля все племена готов, восхищенные доблестью и благосклонностью Феодосия, передали себя под власть Римской империи»²⁷³.

Договор, заключенный между римлянами и вестготами, сводился вкратце к следующему: готы получали для поселения Фракию и становились подданными империи (с правом самоуправления), они освобождались от налогов и даже получали денежные выплаты от государства, но обязаны были поставлять свои отряды в римскую армию. В чем-то их положение напоминало положение российского казачества. Но договор этот соблюдался очень недолго. Столь желанная готам Фракия была разорена еще в конце 70-х годов (в том числе стараниями самих готов и союзных им гуннов), и жить в ней было не слишком комфортно. Кроме того, за несколько лет непрерывных войн среди варваров сложился многочисленный слой людей, которые не привыкли работать и предпочитали войну земледелию. Готы стали, по выражению австрийского историка Х. Вольфрама, «народом-армией» — народом, в котором мужчины были по преимуществу воинами, а женщины и дети сопровождали их в обозах²⁷⁴. Таким же народом в ту эпоху были и гунны, но тогда это еще мало кого волновало: после своего молниеносного броска на запад гунны на некоторое время ушли в тень — растревоженные ими готы затмили своих недавних победителей.

Заключив договор с готами, Феодосий наступил на те же самые грабли, что и Валент, который уже предоставлял им Фракию для поселения, — достаточно скоро готы расторгнут

мирный договор и изберут своим королем Алариха, которому суждено будет свершить то, что за последние восемь веков не удавалось ни одному полководцу, — захватить и разграбить Вечный город. Но пока что готская проблема была Феодосием временно урегулирована. И тут с самой неожиданной стороны пришла новая беда: в 383 году римские легионы в Британии провозгласили императором своего командующего Магна Максима. Гунны тоже оказались замешаны в этом мятеже, поэтому о нем стоит сказать несколько слов.

На тот момент в Римской империи было четыре легитимных правителя: на западе — Грациан и его юный брат Валентиниан II, на востоке — Феодосий Великий и его малолетний сын Аркадий. Магн Максим претендовал на западную часть империи, он захватил власть в Британии, Галлии и Испании — в борьбе с ним Грациан погиб. Феодосий некоторое время сохранял нейтралитет, и двенадцатилетний Валентиниан вынужден был согласиться с притязаниями узурпатора, чтобы сохранить за собой хотя бы Италию. Максим угрожал вторжением варварских армий на полуостров, и Валентиниану действительно пришлось отражать гуннов и алан, приближающихся к Италии (конечно, сам император в силу юного возраста принимал в этом лишь номинальное участие). Впрочем, проблема решилась бескровно: Бауто (Бавтон), полководец Валентиниана, сумел посорить варваров между собой и они повернули прочь. После этого гунны выступили уже на стороне Валентиниана, когда на провинцию Реция напало германское племя ютунгов. Отразив ютунгов, гунны оказались на самой границе владений Максима и готовы были идти на них войной. Но Валентиниан не решился ссориться с соседом-узурпатором, чьи силы превосходили его собственные, и ему пришлось за свое же золото покупать мир для Максима, заплатив гуннам за отступление²⁷⁵.

В 386 году* у империи возникли очередные проблемы с варварами. Предводитель остготов Оדותей (Одофей, Иדותей), «собрав огромные полчища не только из соседних с Истром племен, но и из весьма отдаленных и неизвестных, стал

* Зосим допускает противоречия при датировке этих событий; авторы настоящей книги принимают датировку Клавдиана — первый год консульства Гонория, который получил звание консула еще младенцем, в 386 году.

наступать со всеми [этими] полчищами и хотел переправиться через реку...»²⁷⁶ Надо думать, в многонациональную армию Ододея входили и гуннские отряды. Это тем более вероятно, что незадолго перед тем Феодосий, по словам Зосима, «отразил скиров и карподаков, соединившихся с уннами, и, победив в бою, принудил переправиться [назад] за Истр и занять свои области...»²⁷⁷ На этот раз варвары вновь были разбиты.

В 388 году Феодосий разгромил Магна Максима. Формально правителем запада вновь стал Валентиниан II, хотя фактическую власть получил полководец Арбогаст. После неожиданной (и, вероятно, насильственной) смерти Валентиниана Арбогаст возвел на трон своего ставленника Евгения. В 394 году Феодосий разбил узурпаторов с помощью союзных готов и на несколько месяцев объединил империю под своей единоличной властью. Соправителями его стали сыновья: в Константинополе — семнадцатилетний Аркадий, в Риме — десятилетний Гонорий.

В начале следующего года Феодосий умирает, и с этого момента единству империи приходит конец, теперь уже окончательный. Восточной и западной ее частям больше никогда не суждено было воссоединиться. Хотя формально все пока что остается по-прежнему, Востоком и Западом теперь управляют люди, которые уже не согласовывают друг с другом своих действий. После смерти Феодосия страну унаследовали его сыновья, но фактически обеими частями империи управляли временщики. Регентом Гонория стал полководец Стилихон. Аркадий был достаточно взрослым, чтобы взять на себя бразды правления, но он оказался человеком вялым — богослов и философ Синезий писал, что его существование «подобно существованию полипа»²⁷⁸. Поэтому реальная власть в Восточной империи стала переходить из рук в руки: сначала ее захватил опекун Аркадия Руфин, потом — препозит священной опочивальни* внук Евтропий и жена императора Евдокия...

Сразу после смерти Феодосия гунны совершили два мощных похода на земли агонизирующей империи. Трудно сказать, решили они воспользоваться воцарившимся безвластием или просто успели освоиться в Европе и накопить силы. Флосторгий уверял, что их экспансия была лишь одним из мно-

* Чиновник, заведовавший личными покоями императора.

гих бедствий, которые «ясно возвещали гнев Божий». В числе таковых бедствий, помимо гуннских набегов, он называет моровую язву («такой мор людей, какого никто не знал от начала мира»), голод, «нашествия сонмищ диких зверей», «необычайные землетрясения», огненные вихри, которые «причиняли разнообразный и невыносимый страх», выпадание града «более чем в булыжник» величиной, а также «глубокие снега и страшные морозы».

Вероятно, Филосторгий изрядно сгустил краски, потому что, например, крупных эпидемий в те годы зарегистрировано не было²⁷⁹. Что же касается «гнева Божия», его причины не вполне ясны, — за годы своего правления Феодосий издал ряд указов, окончательно разгромивших язычество и насильственно утвердивших в империи христианство, причем не любое, а никейского толка. Тем же, кто осмеливался веровать как-то иначе, император прямо объявил: «Они, кроме осуждения божественного правосудия, должны ожидать еще тяжких наказаний, которым по внушению небесной мудрости заблагорассудит подвергнуть их наше величие»²⁸⁰. Поэтому мысль Филосторгия о «гневе Божиим», обрушившемся на Римскую империю (точнее, на то, что от нее осталось), представляется несколько странной — ведь автор «Церковной истории» хотя и грешил склонностью к арианству, но одобрял деятельность Феодосия и особенно — «пламенное рвение, которое он проявил в борьбе с идолопоклонством». Интересно, что и святой Исидор Севильский считал гуннов «бичом Божиим», посредством которого «проявлялось Его негодование в отношении верующих»²⁸¹, — и это несмотря на массовую христианизацию всей страны непосредственно перед и во время гуннского нашествия.

Так или иначе, зимой 394/395 года гунны перешли по льду замерзший Дунай и обрушились на земли Восточной империи. По словам Филосторгия, они «заняли всю Фракию и стали опустошать целую Европу»²⁸². Надо сказать, что Филосторгий несколько преувеличил силы гуннов — вся Европа им была в те годы еще не по силам. Но Фракию они действительно разорили. Этот поход, быть может и не слишком губительный сам по себе, имел тем не менее крайне печальные последствия для Западной империи, потому что он снова стронул с места готов и стал одной из причин, которые в кон-

це концов привели Алариха под стены Рима. Но к этим событиям мы обратимся ниже.

Одновременно с набегом на западные земли Восточной империи гунны предприняли грандиозный по своей разрушительной силе поход на восток. Географию этих двух походов обрисовал их современник, поэт Клавдий Клавдиан, в поэме «Против Руфина»:

Одни переходят

Заледенелый Дунай и дробят колесами воды,
Свычные прежде с веслом; другие Каспийским проходом
По неоткрытым тропам сквозь армянские снежные кручи
Валом катят на богатый Восток. Дымится пожаром
Каппадокийский Аргей, где пасутся летучие кони,
Галис кровью течет, и горы уже не защита
Для Киликийской земли. Пустеют уголья привольной
Сирии; мчатся копыта врагов по долине Оронта,
Где невоинственный люд сроднился лишь с песней и пляской;
Льется из Азии плач!*

Несмотря на то что некоторые исследователи датируют восточный поход 398 годом²⁸³, множество неопровержимых свидетельств однозначно связывают его начало с годом 395-м. Только что процитированный нами Клавдиан пишет, что восточный поход гуннов (равно как и западный) был спровоцирован фактическим правителем Восточной империи Руфином. Поэт яростно обвиняет Руфина в том, что он лично и беспричинно натравил варваров на имперские земли:

«Что мне осталось? Одно: замутить небывалую смуту,
Чтобы погибель моя погибелью стала народам!»

.....
Так он сказал, и словно Эол, спускающий ветры
С цепи, препоны разверз, затопил племенами державу,
Войнам путь проторил и, следя, чтоб нигде не осталось
Незараженной страны, расписал истребленье по землям...²⁸⁴

* Claudian., In Rufin., II. 26–36. Каспийский проход — этим термином разные античные авторы называли различные объекты; здесь, видимо, имеется в виду Дарьяльское ущелье. Каппадокия, Киликия — области на востоке Малой Азии. Аргей — Эрджияс, гора в Каппадокии. Галис — Кызылырмак, река в Малой Азии. Оронт — река в Ливане, Сирии и Турции.

Клавдиан был придворным поэтом Стилихона, фактического правителя Западной империи, и поливать грязью противников своего патрона, в том числе и Руфина, было одной из его профессиональных обязанностей. Но Руфин погиб в 395 году, и какие бы немислимые козни ни приписывал ему Клавдиан, злополучный регент никак не мог организовать поход гуннов на восток в 398 году.

Дату восточного гуннского похода прямо называет Иешу Стилит, вспоминая опустошения, произведенные гуннами в Сирии в 707 году селевкидской эры (395–396 годы)²⁸⁵. Еще конкретнее дата Эдесской хроники, согласно которой «перешли гунны ромейские пределы» в месяце таммузе 706 года селевкидской эры — то есть в июле 395 года²⁸⁶.

Примерно о том же свидетельствует Иероним, который в одном из своих писем сообщает, что римские войска на момент начала гуннского похода находились в Италии в связи с «междоусобными войнами»²⁸⁷. Известно, что в конце 394 года армия Феодосия разгромила Евгения на севере Апеннинского полуострова и установила в Западной империи власть Феодосия и Гонория со столицей в Медиолане. Соответственно, в 395 году войска могли еще не успеть вернуться к месту своего постоянного пребывания.

В другом письме, написанном в начале 396 года, Иероним, рассказав о набегах варваров на запад империи, пишет: «Восток казался безопасным от этих бедствий; его тревожили только доходившие до него вести. Но вот, в прошедшем году, насланы и на нас из-за крайних гор Кавказа волки не Аравии уже, а севера, и быстро прошли множество провинций. Сколько пленено монастырей! Сколько рек переменили воды свои на потоки крови человеческой»²⁸⁸.

Судя по всему, набег на восток начался тогда же, что и на запад, — зимой 394/395 года — или чуть позже. По словам Филосторгия, в нем приняли участие те из гуннов, что осели, не доходя до Истра²⁸⁹, — возможно, те, что обосновались в землях алан и остготов.

А. В. Гадло считает, что в восточный поход отправились не просто восточные гунны, но именно гунны Предкавказья; что же касается слов Филосторгия, что они в своем движении на восток пересекли Танаис, — по мысли исследователя, писатель имел в виду не Танаис, а Фасис (река Риони)²⁹⁰. Авторам

настоящей книги такой подход представляется излишне избирательным — с их точки зрения, нет оснований думать, что в то время как гунны запада выступили в один поход, а «гунны» Предкавказья в другой, их соплеменники, обитавшие посередине, остались в стороне от общего дела. Кроме того, как мы уже говорили, сам факт существования предкавказских гуннов представляется весьма сомнительным. Хотя, конечно же, жившие в Предкавказье народы, как бы их ни называли раннесредневековые авторы и кем бы их ни считали современные исследователи, могли принять участие в этом походе вместе с собственно гуннами. Резонно считать, что гунны, жившие непосредственно к западу от Танаиса, отправились, как это и пишет Филосторгий, «в восточные области» и по дороге увлекли за собой племена, жившие в предгорьях Кавказа. Все вместе они «через великую Армению вторглись в так называемую Мелитену, потом оттуда устремились на Евфратисию, дошли до самой Келесирии и, промчавшись через Киликию, производили неслыханные человекоубийства»*.

Св. Иероним Стридонский писал: «Вдруг пришел в смятение весь восток, когда разнеслось известие, что из отдаленной Меотиды, лежащей между льдистым Доном и дикими племенами массагетов, оттуда, где ворота Александра кавказскими скалами сдерживают свирепых варваров, — нахлынули толпы гуннов, которые, налетая туда и сюда на своих быстрых конях, всюду разносили опустошение и ужас. <...> Неожиданно появлялись они всюду и, предупреждая молву своею быстротою, не давали пощады ни религии, ни почести, ни возрасту; не имели сострадания к плачущим детям. Не начавшие еще жить умирали насильственной смертью и, не зная своего несчастья, смеялись в руках и среди копий врагов. Общая единогласная молва говорила, что они идут в Иерусалим и стремятся в этот город, чтобы удовлетворить своей страшной жадности к золоту»²⁹¹.

В другом письме Иероним сообщает: «Осаде подвержена была Антиохия и прочие города, лежащие на берегах Галиса,

* Philostorg., XI.8. Мелитена — современная провинция Малатья на юго-востоке Турции; Евфратисию — римская провинция на западном берегу Верхнего Евфрата; Келесирия — здесь Палестина и Южная Сирия.

Цидна, Оронта и Евфрата. Уведены целые толпы пленных; наведен ужас на Аравию, Финикию, Палестину, Египет»²⁹². Отметим, что Иероним знал о набеге не по слухам — он сам в это время находился в Палестине. Беженцы покидали ее на кораблях, несмотря на сильные ветра и опасность морского плавания. Корабль, на котором святой должен был спастись от гуннского нашествия, готовился к отплытию, и Иероним ждал его на морском берегу со своими близкими. Но в последний момент он отказался взойти на борт, его удержали «любовь к святым местам» и «упроченное место»²⁹³ — Иероним соби-рался основать в Вифлееме монастырь, что позднее и сделал.

По древним источникам вырисовывается следующий путь гуннов: они переправились через Танаис, прошли через Каспийско-Черноморскую степь, по Дарьяльскому ущелью пересекли Кавказ и через Иберию (Восточная Грузия) вторглись в Армению. Они захватили Каппадокию, дошли до реки Галис (современная река Кызылырмак в Турции), разгромили Сирию и Палестину.

Возможно, что в рамках этой же военной кампании гунны совершили и набег на Персию — византийский историк и дипломат Приск Панийский сохранил описание некоего похода, в результате которого гунны были разбиты персами. Правда, Приск говорит о походе в Мидию, но под Мидией в те времена могли понимать самые разные земли: от огромной территории древнего Мидийского царства, которое уже около тысячи лет, как обратилось в прах, до небольшой исторической области на западе современного Ирана²⁹⁴.

В 448 году Приск посетил Аттилу в составе византийского посольства. Присутствовавший тут же римский посол Ромул сказал историку, что Аттила собирается покорять Персию и что путь туда гуннам, по их словам, знаком еще со времен их давнего вторжения в Мидию. Гунны вспоминали, что отправились в этот поход, «когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны». Вероятно, имелась в виду гражданская война Феодосия с Евгением и Арбогастом — она, правда, к тому времени успела закончиться, но имперские войска, как мы знаем от Иеронима, в 395 году еще находились в Италии. Во главе набega были некие Басих и Курсих — Приск называет их представителями «племени царских ски-

фов», но он вообще охотно называл всех гуннов скифами. А под «царскими скифами» он, вероятно, имел в виду правящую гуннскую верхушку²⁹⁵.

Гунны говорили, что они, выступив в поход, «прошли пустынную страну» и «переправились через озеро». Озеро это римский посол отождествлял с Меотидой. Что же касается лежащей перед озером «пустынной страны» — мы уже отмечали, что степи Юго-Восточной Европы в те годы изрядно обезлюдели, поэтому северные берега Меотиды, по которым гунны могли идти в сторону Таганрогского залива, вполне подходят под это описание. Через пятнадцать дней пути после переправы завоеватели, «перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию». Горами, через которые они перевалили, естественно, был Кавказ, точнее — Большой Кавказский хребет. Перейти через него гунны могли по Дарьяльскому ущелью, которое носило название Сарматские или Аланские ворота²⁹⁶.

«Между тем, как они пробегали ту землю и производили грабежи, напало на них многочисленное войско Персов, которые множеством стрел (как тучею), покрыли небо над Скифами (гуннами. — *Авт.*). Устрашенные опасностью, Скифы отступили и перешли опять горы, унося с собою немного добычи; ибо большая часть ее была у них отбита Мидами. Боясь преследования неприятельского, Скифы обратились к другой дороге, ехали [пропуск в тексте] дней по той, где пламя поднимается из скалы подводной, и воротились в свою страну»²⁹⁷.

Обратный путь гуннов из Персии, очевидно, пролегал вдоль Каспия, и пламя, которое они видели, было знаменитыми «бакинскими огнями» — выходами горючих газов на Апшеронском полуострове, к северо-востоку от современного Баку²⁹⁸.

По поводу того, когда состоялся «персидский» поход и был ли он частью «восточного» похода, единого мнения нет. Разные исследователи датируют его годами от 395-го до 441-го и даже 448 годом²⁹⁹ (чего уж совсем не может быть, потому что в 448 году Приску говорили об этом походе, как о происшедшем «давно»³⁰⁰). Известно, что Басих и Курсих, вернувшись из Персии, приезжали «в Рим для заключения военного союза» (под «Римом» Приск, вероятно, имел в виду не город, а империю), и делались попытки связать этот визит с одним из известных гуннских посольств. Но лишь в дошедших до нас отрывках из Приска (которые начинаются 433 годом) упоминается бо-

лее двадцати дипломатических встреч между гуннами и римлянами, и авторам настоящей книги попытка привязать Басиха и Курсиха к одной из них представляется весьма произвольной.

Есть основания думать, что поход гуннов в Персию состоялся, во всяком случае, задолго до того, как византийский дипломат узнал о нем. Ромул говорил Приску, «что уннам не безызвестен этот путь, так как они уже *давно* делали вторжение в Мидию». Он же сказал, что «римляне не оказали им сопротивления вследствие *случившейся тогда другой войны* (курсив наш. — *Авт.*)». Ни Ромул, ни пересказывающий его слова Приск не уточняют, что это была за война, — создается впечатление, что речь идет о событиях, подробности которых стерлись за давностью лет. И наконец, Ромул сообщил, что одной из причин похода был случившийся у гуннов голод. Конечно, голодные годы у людей, ведущих кочевое хозяйство, выпадают достаточно часто, и все же напрашивается мысль связать этот голод с тем, который упомянут у Филосторгия в преддверии похода 395 года.

В таком случае поход Басиха и Курсиха был всего лишь частью «восточного» похода, описанного множеством византийских авторов. Правда, у Приска ни слова нет о вторжении гуннов в Малую Азию и Палестину, а другие авторы, рассказывая о восточном походе, не упоминают Персию. Но противоречия в описании «восточного» похода гуннов у разных авторов, возможно, связаны с тем, что гунны отнюдь не выступали единым фронтом. Их многочисленные орды могли идти разными путями и оседать в разных местах. Соответственно, и изгоняли их из этих мест разные полководцы, причем в разное время.

Хотя гунны Приска и жаловались, что вернулись из похода с очень скромной добычей, «так как большая часть ее была отнята мидянами»³⁰¹, есть основания думать, что они необоснованно прибеднялись. Во всяком случае, Клавдиан сообщал: «Поля обезображены опустошениями, единственная надежда — в открытом море. Каппадокийские матери уведятся [в плен] за Фасис. Захваченный скот, уведенный из родных хлевов, пьет на Кавказе мерзлую воду и меняет пастбища Аргея на скифские леса. Цвет Сирии служит [в рабстве] за киммерийскими болотами, оплотом тавров...»³⁰²

Интересно, что всех пленников, захваченных в начале своего вторжения в Европу, гунны, по сообщению Иордана,

«принесли в жертву победе»³⁰³. Действительно, кочевое хозяйство не требует большого количества рабов, тем более что гунны тогда были народом очень мобильным и думали о военных операциях больше, чем о мирном скотоводстве. Но прошло всего лишь около двадцати лет, и теперь любые пленники — и каппадокийские женщины, и «цвет Сирии» — оказались востребованы. Видимо, значительная часть гуннов остепенилась и перешла к жизни более стабильной. А. В. Гадло даже считает, что в эти годы ослабевшие кочевые группы вытеснялись за пределы степи и оседали на землю³⁰⁴, но, вероятно, это происходило не столько с самими гуннами, сколько с завоеванными ими степняками, входившими в состав зарождающейся гуннской державы.

Не исключено, что «восточный» поход гуннов описан в древнегрузинской летописи «Житие картлийских царей»³⁰⁵, в главе «Нашествие хазар», — по крайней мере, такую гипотезу выдвигает А. В. Гадло³⁰⁶. В 395 году никаких хазар ни в Грузии, ни в ее окрестностях еще не наблюдалось, но хронику эту начали писать в XI веке, к тому времени память о гуннах давно выветрилась, а память о хазарах, чье государство соседствовало с Грузией в течение трех веков и распалось всего лишь век назад, была свежа. Поэтому летописцы могли, описывая события давно минувших дней, любых завоевателей-кочевников называть хазарами. В остальном же события, описанные в «Житии», в какой-то мере напоминают те, что изложены у Приска.

«Картлис цховреба» повествует о том, как хазары «прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди» (Дербент), и напали на Таргамосианов — потомков мифического героя Таргамоса, предка множества кавказских народов. Тогда же завоеватели, не удовлетворившись Дербентским проходом, воспользовались и горным путем, видимо Дарьяльским: «В первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы».

«Не в силах оказались Таргамосианы противостоять хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну Таргамосианов, сокрушили все города Арарата, Массиса и Севера... Хазары освоили оба пути, как-то: Морские ворота Дарубанди и ворота Арагвские, которые суть Дарияла. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосиа-

ны данниками хазар...» Так продолжалось до тех пор, пока в соседней Персии не воцарился некий Афридон. «Он поставил во главе огромного [персидского] войска эристава своего Ардама, выходца из рода Небротидов, и направил [в Картли]. Пришел Ардам в Картли и уничтожил здесь всех хазар, каких только мог обнаружить»³⁰⁷.

Впрочем, как отметил И. Г. Семенов, «с IV по X вв. северокавказские кочевники совершили по меньшей мере два десятка крупных вторжений в Закавказье», и в повествовании о рейдах «хазарского царя» могло отразиться любое из них³⁰⁸.

Некоторые исследователи, сопоставив поход Басиха и Курсиха с политическими реалиями первой половины V века, уверенно датируют его 421 годом³⁰⁹.

Но вернемся к 395 году. Какие бы разногласия ни существовали по поводу датировки похода Басиха и Курсиха, по крайней мере один набег гуннов — на восточные провинции Римской империи — в этом году состоялся. Другой поход, который гунны совершили в том же 395 году, был, как мы уже говорили, походом на запад, — они перешли по льду замерзший Дунай и вторглись во Фракию. Об этом событии сохранилось значительно меньше сведений — возможно, потому, что Фракия вот уже двадцать лет непрерывно разорялась самыми разнообразными варварами. Клавдиан, описав ужасы гуннского набега на восток, заметил:

А о паннонских краях, о фракийских беспомощных градах,
О придунайских равнинах никто уже больше не плачет:
Каждый год открыты они для ярости вражьей,
И ощущение беды перешло в тупую привычку³¹⁰.

Но это событие имело далеко идущие последствия. Фракия давно уже была населена готами, которые получили ее сначала из рук Валента, а потом, повторно, — из рук Феодосия. Готы в дни гуннского набега находились в Италии, где только что подавили мятеж Аргобаста и Евгения. Вернувшись, они застали свою новую родину опустошенной. Кроме того, у них возникли проблемы с получением причитающегося им жалованья и продовольствия. И тогда готы, под предводительством своего короля Алариха, двинулись на Константино-

поль — они требовали не только денег, но и новых земель для поселения — Фракия, в которой хозяйничали гунны и которая могла в любой момент вновь подвергнуться гуннскому набегу, их уже не устраивала.

Руфин тайно встретился с Аларихом, передал ему большую сумму денег и попросил пощадить Константинополь и вместо этого отправиться в префектуру Иллирик*, то есть в Грецию³¹¹.

Поскольку встреча эта была приватной, теперь уже трудно сказать, предложил ли регент Грецию готам для поселения или для разграбления — впрочем, в данном случае это было почти одно и то же. Так или иначе, готы не стали мирно возделывать земли Эллады, а отправились громить греческие города и даже осадили Афины.

Сограждане Руфина обвинили его в предательскомговоре с готами, а заодно и с гуннами — в последнем он был явно неповинен, но даже образованные византийцы не всегда

* Античные авторы, описывая события рубежа IV–V веков, очень часто упоминают некие территории, называемые Иллирик, сообщая, что за Иллирик спорили между собой императоры Востока и Запада и что здесь разыгралось немало сражений между римлянами и готами. Но проблема в том, что Иллириков было два, и современные исследователи иногда путают их или же вообще не задаются вопросом, о каком именно Иллирике идет речь в каждом конкретном случае.

Поздняя Римская империя была разделена на четыре (иногда — три) огромных префектуры. Одна из префектур называлась Иллирик (Восточный Иллирик) — в нее входили почти весь Балканский полуостров и прилегающие острова. Префектуры делились на диоцезы, а те — на провинции. Префектура Иллирик была образована позже других, входившие в нее провинции неоднократно перетасовывались и переходили под управление то западного, то восточного императора. Пока государство было единым, это не имело особого значения. Но после смерти Феодосия, который буквально накануне своей кончины в очередной раз определил границы Иллирика и передал его под власть Константинополя, вопрос о том, кому же он, собственно, должен принадлежать, стал очень актуальным. (О префектуре Иллирик и борьбе за нее см., например: *Сиротенко. Борьба*).

Кроме префектуры Иллирик существовал еще одноименный диоцез, иногда его называли Западный Иллирик, в который входили Далмация, провинции Паннонии и Норика. Диоцез Иллирик однозначно принадлежал к Западной Римской империи.

различали готов и гуннов, охотно именуя их всех скифами, а простые солдаты и вовсе не вдавались в нюансы этнонимии. Современник этих событий Сократ Схоластик писал: «...Воины умертвили царского префекта Руфина, ибо подозревали его в тирании и думали, что он призвал в римскую область варварский народ гуннов, которые около того времени опустошили Армению и другие восточные земли»³¹². При этом, по сообщению так называемой «Галльской хроники 452 года», «личная охрана из гуннов, на которую он опирался, была побеждена»³¹³.

Злополучный Руфин был убит солдатами военачальника по имени Гайна (Гаин) — гота по происхождению, которого Стилихон от имени императора Гонория послал к Аркадию якобы для защиты Востока. Гайна, по наущению Стилихона, лично руководил расправой, которая состоялась на глазах Аркадия³¹⁴. Восточный император не вступился за своего опекуна и за смерть его не отомстил. Впрочем, Гайна пережил свою жертву всего лишь на пять лет.

Вскоре после убийства Руфина Гайна изменил империи, поддержав восстание своего соплеменника, гота Требигальда (Требигильда), а после гибели последнего — возглавил войско варваров и осадил Константинополь. Осада не удалась — по единодушному мнению Филосторгия и Созомена, город защитило «какое-то небесное вооруженное воинство» — а именно, невесть откуда взявшееся «множество вооруженных воинов огромного роста»³¹⁵. Варвары были разбиты. Гайна бежал в Верхнюю Фракию и, по сообщению Зосима, «переправился за Истр, намереваясь возвратиться на родину и прожить там остальную жизнь». Но тут гунны, вот уже больше двух десятилетий традиционно бывшие врагами империи, неожиданно выступили в качестве ее союзников. Зосим пишет:

«Тем временем Ульдис (он же Ульдин, или Ульд. — *Авт.*), вождь гуннов, считая небезопасным позволять варвару с его собственной армией упускать Данубий, решил, что он порадует римского императора, прогнав Гайну, и подготовился встретить его в битве. Он собрал свою армию и построил ее перед врагом. Так как Гайна не мог вернуться к римлянам, а с другой стороны, не был способен избежать угрожающего столкновения с Ульдисом, он вооружил своих последовате-

лей и продвинулся вперед, чтобы встретить этих гуннов. Армии много раз вступали в бой, и в нескольких сражениях армия Гайны держалась до конца, но многие из воинов пали, включая самого Гайну, который сражался решительно и отважно»³¹⁶.

Филосторгий добавляет к этому, что гунны засолили голову Гайны и отправили ее в Константинополь³¹⁷.

Гайна был убит зимой 400/401 года, на рубеже нового столетия. Впервые гунны выступили как политические союзники империи. Отдельные их орды и раньше могли воевать на стороне римлян, но тогда их единственной целью была непосредственная нажива (напомним, что они шли на Валентиниана II по наущению Максима, потом защищали того же Валентиниана от ютунгов, и, наконец, лишь золото Валентиниана удержало их от нападения на своего вчерашнего «заказчика» Максима). Теперь же Ульд преследовал политические цели, и он их достиг: Аркадий наградил гуннского вождя и заключил с ним союз.

Набеги на Фракию от этого не прекратились, и их приписывали гуннам, но Зосим проясняет ситуацию, сообщая, что теперь многострадальную провинцию грабили «беглые рабы и другие перебежчики, называвшие себя гуннами»³¹⁸. Конечно, нельзя исключить, что кто-то из воинов Ульда мог примкнуть в разбойникам, но сам гуннский вождь, судя по всему, был достаточно долго верен договору с Аркадием, а точнее, со Стилихоном (забегая вперед, скажем, что он нарушит его лишь в 408 году, после гибели последнего). В 403 году св. Иероним, описывая христианизацию варваров, радостно писал из Палестины в Рим: «...гунны изучают Псалтырь...»³¹⁹ Конечно, само по себе изучение Псалтыря не слишком препятствует военным операциям, и все же слова святого намекают на то, что в эти годы гунны предавались заботам о душе больше, чем грабежам...

На некоторое время между Византией и гуннами воцарился мир. Что же касается Западной Римской империи — ее земли гунны и раньше тревожили не слишком часто. После короткой вспышки гуннской активности в 395 году основным конфликтом в Европе снова стал конфликт между римлянами и готами. Готы, вытесненные гуннами из Фракии и так

и не сумевшие (или не захотевшие) обустроиться в Греции, громили Балканы. Но ни Западная, ни Восточная империи не рвались защищать полуостров, ведь на тот момент было не вполне понятно, кому он, собственно, достанется в ближайшем будущем.

Согласно официальной воле Феодосия, после его смерти префектура Иллирик переходила под управление Аркадия. В то же время фактический правитель Запада Стилихон уверял, что Феодосий устно завещал ему регентство над обоими своими наследниками³²⁰. Стилихон был серьезным политиком и неплохим полководцем, слов на ветер он не бросал. И хотя всем было понятно, что Феодосий не мог оставить устное, сделанное без свидетелей завещание, которое противоречило бы официальному, слова Стилихона ясно указывали на его намерения подчинить обе части империи³²¹, причем начать он собирался, судя по всему, именно с Иллирика. Поэтому Руфин, желая увести готов от стен Константинополя, мог без особых угрызений совести отправить их на Балканы. А Стилихон, который послал войско для подавления мятежных готов, не проявлял излишнего усердия, преследуя Алариха. Формально империя еще оставалась единой, но на деле у Востока и Запада уже были разные интересы, и регенту Гонория не было особого резона освобождать от варваров чужую территорию.

Аркадий же, на землях которой Стилихон вяло гонялся за Аларихом, не знал, кого ему бояться сильнее — готов или претендента на регентство. В конце концов он, видимо, понял, что договориться с готами можно дешевле, чем со Стилихоним. Византия заключила с готами мир, включила их армию в состав своих вспомогательных войск и стала обеспечивать вчерашних врагов оружием и припасами. Аларих получил звание магистра армии Иллирика (префектуры Иллирик).

Тогда Стилихон, желая перетянуть Алариха на свою сторону, присвоил ему такое же звание и тоже стал снабжать готов оружием, деньгами и продовольствием. Правители обеих держав соревновались между собой, пытаясь перекупить готов. В результате в самое ближайшее время готская армия оказалась прекрасно экипированной и не замедлила этим воспользоваться. Готы потребовали для себя земель в Западном Иллирике и двинулись туда — на первый взгляд с самыми

мирными намерениями, сопровождаемые женами и детьми. Но случилось то же, что и в Восточном Иллирике: Аларих не удержался и стал громить Северную Италию. Стилихон двинул на него войска, в конце концов заключил с готами новый договор и вновь взялся выплачивать им жалованье как федератам Западной империи.

История эта стала повторяться с завидной регулярностью: отъездившие на имперских харчах и снабженные имперским оружием готы громили какую-нибудь из провинций Северной Италии, брали несколько городов, после чего заключали очередной договор и некоторое время мирно жили на римские деньги почти в самом сердце Западной империи.

Тем временем эпицентр главных европейских событий вообще сместился на запад — вероятно, восток был уже так разграблен, что не прельщал даже самых последних варваров. Исидор пишет: «...в десятый год правления Гонория и Аркадия (405 год н. э. — *Авт.*) король готов Радагайс, родом из Скифии, преданный культу идолопоклонства, свирепствующий с лютостью варварской дикости, приведя с собой тысячи воинов, начал беспощадное опустошение областей Италии, клятвенно обещая, если победит, дабы ославить Христа, посвятить кровь римлян своим богам»³²². Павел Орозий называет Радагайса «самым страшным среди всех бывших прежде и существующих ныне врагов»³²³. Он был, по-видимому, предводителем остготов или, возможно, какой-то ветви вестготов³²⁴. Исидор сообщает, что готы еще раньше разделились между Аларихом и Радагайсом³²⁵. Если верить Зосиму, Радагайс вел с собой «около четырехсот тысяч галлов и германцев со всего Дуная и Рейна»³²⁶. Орозий пишет, что «в его народе насчитывалось более двухсот тысяч готов»³²⁷. По мнению В. Будановой, вместе с Радагайсом, кроме остготов, шли сарматы, гепиды, саксы, бургунды, аламанны, вандалы, свевы...³²⁸. Во всяком случае, это была огромная армия, заставившая содрогнуться Рим, которому и так несладко приходилось от готов Алариха.

И тут на помощь Стилихону приходят гунны Ульда, с которыми он предусмотрительно заключил договор еще в 401 году. Орозий пишет: «И вот допускается, чтобы души других врагов с армиями своими склонились к оказанию помощи про-

тив свирепейшего того врага Радагайса: Ульдин и Сар, вожди гуннов и готов, выступают на защиту римлян...»³²⁹

Дальнейшие события разными авторами описаны по-разному. «Галльская хроника 452 года» сообщает: «Радагайс умер — до того как были разорены многие города; его войско, разделенное на три части разными предводителями, обнаружало некоторую возможность противостоять римлянам. Вспомогательными отрядами гуннов, развернутыми к блистательному триумфу, Стилихон полностью истребил [эти] трети вражеского войска [405 год]»³³⁰. Марцеллин Комит пишет: «Ульдин и Сар, короли гуннов и готов, разгромили Радагайса без промедления»³³¹. Павел Орозий и Исидор, напротив, о боевых успехах гуннов ничего не говорят, а сообщают, что войско Радагайса было окружено в горах и «ослабело скорее от голода, нежели от вражеского оружия»³³². В результате победа досталась союзникам практически бескровная, и они «людей продавали повсюду толпами, подобно дешевой скотине, по одному золотому за каждого»³³³.

Так или иначе, Радагайс был повержен с помощью гуннов. Забегая вперед, отметим, что именно эта военная операция, по мнению Исидора, стала причиной падения Рима. Историк пишет: «В эру 447* в пятнадцатый год императора Аркадия, узнав о смерти Радагайса, Аларих, его соправитель — будучи Христианином по имени, но еретиком по делам — сильно огорчился, что так много Готов убито Римлянами. Он вышел на битву против Рима, желая отомстить за кровь своих соплеменников. Осадив Рим, он ворвался внутрь после разрушительного штурма»³³⁴. Надо думать, Исидор несколько сгустил краски — Аларих и до гибели Радагайса постоянно воевал в Италии и грабил итальянские города. Но если в какой-то мере все-таки принять точку зрения Исидора, то победой над Радагайсом гунны — в очередной раз — приблизили падение Вечного города.

Если же рассматривать последствия этой победы, стоя на более прагматичных позициях, то противостояние Стилихона сразу двум готским вождям — Алариху и Радагайсу — привело к тому, что римская армия и армии союзных готов и гуннов оказались заняты в Италии. И тогда через Рейн в оставшую-

* 409 год.

ся без защиты префектуру Галлия хлынули племена вандалов, алан, свевов, бургундов...³³⁵ «Галльская хроника 452 года» объясняет это так: «Положено начало неистовству различных племен терзать Галлии — причем преимущественно по допущению Стилихона...»³³⁶

Вскоре Стилихон, которому хотя и не слишком успешно, но все же удавалось держать осаждающих империю варваров в каких-то рамках, был приговорен к смерти по подозрению в государственной измене. В «Галльской хронике» под 408 годом сообщается: «Между прочим имеет место пространное государственное постановление о смерти Стилихона, который строил козни против здравия императора»³³⁷.

Против Стилихона был послан готский вождь Сар³³⁸, еще вчера бывший его союзником в войне с Радагайсом. Личная стража Стилихона состояла из гуннов. Ночью готы Сара перебили спящих гуннов Стилихона. Сам полководец бежал в Равенну, где и был убит.

Стилихона, вандала по отцу, римляне давно упрекали в симпатиях к варварам и подозревали в том, что это по его наущению иноземные войска разоряют оба Иллирика, Италию, Галлию... Коренные жители империи стонали от засилья варваров и в армии, и в высших эшелонах власти. Убийство Стилихона и его гуннов прорвало последние препоны. Когда слух о нем дошел до Рима, стоявшие там солдаты вырезали всех находившихся в городе женщин и детей варварского происхождения и захватили их имущество. В ответ мужа и отца убитых — их набралось тридцать тысяч воинов — пришли к Алариху, требуя вести их на Рим.

В это же время гунны Ульда, которых смерть Стилихона освободила от заключенного ими мирного договора, двинулись на Фракию. Конечно, формально Стилихон был всего лишь полководцем (тем более что Гонорий давно уже вышел из возраста, когда императору требуется регент), но фактически Западную империю возглавлял он, и Ульд именно с ним заключал договор о мире, в союзе с его армией воевал. После того как Стилихон и охранявшие его гунны были предательски убиты, Ульд более не мог считать себя в безопасности на территории империи (напомним, что, несмотря на все противоречия между Востоком и Западом, империя продолжала считаться единым государством). Кроме того, в этом же, 408

году умер император Аркадий, ему наследовал его маленький сын Феодосий II, а фактическая власть перешла к регенту Антемию. По сути, Антемий и раньше управлял Византией после казни Евтропия, и все-таки смена императоров не могла не вызвать определенного напряжения. Ситуация осложнялась тем, что провозглашенный британскими солдатами император Константин III успел к этому времени подчинить себе значительную часть Западной империи — силы его были настолько велики, что Гонорий вынужден был объявить узурпатора своим соправителем.

По совокупности всех эти обстоятельств гуннам пришлось пересмотреть свои политические пристрастия. Поэтому сначала, как пишет Созомен, «унны, расположившиеся во Фракии, без войны и преследования [со стороны императора] со стыдом вернулись, потеряв большинство [своих] сил»³³⁹. Вернулись они на левый берег Дуная — реки, которая издавна служила естественной границей Римской империи. Но вскоре Ульд, вероятно, понял, что в обеих империях царят неразбериха и безвластие, которыми следует воспользоваться. Созомен пишет:

«Ульдис, предводитель [живущих] по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и расположился в пределах Фракии; взяв путем измены мисийский город Кастрартис*, он совершал оттуда набеги на остальную Фракию и по [своей] самонадеянности не хотел и слышать о договоре с римлянами. Когда начальник фракийских войск договаривался с ним о мире, он указал на восходящее солнце и сказал, что ему не трудно, если пожелает, покорить всю землю, которую оно освещает. Так угрожал он, приказывал [римлянам платить] дань по его усмотрению и на этом условии предлагал им или пользоваться миром, или ожидать войны. В [этих] затруднительных обстоятельствах Бог показал, какое он имеет попечение о нынешнем царстве. Именно, немного спустя до окруживших Ульдиса слуг и командиров дошли слухи о римском государственном устройстве и о чело-векколюбии императора, а [также о том], какими наградами чествует он храбрых и доблестных мужей. Не без воли бо-

* Возле современного города Кула на крайнем северо-западе Болгарии.

жией привлеченные этим, они перешли к римлянам и стали лагерем подле них вместе со своими подчиненными. Ульдис едва спасся [бегством] на ту сторону реки, потеряв многих [своих] и в [том числе] поголовно всех так называемых скиров*»³⁴⁰.

Тем временем на Западе последние дни многовекового господства римлян подходили к концу. Аларих потребовал от империи выплаты огромной суммы денег и обмена заложниками — за это он обещал увести своих готов из Северной Италии в Паннонию. В числе римских заложников, по требованию Алариха, должен был находиться знатный юноша Аэций³⁴¹ — позднее этот же юноша окажется заложником у гуннов и будет связан с ними, по сообщению франкского историка и епископа VI века Григория Турского, «тесной дружбой»³⁴², что не помешает ему возглавить римскую армию и нанести Аттиле сокрушительное поражение на Каталаунских полях...

Но все это будет позже. А пока что Гонорий отказался выполнить требования Алариха. Тем не менее обмен заложниками, видимо, произошел — по крайней мере, Григорий Турский пишет, что Аэций «в течение трех лет был заложником у Алариха, а затем у гуннов»³⁴³. Но деньги, во всяком случае, выплачены не были, и Аларих «отправил в Паннонию к брату своей жены Атаульф, которому подчинялась значительная часть воинских сил гуннов и готов, приглашение принять участие в его предприятии»³⁴⁴. Интересно, что рассказывающий об этом Зосим такой состав готского войска никак не комментирует, — вероятно, гунны, обосновавшиеся в Паннонии по некоторым данным еще в 378 году, составляли там значительную часть населения и по-соседски союзничали с обитавшими в ней готами.

В октябре 408 года армия Алариха, не дожидаясь прихода готско-гуннского подкрепления, осадила Рим. Столицей (по крайней мере, резиденцией императора) в то время была Равенна, но Рим оставался сердцем империи, здесь по-прежнему заседал сенат. В городе начался голод, и скоро осажден-

* В описываемую эпоху — германское племя. См.: Буданова, Варварский мир. С. 356.

ные были вынуждены начать переговоры. Аларих потребовал, чтобы ему было выдано все имевшееся в городе золото и серебро, все домашнее имущество жителей и все рабы варварского происхождения. На вопрос послдов, что же останется у римлян, варвар ответил: «Их души!»³⁴⁵ Римлян, несмотря на их бедственное положение и давно завершившуюся христианизацию, такой вариант не очень устраивал, и в конце концов они сторговались, пообещав выдать огромную, но все же конкретную контрибуцию: пять тысяч фунтов* золота, тридцать тысяч фунтов серебра, четыре тысячи шелковых одеяний, три тысячи пурпурных тканей и три тысячи фунтов перца. Кроме того, Аларих снова потребовал заложников — сыновей знатнейших граждан империи. На этих условиях он был готов заключить мир и даже в качестве союзника помогать римлянам против внешних врагов. Контрибуция была выдана, и, хотя вопрос с заложниками завис, Аларих снял осаду и отвел войска. С ним ушли сорок тысяч рабов-варваров, — впрочем, из Северной Италии все они уходить не торопились.

В 409 году на помощь Алариху подошли из Паннонии смешанные готско-гуннские войска Атаульфа. В этом же году Иероним, которого еще несколько лет назад радовали гунны, изучающие Псалтырь, с ужасом пишет:

«...Из настоящих бедствий перечислю немногие. Если мы немногие доселе остаемся в живых — это не по нашим заслугам, а по милости господа. Бесчисленнейшие и свирепейшие народы заняли все Галлии. Все [пространство], лежащее между Альпами и Пиренеем, все, заключенное [между] Океаном и Рейном, опустошили квад, вандал, сармат, аланы, гепиды, герулы, саксоны, бургундионы, алеманы и — о, достойное слез государство! — враги паннонские...»³⁴⁶

Под «врагами паннонскими» святой, видимо, имел в виду гуннов, хотя, конечно, ядро армии Атаульфа должны были составлять готы. Впрочем, некоторые гунны сражались и на стороне римлян. Зосим пишет: «Когда император узнал, что в его распоряжении нет больших сил, он отправил против Атаульфа всю армию, кавалерию и пехоту из различных городов вместе с их командирами. Магистру официий Олимпию он дал гуннов из Равенны в количестве 300 чело-

* Римский фунт (libra) равнялся 327,45 грамма.

век. Когда этот отряд нашел готов Атаульфа, он стал лагерем близ города Писа, а затем атаковал врага. Было истреблено одиннадцать сотен варваров, а гунны потеряли только семнадцать человек, но когда они увидели количество всех вражеских сил, то, испугавшись, что они могут быть окружены превосходящим врагом, благополучно возвратились в Равенну»³⁴⁷.

Но эта маленькая победа уже ничего не могла изменить: Аларих держал империю за горло. Он потребовал ежегодных выплат золота и зерна, а также несколько провинций для поселения своих людей. Соглашение не было достигнуто, и Аларих вновь двинул войска на Рим. В ответ Гонорий снова решил воспользоваться помощью гуннов, но теперь речь шла уже не о трех сотнях, а о целой армии. Император вызвал к себе подкрепление из десяти тысяч гуннов³⁴⁸. Куда делись эти гунны — непонятно, во всяком случае, Гонорию они не помогли. Готы осадили Рим, и перепуганные сенаторы возвели на трон римского сановника Аттала, лояльного Алариху.

В течение недолгого времени Аларих, Аттал, Гонорий (который цеплялся за остатки власти, сидя в Равенне), Византия и узурпатор Константин вели между собой переговоры, заключали альянсы и вступали в военные стычки. Довольно скоро Аларих разочаровался в Аттале, лишил его императорского сана и отправился в Равенну, чтобы заключить мирный договор с Гонорием, но тут, как пишет Зосим, «судьба воздвигла неожиданное препятствие, ибо именно она вершила делами государства». Готский вождь Сар, который когда-то поддерживал римлян вместе с гуннами Ульда, а позднее перебил гуннскую стражу Стилихона, вновь решил вмешаться в большую политику. Произошло это достаточно случайно: Сар, который до этого времени соблюдал нейтралитет и не поддерживал ни Гонория, ни Алариха, по неведомой причине поссорился со своими готами, после чего у него осталось всего триста воинов. Опасаясь возможных стычек с Аларихом, Сар «рассудил, что не сможет противостоять ему с тремя сотнями воинов, и решил идти к Гонорию, чтобы помочь ему в войне против Алариха»³⁴⁹.

Вмешательство Сара сорвало мирные переговоры. И тогда Аларих в третий раз осадил Рим. Город был взят без боя —

кто-то из жителей, наголодавшихся в дни предыдущих осад, сам отворил ворота. На три дня Вечный город был отдан на разграбление варварам, среди которых были не только готы, но и гунны, пришедшие с Атаульфом.

В те годы варвары уже понемногу перекраивали карту Европы. После смерти Алариха наследовавший ему Атаульф захватил Галлию, а потом был вытеснен в Аквитанию и Северную Испанию — здесь вестготы осели надолго, образовав свое королевство со столицей в Тулузе. С 415 года им правил Валя, а потом королем долгие годы был Теодорих I (Теодорид). Пограничные области Северо-Восточной Галлии были заняты франками. В 407 году бургунды захватили Майнц и прилегающую к нему долину Рейна, а в 413 году стали федератами империи. Так возникло первое бургундское «королевство», столицей которого был Вормс.

В Византии императором с 408 года стал малолетний Феодосий II. Его правление продолжалось долго: Феодосий был свидетелем усиления гуннов, создания и расцвета их державы. Но дожить до краха этой державы ему не довелось — он умер за три года до смерти Атиллы. Впрочем, Феодосий не был реальным правителем — в отличие от своего знаменитого предка и тезки, он увлекался науками, юриспруденцией и каллиграфией больше, чем внешней политикой и войнами. Поэтому власть в Византии принадлежала сначала сестре императора, потом его жене и, наконец, очередному временщику евнуху Хрисафию.

В Западной Римской империи императорские регалии вернулись к Гонорию — их отослал ему Аларих, разочаровавшийся в своем ставленнике Аттале. Но держава возвратилась к Гонорию не в лучшем состоянии. В Галлии в это время хозяйничал Константин III, его сын Констант II захватил Испанию. Констант вскоре был убит, но вместо него императорскую власть захватил новый узурпатор, Максим (не путать с Магном Максимом). В Германии при поддержке варварских вождей был объявлен еще один узурпатор — Иовин. Полководец Гонория, Констанций, — человек, к которому постепенно переходила реальная власть в Западной империи, — разбил их всех при помощи Атаульфа.

Некоторое время Констанций поддерживает в империи какое-то подобие порядка. Благодарный Гонорий выдает за него свою сестру Галлу Плацидию и в 421 году назначает его соправителем, однако новоявленный император Констанций III вскоре умирает, и Западная империя вновь остается без твердой руки. А в 423 году умирает и сам Гонорий.

Детей у Гонория не было, и Галла Плацидия попыталась провозгласить императором Запада Валентиниана (будущего Валентиниана III), своего сына от Констанция III. Однако власть узурпировал секретарь Гонория, Иоанн. Его поддержал молодой полководец Аэций, совсем недавно появившийся на политической арене. К этому времени Аэций, происходивший из высшей римской знати, успел провести несколько лет среди варваров, будучи заложником сначала у готов Алариха, а потом — у гуннов. Знание варварского мира помогло ему стать самым влиятельным человеком Запада на ближайшие три десятилетия, несмотря на то что формально он никогда не обладал верховной властью. Главным козырем Аэция в первые годы его карьеры были связи, которые он сумел завести среди гуннской верхушки.

После взятия Рима Аларихом гунны довольно долго не являются в большой политике. Они продолжают участвовать в войнах в качестве союзников или наемников, но германские племена, крушившие в те годы Западную Римскую империю, затмили их в глазах хронистов, и упоминания о гуннах почти исчезли со страниц исторических хроник.

Одним из единичных сообщений о гуннах в этот период поделился Олимпиодор — и то лишь потому, что ему довелось побывать у них с посольством (предположительно в 412 году³⁵⁰). Посольство это было, скорее всего, рядовым, судьбы мира оно не решало, и историк не слишком ясно говорит, зачем он, собственно, отправился в опасное путешествие. Впрочем, что говорил сам историк, сегодня доподлинно не известно — его текст сохранился лишь в пересказе Фотия, который пишет об Олимпиодоре:

«Он рассказывает о Донате, о гуннах, о замечательном искусстве, с которым риксы их стреляли из лука, и о том, как он, историк, был отправлен послом к ним и к Донату; пишет о своих трагических скитаниях по морю, и об опасностях, и о том, как Донат, коварно обманутый клятвой, был

преступно умершвлен. Также о том, как Харатон, первый из [гуннских] риксов, распалился гневом за это убийство и как императорские дары умягчили и успокоили его»³⁵¹.

Из этого скромного отрывка не понятно, чьи интересы представлял Олимпиодор — Равенны или Константинополя; его биография допускает оба варианта³⁵². Не известно, где именно обитали те гунны, которых он навестил, — Е. Ч. Скржинская предполагает лишь, что где-то на левобережье Дуная, куда послы прибыли, в зависимости от исходного пункта путешествия, либо по Черному морю и затем по Дунаю, либо по Адриатическому морю, чтобы от далматских берегов идти на север³⁵³. По-разному понимают исследователи и отношения гуннских вождей, которые упомянуты в отрывке. Скржинская считает, что «первый из риксов», Харатон (Чарато), был соответственно главой гуннского союза племен, Донат же — лишь одним из вождей³⁵⁴. Но существует и мнение, что Харатон наследовал Донату³⁵⁵.

Исследователи сходятся во мнении, что злополучный Донат был убит не без участия римского посольства, но и это из текста Олимпиодора следует далеко не однозначно. Надо полагать, послы везли с собой подарки для гуннских вождей совершенно независимо от того, собирались ли они участвовать в местных интригах и убийствах. Естественно, что эти подарки были вручены, несмотря на траур. В сложившейся ситуации они могли отвлечь Харатона от его гнева на убийц (возможно, уже избалованных и казненных) и переключить на обсуждение политических вопросов. Трудно представить, чтобы какие бы то ни было подарки заставили такую крупную фигуру, как вождь гуннского племенного союза, простить коварное убийство одного из своих вождей. Да и сам Олимпиодор, если бы за этим убийством стояло его посольство, навряд ли говорил бы о «коварном» клятвopеступлении и «преступном» умершвлении.

Но если считать, что римские послы не покушались на жизнь Доната, тогда цель их визита остается необозначенной. Возможно, они собирались завербовать кого-то из гуннских вождей для участия в многочисленных боевых действиях, которые вели в те годы и Восточная, и особенно Западная империи. В таком случае посольство это особого успеха не имело, поскольку в битвах последующих лет гунны не слишком

прославились. Впрочем, нельзя исключить, что Олимпиодор должен был закрепить подарками непрочный мир между римлянами и варварами, — тогда надо признать, что посольство его было достаточно успешным. В течение десяти последующих лет гунны не запятнали себя особыми бесчинствами на римских территориях. Лишь в 422 году они нарушили мир и разорили Фракию.

О набеге этом известно очень немногое. Насколько известно авторам настоящей книги, единственной достоверной и непротиворечивой информацией о нем можно счесть краткое сообщение в хронике Марцеллина Комита под 422 годом: «Гунны опустошили Фракию»³⁵⁶. Но сохранилось еще одно упоминание о некоем набеге варваров, случившемся в царствование Феодосия Младшего. Церковный историк Феодорит Кирский пишет:

«...Когда предводитель кочующих скифов, Роил, с многочисленным войском перешел Истр, опустошал и грабил Фракию с угрозой, что осадит царственный город и при первом приступе возьмет его и разрушит, Бог бросил с неба громы и молнии и ими истребил как его самого, так и все его войско».

Под «кочующими скифами» Феодорит вполне мог иметь в виду гуннов — их часто называли скифами. Некоторые исследователи отождествляют Роила с гуннским вождем Руа (Ругила, Ругас) — дядей и непосредственным предшественником Атиллы на гуннском троне, а описанный набег — с тем, который был упомянут у Марцеллина Комита, и делают вывод, что гунны под предводительством Руа в 422 году приблизились к Константинополю³⁵⁷. Но авторы настоящей книги относятся к этим толкованиям с некоторой осторожностью. Во-первых, согласно Феодориту, царь Роил погиб от господней молнии, что же касается Руа, дяди Атиллы, он благополучно здравствовал до 434 года³⁵⁸. Если принять сообщение Феодорита буквально, то следует или отнести его к 422 году и признать, что Роил и Руа — разные лица, или же признать, что чудо это свершилось в 434 году — в год смерти Руа. Второе тоже сомнительно: согласно Приску, который был знаком с гуннскими делами лучше, чем кто бы то ни было, Руа в канун своей смерти находился в самых мирных отношениях с империей³⁵⁹. Впрочем, рассказ о гибели целого войска от

громов и молний, хотя бы и господних, трудно принять буквально. Авторы настоящей книги склоняются к мысли, что сообщение Феодорита следует понимать не в буквальном, а лишь в иносказательном смысле, что никак не умаляет его пастырских достоинств, но несколько снижает достоинства историографические.

Отметим, что рассказ о гибели гуннского вождя Ругаса от молнии передан и у Сократа Схоластика, но у этого автора он однозначно отнесен к 425 году, что тоже сомнительно. Как мы только что говорили, Ругас (Руа) умер в 434 году, и нет никаких оснований думать, что гуннами правили подряд два разных вождя с одинаковыми именами³⁶⁰. Но к рассказу Сократа мы скоро вернемся в соответствующем месте, поскольку он относится к чуть более позднему времени.

В промежутке между 415 и 420 годом V века гунны, возможно, совершили большой набег на Персию — это был уже упомянутый нами поход, подробно описанный Приском³⁶¹. По поводу его датировки, как мы уже говорили, ведутся споры. Во всяком случае, Томпсон и Шукин³⁶² помещают его именно в этот период. А. Г. Фурасьев и вслед за ним, Т. А. Габуев уверенно датируют его 421 годом³⁶³. Поэтому авторы настоящей книги, поскольку они придерживаются хронологического принципа, сочли необходимым здесь упомянуть о походе Басиха и Курсиха (как о возможно происходившем в это время), прежде чем переходить к событиям 20-х годов.

К 425 году относится очередной выход гуннов на европейскую политическую арену — правда, пока еще в качестве вспомогательной силы. После смерти императора Гонория власть в Западной Римской империи захватил узурпатор Иоанн. Администрация Восточной империи его не признала и поддержала малолетнего Валентиниана (будущего Валентиниана III), сына Галлы Плацидии и Констанция III. Иоанн понимал, что дело идет к войне, и решил воспользоваться помощью гуннов.

Григорий Турский сообщает, что Иоанн «послал Аэция, который в то время был смотрителем дворца, с большим грузом золота к гуннам, известным Аэцию еще с того времени, когда он был у них заложником, и связанным с ним тесной дружбой, и приказал ему: как только вражеские отряды вторг-

нутся в Италию, он должен напасть на них с тыла, тогда как сам Иоанн ударит им в лоб»³⁶⁴.

Аэций выполнил поручение. По словам Филосторгия, он привел в Италию около шестидесяти тысяч варваров. Но Иоанну гуннская помощь была уже не нужна — из Константинополя против него были посланы войска; он был лишен власти и казнен за три дня до прихода гуннов. Аэций, возможно еще не зная об этом, вступил в бой со сторонниками Валентиниана, но после сражения мирное соглашение было достигнуто. Аэций отправил своих гуннов обратно; за это им было заплачено золотом, а сам полководец получил от благодарных Галлы Пладиции и Валентиниана звание комита³⁶⁵.

Сведения о мирном, хотя и небескорыстном возвращении гуннов в свои земли вступают в некоторое противоречие с сообщением Сократа Схоластика. Одна из глав его «Церковной истории» так и озаглавлена: «О том, что потерпели варвары, помогавшие тирану Иоанну». Там говорится:

«По смерти тирана призванные им на помощь против римлян варвары готовы были сделать набег на римские области. Узнав об этом, царь, по обычаю, все попечение возложил на Бога и, усердно помолившись Богу, скоро получил то, чего желал. А что именно случилось тогда с варварами, о том полезно послушать. Вождь их, по имени Ругас, поражается молнией и умирает, затем наступает язва и истребляет большую часть подвластных ему людей. Но этого одного было не довольно: кроме сего, ниспал еще с неба огонь и пожрал многих из оставшихся. Это уже привело варваров в величайший страх — не столько потому, что они осмелились поднять оружие против храброго народа римского, но гораздо более потому, что этот народ нашли под покровительством всеильного Бога».

Сократ утверждает, что сие чудо, по словам св. Прокла (будущего Константинопольского архиепископа*), явилось исполнением пророчества Иезекииля, где, в частности, сказано: «И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитием, и пролью на него и на полки его и на многие народы, кото-

* Прокл занимал кафедру до того, как была учреждена Константинопольская патриархия.

рые с ним, всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и серу...»³⁶⁶

Не решаясь спорить с богословскими авторитетами по части чудес и пророчеств, авторы настоящей книги все же придерживаются той точки зрения, что гунны, и прежде всего их вождь Ругас, благополучно возвратились на родину, поскольку через восемь лет Ругас (Руа) вновь появится в поле зрения историков — Приск подробно опишет его намерение заключить очередной мирный договор с империей.

Несмотря на то что гунны отозвали свою огромную армию из Италии и обменялись с римлянами заложниками, мир между ними и римлянами продолжался недолго. Марцеллин Комит в своей «Хронике» под 427 годом сообщает: «Паннонские провинции, которые удерживались в течение 50 лет гуннами, были возвращены римлянами»³⁶⁷. Трудно представить, чтобы гунны отдали эти земли, на которых они обитали вот уже 50 лет, добровольно. Впрочем, ни о каких боях за Паннонию хронисты, насколько известно авторам настоящей книги, не сообщают. О. Менхен-Хельфен считает, что успехи римлян были хронистами преувеличены и что в лучшем случае они «заняли несколько укрепленных селений» или же вытеснили какое-то количество гуннов, которые подошли слишком близко к Норику — западной границе Паннонии Примы³⁶⁸.

А через несколько лет Аэций вернул Паннонию гуннам обратно. Приск Паннийский под 448 годом пишет о «Пеонской (Паннонской. — *Авт.*) области, лежащей при реке Сае и состоявшей тогда под властью Аттилы, вследствие договора, заключенного с Аэтием, полководцем Западных Римлян»³⁶⁹.

К этому времени Паннония (хотя и не вся) вновь была гуннской уже достаточно давно. Исследователи обычно считают, что гунны вернули ее в 433 году³⁷⁰. Впрочем, дата эта принята достаточно произвольно. Действительно, в 432–433 годах между Западной Римской империей и вождем гуннов Руа при посредничестве Аэция были заключены мирные соглашения³⁷¹. Но насколько известно авторам настоящей книги, подробности этих соглашений до наших дней не дошли. Чуть позднее, вероятно в 434 году, уже Аттилой, был заключен новый договор, весьма обременительный для римлян. Приск Паннийский рассказал о цене, которую римляне были вынуж-

ждены заплатить за временный мир с новоявленным гуннским вождем, но ни о каких территориальных уступках он не сообщает*. Так или иначе, примерно в эти годы гунны возвратились в Паннонию. Впрочем, к Аттиле и его соглашениям с римлянами мы обратимся в следующей главе.

А пока что упомянем одно крайне обидное для гуннов событие, которое произошло в 430 году. Сократ Схоластик сообщает:

«Есть варварский народ, живущий по ту сторону реки Рейна** и называющийся бургундами. Бургунды ведут жизнь спокойную, почти все они плотники и, этим ремеслом зарабатывая себе деньги, питаются. На них непрестанно нападали гунны, опустошали их страну и нередко многих убивали. Находясь в столь затруднительном положении, бургунды не прибегли к какому-либо человеку, но решились обратиться к какому-либо Богу. А так как они заметили, что Бог римлян сильно помогает боящимся Его, то все единодушно обратились к вере во Христа. Посему, находясь в одном галльском городе, они просили епископа о христианском крещении. Епископ приказал им поститься семь дней и, огласив их верою, в восьмой день крестил их и отпустил назад. Тогда они смело пошли против своих тиранов, и надежда не обманула их, ибо, когда царь гуннов, по имени Оптар***, ночью умер от обжорства, бургунды напали на гуннов, лишившихся вождя, и, в малом числе сразившись с многочисленными неприятелями, победили их. Бургундов было только три тысячи, а число пораженных гуннов простиралось до десяти тысяч»³⁷².

* Надо отметить, что в этом месте в рукописи Приска недостает нескольких слов (*Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского. С. 21, прим. 7; *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории.* 1948, № 4. С. 245, прим. 8); не исключено, что утраченный отрывок говорил именно о передаче Паннонии гуннам.

** Для Сократа Схоластика, как для жителя империи, «той стороной» был правый, варварский берег Рейна. Отметим, что большая часть бургундов в описываемое время жила уже на левом берегу.

*** Оптар (Οὐλταροῦς) — вероятно, то же лицо, что и Октар (Octarus), дядя Аттилы (Iord., *Get.*, 180).

Забегая вперед, отметим, что столь прагматичная перемена религии не помогла бургундам и через несколько лет Аттила отомстил за поражение, почти полностью уничтожив их³⁷³.

Тем временем Аэций вновь прибегает к помощи гуннов. В 432 году в результате междоусобицы в Западной Римской империи Аэций бежал к своим старым друзьям, которыми правил вождь Руа — это был предпоследний год его царствования. Здесь Аэций способствует укреплению мира между гуннами и Римом (при Валентиниане III столицей Западной империи снова стал Вечный город), и это помогло ему восстановить свое влияние при императорском дворе³⁷⁴. Впрочем, немалую роль здесь, вероятно, сыграли не только миротворческие успехи полководца, но и тот факт, что он вернулся в империю во главе гуннского войска. «Галльская хроника 452 года» под 433 годом сообщает: «Когда Аэций <...> обратился к племени гуннов, которым тогда руководил Ругила, он возвратился на римскую землю с желанным вспомогательным войском»³⁷⁵.

Гунны соблюдали мир с римлянами не бескорыстно — известно, что на момент смерти Руа в 434 году³⁷⁶ империя ежегодно выплачивала им 350 литр (или римских фунтов) золота³⁷⁷. Кроме того, как мы уже упоминали, вероятно, в эти годы им была возвращена Паннония.

Глава 6 Завоевания Аттилы

В 433 году вождь гуннов Руа, по словам Приска, отправляет к римлянам своего посла Эслу, «обыкновенно служившего ему при распрях с римлянами»³⁷⁸. Это, кстати, свидетельствует о том, что Руа имел постоянные связи с империей (вероятно, с Константинополем) помимо Аэция, который на тот момент представлял Рим. На этот раз поводом для переговоров должны были стать несколько варварских племен, живших по Истру и «прибывавших под защиту римлян». Руа угрожал римлянам «нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним». Римляне, в свою очередь, решили отправить к гуннам ответное посольство; «быть послами выразили желание Плинта и Дионисий, из коих Плинта был родом скиф, а Дионисий — фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность».

Приск не пишет, кто именно из римских императоров вел переговоры с гуннами. Империя в то время еще представляла собой в достаточной мере единое целое, не случайно из двух послов один, Флавий Плинта, был некогда (в 419 году) консулом Востока, а второй, Флавий Дионисий, совсем недавно

(в 429 году) — консулом Запада. Но, судя по всему, непосредственным инициатором и руководителем переговоров был все-таки император Востока. Еще одним послом был назначен Эпиген — видный сановник при дворе Феодосия. Правда, состав посольства утверждался, по словам Приска, «римским сенатом» (Ῥωμαίων βουλῆ), но это словосочетание можно перевести и как «сенат римлян», что в равной мере может относиться и к сенату Константинополя (таковой существовал, а жителей Восточной империи называли римлянами так же, как и жителей Западной). Да и переговоры состоялись в Верхней Мёзии, примерно посередине между границей Паннонии и Константинополем. Рим в те годы воспринимал гуннов скорее как союзников, на чью военную помощь он мог полагаться. Что же касается Византии, для нее гунны, регулярно разорявшие Фракию, были источником постоянной опасности, и от них следовало откупаться — напомним, что гуннский вождь Роил, по сообщению Феодорита, сравнительно недавно угрожал восточной столице.

Руа не дожил до начала переговоров — он умер, пока утверждался состав римского посольства. Если отождествлять его с Роилом, описанным у Феодорита, то он погиб от удара молнии, когда, разорив Фракию, собирался идти на Константинополь. Впрочем, это отождествление (или же сообщение Феодорита) вызывает большие сомнения еще и потому что, судя по Приску, Руа на тот момент находился с Византией в прекрасных отношениях, получал от нее регулярную дань, а переговоры собирался вести по достаточно незначительному поводу. Кроме того, он отправил к римлянам посла, «угрожая нарушить раньше заключенный мир», — и это свидетельствует, что Фракию он в том году, во всяком случае, не разорял.

Так или иначе, продолжить переговорный процесс пришлось уже наследникам Руа. Ими стали его племянники Бледа (в устаревшей транскрипции Влида) и Аттила³⁷⁹.

Иордан пишет: «Этот самый Аттила был рожден от Мундука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою»³⁸⁰. Гуннский вождь Октар (Оптар) действительно известен — напомним, что он, по сообщению Сократа Схоластика,

«ночью умер от обжорства», что привело к весьма печальным для гуннов последствиям. Бесславная смерть его относится к 430 году, после чего Руа, судя по всему, правил единолично. Мундзук как правитель хотя бы части гуннов авторитетными источниками упоминается лишь наряду со своими братьями, в то время как Руа и Октар названы вождями «гуннов вообще». Впрочем, обо всех трех братьях сохранилась очень скудная информация, которая не позволяет достоверно выяснить, как именно они делили власть. Существует мнение, что «каждый из братьев управлял своей частью гуннов и покоренных народов»³⁸¹. Но существует и иная точка зрения. Российский историк (затем эмигрант) Г. В. Вернадский пишет: «К 420 г. сильная гуннская орда обосновалась в степях региона Среднего Дуная. Она состояла из трех улусов, каждый из которых возглавлялся своим собственным ханом. Один из трех ханов Роила (Ругила) рассматривался как главный хан»³⁸².

Приск упоминает и некоего Оэбарсия (Оиварсия) — дядю Аттилы по отцу, который жил и здравствовал в 442 году, находился в ставке Аттилы и пользовался его расположением³⁸³. Но нет никаких данных о том, что Оэбарсий когда-либо участвовал в управлении гуннской державой. Можно предположить, что он был братом Руа и остальных вождей только по отцу, а мать его была женой низшего ранга или наложницей.

Неопределенность существует и в вопросе о том, как делили власть Аттила и Бледа. Несмотря на то что Аттила де-факто с самого начала оказался сильнее брата и оказывал несравненно большее влияние на европейскую политику, некоторые хронисты именно Бледу называют наследником Руа. «Гальская хроника 452 года» сообщает под 434 годом: «Умирает царь гуннов Ругила, с которым был утвержден мир. Ему наследует Бледа». Позднее в той же хронике Аттила назван наследником Бледы³⁸⁴. Впрочем, Иордан пишет, что Бледа лишь повелевал «значительной частью гуннов»³⁸⁵.

Представляется наиболее вероятным, что каждый из наследников должен был властвовать над своей частью гуннского народа, но что Бледа был старшим братом и ему надлежало главенствовать среди них двоих. Впрочем, это у него не получилось. Отметим, что Приск, предваривший рассказ о своем путешествии к гуннам кратким очерком их истории с 433 года, возможно, вообще не рассматривал Бледу как наследника

Руа. В тексте Приска (в переводе Дестуниса) мы читаем: «Когда Руа умер, а царство Уннское перешло к Аттиле, то Римский Сенат...»³⁸⁶ Некоторые исследователи восстанавливают в этой фразе после слов «к Аттиле» слова «и Бледе» — в более позднем переводе Латышева Бледа уже появляется рядом с Аттилой в качестве наследника³⁸⁷. Но нельзя с уверенностью утверждать, что Приск согласился бы с такой редакцией.

После смерти Руа³⁸⁸ имперские (вероятно, константинопольские) послы встретились с представителями гуннов в городе Марге на Истре*. Кто участвовал в этих переговорах со стороны гуннов (которых он обычно называет «скифами»), Приск не сообщает. Он пишет:

«...Сюда собрались и царские скифы. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими».

Впрочем, как бы ни заботились римляне о соблюдении достоинства, заключенный ими договор был в достаточной мере унижен. Начало его в рукописи утрачено, но и конец вполне показателен: «...римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по восьми золотых за каждого беглеца приобретшим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе, с тем чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семисот литр** золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам)».

Таким образом, римляне обязались вернуть гуннам не только иноземных перебежчиков, но и своих соотечественников — римлян, которые бежали из гуннского плена. Договоренность

* Возле современного села Дубравица в Сербии, у впадения реки Моравы в Дунай.

** Греческая литра равнялась, как и римский фунт, 327,45 грамма.

эта была выполнена, причем некоторые из выданных (впрочем, не римляне) были распяты гуннами «в наказание за бегство».

Приск сообщает, что «по заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, [обитавших] в Скифии, и вступили в войну с соросгами»³⁸⁹. Это — последнее (и единственное) в рукописи Приска место, где Бледа упомянут в качестве полководца и вождя³⁹⁰.

Поскольку о Бледе речь в настоящей книге идти уже почти не будет, обрисуем в нескольких словах этого гуннского правителя и расскажем то немногое, что известно о его личности. Известно же — как это ни постыдно для вождя — единственное: подробности взаимоотношений Бледы и его шута, карлика Зеркона.

Африканец Зеркон был подарен римскому полководцу Аспару, когда тот воевал в Ливии. Римлянин привез его во Фракию, и здесь, во время очередного набега, карлика захватили гунны (вероятно, это был набег гуннов на Фракию и Иллирию в 442 году). Зеркона привезли ко двору гуннских вождей. Он имел деформированные ноги, короткое сгорбленное туловище и сплюснутый нос. Голос у него был шепелявым, и смех — соответствующим. Все это привело Бледу в невероятный восторг. Порою Зеркон действительно говорил смешные вещи, но Бледу развлекали не только его шутки, но и походка, и нелепые телодвижения. Бледа стал таскать карлика за собой и на пиры, и на войну. Он приказал изготовить для него полные доспехи, отчего Зеркон выглядел еще нелепее. Зеркон не был в восторге от той роли, какую ему пришлось играть при дворе Бледы, и он вместе с группой римских пленников бежал от гуннов. Бледа равнодушно отнесся к побегу римлян, что же касается Зеркона, он приказал сделать все возможное для его розыска. Зеркон был пойман, закован и возвращен своему господину. Увидев шута в цепях, Бледа расхохотался и спросил, почему тот бежал и не думает ли он, что римский двор окажется лучше гуннского. Зеркон ответил, что бежал, потому что у гуннов он вынужден был вести жизнь холостяка. Тогда Бледа дал своему шуту жену — женщину благородного происхождения, которая состояла в штате «басилиссы», то

есть царицы (вероятно, жены самого Бледы)*, но за какую-то провинность была отстранена от должности.

Семейная жизнь Зеркона не сложилась. После гибели Бледы Аттила, который не переносил шута, отправил его в подарок Аэцию. Но на этот раз Зеркон не захотел оставаться у римлян и каким-то образом вернулся обратно, с тем чтобы разыскать жену. Он обратился за помощью к Аттиле, но обманулся в своих надеждах — тот рассердился на Зеркона за его возвращение³⁹¹.

Тот факт, что о шуте Бледы известно значительно больше, чем о нем самом, пожалуй, достаточно полно характеризует этого вождя и военачальника. И становится понятно, почему Аттила, который был, вероятно, младшим сыном, очень скоро взял власть в свои руки.

Чтобы завершить разговор о Бледи, можно еще сказать, что он, под именем Бледель, фигурирует в германской эпической поэме «Песнь о nibелунгах». Там действует брат Этцеля (Аттилы): «Высокородный Бледель, что Этцелю был брат»³⁹². Бледель правит «венгерскою страню»³⁹³ и в конце концов погибает от руки бургундского витязя Данкварта: «Одним ударом гунну снес голову он с плеч»³⁹⁴. Что же касается исторического Бледы, то он был убит Аттилой, по разным сведениям, в 444, 445 или 446 году³⁹⁵.

В 434 или 435 году жившие на левом берегу Среднего Рейна бургунды во главе со своим королем Гундихарием (Гундахаром), по сообщению хрониста XII века Гуго из Флавиньи, «встали против римлян». Аэций разгромил мятежников, «перебив 20 000 человек из их войска и 7000 готов, которые оказали им помощь»³⁹⁶. Гундихарий взмолился о мире, каковой и был

* В русском издании книги Э. А. Томпсона «Гунны» (С. 94) говорится, что Бледа обещал Зеркону «одну из придворных дам из императорского дворца в Константинополе». Это — явное недоразумение, поскольку, во-первых, сохранившиеся источники, насколько известно авторам настоящей книги, ни о чем подобном не сообщают, а во-вторых, полномочия Бледы явно не распространялись на придворных дам императрицы Востока. Вероятно, эта ошибка возникла в результате узкого понимания слова «басилисса» как «царица Византии».

ему дарован. Однако вскоре гунны, как пишет Проспер Аквитанский, «его [Гундихария] вместе с его народом уничтожили на корню»³⁹⁷. Некоторые исследователи считают, что гунны разгромили бургундов по наущению Аэция и в союзе с ним³⁹⁸. Впрочем, у гуннов были с бургундами и отдельные счеты — не далее как в 430 году последние, воспользовавшись смертью Октара, перебили 10 000 его подданных³⁹⁹. Теперь гунны отомстили своим врагам. Томпсон полагает, что названное у Гуго количество уничтоженных бургундов (20 000) относится не к войне их с Аэцием, а к войне с гуннами. Так или иначе, совместными усилиями римлян и гуннов бургундское королевство на Рейне было фактически уничтожено, и оставшиеся в живых бургунды были вскоре вынуждены переселиться в Савойю⁴⁰⁰.

Разгром бургундов гуннами нашел свое отражение (хотя и весьма искаженное и беллетризованное) в германоскандинавском героическом эпосе: в песнях «Старшей Эдды» («Гренландская песнь об Атли*», «Гренландские речи Атли»), в «Саге о Волсунгах»⁴⁰¹, «Песни о нибелунгах»... Правда, все, происходящее в этих произведениях, не слишком напоминает реальный набег гуннов на земли бургундов, более того, уничтожение бургундов в них происходит на гуннской территории.

Так, в «Песни о нибелунгах» бургундское войско во главе с королем Гунтером (Гундихарием) было вырезано во время их дружеского визита в резиденцию гуннского короля Этцеля (Аттилы) в Паннонии (в Гране⁴⁰² — современный Эстергом в Венгрии). Повод для раздора был найден вполне литературный — им стало соперничество двух королей, которое вылилось в коварное убийство бургундами (в «Песни» они иногда именуется нибелунгами) мужа одной из них, короля Зигфрида. Его вдова Кримхильда, вторично выйдя замуж за гуннского короля, заманила убийц в замок мужа и отомстила им ружьями своих новых подданных — гуннов.

Так вместе с королями отправились в поход
 Вассалы-нибелунги — их было десять сот,
 И всех, вдали от ближних, у гуннов смерть ждала:
 Кровь Зигфрида по-прежнему Кримхильде сердце жгла⁴⁰³.

* Северное произношение имени «Аттила».

Настоящий Аттила, в отличие от эпического Этцеля, разгромил бургундов по своей инициативе или, возможно, по договоренности с Аэцием, но, во всяком случае, не по наущению жены. Но, учитывая, что текст «Песни» сложился к XIII веку, то есть через семь с лишним веков после описываемых событий, к этим искажениям можно отнести с пониманием.

В 436 году Нарбон — город на Средиземноморском побережье современной Франции — осадили готы Теодориха (Теодорика) I. В городе начался голод. На помощь осажденным отправился римский полководец Литорий с гуннской армией. Он, согласно Просперу Аквитанскому, будучи «вторым по должности после патриция Аэция, командовал вспомогательными отрядами гуннов»⁴⁰⁴. Исидор же пишет, что в это время Аэций «по приказу императора Валентиниана был отстранен от руководства армией»⁴⁰⁵. Так или иначе, гуннскими войсками Аэция на тот момент командовал Литорий. Он вел свою армию по Галлии, проходя через земли кельтского племени арвернов (современная Овернь). Территория эта давным-давно входила в состав Римской империи и была населена не только галлами (к тому времени полностью романизированными и уже несколько веков имевшими все права римских граждан), но и собственно римлянами. Здесь находилось имение Марка Мецилия Флавия Эпархия Авита — будущего императора Запада (правда, не вполне легитимного и правившего очень недолго). В планы Литория никак не могло входить разорение этих земель, но, видимо, он не имел на гуннов такого влияния, какое имел Аэций, и навести порядок среди своих подчиненных он не мог. Современник этих событий поэт Аполлинарий Сидоний сообщает, что, гунны грабили и предавали огню все, что встречалось на их пути, так, что даже имена населенных пунктов стирались из людской памяти. Для них это был не столько поход на помощь осажденному Нарбону, сколько очередной грабительский набег, хотя бы и под сенью римских орлов. Не обошли гунны и имение Авита. Сам будущий император не пострадал, но один из его слуг был зарублен грабителями. Сидоний в красках описывает, как разъяренный Авит облачился в доспехи, пустился

в погоню за гуннами и покарал обидчика⁴⁰⁶. Поэма эта была написана уже после того, как Авит стал императором, поэтому нельзя исключить, что Сидоний несколько сгустил краски, описывая героический бой своего героя с варваром (тем более что поэт был зятем императора и за свой панегирик был щедро награжден — ему, в частности, воздвигли бронзовую статую в портике Траяна в Риме⁴⁰⁷). Но сам факт, что гунны, даже и ведомые римским полководцем, бесчинствовали на землях империи, сомнению не подлежит.

Тем не менее жителей Нарбона гунны спасли. Они не только обратили в бегство готов, но накормили горожан — каждый из всадников привез им по два модия пшеницы⁴⁰⁸. Что же касается имперской администрации, она закрыла глаза на склонность своих союзников к мародерству. Лангобардский историк VIII века Павел Диакон пишет: «Начиная со следующего года война против готов велась при поддержке гуннов»⁴⁰⁹. Впрочем, особых лавров это римлянам не принесло.

По сообщению Иордана, в 439 году «римляне, нарушив мир, пошли против него [Теодорида] войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска». Иордан утверждает, что «их тревожила [память об] отряде готов-федератов, который под предводительством Гайны ограбил Константинополь». Вообще говоря, воспоминание о заварушке, случившейся около сорока лет назад, на причину для войны не тянет. Тем более что, вопреки утверждению Иордана, Гайна разграбил в лучшем случае окрестности столицы, после чего был разбит. Напомним, что засоленную голову Гайны его победители-гунны доставили в Константинополь. Но какие бы причины ни заставили римлян ввязаться в очередную войну с готами, война эта началась. Если верить Иордану, она завершилась бескровно:

«Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее [противника]; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись»⁴¹⁰.

Но, согласно другим авторам, дела обстояли далеко не так идиллически. Павел Диакон пишет: «Между тем Литорий, бывший вторым после патриция Аэция командиром над союзными гуннами, стараясь превзойти славу Аэция и полагаясь на ответы гаруспиков* и знамения демонов, безрассудно вступил в битву с готами; поначалу он учинил врагам страшную резню, но затем, после того как пали почти все его люди, сам был постыдно взят готами в плен. Наконец, с ними был заключен мир, после того как римляне просили о нем после неудачного окончания этой плачевной войны более смиренно, чем когда-либо прежде»⁴¹¹.

О том, что во время решающей битвы оба войска были практически уничтожены, говорит и Проспер Аквитанский. Причем он очень высоко оценивает боеспособность гуннской армии. Проспер пишет о Литории: «...Он сделал очевидным, как бы могло быть полезно то войско (гуннское. — *Авт.*), которое при этом погибло, если бы он предпочел прислушаться к советам [какого-либо] более опытного [мужа], нежели к собственному легкомыслию, ведь [даже тогда] он произвел такую большую резню среди врагов, что если бы он, безрассудно сражаясь, не попал бы в плен, то было бы непонятно, какой стороне скорее следует приписывать победу»⁴¹².

О непосредственной роли Аттилы в этой войне, насколько известно авторам настоящей книги, сведений не сохранилось. Но вероятно, без него дело не обошлось, поскольку он, если верить Иордану, участвовал в заключении мирного договора между империей и готами, который последовал за поражением Литория⁴¹³.

В течение нескольких лет гунны выступали в основном как союзники Западной империи. Что же касается Восточной империи, она была данником гуннов и выплачивала им золото по договору, заключенному Аттилой и Бледой в самом начале их правления. Впрочем, через какое-то время стороны начали нарушать договор, и в конце концов эти нарушения выросли в полномасштабные военные действия, которые продолжались (с перерывом) примерно с 441 по 447 год.

* Гаруспики — в Древнем Риме жрецы-предсказатели будущего по внутренностям жертвенных животных.

Начало этих событий известно прежде всего из сочинений Приска⁴¹⁴. Он пишет о том, как гунны напали на некую крепость, лежащую, судя по всему, на левом берегу Истра: «Скифы (то есть гунны. — *Авт.*) во время ярмарки вероломно напали на Римлян, и многих перебили. Римляне отправили к ним посланников и жаловались на взятие крепости и на нарушение договоров. Скифы отвечали, что они поступили таким образом не первые, а что мстили только за обиды, нанесенные им Римлянами; ибо епископ Маргский, перешед в земли их, обыскивал царские кладовые, и унес хранившиеся в них сокровища».

Не вполне понятно, как кто бы то ни было, кроме лиц, на то уполномоченных, мог получить доступ в «царские кладовые» гуннов и тем более что-то оттуда вынести. Некоторые переводчики Приска трактуют его слова иначе и считают, что епископ мародерствовал не в кладовых, а в «царских гробницах»⁴¹⁵, что более вероятно, но тоже сомнительно. Так или иначе, гунны потребовали выдать им грабителя. Кроме того, они потребовали выдать «и переметчиков, которых у Римлян находилось очень много». Последнее требование было справедливо — оно соответствовало заключенному в 434 году договору. Римляне попытались спорить, но ничего хорошего для них из этого не вышло. «Варвары, утверждаясь на верности своих показаний, не заботились о том, чтобы подвергнуть такой спор суду. Они подняли оружие, перешли Истр и разорили многие города и замки, лежащие на берегу этой реки». В числе прочих был взят крупный город Виминачий (Виминаций)*.

Среди окрестных жителей стала звучать мысль о том, что надо выдать гуннам епископа, «дабы из-за одного человека не навлечь бедствий войны на все государство Римское». Тогда епископ решил упредить своих соотечественников, сам пришел к гуннам и «обещал сдать им этот город, если цари их изъясят ему свою благосклонность». Такой его поступок наводит на мысль, что гунны, возможно, были не так уж и не правы, обвиняя злополучного служителя церкви в грабежах. Но предложение его они приняли.

* Современный Пожаревац в Сербии.

«Они дали слово сделать ему много добра, если он исполнит свое обещание. С обеих сторон даны руки и клятвы в верности. Епископ возвратился в Римскую землю с многочисленную толпою варваров и поставил их в засаду против самого берега реки. Ночью, по условленному знаку, он поднял варваров, которые и завладели городом с его помощью. Марг был таким образом разорен, а могущество варваров возросло после того еще более»⁴¹⁶.

Примерно в это же время гуннами были взяты Констанция (возможно, это и была та самая безымянная крепость, с разгрома которой началась война), Сингидунум⁴¹⁷ (на месте современного Белграда) и Сирмиум на Среднем Дунае (современная Сремска-Митровица в Сербии)⁴¹⁸. Отметим, что Сирмиум был главным городом Паннонии Секунды⁴¹⁹, — и это лишний раз говорит о том, что всю Паннонию римляне гуннам, во всяком случае, не отдавали.

О некоторых подробностях взятия Сирмиума Приск узнал позднее, когда, приехав к Аттиле из Константинополя, встретил здесь же посольство западных римлян. Последние прибыли к гуннскому вождю не для того, чтобы решать вопросы большой политики, а по очень частному поводу. Выяснилось, что во время осады Сирмиума епископ этого города сумел переправить за его пределы драгоценные золотые фиалы и передать их некоему Константию. Предполагалось, что, если город падет и жителей обратят в рабство, епископ, а возможно, и некоторые другие жители будут выкуплены ценою этих фиалов.

Приск пишет: «Город был действительно взят; все жители были обращены в невольников; но Константин забыл договор свой с епископом». Он заложил фиалы некому Сильвану, «начальнику монетного стола в Риме», а попросту — меняле. Впрочем, забывчивый римлянин недолго радовался своему несправедному богатству — «Аттила и Влида, подозревая Констанция в предательстве, распяли его». Сильван же продал фиалы священникам для богослужебных целей.

После этого Аттила спохватился, что драгоценные фиалы, которые он мог бы захватить в качестве добычи, ушли на сторону. Он потребовал у римлян выдачи Сильвана, «как укравшего принадлежащие ему вещи». Логика этого заявления вызывает у авторов настоящей книги немалые сомнения, но

римлянам, которых Атила держал за горло, было не до логики. Они отправили к гунну послов, которые обещали возместить ему стоимость фиалов и лишь просили, «чтобы он не требовал Сильвана, ибо они не могли выдать ему человека не совершившего никакого преступления»⁴²⁰.

Примерно ко времени взятия первых придунайских крепостей относятся и переговоры, которые Атила по своей инициативе вел с Константинополем и которые окончились полным провалом*. Теперь уже трудно сказать, когда именно начались эти переговоры, но, судя по всему, уже после того, как Атила для пущего устрашения разорил несколько городов, о которых мы только что рассказали, а Константинополь прекратил выплачивать гуннам дань и отсылать перебежчиков. В одном из сохранившихся отрывков Приска говорится:

«При Феодосии младшем Атила, царь Уннов, собрал свое войско и отправил письмо к царю Римскому с требованием, чтобы немедленно выданы были переметчики и выслана была дань (под предлогом настоящей войны ему не пересылали ни переметчиков, ни дани) и чтоб отправлены были к нему посланники для переговоров о платеже дани на будущее время. Атила объявлял притом, что если Римляне замешкают или будут готовиться к войне, то и он не захочет более удерживать Скифское войско от нападения. По прочтении письма Атиллы совет царский объявил, что Римляне не выдадут прибегших под их покровительство людей, но вместе с ними примут войну; что, впрочем, будут отправлены к Аттиле посланники для прекращения споров. Раздраженный ответом Римлян, Атила стал опустошать Римские земли, срыл

* Томпсон считает, что в 441 году с гуннами было заключено перемирие на год. Марселлин Комит действительно описывает некое перемирие, заключенное римлянами в 441 году, но по его изложению невозможно понять, с кем, собственно, оно было заключено, — он перечисляет слишком далекие друг от друга народы, от гуннов до персов и сарацин. Авторам настоящей книги представляется, что гунны в этом перемирии, во всяком случае, не участвовали, поскольку многие хронисты сообщают о том, что в 442 году они вели активные боевые действия во Фракии и Иллирике (Marc. Com., 441 год, 3.; Prosp. Tig., 1346; Мелькские анналы, 442 год).

несколько замков и подступил к обширному и многолюдному городу Ратиарии*»⁴²¹. Ратиария была взята, жители ее обращены в рабство⁴²².

Тогда же или вскоре после этого был взят Наисс⁴²³ (современный Ниш в Сербии). Приск, проезжавший мимо города в 448 году, вспоминал: «Мы прибыли в Наисс и нашли этот город безлюдным и разрушенным неприятелями. Лишь немногие жители, одержимые болезнями, укрывались в священных обителях. Мы остановились поодаль от реки, на чистом месте, а по берегу ее все было покрыто костями убитых в сражении»⁴²⁴.

Вероятно, это и была та самая война, о которой в Хронике Марцеллина Комита под 442 годом говорится: «Бледа и Аттила, бывшие братьями и королями многих племен, опустошили Иллирик и Фракию»⁴²⁵. Чтобы противостоять вторжению, в этом же, 442 году «войско, уже посланное против вандалов, было с Сицилии отозвано для защиты фракийцев и иллирийцев»⁴²⁶. Для этого римлянам пришлось заключить мирный договор с вандалским королем Гейзерихом, уступив ему часть своих земель и признав независимость вандалского королевства⁴²⁷. В результате вандалы так усилились, что примерно десятилетием позже (в 455 году) смогли ворваться в Рим и в течение двух недель грабили Вечный город. Таким образом, второе разорение Рима, как и первое, в какой-то мере ложится на совесть гуннов.

И все же на какое-то время гуннская экспансия была, видимо, приостановлена. Согласно большинству источников, в 443–446 годах во Фракии царит сравнительный мир (только «Галльская хроника 452 года» сообщает, что в 445 году «Фракию потрясает вторжение гуннов»⁴²⁸, но это, судя по всему, просто путаница в датах, поскольку война с гуннами 441–442 годов в этой хронике отсутствует). Приск упоминает некое посольство, которое Феодосий отправил к Аттиле морским путем через город Одесс (Одисс, современная Варна)⁴²⁹. Когда это произошло, доподлинно не известно. Более вероятно, что в 447 году, когда Аттила успел ближе подойти к побережью Черного моря, в противном случае непонятно, зачем было послам ехать через Одесс. Но нельзя полностью исклю-

* Современное село Арчар на крайнем северо-западе Болгарии.

чить и того, что посольство это относилось к концу 442 или к 443 году и что посол сумел склонить гуннского вождя если не к миру, то к временному перемирию. Отозванная из Сицилии армия Флавия Аспара, находившаяся поблизости, должна была этому способствовать.

Но было и еще одно обстоятельство, которое могло удерживать Аттилу от активных военных действий: в 444, 445 или, возможно, в 446 году «Бледа, король гуннов, был убит по умыслу своего брата Аттилы»⁴³⁰. Ни о каких разногласиях между братьями хронисты не сообщают, поэтому трудно с уверенностью сказать, что именно не поделили два гуннских вождя. Можно предположить, что Бледа, будучи пассивным правителем и плохим полководцем, держал тем не менее значительную часть гуннов под своей властью, и Аттила, который нуждался в людских ресурсах, вынужден был согласовывать с ним свои действия и мириться с тем, что Бледа командует половиной войска. В конце концов это перестало его устраивать.

Хотя справедливости ради надо сказать, что нам в этой братоубийственной истории известно имя победителя, но не известно имя зачинщика. Нельзя исключить и того, что Бледа, не желая мириться со своей второстепенной ролью, первым начал борьбу против брата и Аттила вынужден был убить его, опасаясь за свою жизнь. Правды уже никто, скорее всего, не узнает.

Для того чтобы устранить конкурента, подмять под себя его подданных и объединить две части державы, Аттиле, конечно же, понадобилось какое-то время — именно этим, вероятно, и объясняется тот странный факт, что Аттила на время ослабил свою хватку. Нельзя исключить, что в эти годы он и завоевывал какие-то фракийские города (даты и последовательность их взятия почти не известны, и разные исследователи предлагают разную хронологию), но в целом Константинополь получил некоторую передышку. Воспользовавшись ею, Феодосий решает укрепить дунайскую границу, восстановить здесь разрушенные крепости и укомплектовать гарнизоны. Император поручает эти задачи сановнику Флавию Ному, и, судя по тому, что Ном в 445 году был избран консулом, он прекрасно и очень быстро с ними справился. Это го-

ворит о том, что в регионе царил мир и Аттила не препятствовал римлянам ни в строительстве, ни в перемещении войск⁴³¹.

Отказавшись на время от военных действий против Восточной империи, Аттила продолжал свои завоевания, переключившись на противников послабее. К этому времени относится война гуннов с акацирами*. О ней мало что известно, но Приск пишет, что встретил у гуннов грека, который попал к ним в плен во время взятия Виминая, стал рабом и воевал на стороне своих хозяев. Грек рассказывал: «...Я отличился в сражениях против Римлян и против народа Акатиров, отдал своему варварскому господину, по закону Скифскому, все добытое мною на войне, получил свободу, женился на варварке и прижил детей»⁴³². Поскольку к 448 году герой боев с акацирами успел не только жениться, но и завести детей во множественном числе, то, надо думать, война эта состоялась не позже 445 года (но и не раньше 441 — самой ранней возможной даты взятия Виминая)⁴³³.

О причинах этой войны Приск пишет следующее: «В Акацирском народе было много князей и родоначальников, которым царь Феодосий посылал дары, для того чтоб они, быв между собою в согласии, отказывались от союза с Аттилою и держались союза с Римлянами. Тот, кому были поручены эти подарки, роздал их каждому князю не по достоинству. Куридах, главный между ними по власти, получив подарки, следовавшие второму по нем, почитал себя обиженным и лишенным должной ему награды. Он звал к себе на помощь Аттилу против других соначальников. Аттила послал к нему немедленно многочисленное войско. Одни из князей Акацирских были этим войском истреблены, другие принуждены покориться».

После этого Аттила пригласил Куридаха к себе «для принятия участия в торжестве победы». Куридаху ехать не хотелось — Приск пишет, что он «подозревал козни», но, возможно, ему было не слишком удобно праздновать победу гуннов над собственным народом. Тогда он ответил Аттиле, «что трудно человеку взирать на Бога; а если человек не в силах пристально смотреть и на круг солнечный, то можно ли без

* Народ, обитавший в верхнем и среднем течении Оки, — см.: *Фурасьев*. Акациры. С. 193—194.

вреда для себя взглянуть на величайшего из богов?» Аттила был польщен ответом и простил Куридаха. «Таким образом Куридах остался в своей земле и сохранил свои владения, между тем как весь остальной народ Акацирский покорился Аттиле». Позднее, уже в 448 году, Аттила послал к акацирам своего старшего сына, желая сделать его царем этого народа⁴³⁴.

В 447 году Аттила возобновил военные действия против римлян, кинув на них объединенную под его началом гуннскую армию. Вместе с Аттилой в этой войне участвуют гепиды Ардариха, остготы Валамера и другие племена⁴³⁵. «Галльская хроника 452 года» под 447 годом сообщает, что «для востока начинается новая погибель»⁴³⁶. «Великая война, большая, чем предыдущая, была начата с нами королем Аттилой. Она разорила почти всю Европу, города и крепости которой были захвачены и разграблены», — пишет Марцеллин Комит. Впрочем, хронист несколько торопит события — пока что гунны ограничиваются Восточной империей.

Они берут Сердику, Филиппополь, Аркадиополь «и множество других городов»⁴³⁷ — всего более семидесяти⁴³⁸. На варварскую армию из Маркианополя (город чуть западнее современной Варны) вышел полководец Арнигискл, но он был разбит и погиб возле реки Ута⁴³⁹.

Армия Аттилы оказывается в непосредственной близости от Константинополя.

Константинополь в это время и без Аттилы переживал не лучшие дни. В течение нескольких последних лет столицу и ее окрестности терзали то сильные морозы, то наводнения, то эпидемия. В 447 году случилось сильнейшее землетрясение⁴⁴⁰. Церковный историк VI века Евагрий Схоластик рассказывал:

«В царствование того же Феодосия случилось величайшее и страшное землетрясение почти в целой вселенной, и превосходящее все прежние землетрясения; так что в столице обрушились многие башни и повалилась длинная, так называемая херсонская стена, на некоторых же местах разверзлась земля и поглотила множество селений. Вообще, неисчислимы были бедствия на суше и на море: там высохли источники, богатые водой; а здесь явилось множество воды, которой прежде не было; кое-где сами собой с корнями исторгались из земли деревья и, громадно скучившись, получали вид гор;

море выбрасывало мертвую рыбу и поглотило множество лежавших на нем островов...»⁴⁴¹

В довершение всех бед к столице подошли гунны. Император уже собирался бежать из Константинополя, но Атила по каким-то причинам не стал штурмовать город. Известный богослов первой половины V века Несторий утверждает, что гунны убоялись креста, который был выслан им навстречу. Другой крест был водружен во дворце, третий же (с точки зрения Нестория, самый действенный) был поставлен на форуме так, что его было видно осаждающим город варварам — при виде его гунны «бежали и чувствовали замешательство»⁴⁴². Так или иначе, столица выстояла. Но вскоре римская армия, которую возглавлял Флавий Аспар, потерпела сокрушительное поражение на Херсонесе Фракийском⁴⁴³ (современный полуостров Галлиполи).

Прокопий упоминает, что гунны захватили город Кассандрию (на полуострове Халкидики)⁴⁴⁴ — вероятно, в этой же кампании. По информации Марцеллина Комита, «король Аттила опасно продвинулся до самых Фермопил»⁴⁴⁵. Другие авторы оценивают победы гуннов несколько скромнее. Но достаточно было и того, что они хозяйничали в окрестностях столицы, контролируя близлежащие европейские берега Черного, Мраморного и Эгейского морей и Дарданелл.

Если верить византийскому хронисту начала IX века Феофану Исповеднику, Атила «раздвинул свое владычество от одного моря до другого, от Понта до Каллиполя и Систа, покорил себе все города, кроме Адрианополя и Ираклеи»⁴⁴⁶. Впрочем, Приск описывает еще один город, который не только выдержал осаду, но и доставил гуннам немало неприятностей:

«Асимунт есть крепкий замок недалеко от Иллирика, к столице Фракии. Жители его нанесли неприятелю много вреда. Они не защищались со стен, а, выступая из окопов, бились с несчетным множеством неприятелей и с военачальниками, которые пользовались между Скифами величайшею славой. Унны, потеряв надежду завладеть замком, отступили от него. Тогда Асимунтийцы выступили против них из своих укреплений и погнались за ними далеко от своего округа. Когда караульные дали им знать, что неприятели проходят мимо с добычею, то они напали на них нечаянно и отняли захваченную ими у Римлян добычу. Уступая неприятелю в числе, Асимун-

тийцы превышали его мужеством и отвагой. В этой войне они истребили множество Скифов; а множество Римлян освободили и принимали к себе бежавших от неприятелей»⁴⁴⁷.

Но неудача с одним лишь небольшим городком ничего, по сути, не меняла: Аттила стал хозяином значительной части Восточной империи, блокировав к тому же ее столицу. Из Константинополя к гуннам был направлен «посланник Анатолий», занимавший пост начальника царской гвардии. Он после долгих переговоров и заключил мир с Аттилой*.

* Prisc., 5. Э. А. Томпсон датирует Херсонесское сражение и последовавший за ним договор Анатолия 443 годом. Он ссылается на то, что 27 августа 443 года Феодосий вернулся в Константинополь из Малой Азии, чего он не стал бы делать, если бы вокруг столицы хозяйничали незамиренные гунны. Авторам настоящей книги эти рассуждения представляются зыбкими. Во-первых, путь в Константинополь из Малой Азии лежал по морю, которое гунны никак не контролировали, а гавани столицы были надежно защищены ее стенами. Во-вторых, хотя Феодосий и не отличался особой воинственностью, он все же был императором, и его статус требовал возвращения в столицу, даже если это и было связано с некоторой опасностью. В-третьих, в 443 году война между Аттилой и Константинополем так или иначе на несколько лет приутихла, — возможно, в этом сыграло роль упомянутое, но не датированное Приском посольство, добравшееся в ставку гуннского вождя через Одесс. И наконец, сумма дани, которую римляне задолжали гуннам на момент переговоров Анатолия (см. ниже), однозначно относит это посольство к концу сороковых годов. Отметим, что в русских изданиях Приска сражение в Херсонесе и посольство Анатолия датируются 447 годом.

Глава 7 Дипломатия Аттилы

По условиям мирного договора 447 года римляне были принуждены к следующим обязательствам: «...Выдать Уннам переметчиков и шесть тысяч литр золота, в жалованье за прошедшее время; платить ежегодно определенную дань в две тысячи сто литр золота; за каждого Римского военнопленного, бежавшего и перешедшего в свою землю без выкупа, платить двенадцать золотых монет; если принимающие его не будут платить этой цены, то обязаны выдать Уннам беглеца. Римлянам не принимать к себе никакого варвара, прибегающего к ним».

Сумма задолженности, которую римляне обещали выплатить гуннам «за прошедшее время», равнялась, таким образом, 6000 литр. Напомним, что, согласно договору 344 года, ежегодные выплаты должны были составлять 700 литр золота, и это значит, что гунны требовали с римлян дань за восемь с половиной лет. То есть выплаты прекратились, вероятно, в середине 439 года, когда Аттила находился на западе, участвуя в войнах с готами на стороне западных римлян. Бледа, судя по всему, не сумел обеспечить выполнение договора, и Аттила, вернувшись на восток, решил навести порядок

с оружием в руках. На это у него ушло восемь с лишним лет, но зато сумма ежегодной дани теперь должна была возрасти втрое. Кроме того, Аттила прирезал к своей державе весьма значимый кусок территории — «Эта земля в длину простиралась по течению Истра от Пеонии* до Нов Фракийских, а в ширину на пять дней пути»⁴⁴⁸ (см. карту).

Если верить словам Приска, выплата дани гуннам непосильным бременем легла на жителей империи. «Побоями вымогали у них деньги, по назначению чиновников, на которых возложена была царем эта обязанность, так что люди издавна богатые выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло Римлян после этой войны, что многие из них уморили себя голодом или прекратили жизнь, надев петлю на шею. В короткое время истощена была казна; золото и беглецы отправлены были к Уннам».

Но жалобы римлян вызывают некоторое недоумение⁴⁴⁹. Олимпиодор, описывая жизнь своих сограждан в первой половине V века, сообщает: «Многие римские дома получали от своих владений по сорок кентинариев золотом ежегодно, кроме хлеба, вина и прочих продуктов... Доход же второстепенных домов в Риме равняется пятнадцати или десяти кентинариям»⁴⁵⁰. Кентинарий был равен ста литрам, то есть ежегодный доход одного крупного землевладельца в золоте (не считая натуральных продуктов, идущих к столу его домохозяев) составлял 4000 литр. Полтора таких сумм было достаточно, чтобы выплатить дань Аттиле за все истекшие годы. Правда, Олимпиодор писал о жителях Западной империи, но маловероятно, чтобы доходы на западе и на востоке так уж сильно разнились.

Приск, лично участвовавший в переговорах с гуннами, не мог ошибиться, называя размер выплачиваемой дани. Близкие суммы мы встречаем и у Феофана⁴⁵¹. Вероятно, Аттила не отличался особым корыстолюбием и, что бы там ни говорили римляне, удовлетворялся вполне умеренной данью. Значительно требовательнее он был в том, что касалось выдачи пленных и перебежчиков. Он стоял на том, что владе-

* Подразумевается Паннония, которую иногда могли называть Пеонией; не путать с Пеонией, примерно совпадающей с современной Республикой Македония.

Театр военных действий 440-х годов

ния гуннского вождя никто не имел права покинуть без его личного разрешения. Причем он требовал обратно как римских военнопленных, бежавших от гуннов на родину (впрочем, они могли откупиться золотом), так и своих подданных-эмигрантов. Приск пишет:

«Римляне убивали многих переметчиков, потому что те противились выдаче их Скифам. В числе их было несколько человек из царского рода, которые переехали к Римлянам, отказываясь служить Аттиле. Сверх всего этого Аттила требовал еще, чтоб Асимунтийцы выдали всех бывших у них военнопленных, Римлян или варваров»⁴⁵².

К освобождению своих соотечественников из плена Аттила тоже относился очень ревностно. Он отказался утвердить мирный договор и отвести войска до тех пор, пока хоть один гуннский воин оставался в плену. В Асимунте — одном из немногих городов, которые смогли выстоять против гуннского нашествия, — после выдачи пленных и перебежчиков были удержаны два гунна. Жители города отказывались освободить их, потому что гунны во время осады захватили нескольких местных мальчиков-пастухов. Теперь асимунтийцы требовали своих детей назад. Аттила приказал разыскать мальчиков и затянул переговоры о мире до тех пор, пока пленные гунны не получили свободу. Правда, искомые пастухи так и не были найдены, но гунны поклялись, «что у них тех мальчиков не было». Асимунтийцам пришлось удовлетвориться этими заверениями и отпустить пленных. Впрочем, они отплатили гуннам той же монетой. «Асимунтийцы также поклялись, что убежавшие к ним Римляне были ими освобождены. Они в этом поклялись, хотя у них и были некоторые Римляне; но они не считали преступлением божиться ложно, для спасения людей своего племени»⁴⁵³.

Весь 447 год прошел под знаком дипломатических переговоров. Приск пишет: «Вслед за заключением мира, Аттила отправил посланников в Восточную Империю, требуя выдачи переметчиков. Посланники были приняты, осыпаны подарками и отпущены с объявлением, что никаких переметчиков у Римлян не было. Аттила послал опять других посланников. Когда и эти были одарены, то отправлено было третье посольство, а после него и четвертое. Аттила, зная щедрость Римлян, зная, что они оказывали ее из опасения, чтоб не был нару-

шен мир, — кому из своих любимцев хотел сделать добро, того и отправлял к Римлянам, придумывая к тому разные пустые причины и предлоги. Римляне повиновались всякому его требованию; на всякое с его стороны понуждение смотрели, как на приказ повелителя»⁴⁵⁴.

В 448 году дипломатические игры продолжались⁴⁵⁵, и Атилл прислал в Константинополь очередных послов: гунна Эдикона (Эдекона), «отличавшегося великими военными подвигами», и Ореста Римлянина, жителя Паннонии. Атилл снова «жаловался на Римлян за невыдачу беглых» и требовал, чтобы римляне перестали «обрабатывать завоеванную им землю». Кроме того, гуннский вождь хотел перенести место торгового рынка между римлянами и гуннами с берегов Истра на юг, в Наисс, «который полагал он границей Скифской и Римской земли, как город им разоренный». И наконец, он предложил, «чтобы для переговоров с ним о делах еще не решенных, отправлены были к нему посланники, люди не простые, но самые значительные из имевших консульское достоинство; что если Римляне боятся прислать их к нему, то он сам перейдет в Сардику для принятия их».

Переговоры зашли в тупик, и, когда гуннские послы обратились в обратный путь, Феодосий решил отправить с ними своих дипломатов, которые должны были «представить Атиллу царское письмо». Феодосий просил Атиллу не нарушать мирного договора «нашествием на Римские области», сообщал «что сверх выданных прежде беглецов посылает к нему семнадцать человек, и уверял, что у Римлян не было других беглых из областей Атиллы». Вопросы обработки спорных земель и переноса ярмарки Феодосий обсуждать не стал и послам этого не поручил. Но он предложил, чтобы Атилл направил в Константинополь своего сановника Онигисия (Онегесия) «для разрешения всех недоразумений». Предложение Атиллы лично встретиться с римскими «посланниками высшего достоинства» Феодосий решительно отверг — он заявил, что у римлян «звание посланника всегда отправлял какой-нибудь воин или вестник» и что Атилле, опустошившему Сардику, «не было прилично» являться туда для переговоров⁴⁵⁶.

Впрочем, Феодосий отнюдь не собирался всерьез учить варвара приличиям — у него на тот момент были относительно Аттилы совершенно другие планы. Посольство, которое он к нему направлял, имело тайное поручение физически уничтожить гуннского вождя. Возможно, именно поэтому Феодосий и не хотел направлять к гуннам высокопоставленных сановников — он не был уверен, что послы благополучно вернутся в Константинополь⁴⁵⁷.

Мысль убить Аттилу руками его приближенного Эдикона возникла у евнуха Хрисафия — влиятельнейшего сановника Феодосия⁴⁵⁸. Будучи в Константинополе, Эдикон в присутствии Хрисафия восхищался богатством города и пышностью императорского двора, и евнух подумал, что гунна можно подкупить. Он намекнул, что Эдикон и сам мог бы «иметь золотом крытый дом, если оставит Скифов и пристанет к Римлянам». Хрисафий выяснил, что Эдикон — «близкий человек к Аттиле и что ему, вместе с другими значительнейшими Скифами, вверяется охранение царя, что каждый из них по очереди в определенные дни держит при нем вооруженный караул». Тогда Хрисафий пригласил Эдикона на приватный обед, на котором кроме хозяина и гостя присутствовал один лишь переводчик Вигила.

«Здесь они подали друг другу руку и поклялись чрез переводчика Вигилу, Хрисафий в том, что он сделает предложение не ко вреду Эдикона, но к большему его счастью, а Эдикон в том, что никому не объявит предложения, которое будет ему сделано, хотя бы оно и не было приведено в исполнение. Тогда евнух сказал Эдикону, что если он по приезде в Скифию убьет Аттилу и воротится к Римлянам, то будет жить в счастья и иметь великое богатство. Эдикон обещался и сказал, что на такое дело нужно денег немного — только пятьдесят литр золота, для раздачи состоящим под начальством его людям, для того, чтобы они вполне содействовали ему в нападении на Аттилу».

Забегая вперед, скажем, что Эдикон оказался верен своему повелителю. Он нарушил данную римлянам клятву и открыл Аттиле замыслы врагов. Пока же Феодосий, который вполне одобрил идею своего царедворца, стал снаряжать очередное посольство. Вместе с людьми Аттилы, Эдиконем и Орестом Римлянином, к гуннам должны были отправиться собственно

посол — знатный византиец Максимин — и переводчик Вигила. Максимин (по крайней мере, по уверению Приска) ничего не знал о готовящемся покушении. Что же касается Вигилы, то он имел тайное поручение содействовать замыслу Эдикона. Третьим участником посольства стал ритор и историк Приск Панийский, которому мы и должны быть благодарны за подробнейшее описание этого мероприятия. Эту троицу сопровождало еще несколько римлян — видимо, охранники и слуги. Были с ними и люди, которые ехали в «Скифию» по своим делам, — одного из них Приск упоминает.

Приск оставил записки, в которых рассказал не только о дипломатической части своей миссии, но и о самом путешествии, о встречах с гуннами, об их быте и традициях. Практически все, что мы знаем о личности Аттилы, известно нам из сочинений Приска, который встречался, беседовал и пировал с гуннским вождем. При этом официальная роль самого Приска в составе посольства не вполне понятна — вероятно, он был чем-то вроде помощника и секретаря. Сам Приск объясняет свое участие так: «Максимин убедительными просьбами заставил меня ехать вместе с ним». О готовящемся покушении Приск, как и его начальник Максимин, ничего не знал — он выяснил правду, уже находясь в землях Аттилы.

Местонахождение ставки Аттилы остается неизвестным. Из описания маршрута ясно, что она располагалась на левом берегу Дуная, но попытки определить точное место, по словам венгерских археологов Э. Иштванович и В. Кульчар, «практически не продвинулись за последние десятилетия»; предполагается, что она находилась в бассейне реки Тиса, возможно, при устьях рек Кёрёш или Марош. Примерно в этом же районе (немного южнее) находились и ограбленные могилы (или все же сокровищницы?) гуннских царей, которые должны были, судя по описанию Приска, находиться где-то возле устья Тисы⁴⁵⁹.

Путь посольства лежал через Сардику и развалины Наисса. Неподалеку от Наисса римский военачальник выдал гуннским послам пятерых перебежчиков из числа семнадцати, о которых Феодосий писал Аттиле. Наисс лежал в пяти днях пешего пути от Истра. Несмотря на то что Паннония достаточно давно принадлежала гуннам, ставка Аттилы находилась не в самой Паннонии, а на левом берегу реки. Неизвестно,

двигалось ли посольство от Наисса к Истру прямым путем, — во всяком случае, судя по описанию Приска, путь этот (на лошадях) занял очень немного времени. Приск пишет:

«Здесь перевозчики из варваров приняли нас на однодеревки, которые выдалбливаются ими из срубленного леса. Они перевезли нас через реку. Эти челноки не для нас были приготовлены. На них были перевезены попавшиеся нам на дороге множество варваров, потому что Аттила хотел переехать в Римскую землю, как будто бы для того, чтоб охотиться. В самом же деле он делал приготовления к войне, под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы».

В семидесяти стадиях (примерно в 13 км) от реки посольство вынуждено было остановиться. Эдикон отправился в ставку к Аттиле сообщить о прибывших, и вскоре к римлянам прискакали посольные, с тем чтобы препроводить их в лагерь гуннского вождя. На следующий день послы и сопровождавшие их гунны прибыли туда, где стояли многочисленные шатры Аттилы. Это место не было постоянной ставкой — у Аттилы, как выяснилось позднее, имелось нечто вроде резиденции с деревянными домами, здесь же был разбит кочевой лагерь. Приск пишет, что римляне хотели поставить свои палатки на холме, но им запретили это делать, поскольку шатер самого Аттилы стоял в низине, и они поселились там, где им было указано.

К этому времени Аттила уже узнал о том, что на его жизнь готовится покушение, — Эдикон «донес ему о количестве ожидаемого от Римлян золота и о цели нашего посольства». Удивляет реакция гуннского вождя — он не задержал послов, не учинил следствия, а лишь, без объяснения причин, отказался от встречи с ними и через своих людей предложил им вернуться в Константинополь. Причем он разрешил им отложить отъезд до утра и прислал богатый ужин. Для Максимиана и Приска, которые не знали о планах Вигилы, это стало полнейшей неожиданностью, и они настойчиво требовали свидания с Аттилой. В конце концов, они добились своего. Приск пишет:

«Мы вошли в его шатер, охраняемый многочисленной толпой варваров. Аттила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль от его седалища, а Максимин, подошел к варвару, приветствовал его. Он вручил ему царские грамо-

ты и сказал, что царь желает здоровья ему и всем его домашним. Аттила отвечал: “Пусть с Римлянами будет то, чего они мне желают”».

Остроумный ответ вождя не насторожил Вигилу. Аттила же, зная, что переводчик собирается ненадолго вернуться в римские земли за золотом для оплаты убийц, не стал препятствовать его отъезду и даже сам послал его туда, якобы для того, чтобы содействовать выдаче перебежчиков. Гунны фиксировали имена всех перебежчиков за многие годы, и Аттила «ввел секретарям прочесть бумагу, в которой записаны были имена беглых». Кроме того, Аттила предупредил римлян, что им категорически запрещается делать в его землях какие-либо покупки, кроме съестных припасов, в том числе запрещается выкупать своих соотечественников из плена. «Это было придумано варваром хитро, дабы тем легче изобличить Вигилу в злоумышлении на его жизнь, когда он не будет в состоянии сказать причины, зачем вез с собою золото...»

После отъезда заговорщика дипломатические дела пошли на лад, — вероятно, Аттила понял, что остальные послы непричастны к готовящемуся покушению. Впрочем, особой активностью переговорный процесс не отличался. Аттила продолжал путь по своим землям, двигаясь на север; послы следовали за ним. Потом вождь на некоторое время отлучился — он «хотел поехать в одно селение, в котором намеревался сочетаться браком» с очередной женщиной. «Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой особе, согласно с законом Скифским», — поясняет Приск.

Послы продолжили свой путь в одиночестве. Впрочем, окрестные жители оказывали им всяческое содействие: в селениях им отпускали пищу, их перевозили через реки на челнах-однодеревках и плотках. Судя по тому, что им пришлось в числе прочих рек пересечь Тису, теперь они двигались на запад. Однажды римлянам довелось пережить небольшое приключение, в котором им пришла на помощь жена (точнее, вдова) Бледы. Несмотря на то что Бледа был убит Аттилой, вдова его сохранила высокий статус и богатство. Приск пишет:

«Прошед много дороги, раскинули мы под вечер свою палатку близ озера, имеющего годную к питью воду, употребляемую жителями ближнего селения. Вдруг поднялась страш-

ная буря с громом, частыми молниями и проливным дождем. Бурею не только опрокинуло нашу палатку, но и все пожитки унесло в озеро. Этим случаем и сильною тревогою, господствовавшею в воздухе, мы были до того утрачены, что покинули то место, отделились друг от друга, и среди мрака, под ливнем, каждый из нас пошел по дороге, которая представилась ему удобнейшею. Однако мы все пришли к хижинам селения, где и сошлись, — ибо различными дорогами мы обратились к одному месту. Мы с криком отыскивали отставших от нас товарищей. Скифы, выбежали на шум и стали зажигать камыши, которые они употребляют для разведения огня. При свете этих камышей они спрашивали нас: что нам нужно, что мы так громко кричим? Когда бывшие с нами варвары дали им знать, что нас встретила непогода, то жители звали нас к себе, приняли нас в свои дома и, подкладывая много камышу, согрели нас.

Начальница того селения — она была одна из жен Влиды — прислала к нам кушанье и красивых женщин к удовлетворению нашему. Это по-скифски знак уважения. Мы благодарили женщин за кушанье, но отказались от дальнейшего с ними обхождения. Мы провели ночь в хижинах и на рассвете пошли искать наших вещей. Мы нашли их частью на месте, где накануне остановились, частью на берегу озера или в самом озере, откуда их и достали. Тот день провели мы в селении, обсушивая наши пожитки. Непогода миновалась, и солнце ярко засияло. Позабывшись о своих лошадях и о других животных, пошли мы к царице, приветствовали ее и принесли ей взаимно в подарок три серебряные чаши, красных кож, перцу из Индии, финиковых плодов и других сластей, которые ценятся варварами, потому что там их не водится. Мы вышли от нее, пожелав ей всех благ за ее гостеприимство».

В конце своего пути послам пришлось задержаться в одном из гуннских «селений» и дожидаться Аттилу, чтобы вместе с ним прибыть в его основную резиденцию. Селений в нашем смысле у гуннов, как у кочевников, скорее всего, не было, но речь могла идти о летних или зимних стоянках, где кочевники порой обустраивают для себя какие-то скромные стационарные жилища и хозяйственные помещения. Кроме того, на занятых гуннами землях жили и другие, подчиненные им народы, среди которых были земледельцы.

Сам Аттила имел несколько стационарных резиденций. Приск пишет: «...Мы ждали, откуда Аттила проехал вперед; потом продолжали свой путь за ним вместе со множеством народа. Переехав чрез некоторые реки, мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Он был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах». Здесь вождю была устроена торжественная встреча.

Послы провели в резиденции Аттилы несколько дней. Состоялся обмен подарками, Аттила и его приближенные устраивали в честь гостей пиры и обеды. Что же касается собственно дипломатии, ни один серьезный вопрос, в сущности, решен не был. Единственным достижением стало то, что римляне добились освобождения жены некоего Силла и ее детей, попавших в неволю при взятии Ратиарии. Аттила «не отказал в освобождении их, но спрашивал за них очень дорого», однако при посредстве Онигисия вопрос был улажен: «...жена Силла была им освобождена за пятьсот золотых, а дети отправлены в дар царю».

Послы пытались добиться от Аттилы, чтобы он прислал в Константинополь для переговоров своего сановника Онигисия. Они были настолько заинтересованы именно в его приезде, что намекали самому Онигисию на богатые подарки, которые он получит по приезде в столицу. Возможно, римляне рассчитывали с помощью этих подарков добиться от Онигисия не только участия в переговорах, но и решения каких-то вопросов в пользу Константинополя. Однако гунн ответил им:

«Римляне думают просьбами преклонить меня к тому, чтоб я изменил своему государю, забыл полученное у Скифов воспитание, пренебрег женами и детьми своими и богатство Римское поставил ниже службы при Аттиле? Я могу быть вам более полезен, оставаясь здесь в своей земле; ибо если случится, что мой государь будет гневаться на Римлян, то я могу укрощать его гнев; напротив того, приехав к вам, я могу подвергнуть себя обвинению, что преступил данные мне предписания».

Аттила же, в свою очередь, желал, чтобы переговоры велись на его территории и чтобы к нему прибыл кто-то из высокопоставленных сановников. Приск пишет:

«Максимин вышел из дому Аттилы и говорил мне, что варвар требует, чтоб посланником к нему назначен был либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор; что, кроме их, он никого другого не примет. На сделанное Максимином замечание, что не надлежало назначать в посольство этих мужей и чрез то делать их царю подозрительными, Аттила сказал, что если Римляне не сделают того, что он хочет, то несогласия будут решены оружием».

Переговоры закончились компромиссным решением. Приск сообщает: «По прошествии трех дней мы были отпущены Аттилою, который почтил нас приличными подарками. Он отправил с нами посланником к царю Вериха, того самого, который в пиршестве сидел выше нас. Это был человек знатный, владел многими селениями в Скифской стране и был прежде с посольством у Римлян».

Таким образом, вся деятельность Максимиана и Приска свелась к обсуждению (причем не слишком плодотворному) процедуры грядущего посольства. Причем из Константинополя с ними вместе только что вернулись гуннские послы, которые ездили туда в основном по тому же самому поводу. Такая заминка в переговорном процессе, возможно, была вызвана тем, что Феодосий не придавал ему особого значения, надеясь на скорое устранение Аттилы. Сам же Аттила понимал, что Максимин был лишь прикрытием для заговорщика Вигилы и никакими серьезными полномочиями не обладал... Во всяком случае, посольство это оказало неоценимую услугу если не дипломатии, то историографии — ведь оно дало возможность Приску Панийскому побывать у гуннов и оставить свои замечательные записки.

Последние строки, касающиеся истории посольства Максимиана, Приск писал уже с чужих слов. После его отъезда ничего не подозревающий Вигила, взяв с собой сына (вероятно, в подмогу) и деньги для подкупа убийц, вернулся в ставку Аттилы.

«Как скоро Вигила прибыл в то селение, где имел пребывание Аттила, он был окружен приставленными к тому варварами, которые отняли у него привезенные Эдекону деньги. Вигила был приведен к Аттиле, который допрошал его, для чего он вез столько золота? Вигила отвечал, что он заботился о себе и о спутниках своих и хотел при отправлении посольства из-

бегнуть остановки на дороге, на случай недостатка в съестных припасах или в лошадях и вьючных животных, которые могли пасть в продолжение столь долгого пути; что притом золото было у него в готовности, для выкупа военнопленных, потому что многие в Римской земле просили его о выкупе родственников. “Зверь лукавый! — сказал тогда Аттила. — Ты не скроешься от суда своими выдумками, и не найдешь достаточного предлога для избежания наказания, ибо находящееся у тебя золото превышает количество, нужное тебе на расходы, на покупку лошадей и прочего скота и на выкуп военнопленных; да я и запретил выкупать кого-либо еще в то время, как ты с Максимином приезжал ко мне”. Сказав это, Аттила велел поразить мечом сына Вигилы (который тогда в первый раз последовал за отцом своим в варварскую землю), если он тотчас не объявит: за что и кому везет те деньги. При виде сына, обреченного на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить юношу, ни в чем не провинившегося. Он объявил без отлагательства то, что было замышляемо им, Эдеконом, евнухом и царем, и между тем не переставал просить Аттилу убить его самого и отпустить сына. Аттила, зная из признания Эдеконова, что Вигила ни в чем не лгал, велел его сковать и грозил, что не освободит его, пока он не пошлет сына назад, для привезения ему еще пятидесяти литр золота на выкуп себя. Вигила был скован, а сын его возвратился в Римскую землю»⁴⁶⁰.

Надо отметить, что Аттила поступил исключительно гуманно и дальновидно. Навряд ли дипломатическая неприкосновенность могла распространяться на человека, который сам признался в намерении убить правителя, к которому он был послан для переговоров. Тем более что Вигила был всего лишь переводчиком. Однако и он, и его сын отделались испугом и сравнительно небольшой суммой денег. Что касается Феодосия, чье участие в заговоре не вызывало у Аттилы особых сомнений, к нему гунн отправил послов Ислу и Ореста, которым надлежало устыдить императора.

«Оресту было приказано повесить себе на шею мошну, в которую Вигила положил золото для передачи Эдекону; в таком виде предстать пред царя, показать мошну ему и евнуху и спросить их: узнают ли они ее? Исле велено было сказать царю изустно, что Феодосий рожден от благородного родите-

ля, что и он сам, Аттила, хорошего происхождения и, наследовав отцу своему Мундиуху, сохранил благородство во всей чистоте; а Феодосий, напротив того, лишившись благородства, поработился Аттиле тем, что обязался платить ему дань. Итак, он не хорошо делает, тайными кознями, подобно дурному рабу, посягая на того, кто лучше его, кого судьба сделала его господином. Притом Исла должен был объявить, что Аттила не перестанет винить Феодосия в этих проступках против него, пока евнух Хрисафий не будет к нему выслан для наказания»⁴⁶¹.

Впрочем, Хрисафий тоже отделался в этой истории легким испугом. Феодосий не хотел выдавать своего сановника, тем более что «все благоприятствовали ему и ходатайствовали за него». Поэтому император пошел на моральные уступки и сформировал посольство из тех самых знатных людей, которых гуннский вождь давно хотел видеть в своих землях. «Евнух послал от себя много золота варвару, чтоб смягчить его и тем отвести его гнев». «Таким образом, Анатолий и Ном были отправлены к Аттиле, для укрощения его гнева и убеждения его хранить мир на постановленных условиях»⁴⁶². Аттила «из уважения к их сану» встретил послов у своих границ, чтобы «не подвергать их трудам дальнейшего странствия».

«Сначала он говорил с ними надменно; потом они укротили его множеством даров и убедили ласковыми словами. Он поклялся в сохранении мира на прежних условиях: обязался уступить Римлянам землю, которая граничила Истром, и не беспокоить более царя насчет беглых, если только Римляне не станут снова принимать к себе других бегущих от него людей. Он отпустил и Вигилу, получив пятьдесят литр золота — такое количество привезено было сыном Вигилы, приехавшим в Скифию вместе с посланниками. Аттила отпустил без окупа и многих военнопленных, из уважения к Анатолию и Ному. Он подарил им коней, звериные меха, которыми украшаются царские Скифы и отпустил их»⁴⁶³.

Так, ко всеобщему удовлетворению, завершились переговоры Аттилы с Феодосием, положившие конец затяжной войне. Впрочем, Аттила вовсе не собирался переориентировать своих подданных на мирный пастушеский труд. Но теперь его взгляд устремился на запад.

Глава 8 Аттила и его гунны

Прежде чем рассказывать о дальнейших завоеваниях Аттилы, стоит сказать несколько слов о личности этого исключительного человека. Мы знаем Аттилу прежде всего по сочинениям Приска. Другие авторы, рассказывающие о гуннском вожде, очень часто опирались на тексты того же Приска.

Для Приска Аттила был врагом, хотя писатель и ездил к нему с мирным посольством. К тому времени гунны успели отхватить изрядный кусок имперской территории и разграбить немало римских городов — через развалины этих городов Приску довелось проезжать. Позднее он был современником и свидетелем разорения гуннами Западной Римской империи (его записки заканчиваются 468 годом). Поэтому от автора этих записок можно было бы ожидать, что он обрисует гуннского завоевателя в достаточно неприглядных красках (как это делал, рассказывая о гуннах, например, Аммиан Марцеллин), в лучшем случае — что даст беспристрастное описание, но в намерении приукрасить образ главного врага римской державы его заподозрить трудно. И тем не менее Аттила в его заметках предстает человеком цивилизованным, благородным, даже гуманным. В нем нет ничего от дикого и кро-

вожадного варвара, каким должен был представляться любой гунн образованному и утонченному византийцу.

Этот дружелюбный и простой в общении человек залил кровью пол-Европы. Но люди времен Приска Панийского, вероятно, не видели в этом особого противоречия. Любой крупный правитель той эпохи (как и предыдущих эпох) вел завоевательные войны. Их вел и восславленный историками и поэтами Александр Македонский, и Юлий Цезарь, провозгласивший «политику милосердия» — эта политика не помешала ему отрубить руки всем пленникам, захваченным при взятии галльского города Укселлодун. Про Октавиана Августа Светоний писал: «Милосердие его и гражданственная умеренность засвидетельствованы многими примечательными случаями». Но при этом: «...Частью под его начальством, частью под его наблюдением покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее — Ретия и альпийские племена винделиков и салассов»⁴⁶⁴. Траян «был справедлив, милостив»⁴⁶⁵ — и покорил Дакию, на востоке его войска дошли до Тигра и Персидского залива. Поэтому, говоря об Аттиле, стоит различать жестокого завоевателя, поставившего на колени обе римские империи, и мудрого правителя, неприхотливого в быту, милосердного к личным врагам и отпускающего безнаказанным человека, который готовил на него покушение.

В те дни, когда Приск общался с гуннским вождем, Аттила еще не приступил к покорению Западной империи. От своих предшественников он унаследовал огромную, хотя, вероятно, достаточно рыхлую державу, которую к описываемому времени изрядно расширил. Границы ее можно восстановить лишь очень приблизительно. На западе еще дядя Аттилы Октар граничил с бургундами, которые обитали по обе стороны Рейна. Напомним, что в 430 году бургунды разгромили гуннов, но пятью годами позже Аэций и гунны стерли Бургундское королевство с лица земли. Бургундские земли на левобережье Рейна гуннам не достались⁴⁶⁶, и западная граница гуннов, судя по всему, проходила по Рейну. Паннония, по договору с Аэцием, принадлежала Аттиле с самого начала его правления. На севере его земли включали, по сведениям Приска, некие «острова, находящиеся на Океане». Что за острова имелись в виду, никто не знает. В свое время высказывались предположения,

что речь могли идти о Британии или островах Балтийского моря⁴⁶⁷. Однако сейчас считается, что в Центральной Европе власть гуннов вряд ли распространялась севернее Среднедунайской низменности. На северо-востоке Аттила еще в середине сороковых годов покорил акациров, живших в верхнем и среднем течении Оки. Археологи прослеживают следы гуннов и севернее, в среднем течении Волги. Надо думать, что Поднепровье, Подонье и вообще все Причерноморье и Приазовье тоже подчинялись Аттиле.

Приск передает слова одного из западных римлян, сказанные в 448 году: «...Великое счастье Аттилы, и происходящее от этого счастья могущество до того увлекают его, что он не терпит никаких представлений, как бы они ни были справедливы, если они не клонятся к его пользе. Никто из тех, которые когда-либо царствовали над Скифией <...> или над другими странами, не произвел столько великих дел, как Аттила, и в это короткое время. Его владычество простирается над островами, находящимися на Океане, и не только всех Скифов, но и Римлян заставляет он платить себе дань. Не довольствуясь настоящим владением, он жаждет большего, хочет распространять свою державу и идти на Персов».

На персов Аттила не пошел, но римляне всерьез опасались, что он может это сделать и тем самым умножит свое могущество. Другой собеседник Приска говорил:

«...Покорив Мидов, Парфов и Персов, Аттила свергнет с себя имя и достоинство, которым Римляне думали почитать его, и принудит их, вместо полководца, называть себя царем; ибо он сказал уже, во гневе своем, что полководцы царя (императора Феодосия II. — *Авт.*) его рабы, а его полководцы равны царствующим над Римлянами, что настоящее его могущество распространится в скором времени еще более и что это знаменует ему Бог, явивший меч Марсов, который у Скифских царей почитается священным»⁴⁶⁸.

Что касается священного меча, история эта изложена Приском, но текст был утрачен. Однако ее, к радости историков, пересказал Иордан:

«Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не

приблизился к мечу, на который она, пока шипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

Иордан же сохранил и описание самого Аттилы (тоже, вероятно, со слов Приска):

«Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей»⁴⁶⁹.

Портретов Аттилы не сохранилось, хотя известно, что по крайней мере один существовал. После завоевания Медиолана Аттила увидел в городе картину, на которой были изображены римские императоры, сидящие на золотых тронах, у их ног лежали мертвые скифы. Аттиле так понравилась эта идея, что он тут же призвал художника и приказал написать себя и римских императоров, которые несут на плечах мешки с золотом и высыпаят к его ногам⁴⁷⁰.

Иордан так называет Аттилу: «повелитель всех гуннов и правитель — единственный в мире — племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров»⁴⁷¹. Он пишет, что гуннский вождь был «замечательно изобретательным в военных делах»⁴⁷²; «говорили, что войско его достигало пятисот тысяч». Правда, современные историки считают это число завышенным⁴⁷³.

Аттила искренне считал, что правитель должен обладать всей полнотой власти над подданными, и называл жителей

своей державы своими рабами. Так, требуя выдачи перебежчиков, он заявлял, что «не позволит, чтоб его рабы действовали на войне против него»⁴⁷⁴.

Показательна история, связанная с письмоводителем Аттилы, неким Константием. Император Феодосий, в благодарность за помощь при заключении мира, обещал Константию, что выдаст за него богатую девушку — «дочь Саторнилы, человека известного по роду и по достатку». Но случилось так, что девушка вышла замуж за другого. Гуннский вождь, который благоволил к своему письмоводителю, решил вмешаться в ситуацию. Он послал в Константинополь гонцов, которые должны были пристыдить Феодосия и объяснить ему, что «царю надлежит исполнять данное обещание» — ведь женщина «не могла же быть выдана за другого без воли царя». Приск пишет: «По мнению Аттилы, или следовало дерзнувшему на такой поступок подвергнуть наказанию, или должно было думать, что царь в таком положении, что не может управлять и своими рабами, против которых он, Аттила, готов был подать царю помощь, если тот пожелает». Феодосий с большим трудом уверил Аттилу, что он не нуждается в его помощи в этом деликатном вопросе и что невеста «вышла замуж за другого согласно с законом, ибо у Римлян не позволено выдавать женщину замуж против ее воли»⁴⁷⁵.

Считая подданных своими рабами, Аттила в то же время был достаточно прост в общении с ними и позволял обращаться к себе без особых церемоний⁴⁷⁶. К нему можно было подойти, когда он выходил из дома, и он стоя выслушивал просителей. Приск пишет: «Я стоял среди множества людей; никто мне не мешал, потому что я был известен стражам Аттилы и окружающим его варварам. Я увидел, что идет толпа; на том месте произошел шум и тревога, в ожидании выхода Аттилы. Он выступил из дому, шел важно, озираясь в разные стороны. Когда, вышед вместе с Онигисием, он остановился перед домом, многие просители, имевшие между собою тяжбы, подходили к нему и слушали его решения. Он возвратился потом в свой дом, где принимал приехавших к нему варварских посланников».

В эпоху, когда роскошная одежда и утварь были обязательными отличительными признаками любого правителя, Аттила выделялся не только среди царей и вождей, но даже среди

своих подданных исключительным аскетизмом. Приск, дважды побывавший на пирах у Аттилы, рассказывает:

«Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Аттилою ничего более не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узды его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водится у других Скифов».

Дворец Аттилы, в котором довелось побывать Приску, тоже был достаточно скромным, хотя римлянин и пишет, что он считался «великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах». «Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградой, более служащею к украшению — нежели к защите». Кочевники не слишком увлекались домостроительством, однако на территории гуннской империи существовало немало городов, и жители ее, прежде всего римляне, имели прекрасный опыт возведения каменных зданий и дворцов. Однако Аттила не прельстился чужой роскошью. Интересно, что в его дворце не имелось даже отдельной спальни — ею служила та же самая зала, где вождь принимал гостей. Приск так описывает пиршественную залу:

«Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны; в самой середине сидел на ложе Аттила; позади его было другое ложе, за которым несколько ступеней вели к его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавесами, для красоты, подобными тем, какие в употреблении у Римлян и Эллинов для новобрачных».

На пиру у Аттилы не было недостатка в винах, пили, судя по всему, достаточно много, но и сам вождь, и гости строго соблюдали установленный ритуал. Первая чаша полагалась сразу при входе. Приск пишет: «Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы помолились, прежде нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам, на которые надлежало нам сесть и обедать. <...> Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле,

поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был первый в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему не было позволено сесть прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чаши и, приветствовав, вкушали из них вино. При каждом из гостей находилось по одному виночерпцу, который должен был входить в очередь по выходе виночерпца Аттилы. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям Аттила приветствовал и нас наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того, как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. <...> После того как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены, мы все встали, и всякий из нас не прежде пришел к своей скамье, как выпив прежним порядком поднесенную ему полную чару вина и пожелав Аттиле здравия. Изъявив ему таким образом почтение, мы сели, а на каждый стол поставлено было второе блюдо, с другими кушаньями. Все брали с него, вставали по-прежнему; потом, выпив вино, сиделись».

Античные писатели издавна любили подчеркивать невосдержанность варваров (прежде всего скифов) и их склонность к пьянству. Однако на пиру у Аттилы, судя по тому, что пишет Приск, хотя выпито было немало чаш, хозяин и гости оставались трезвыми. И если сравнивать с эллинами и римлянами, то развлечения, которым предавались Аттила и его приближенные, куда больше напоминали сисситии древних спартанцев, чем оргии римлян времен империи. Приск пишет:

«С наступлением вечера, зажжены были факелы. Два варвара, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносили его победы и оказанную в боях доблесть. Собеседники смотрели на них; одни тешились стихотворениями, другие воспламенялись, вспоминая о битвах, а те, которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы».

Не обошлось и без развлечений попроще. «После песней какой-то Скиф, юродивый, выступив вперед, говорил речи странные, вздорные, не имеющие смысла, и рассмешил всех». Веселил гостей и карлик Зеркон, который приехал в ставку Аттилы, чтобы ходатайствовать о своем воссоединении с же-

ной. Но сам Аттила к такого рода зрелищам оставался равнодушен: он, «казалось, не говорил и не делал ничего, чем бы обнаруживал расположение к смеху».

Пожалуй, невоздержан Аттила был лишь в одном: у него было множество женщин. Иордан, говоря о сыновьях Аттилы, пишет, что их, «по распушенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы»⁴⁷⁷. Приск тоже сообщает, что Аттила имел много жен — «согласно с законом Скифским». С одной из них — главной супругой гуннского вождя — Приску довелось познакомиться лично. Она жила в том же «селении», где находилась главная резиденция Аттилы, но имела отдельный дом. Приск пишет:

«На другой день я пошел ко двору Аттилы с подарками для его супруги. Имя ее Крека (она же Рекан. — *Авт.*). Аттила имел от нее трех детей, из которых старший был владельцем Акациров и других народов, занимающих Припонтийскую Скифию. Внутри ограды было много домов; одни выстроенны из досок, красиво соединенных, с резною работою; другие из тесаных и выровненных бревен, вставленных в бруссы, образующие круги; начинаясь с пола, они поднимались до некоторой высоты. Здесь жила супруга Аттилы; я впущен был стоявшими у дверей варварами и застал Креку, лежащую на мягкой постели. Пол был устлан шерстяными коврами, по которым ходили. Вокруг царицы стояло множество рабов; рабыни, сидя на полу, против нее, испещряли разными красками полотняные покрывала, носимые варварами поверх одежды, для красы».

Старшего сына Аттилы от Креки звали Эллак. Хотя Приск и называет его «владельцем Акациров и других народов, занимающих Припонтийскую Скифию», но реальным правителем в дни их знакомства он, судя по всему, стать еще не успел. Когда посольство Приска вступило в земли гуннов, те как раз ждали возвращения Онигисия, который «в это время был послан с старшим сыном Аттилы к Акацирам» с тем, чтобы помочь Эллаку утвердиться среди своих новых подданных. Неизвестно, насколько успешно выполнили Онигисий и Эллак свою миссию. Во всяком случае, Эллак вернулся назад вместе с Онигисием⁴⁷⁸.

Этот эпизод — один из немногих, которые проливают какой-то свет на возраст Аттилы. В 448 году у него уже имелись,

по словам Приска, седые волосы, но старший сын его был еще очень молод. Аттила завоевал акациров несколько лет назад, но лишь сейчас направил к ним Эллака, причем в сопровождении старшего — опытного сановника. И значит, Аттиле, старший сын которого только входил в возраст, было, вероятно, немногим более сорока. Поскольку после смерти Руа он сумел стать полноправным правителем, несмотря на наличие старшего брата, можно предположить, что в 434 году он уже был достаточно опытным воином и вождем. Все это дает основания думать, что Аттила родился в первом десятилетии V века.

Иордан сообщает, что Эллака «отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим»⁴⁷⁹. Однако у Приска Аттила однозначно отдает предпочтение младшему сыну. Историк описывает пир, на котором видел Аттилу и его сыновей: «Против Онигисия, на скамье, сидело двое из сыновей Аттилы; старший же сын его сидел на краю его ложа, не близко к нему, из уважения к отцу потупив глаза в землю». Позднее в зале появился младший сын вождя, по имени Ирна (он же — Эрна или Эрнак), и стал возле отца. Аттила потягивал его за щеку и «глядел на него веселыми глазами». Приск пишет:

«Я дивился тому, что Аттила не обращал внимания на других детей своих, и только ласкал одного Ирну. Сидевший возле меня варвар, знавший Авсонский язык, попросив меня наперед никому не говорить того, что он мне сообщит, сказал, что прорицатели предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном»⁴⁸⁰.

Неизвестно, был ли Аттила грамотен. У гуннов не было письменности, но при дворе Аттилы постоянно находились письмоводители, которых ему присылали из империи. Один только Приск упоминает четырех писцов, в разное время служивших гуннскому вождю. Среди них Орест — «домочадец и писец Аттилы», «Рустикий, родом из Верхней Мисии, взятый в плен в одном сражении, но по отличному образованию употребляемый Аттилою для писем», и два тезки, которых звали Константиями. Они не только вели дипломатическую переписку, но и делали разного рода учетные записи. Приск, описывая свою первую встречу с Аттилой, сообщает, что тот

«велел секретарям прочесть бумагу, в которой записаны были имена беглых»⁴⁸¹.

Подданные Аттилы, как и сам вождь, в описании Приска производят впечатление людей вполне цивилизованных. По крайней мере, автор записок ни словом не поминает никаких гуннских обычаев, которые хоть в какой-то мере могли бы пороборить его или читателя. А ведь Приск проделал бок о бок с гуннами долгий путь от Константинополя в ставку Аттилы и потом, вслед за вождем, путешествовал по его землям. Он неоднократно делил с гуннами трапезу — и у походного костра, и на пиру. Он бывал в их шатрах и домах. Он наблюдал их обычаи. Он вел с ними переговоры... Все это он описал тактично и уважительно — примерно в той же тональности он мог бы говорить о греках или египтянах.

Совсем иначе говорили о гуннах другие авторы — их современники. Например, Клавдиан писал:

Племя это живет у дальних скифских пределов,
Там, где течет Танаид, и племени с худшею славой
Нет под Полярной звездой. Гнусный облик, грязное тело;
Дух, ни перед каким трудом не знающий страха;
Пища — охотничья, хлеба — ничуть; рубцами на лицах
Тешиться рады они и убийством родителей клясться⁴⁸².

Но безусловно, ни один из римских авторов не был знаком с гуннами так близко, как Приск. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что большинство римлян видели гуннов лишь в дни войны. Они сталкивались с ними на полях сражений, они с ужасом смотрели на них со стен осажденных городов. А многие — как, например, Аммиан Марцеллин, и вовсе не встречались с гуннами, а лишь повторяли искаженные страхом слухи об их появлении.

Безусловно, гунны пролили на римских землях немало крови и сотворили немало зверств. Но навряд ли больше, чем сами римляне во время своих завоевательных походов. Просто гунны были новым, еще неизвестным врагом, который вторгся в устоявшуюся военно-политическую жизнь империи, где в пограничных районах шли вечные вялотекущие военные действия и перемирия с давным-давно известными

противниками. Монголоидная внешность гуннов усиливала страх — римляне привыкли к чернокожим африканцам, но людей желтой расы видели впервые*. Конечно, империя получала шелка из Китая, но товар на долгом пути переходил из рук в руки, и не так уж много китайских купцов попадало в поле зрения среднего римлянина — большинству из них, конечно же, не доводилось встречать ни одного монголоида.

Поэтому полные ужаса и отвращения рассказы римских авторов о невероятном в своей дикости племени гуннов не стоит воспринимать слишком буквально. Представить, что гунны со времен Аммиана Марцеллина ко временам Приска — то есть примерно за 70 лет — сильно изменились, тоже трудно. Вероятно, гунны с первых дней их появления в поле зрения римлян были обычным кочевым народом, имевшим, как и любой народ, свои особенности и свои, лишь ему присущие традиции, но ничем особо принципиальным не выдающимся из общей массы кочевников. Надо полагать, что скифы, когда они впервые пришли в Причерноморье, навели на местных жителей не меньший ужас — просто в те далекие времена их некому было описать.

Тем не менее в том, что говорит о гуннах Аммиан Марцеллин, есть и доля правды. Поэтому авторы настоящей книги рискуют привести пространные отрывки из его труда, снабдив их некоторыми комментариями.

«Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих

* Напомним, что скифы, вопреки распространенному мнению, были европеоиды. Не говоря уже о том, что, опять-таки вопреки распространенному мнению, со скифами римляне IV века знакомы не были — этот народ исчез из степей Причерноморья значительно раньше, и многочисленные «скифы», мелькающие на страницах римских рукописей, на самом деле были представителями других племен.

союзников. Без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся»⁴⁸³.

Эти слова Марцеллина, пожалуй, не нуждаются в особых комментариях. Личность Аттилы вызывает значительно большее уважение, чем личность Феодосия, который уже после заключения договора о мире направил к своему противнику наемных убийц под прикрытием мирного посольства. От того же Приска мы знаем, как верны были Аттиле его соратники, которых римляне пытались склонить к измене, обещая огромные деньги и роскошную жизнь в Константинополе, — их никак нельзя упрекнуть в «дикой страсти к золоту». Например, Онигсий в ответ на посулы Максимиана с возмущением ответил, что он не предаст Аттилу: «...Или римляне думают, продолжал он, настолько убогословить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег полученным в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Аттилы выше богатства у римлян»⁴⁸⁴.

Марцеллин пишет: «Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов»⁴⁸⁵.

Приск, тесно общавшийся с гуннами, ничего не говорит об этом обычае применительно к детям. Правда, его труд дошел до нас далеко не полностью. Описание Аттилы, сделанное Приском и пересказанное Иорданом, сохранилось — мы приводили его выше. Автор упоминает приплюснутый нос и отвратительный цвет кожи вождя, но о надрезах умалчивает⁴⁸⁶. С другой стороны, рассказывая о похоронах Аттилы, Иордан (со слов Приска) говорит о том, что воины в знак траура отрезали себе часть волос и обезобразили лица «глубокими ранами»⁴⁸⁷. Возможно, следы такого рода траурных порезов и ввели информаторов Марцеллина в заблуждение. Напомним, что сам Марцеллин с гуннами, судя по всему, не общался — в лучшем случае он мог видеть в Риме их послов⁴⁸⁸. Тем не менее снова дадим ему слово:

«Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно

принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов»⁴⁸⁹.

Иордан оставил несколько иное описание внешнего облика гуннов: «Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи»⁴⁹⁰.

Марцеллин сообщает: «При столь диком безобразии человеческого облика они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть»⁴⁹¹.

Исидор добавляет к этому: «Этот народ был настолько диким, что когда [гунн] испытывал во время похода жажду, он вскрывал вены своей лошади и таким образом кровью утолял жажду»⁴⁹².

Что касается сообщения Исидора, то как бы ни воротили нос европейцы от такого напитка, он известен у многих кочевых народов, и гунны здесь не исключение. Что же касается сыроядения, описанного Марцеллином, — возможно, что в походе кочевникам и приходилось довольствоваться сырой и полусырой пищей, но гунны, с которыми путешествовал и столовался Приск, никаких особо экзотических кулинарных пристрастий не имели. Очередной общий ужин после приближения к лагерю Аттилы был описан Приском так: «К тому же месту пришли другие Скифы с присланными к нам Аттилою речными рыбами и быком. Поужинав, мы легли спать». Столь же обыденно сообщает Приск и о других совместных трапезах. Например, о визите в дом Онигисия он говорит: «Мы были приняты его женою и отличнейшими из его сродников и обедали у него». Рассказывая о пире у Аттилы, Приск пишет: «Первый вошел служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб. Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах...»

Во время путешествия по гуннским землям, римляне получали продукты от подданных Аттилы, причем посла и их

слугам полагалось разное довольствие. Приск рассказывает: «В селениях отпускали нам в пищу — вместо пшеницы — просо, вместо вина — так называемый у туземцев медос. Следующие за нами служители получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называют камос»⁴⁹³. «Медос» — вероятно, какой-то напиток из меда. Тот факт, что Приск, вслед за туземцами, употребляет это слово, наводит некоторых исследователей на мысль, что в селениях, через которые проезжало посольство, жили в том числе славяне⁴⁹⁴. Что касается загадочного «камоса» — некоторые комментаторы считали, что это был квас. Речь могла идти и о пиве, поскольку оно делается из ячменя⁴⁹⁵, — пиво было одним из древнейших напитков ойкумены, хотя его чаще употребляли египтяне и жители Месопотамии.

Если отвлечься от того, что говорят Марцеллин и Приск (Приску можно верить, но он описал гунскую кухню очень уж кратко), то стоит вспомнить все то, что сегодня известно о пище кочевых степных народов — древних и не очень. Основу их стада обыкновенно составляют овцы. Напомним, что количество скота у сюнну в среднем колебалось вокруг 19 голов на человека; число это не менялось в течение двух тысячелетий — монголы начала XX века были обеспечены скотом примерно так же⁴⁹⁶. Надо думать, гунны в этом смысле не слишком отличались от своих предков.

Мясо кочевники ели не слишком часто — главные блюда делались на основе молока. Недаром археологи, исследуя зубы кочевников из древних погребений, обычно отмечают прекрасное качество зубной эмали. Как только кочевой народ вступает в контакт с земледельцами, эмаль начинает портиться⁴⁹⁷. Но обычно кочевники не заботятся о сохранности зубов и активно ищут таких контактов. Известно, что кочевая цивилизация влачит очень жалкое существование, если рядом нет оседлых земледельцев и ремесленников. Поэтому скотоводы стараются, чтобы маршруты их перекочевков пролегали достаточно близко от границ земледельческих государств (вспомним сюнну, вся история которых неразрывно связана с Китаем). Кроме того, кочевники, завоевав какую-то территорию, обычно сохраняют поселения местных жителей, а иногда даже перегонают в степь земледельцев и ремесленников (так ха-

зары переселили на Дон множество алан из Предкавказья, создав здесь сеть небольших городков).

Пока гунны продвигались на запад, им, конечно, было не до развития земледелия. Но когда они более или менее обосновались в Европе, они, конечно же, стали решать проблему растительной пищи. На занятых гуннами территориях земледельцы были — те, что жили здесь еще до их прихода; далеко не все их поселения завоеватели сровняли с землей.

Кроме того, есть факты, что кочевники древности иногда пахали землю, не изменяя своему образу жизни. Ведь кочевник не каждый день двигался вперед со своим стадом. Ранним летом, когда травы много, скот достаточно долго пасется на одном месте, и здесь кочевники устраивали так называемые летники, в которые возвращались из года в год. Даже если жить они предпочитали в юртах, на летних стоянках неизбежно возникали загоны, хозяйственные ямы... А на зимних стоянках кочевники жили месяцами — здесь тем более появлялись порой какие-то скромные хозяйственные постройки, иногда делались запасы сена. В окрестностях летников и зимников кочевники могли засеивать небольшие участки земли. Иногда часть людей оставалась здесь до сбора урожая, а потом присоединялась к своим кочевьям⁴⁹⁸. Надо полагать, урожай при такой системе получался более чем скромный, но, поскольку основу питания составляли молоко и сыр, этого хватало. А если не хватало, то стол можно было разнообразить, облагая данью (или грабя) ближайших земледельцев или же получая от них хлеб и овощи в обмен на мясо и шерсть. Мы не можем с уверенностью говорить о том, что гунны занимались земледелием, но и исключить этого тоже нельзя.

Но вернемся к Марцеллину. Он пишет:

«Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. <...> Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы,

с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше»⁴⁹⁹.

Все это опять-таки не слишком точно. Если в дни, когда гунны с боями двигались на запад, гоня перед собой орды алан и готов, такая картина могла соответствовать истине, это было временное явление. Перегоняя свои стада, кочевник движется из года в год по одному и тому же маршруту. На этом пути, как мы только что говорили, существуют стационарные стоянки. Приск писал об «огромном селении», в котором стоял дворец Аттилы, причем у Аттилы было несколько дворцов в разных местах его державы. Во дворце жила и его главная супруга. «Отличный дом» был у Онигисия. Приск рассказывает, что, путешествуя по гуннским землям, они были застигнуты бурей и нашли убежище в селении, «начальницей» которого была одна из жен Бледы. Здесь путников устроили в отапливаемых камышом хижинах⁵⁰⁰.

А вот что пишет Марцеллин об одежде гуннов: «Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей⁵⁰¹. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расплзется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами...»⁵⁰²

Совсем иначе говорит об этом Приск. Он рассказывает, что в гуннских землях встречаются греки, «уведенные в плен из Фракии или из приморской Иллирии» — «таких людей, впавших в несчастье, легко узнать по изодранному платью и по нечесаной голове», — значит, неопрятный внешний вид в гуннской державе был типичен лишь для рабов, но не для свободных людей. Однажды Приску довелось познакомиться здесь же с греческим пленником, который сумел купить себе свободу, — он «казался Скифом, живущим в роскоши, одет был очень хорошо, а голова острижена была в кружок». То есть богатые гунны одевались, с точки зрения римлянина, вполне пристойно. Гуннские девушки, устроившие Аттиле торжественную встречу, были окутаны «тонкими белыми по-

крывалами». Рабыни Креки — супруги Аттилы — «испещряли разными красками полотняные покрывала, носимые варварами поверх одежды, для красоты». Описывает Приск и баню, принадлежавшую Онигисию:

«Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между Скифами. Он перевез для этой постройки камень из земли Пеонской; ибо у варваров, населяющих здешнюю страну, нет ни камня, ни леса. Материал же этот употребляется у них привозный. Архитектор, строивший баню, был житель Сирмия, взятый в плен Скифами. Он надеялся получить свободу в награду за свое искусство, но вместо того был подвергнут трудам более тяжким, чем Скифская неволя. Онигисий сделал его своим банщиком. Он должен был прислуживать ему и домашним его, когда они мылись в бане»⁵⁰³.

Но продолжим чтение Марцеллина:

«Обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях»⁵⁰⁴.

Гунны, с которыми путешествовал Приск, ели, судя по всему, сидя на лавках или, может быть, на земле, но, во всяком случае, не на конях. Но однажды писатель стал свидетелем того, как Аттила, которого торжественно встречали его подданные, действительно ел, сидя на коне, «из серебряного блюда высоко поднятого служителями»⁵⁰⁵. Трапеза эта явно носила ритуальный характер — что-то вроде нашей традиции отвеживать хлеб-соль у входа в дом. И переговоры с римлянами гунны действительно иногда вели, не слезая с коней. Приск так описывает переговоры 434 года возле города Марг: «Съезд происходил вне города; Скифы сидели верхом на лошадях, и хотели вести переговоры не слезая с них. Римские посланники, заботясь о своем достоинстве, имели с ними свидание

также верхом. Они не считали приличным вести переговоры пешие с людьми, сидевшими на конях»⁵⁰⁶.

О том, что гунны «чрезвычайно склонны к верховой езде», писал Иордан⁵⁰⁷. Зосим говорил о них, что «это люди, не могущие даже твердо стоять на ногах, а живущие и спящие на лошадях»⁵⁰⁸. Гунны, вероятно, сами разводили коней и преуспевали в этом. Когда Аттила дал своим сановникам приказ почтить римского посла Максимиана подарками, каждый из них прислал гостю по лошади⁵⁰⁹.

Марцеллин пишет о гуннах: «Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути»⁵¹⁰.

С этим утверждением можно поспорить. Позднеантичные и раннесредневековые источники сохранили для нас имена нескольких гуннских вождей (правда, живших, кроме одного, позже Марцеллина) — не будем их повторять, о каждом из них было сказано достаточно много. Они, безусловно, не были случайными предводителями — ведь они не только в военное, но и в мирное время вели переговоры с римлянами, и, значит, власть их была достаточно устойчивой. Некоторые из них были связаны между собой узами родства (Руа и его братья, Аттила и Бледа), что опять-таки говорит о том, что властью пользовались не случайные предводители, а члены одной семьи, получавшие ее по наследству. Но как далеко простирались полномочия большинства этих вождей — не известно. Во всяком случае, ко временам Аттилы власть правителя над подданными была поистине абсолютной.

Имелись в гуннском обществе и рабы — ими, вероятно, становились только военнопленные. О том, чтобы у гуннов были рабы-соплеменники, никто не сообщает. Пленников распределяли между победителями⁵¹¹, причем «взятые в плен богатые люди доставались на долю, после Аттилы, Скифским вельможам, имеющим большую власть». С одним таким пленником Приск познакомился — это был тот самый эллин, чья хорошая одежда и аккуратная стрижка в сочетании с греческим языком, на котором у гуннов говорили только рабы, вызвали удивление дипломата. Грек рассказал, что он, попав в плен, был отдан Онигисию и согласился сражаться в гуннских войсках. Захваченную в походах против римлян

и акациров добычу он, «по закону Скифскому», отдал своему господину и за это получил свободу. Он «женится на варварке и прижил детей» и считал, что жизнь среди гуннов может быть значительно счастливее, чем жизнь в империи.

«Онигисий делает меня участником своего стола, — рассказывал грек, — и я предпочитаю настоящую жизнь свою прежней: ибо иноземцы, находящиеся у Скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый». Собеседник Приска хвалил гуннское общественное устройство и с жаром обличал пороки римского общества:

«Бедствия, претерпеваемые Римлянами во время мирное, тягостнее тех, которые они терпят от войны, по причине жестокого взимания налогов и притеснений, претерпеваемых от дурных людей; ибо закон не для всех имеет равную силу. <...> Тяжбы тянутся весьма долго, и на них издерживается множество денег, а это дело самое гнусное — получать только за деньги то, что следует по закону. Обиженному не оказывает правосудия, если не даст денег судье и его помощникам».

О том, как осуществляется правосудие у гуннов, грек не рассказывал, но, судя по контексту, здесь дела обстояли прямо противоположным образом: перед законом все были равны и о коррупции никто не слышал. Впрочем, особой мягкостью гуннское правосудие не отличалось. Приск пишет:

«Тут был пойман Скиф, пришедший из Римской земли в варварскую лазутчиком. Аттила велел посадить его на кол. На другой день, когда мы ехали другими селениями, два человека, бывшие у Скифов в неволе, были приведены со связанными назади руками за то, что убили своих господ, владевших ими по праву войны. Обоих распяли, положив голову на два бруса с перекладинами».

Женщины, судя по тому, что сообщает Приск, пользовались в гуннском обществе большой свободой и уважением. Они не были затворницами, общались с мужчинами, в том числе с посторонними, управляли делами и принимали гостей. Приск подробно рассказывает, как женщины селения, в котором стоял дворец Аттилы, устроили торжественную встречу своему вождю:

«При въезде в селение Аттилы был встречен девами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами. Под

каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев; а таких рядов было очень много. Сии девы, предшествуя Аттиле, пели Скифские песни. Когда Аттила был подле дома Онигисия, мимо которого проложена дорога, ведущая к царскому двору, — супруга Онигисия вышла из дому со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино: это у Скифов знак отличнейшего уважения. Она приветствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила в изъявление своего почтения. В угодность жены любимца своего Аттила, сидя на коне, ел кушанье из серебряного блюда, высоко поднятого служителями. Вкусив вина из поднесенной ему чаши, он поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении. Что касается до нас, мы остались в доме Онигисия, как было им предписано; уж он возвратился с сыном Аттилы. Мы были приняты его женою и отличнейшими из его сродников и обедали у него».

Приск дважды побывал в гостях и у главной жены Аттилы — он принес ей подарки и был принят хозяйкой в ее апартаментах. А позднее она пригласила послов к обеду: «Между тем Рекан, супруга Аттилы, пригласила нас к обеду у Адамия, управлявшего ее делами. Мы пришли к нему вместе с некоторыми знатными Скифами, удостоены были благосклонного и приветливого приема и угощены столом». Правда, из этого текста не понятно, присутствовала ли сама Рекан на этом обеде. На пирах у Аттилы женщин, судя по всему, не было — по крайней мере, Приск о них не упоминает.

Принимала римских гостей и вдова Бледы — она была «начальницей селения». Когда послы в непогоду случайно оказались в ее владениях, она распорядилась приютить их и прислала, как пишет Приск, «кушанье и красивых женщин к удовлетворению нашему». Такие непривычные формы гостеприимства смутили римлян, и они «благодарили женщин за кушанье, но отказались от дальнейшего с ними обхождения». К сожалению, из текста непонятно, были ли предложенные послам красавицы рабынями, или же это гуннские женщины пользовались такой свободой нравов. Во всяком случае, послам не чинилось никаких препятствий, когда они захотели лично навестить высокопоставленную даму и поблагодарить ее за помощь:

«Тот день провели мы в селении, обсушивая наши пожитки. Непогода миновалась, и солнце ярко засияло. Позабывшись о своих лошадях и о других животных, пошли мы к царице, приветствовали ее и принесли ей взаимно в подарок три серебряные чаши, красных кож, перцу из Индии, финиковых плодов и других сластей, которые ценятся варварами, потому что там их не водится. Мы вышли от нее, пожелав ей всех благ за ее гостеприимство»⁵¹².

О религии гуннов практически нет сведений, кроме того, что они были язычниками. Известно лишь, что они верили в предсказания и занимались гаданиями. Напомним, что прорицатели предсказали Аттиле, что род его падет, но будет восстановлен младшим сыном. Аттила безоговорочно поверил в это и с тех пор выделял Ирну среди прочих сыновей.

Перед битвой на Каталаунских полях (о ней мы будем говорить позже) Аттила, по сообщению Иордана, «приказал через гадателей спросить о будущем. Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы»⁵¹³.

Предсказатели оказались правы в том, что ничем хорошим эта битва для Аттилы не кончилась. Но гибель Аэция они предрекали зря — он остался жив и погиб тремя годами позже, причем не от рук гуннов, а от руки западного императора Валентиниана. Что касается гадания по «жилкам на обскобленных костях» — оно напоминает бытовавший у китайцев обряд гадания по костям животных, и это лишний раз наводит на мысль о том, что предки европейских гуннов обитали у границ Поднебесной. Правда, китайцы гадали не по жилкам, а по трещинам, но трудно было бы ждать от Иордана, который создавал свою «Гетику» спустя почти столетие после битвы на Каталаунских полях, чтобы он в точности воспроизвел процедуру гадания. Тем более что те историки, тексты которых он при этом использовал, тоже никак не могли быть свидетелями обряда, совершавшегося во вражеском лагере, и описывали его с чужих слов.

Если принять, что гуннские гадатели использовали примерно те же методы, что и их древние китайские коллеги, то выглядело это приблизительно так. На гадательных костях — панцирях черепах или бараньих лопатках — записывались вопросы или просьбы, обращенные к покойным предкам. Чтобы предки отнеслись к вопрошающим с большим вниманием, здесь же могло сообщаться, какая жертва им будет принесена в случае благополучного разрешения проблемы. Потом кости нагревали с помощью раскаленного стержня, и по образовавшимся трещинам предсказатели делали соответствующие выводы. Выводы эти записывали на той же кости. А позднее к этой записи могли присовокупить и информацию о том, сбылось ли предсказание. Именно текстам на гадательных костях ученые обязаны тем, что эпоха Шан-Инь, когда такие гадания были очень популярны, неплохо изучена, несмотря на то что она завершилась к XI веку до н. э.

К сожалению, от гуннов таких костей не осталось. Возможно, они были менее суеверны, чем китайцы, и реже прибегали к услугам прорицателей — или не делали на костях записей, сами же потрескавшиеся кости специального внимания археологов не привлекали.

Говоря о традициях гуннов, нельзя оставить без внимания вопиющую небрежность Э. А. Томпсона, которая может дать самое превратное представление о гуннских нравах. Томпсон пишет: «В расцвет правления Аттилы, по мнению Теодорета, гунны с отвращением отказались от обычая съедать своих стариков, поскольку теперь слушали проповеди»⁵¹⁴.

Начнем с того, что ни о каком поедании гуннами стариков — ни своих, ни чужих — никто никогда не писал, да и археологи ничего подобного не замечали (гуннский погребальный обряд подробно описан нами в главе «Археологи о гуннах»). Что же касается Теодорета (уже упоминавшегося Феодорита Кирского), он пишет дословно следующее:

«...И *массагеты* (здесь и далее в цитате курсив наш. — *Авт.*), прежде считавшие весьма несчастными умерших как-нибудь иначе, нежели от зарезания, и поэтому установившие закон приносить старцев в жертву и угощаться их мясом, получили отвращение к этой гнусной пище и резне, когда услышали рыбацкие и кожевнические законы (законы последователей

Иисуса. — *Авт.*) И *тибарены*, имевшие обычай сталкивать стариков с высочайших утесов, уничтожили этот безобразный закон, приняв законы евангельские. Уже ни *гирканцы* с *каспийцами* не откармливают псов телами умерших, ни *скифы* не зарывают живьем вместе с умершими любимых ими лиц. Таковую перемену обычаев произвели законы рыбарей»⁵¹⁵.

Феодорит однозначно приписывает ритуальный каннибализм массагетам, о гуннах у него нет ни слова. Правда, позднеантичные и раннесредневековые авторы называли гуннов в том числе и массагетами (Прокопий Кесарийский прямо пишет про «массагетов, которых теперь называют гуннами»⁵¹⁶), но мы-то сегодня знаем, что эти народы не имели абсолютно ничего общего. Конечно, можно было бы допустить (вероятно, именно это и делает Томпсон), что Феодорит пишет именно о гуннах, ошибочно называя их массагетами. Но дело в том, что текст Феодорита явственно восходит к текстам неоплатоника Порфирия (233–304 годы) и церковного историка Евсевия (начало IV века). Оба они пишут примерно об одном и том же, причем почти дословно, называя примерно те же самые народы в одном и том же порядке (с которым совпадает порядок их перечисления у Феодорита), поэтому предоставим слово Порфирию (как старшему):

«...Говорят, что *массагеты* (здесь и далее в цитате курсив наш. — *Авт.*) и дербики считают большим несчастьем для своих домашних, если те умирают сами собой. Потому, предвещающая события, они убивают самых любимых из родственников, когда те становятся старыми, и съедают их. *Тибареняне* сбрасывают в пропасть своих стариков; *гирканы* оставляют своих стариков на съедение хищным птицам и собакам; *каспии* выставляют на съедение хищникам мертвецов; *скифы* хоронят живыми вместе с умершими или сжигают вместе с ними тех, кого покойные больше всего любили; *бактрийцы* отдают своих стариков живьем на съедение псам»⁵¹⁷.

Порфирий писал свой текст в те времена, когда ни о каких гуннах никто еще не слышал. Его рассказ о массагетах, поедающих своих стариков, восходит к «Истории» Геродота, который еще в V веке до н. э. сообщал об этом племени: «Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят

вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство»⁵¹⁸.

Легко видеть, что Феодорит, рассказывая о благотворном влиянии евангельской проповеди на варваров, не позаботился о том, чтобы изучить их реальные грехи, искорененные проповедниками, а взял эти грехи списком из рукописи язычника Порфирия (а скорее, из близкой к нему по тексту, но вторичной рукописи Евсевия⁵¹⁹). А Порфирий, в свою очередь, собрал эту информацию из сочинений других, в том числе значительно более ранних авторов. Быть может, Феодорит и считал, что гунны — это и есть массагеты. Но тому, кто дал себе труд прочесть первоисточники, ясно, что родителей своих поедали массагеты, которые обитали на краю ойкумены еще в V веке до н. э. (независимо даже от мнения Феодорита на этот счет). Возможно, они действительно изменили свои кулинарные привычки после появления среди них христианских проповедников (а скорее всего — значительно раньше), но к гуннам все это не имеет ни малейшего отношения.

Среди гуннов христианские проповедники тоже пытались вести свою работу, но успех имели достаточно скромный. Письменные свидетельства их достижений можно пересчитать по пальцам одной руки, а археологические отсутствуют напрочь. V век был веком бурного развития духовной литературы, в том числе эпистолярного жанра. Множество церковных деятелей пишут самые разнообразные трактаты и бесчисленные письма, в которых рассказывают о повседневной жизни христианских общин, о работе проповедников и об их успехах. Но о гуннах они либо умалчивают, либо упоминают их в общем списке варваров — без подробностей их обращения, без имен и географических названий.

Так, Иероним сообщал в 403 году в частном письме: «...Отложил колчаны армений, гунны изучают Псалтырь, холода Скифии кипят жаром веры, рыжее и белокурое войско гетов возит с собой палатки церкви...»⁵²⁰

Павел Орозий писал в «Истории против язычников»: «...Если только ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами,

милосердие Божье оказывается достойным похвалы и прославления, так как, пусть даже с потрясением для нас, эти племена получили знание об истине...»⁵²¹

Книга Орозия была завершена, вероятно, между 416 и 417 годом. Следовательно, к этому времени кто-то из гуннов успел поменять религию, но подробности их обращения неизвестны. Возможно, некоторых из них сумел наставить святитель Феотим, с 390 года епископ города Томы (современная Констанца в Румынии), — известно, что он путешествовал по Дунаю с евангельской проповедью⁵²². Феотим умер в 412 году, и, значит, он был одним из первых христиан, которые проповедовали среди гуннов. Об этой стороне деятельности св. Феотима рассказывает Эрмий Созомен. Согласно Созомену, христианами гунны не стали, но святой «по природе звероподобных людей приучил к кротости». Правда, достичь этого он сумел не столько проповедью, сколько угощением и подарками. Впрочем, предоставим слово самому Созомену:

«...Церковью Томиса и прочей Скифии управлял Феотим, родом Скиф, человек, воспитанный в любомудрии, которого придунайские Варвары Гунны, дивясь его добродетели, называли римским Богом, потому что и в самом деле видели от него опыты дел божественных. Рассказывают, например, что однажды он путешествовал по тамошней стране Варваров и встретил несколько туземцев, шедших в Томис. Бывшие с ним стали плакать, полагая, что они будут убиты; но он, сошедши с лошади, начал молиться, — и Варвары миновали их, не заметив ни его самого, ни спутников его, ни лошадей, с которых они сошли. Так как жители той страны своими частыми набегами разоряли Скифов, то Феотим этих, по природе звероподобных людей приучил к кротости, угощая их и по-дружески предлагая им подарки. От того один Варвар, предполагая, что он богат, вознамерился коварно пленить его. С этою целью приготовил он аркан и стоял, опершись на щит, как обыкновенно делывал, разговаривая с неприятелями, потом, подняв правую руку, хотел забросить на него веревку, чтобы увлечь его к себе и к своим единоплеменникам; но во время этого самого действия рука его осталась протянутою в воздухе и не прежде освободилась от невидимых уз, как когда Феотим, по ходатайству других, помолился за Варвара Богу»⁵²³.

К рубежу веков (не ранее 397-го и не позже 403 года) относится рассказ Феодорита Кирского о том, как Иоанн Златоуст (в те дни — константинопольский архиепископ) посылал проповедников к неким «кочующим скифам» — вероятно, к гуннам. Вообще говоря, скифами Феодорит называл готов, но «кочующими скифами», видимо, гуннов⁵²⁴. Вот что он пишет:

«Узнав, что некоторые кочующие скифы стоявшие тогда лагерем при Истре, жаждут спасения, но не имеют никого, кто принес бы им воды, Иоанн отыскал мужей, с ревностью к апостольским трудам, и отправил их к скифам. Я читал и послание, написанное им к анкирскому епископу Леонтию, в котором он извещает его об обращении скифов и просит послать людей, способных руководить их»⁵²⁵.

Но как бы ни радовались проповедники своим первым успехам, ни о каком массовом обращении гуннов речь тогда не шла. И сведения об их якобы состоявшейся христианизации в основном относятся к самому началу V века. Потом дело, судя по всему, застопорилось. И Аттила, и его приближенные, безусловно, христианами не были. Приск во время своих долгих путешествий по гуннским землям, вероятно, не видел ни одного храма и не встречал ни одного проповедника — иначе он не преминул бы сообщить об этом. У Приска есть единственный намек на некие религиозные действия гуннов — рассказывая о пире у Аттилы, он пишет: «Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы помолились, прежде нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам». Христианам, безусловно, не возбраняется, войдя в дом, помолиться с чашей вина в руках, прежде чем идти к столу, но обычая такого у них, насколько известно авторам настоящей книги, никогда не было. Вероятно, Приск сообщает о каком-то возлиянии языческим богам, в котором послы, чтобы не раздражать своих хозяев, формально приняли участие, сопроводив его христианской молитвой. А может быть, и не христианской. Религиозные взгляды Приска нам неизвестны, во всяком случае, особо ревностным христианином он не был — в противном случае он обязательно упомянул бы, как обстоят у гуннов дела с распространением его религии.

Массовой христианизации гуннов так никогда и не произошло — гунны попросту не успели поменять веру. Забегая вперед, скажем, что после смерти Аттилы его держава распа-

лась в одночасье. Сыновья вождя не сумели удержать его завоевания, и гунны, отступив на восток, прекратили существовать как народ. Те племена, которые входили в гуннскую державу, откололись от нее — их совместное бытование с гуннами было слишком недолгим и не успело повлиять на их этническую принадлежность. А сами гунны растворились среди других народов — с начала VI века археологи не находят никаких следов гуннов ни в одном уголке Европы, кроме Поволжья.

Что же касается писателей и хронистов — тех, кто раньше называл гуннов скифами и массагетами, — они, напротив, теперь в любом кочевнике видели гунна. Именно в VI–VII веках в исторических хрониках появляется множество «гуннских» племен и вождей. Очень часто они бывают христианами или же принимают христианство на страницах хроники. Историки, как церковные, так и светские (вплоть до XX века), охотно пересказывали эти сообщения, и христианизация гуннов у многих из них не вызывала никаких сомнений. Но археологи считают, что ни гуннами, ни даже потомками и наследниками гуннской культуры эти новоявленные христиане не были.

Авторы настоящей книги рискнули в качестве примера привести рассказ хрониста VI века Иоанна Малалы о том, как в его время происходила христианизация «гуннов» на Боспоре. Иоанн пишет, что в царствование Юстиниана «находящийся близ Боспора предводитель гуннов по имени Грод» пришел в Константинополь и там принял крещение. «Сам василевс стал его восприемником и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор». Грод обратил в христианство и своих подданных.

«Эти гунны раньше поклонялись идолам. [Теперь же] они взяли, переплавили их, поскольку они были из серебра и электра, и обменяли в Боспоре, получив вместо них милиарисии (серебряные монеты. — *Авт.*). Жрецы гуннов пришли в ярость, зарубили вождя и поставили вместо него его брата Мугела. Испугавшись римлян, они явились в Боспор и убили охраняющих город».

Узнав о мятеже, Юстиниан отправил на Боспор войско, состоявшее из готов. «Услышав об этом, варвары бежали, и мир установился на Боспоре, населенном римлянами»⁵²⁶.

Вопреки сообщению Малалы, мир на Боспоре если и установился, то далеко не столь быстро и бескровно. Именно с этими событиями археологи связывают слой разрушений и пожарищ второй четверти VI века. Когда-то эти разрушения приписывали началу гуннского нашествия в 70-х годах IV века. Потом, как мы уже говорили, датировка слоя была пересмотрена. Возможно, война на Боспоре и была связана с насильственной христианизацией местного населения⁵²⁷. Но к гуннам это уже не имело никакого отношения.

О расовой принадлежности гуннов сегодня почти никто не спорит — они были монголоидами⁵²⁸. Это достаточно однозначно вытекает и из того, как описывают их внешность античные авторы, и из анализа гуннских погребений антропологами⁵²⁹. Отдельные высказывания в пользу европеоидности гуннов (например, на основании того, что они, согласно Аммиану Марцеллину, были похожи на алан⁵³⁰) можно рассматривать скорее как курьез. Кроме того, большинство ученых сегодня считают гуннов потомками сюнну, монголоидность которых особых сомнений не вызывает.

Гораздо менее однозначно решается вопрос о языке гуннов. Его обычно относят к тюркским, но надо признать, что известно об этом языке очень немногое. Г. Дёрфер, германский лингвист, исследователь алтайских языков пишет: «От языка гуннов до нас дошли три нарицательных существительных и материал, состоящий из приблизительно 100 названий племен и личных имен»⁵³¹. Ситуация осложняется тем парадоксальным фактом, что все три нарицательных существительных, которые оставили после себя гунны, предположительно имеют славянское происхождение.

Одно из них — слово «strava», которым у Иордана названа тризна по Аттиле. По мнению большинства исследователей, слово это безусловно славянское.

Два других слова — это обозначения напитков, которыми в землях гуннов угощали Приска и его спутников. Один из них — «так называемый у туземцев медос (μέδος)». Дёрфер пишет об этом слове: «Почти все исследователи сходятся в том, что его следует рассматривать, как славянское...»

Самым проблемным для филологов оказалось слово, обозначающее «добываемое из ячменя питье, которое варвары называют камос (καμος — им. пад. καμος)». По поводу его

происхождения существует множество точек зрения, ни одна из них не безупречна. И все же Дёрфер склоняется к славянской версии⁵³².

Однако тот факт, что на территории гуннской державы были в обиходе три славянских слова, еще ничего не говорит о языке самих гуннов. И «медосом», и «камосом» послов угощали жители земледельческих селений, которые, скорее всего, не были этническими гуннами. Возможно, сами гунны «позаимствовали» у славян эти названия вместе с самими напитками. Для кочевников напитки на основе как меда, так и ячменя (чем бы они ни являлись), конечно же, не были характерны.

Что касается славян, то вопрос о том, могли ли они проживать на Венгерской равнине (а именно в тех местах путешествовало посольство Приска), — остается спорным. Археологи не находили следов славян гуннского времени (по крайней мере, явных) ни в Паннонии, ни на Венгерской равнине⁵³³. Но это еще не значит, что их там совсем не было. Кроме того, славянские напитки и славянские слова могли принести к гуннам готы — те, кого археологи относят к черняховской культуре. Они долгое время жили рядом с антами и могли позаимствовать у своих соседей полюбившиеся им напитки. Остается только гадать, почему они позаимствовали еще и слово «тризна». Возможно, погребальные пиры, на которых славяне пили «медос» и «камос», произвели на готов сильное впечатление.

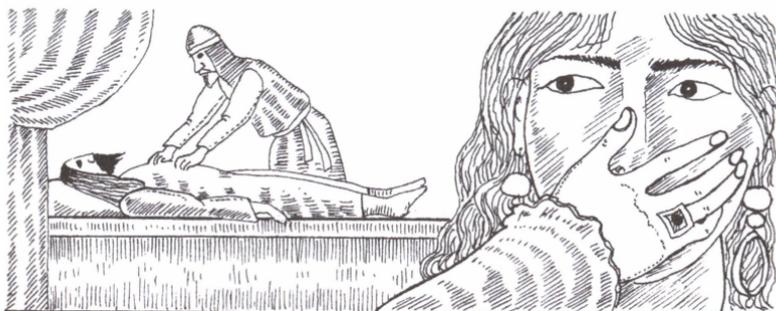
Но каким бы путем ни попали славянские слова в самое сердце гуннской державы, к собственно гуннскому языку они отношения не имели. И в Паннонии, и на Венгерской равнине (не говоря уже об окраинах) многонациональные подданные Аттилы говорили на множестве языков. Приск пишет: «Скифы, будучи сборищем разных народов, сверх собственного своего языка варварского, охотно употребляют язык Уннов, или Готфов, или же Авсониев (так называли жителей Италии. — *Авт.*) в сношениях с Римлянами...»⁵³⁴ Обычно Приск обобщенно называет скифами всех жителей гуннской державы, в том числе и самих гуннов. Здесь же он проводит различие между теми, кто говорит на «собственном варварском языке» (вероятно, он имеет в виду множество «малых народов»), готами и самими гуннами.

Географические названия и названия племен, которые употреблялись гуннами, почти не дают информации об их языке — ведь они, скорее всего, тоже были заимствованы. Иордан пишет о Днепре: «...На своем языке гунны называют его Вар»⁵³⁵. Дёрфер комментирует это так: «Слова Тибр или Волга тоже ведь употребляются в немецком языке, но не являются немецкими»⁵³⁶. Тем не менее некоторые исследователи считают, что, поскольку в состав гуннского союза входило немало племен с безусловно тюркскими названиями, это — еще одно свидетельство в пользу тюркоязычности гуннов⁵³⁷.

Гуннские имена, которых сохранилось довольно много, имеют для филологов тот недостаток, что в большинстве случаев не вполне ясно, были ли их носители собственно гуннами или же иноплеменниками, жившими среди гуннов. Более или менее достоверно гуннскими считаются лишь 20 имен. Но, как пишет Дёрфер, «этот материал слишком ничтожен, чтобы можно было делать надежные выводы»⁵³⁸. Кроме того, большинство гуннских имен дошли до нас в передаче римских и византийских авторов. А они, по словам Отто Менхен-Хельфена, имели тенденцию «изменять иностранные имена до тех пор, пока они не станут звучать как латинские и греческие». После того как имя было изменено самим автором, его дополнительно исказили переписчики⁵³⁹.

Несмотря на все эти оговорки, и Дёрфер, и Менхен-Хельфен признают, что очень многие гуннские слова, вероятно, имеют тюркское происхождение. Некоторые авторы, относя (иногда — с осторожностью) гуннский язык к тюркским, опираются при этом на его связь с языком сюнну⁵⁴⁰.

Глава 9 Расцвет и гибель державы

Начиная с 439 года, когда Атила помогал Литорию воевать с готами, а потом участвовал в заключении мирного договора между готами и римлянами, его отношения с Западной империей складывались не просто мирно, но почти идиллически. Аэций помогал Аттиле с подбором секретарей (известны имена четырех писмоводителей Аттилы, два из них были направлены к нему Аэцием). Гунн послал Аэцию в подарок шута Зеркона. В эти же годы сын Аэция Карпилион (Карпилеон) некоторое время жил в ставке Аттилы в качестве заложника⁵⁴¹. Ни гунны, ни римляне не поднимали вопросов ни о дани, ни о выдаче перебежчиков, ни о спорных землях, — вероятно, все эти проблемы давно были утрясены. Посольство западных римлян, которое Приск встретил у гуннов, должно было урегулировать достаточно мелкий вопрос о золотых фиалах, которые Атила почему-то считал своими и за которые римляне, несмотря на всю абсурдность его притязаний, готовы были ему заплатить.

С Востоком дела обстояли не столь идиллически, но мир был заключен, земельные вопросы улажены, вопрос о перебежчиках решился, а дань удовлетворяла гуннов и была (как

бы ни жаловался Приск) вполне посильна для Константинополя.

Но тут произошло сразу несколько событий, которые нарушили хрупкий мир. В 450 году император Феодосий неожиданно скончался. Его место занял военачальник Маркиан, женившийся на сестре императора Пульхерии. Атила отправил новому императору письмо с напоминанием о дани и неожиданно получил отказ. «Восточный император объявил, что он не обязан платить назначенной Феодосием дани; что если Атила будет оставаться в покое, то он пришлет ему дары, но если будет грозить войною, то он выведет силу, которая не уступит его силе»⁵⁴².

Маркиан блефовал — силы гуннов безусловно превышали его собственные. Кроме того, даже при равных силах кочевая держава вообще имеет безусловное военное преимущество перед державой земледельческой — это было доказано еще в дни войны Дария со скифами. Скифы, по свидетельству Геродота, не вступая в бой, рассеивались по степи со своими кочевьями, заставляя противника бесконечно гоняться за собой по вражеской территории, где ему нечем было кормить ни своих солдат, ни своих коней. Такую же тактику применяли и сюнну против Китая. Они разоряли его окраины бесконечными набегами, против которых жители Поднебесной были бессильны. Китайцы не знали, на каком участке границы ждать очередного удара, где сосредоточить войска, и даже Великая стена мало чем могла им помочь. Сами же сюнну при наступлении вражеских войск отступали в степь со своими семьями и стадами — у них не было ни городов, ни полей, которые они бы боялись потерять, — а потом возвращались обратно... Таким образом, у Аттилы, после отказа Маркиана платить дань, были и основания, и возможности, чтобы покарать ослушника.

Второй возможной целью Аттилы была пограничная с ним Галлия. Она входила в состав Западной Римской империи, подчиняясь Валентиниану III, обитали же там, помимо местного галло-римского населения, франкские и вестготские федераты: первые — на северо-востоке, вторые — в Аквитании. На территории Западной империи тоже произошло несколько событий, которые могли подтолкнуть Аттилу к вой-

не. Впрочем, ни одно из них не было столь значительным, как отказ Константинополя от выплаты дани, и у разных древних авторов существуют различные предположения о том, что же могло спровоцировать военные действия.

По сведениям хрониста Гуго из Флавины, блаженный Пульхроний, епископ города Верден, еще до того, как гунны перешли Рейн, утверждал, что большая часть Галлии будет повержена «из-за грехов проживающего здесь народа», как-вые происходили «от сытости брюха, беспечности и праздности», и что Аттила выступит как «карающий меч небесного гнева»⁵⁴³. Близкие предположения были высказаны Григорием Турским, который опирался на сообщение епископа Аравация из города Тонгр. Поначалу епископ боялся вторжения гуннов и «молил милосердного Бога о том, чтобы он не допустил в Галлию это неверующее и не достойное Бога племя». Но затем он получил следующее сообщение свыше: «Господь твердо решил, что гунны должны прийти в Галлию и, подобно великой буре, опустошить ее»⁵⁴⁴.

Иную причину гуннского вторжения в Галлию предлагает Иордан. Он пишет: «Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих (Гейзерих. — *Авт.*), король вандалов, <...> всяческими дарами толкает его на войну с вестготами...» У Гейзериха действительно были сложные отношения с вестготами: сын Гейзериха женился на вестготской принцессе, дочери Теодориха I, которая позднее была заподозрена в попытке отравить мужа. Тот отрезал ей нос и уши и отослал обратно к отцу. Естественно, что после этого отношения между двумя дворами осложнились. «...Лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее взывала к отцу о мщении»⁵⁴⁵. Этого-то мщения и испугался Гейзерих, взывая к Аттиле о помощи... Гейзериха понять можно. Но сам он со своими вандалами в те годы прочно обосновался в Африке, и вряд ли союз с ним представлял для Аттилы большой интерес. Еще труднее предположить, что гуннский вождь проникся семейными проблемами вандальского короля.

Приск считает, что «поводом к войне Аттилы с Франками были кончина их государя и спор между сыновьями

за господство: старший решил держаться союза с Аттилою, а младший с Аэтием». Историк пишет: «Мы видели этого последнего, когда он явился в Рим с предложениями: на лице еще не пробивался пушок; русые волосы так были длинны, что охватывали плечи. Аэтий усыновил его и, богато одарив, тогда же отправил к императору, для заключения между ними дружбы и союза. По этой-то причине Аттила приступал к походу...»⁵⁴⁶ Раскол в среде франков, бывших близкими соседями Аттилы, и готовность одного из их вождей нарушить федератские отношения с Римом ради союза с гуннами, действительно могла стать веским основанием для начала войны.

Другая причина, о которой сообщает и Приск, и многие другие авторы, была романтического свойства. У императора Валентиниана III имелась родная сестра Юста Грата Гонория, носившая титул августы, — в 450 году ей было около 32 лет. Она до той поры не была замужем — возможно, брат препятствовал ее браку, потому что у него самого не было сыновей и муж Гонории — дочери императора Констанция III и внучки Феодосия Великого (по матери) — почти автоматически становился наследником престола. Выбор супруга для столь высокопоставленной невесты был делом государственным и не терпящим спешки. Впрочем, хронисты обыкновенно объясняют вынужденное воздержание Гонории более возвышенными причинами. Так Павел Диакон пишет, что Гонорию «брат содержал довольно сурово ради красоты целомудренности»⁵⁴⁷. Иордан сообщает: «Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца...»⁵⁴⁸ Но злополучная затворница не ценила «красоту целомудренности» и не ратовала за «честь дворца» — она хотела замуж. И тогда она решила сама избрать себе мужа. Выбор ее был достоин внучки Феодосия Великого — она избрала Аттилу.

Решение это совсем не обязательно рассматривать как измену родине или попытку сдать Рим варварам ради удовлетворения личных амбиций. Несмотря на многочисленные войны, которые гуннский вождь вел на территории империи, на тот момент он носил звание «римского полководца», а дань, которую выплачивали ему римляне за мир, формаль-

но считалась жалованьем⁵⁴⁹. Примерно в таких же взаимоотношениях с Римом и Константинополем находились и многие другие варварские вожди, но Атиллы и как правитель, и как полководец превосходил их всех. А кочевая империя его и по численности, и по военной мощи превосходила любые варварские образования того времени. Став мужем наследницы римского престола, Атиллы мог бы претендовать на власть над миром, причем эта власть была бы вполне легитимна (если не считать того легко поправимого факта, что трон Западной империи был занят). Сам по себе варвар на римском троне к тому времени никого особо не удивил бы — прецеденты имелись*. Поэтому, делая своим избранныком Атиллу, Гонория не только собиралась избавиться от постылой девственности, но и совершала серьезный политический шаг, который мог изменить судьбу мира, а ее саму сделать владычицей ойкумены. Не исключено, что, если бы ее намерения увенчались успехом, а Валентиниана III удалось бы устранить, союз между римлянами и гуннами стал бы залогом мира в Европе.

Иордан придерживался другого мнения, он считал, что Гонория совершала «вовсе недостойное деяние» и «желала купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства»⁵⁵⁰. Такая точка зрения тоже вполне резонна.

Так или иначе, Гонория отправила к Атилле гонца «с предложением потребовать ее у брата себе в жены»⁵⁵¹. Гонца, в подтверждение своих полномочий, вручил Атилле перстень невесты⁵⁵². Атиллы воспринял сватовство Гонории очень серьезно. Ее мать, Галла Плацидия, дочь Феодосия Великого, после взятия Рима варварами в 410 году вышла замуж за вестготского короля Атаульфу — брак этот дал Атаульфу надежду «стать для потомков инициатором восстановления Римского государства»⁵⁵³. Готский вождь не успел осуществить свою мечту — он был убит одним из приближенных. Теперь у Атиллы появился шанс сделать то, что не удалось Атаульфу: получить римский трон и стать объединителем варварского и римского миров.

* Достаточно вспомнить Максимиана Фракийца, императора в 235–238 годах, — сына гота и аланки.

Но интрига, которая началась с большой политики и большой романтики, перешла в фарс. Женщина в Гонории взяла верх над императрицей. Она не дождалась венценосного жениха и, как пишет Иордан, «совершила грех, который не удался с Атилиой, со своим слугой Евгением»⁵⁵⁴. О том же сообщает и Марцеллин Комит: «Гонория, сестра императора Валентиниана, была обещана прокуратором Евгением и зачала. Ее изгнали из дворца и выслали из Италии к императору Феодосию»⁵⁵⁵. Вскоре Гонорию обручили с неким Флавием Бассом Геркуланом, чиновником Западной империи; возможно, в благодарность за то, что он согласился жениться, в 452 году его сделали консулом. Впрочем, Атилу не смутила репутация невесты, и он потребовал ее руки, поскольку в руке этой, возможно, была корона.

По поводу того, когда именно это произошло, а также по поводу последовательности событий у разных хронистов есть разные точки зрения⁵⁵⁶. Некоторые (как, например, Павел Диакон) считают, что Гонория обратилась к гуннскому вождю уже после того, как он разорил Галлию и вошел в Италию⁵⁵⁷ (эта война начнется в 451 году). Но значительно больше доверия вызывает информация Приска, который был современником этих событий и занимался дипломатической деятельностью (посольство к гуннам было, возможно, первым, но не последним его опытом на этом поприще).

Если верить Приску, именно надежда стать мужем Гонории заставила Атилу сделать свой выбор, когда он в 450 году решал, на какую из двух империй ему идти войной: «Когда Атила узнал, что после смерти Феодосия на престол восточного Римского царства возведен Маркиан, и когда он извешен был о том, как поступили с Онорией, то отправил посланников к царю западных Римлян, требуя, чтоб не было оказано никакого притеснения Онории, потому что она сговорена за него; что он отмстит за нее, если она не получит престола».

В переписке с Валентинианом Атила «утверждал, что Валентиниан должен уступить ему полцарства, ибо и Онория наследовала от отца власть, отнятую у нее алчностью брата ее...». Его посланники взяли с собой перстень Гонории, чтобы он служил доказательством ее помолвки с Атилой.

«К восточным Римлянам он писал о присылке к нему определенной дани. Посланники его возвратились без успеха. Западные Римляне отвечали, что Онория не могла быть выдана за него, быв уже замужем за другим, что престол ей не следует, потому что верховная власть у Римлян принадлежит мужескому, а не женскому полу. Восточный император объявил, что он не обязан платить назначенной Феодосием дани; что если Аттила будет оставаться в покое, то он пришлет ему дары, но если будет грозить войною, то он выведет силу, которая не уступит его силе. Аттила после того был в нерешимости, не зная, на которую из двух держав напасть. Наконец он рассудил за благо обратиться к упорнейшей войне, — выступить против запада: там он должен был биться не только с Италийцами, но и с Готфами и Франками; с Италийцами дабы получить Онорию вместе с богатством ее, а с Готфами в угождение Гезериху (Гейзериху. — *Авт.*)»⁵⁵⁸.

Павел Диакон пишет: «Итак, располагая поддержкой храбрейших племен, которых он подчинил себе, Аттила возымел намерение сокрушить Западную империю. Ибо его власти были подчинены: знаменитый король гепидов Андарик; Валамир, правитель готов, более знатный, чем тот король, которому он служил, а также такие храбрейшие племена, как маркоманы, свевы, квады, герулы, турцилинги, руги с их собственными королями и, кроме них, другие варварские народы, жившие в северных краях»⁵⁵⁹.

Если верить Иордану, перед началом вторжения Аттила попытался внести разлад между вестготами и римлянами. Он направил послов к Валентиниану, уверяя, что «ничем не нарушает дружбы своей с империей» и что целью его выступления будет война с вестготами. «Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодориду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, болел искусным притворством».

Но Валентиниан, в свою очередь, направил к Теодориду послов с поручением предложить ему союз, а заодно дать са-

мую нелицеприятную характеристику Аттиле. Валентиниан заявлял:

«Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, [согласиться] соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но — что бы ни совершил, это и считает законным. Тщеславие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Помните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но — а это страшнее! — они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужели можете, неотмщенные, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вожделем, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!»⁵⁶⁰

Теодорид согласился с доводами Валентиниана. Но пока стороны обменивались посольствами, Аттила перешел Рейн и вторгся в Галлию. Это случилось в начале 451 года.

Гунны опустошали все на своем пути, множество городов было взято ими и разорено. Причем война эта сопровождалась, если верить раннесредневековым авторам, огромным количеством разного рода чудес. Чудеса эти были двоякого рода. С одной стороны, поскольку Аттила считался «бичом Божиим» и разорение им Галлии было санкционировано вышними силами, верующие получили немало знамений, которые указывали на полную нецелесообразность борьбы с гуннами.

Так, когда вражеская армия подошла к городу Мец, некоему христианину было видение того, как блаженный диакон Стефан (к этому времени почивший) беседовал со святыми апостолами о грядущей гибели города. По свидетельству Григория Турского, святой просил апостолов взять

город под защиту, потому что именно там, в часовне, хранились его останки. Впрочем, Стефан был готов на компромисс: «Но если грехи народа настолько велики, что нет другого исхода, как предать город огню, то, по крайней мере, пусть хоть эта часовня не сгорит». Апостолы отвечали ему: «Иди с миром, возлюбленный брат, пожар пощадит только одну твою часовню! Что же до города, мы ничего не добьемся, так как на то уже есть Божья воля. Ибо грехи народа возросли и молва о его злодеяниях дошла до самого Бога; вот почему этот город будет предан огню». Чудо же состояло не только в том, что простой горожанин был удостоен услышать беседу давно почившего святого с апостолами, но и в том, что просьба Стефана была уважена и часовня действительно осталась цела⁵⁶¹.

Подобное же откровение получил, как сообщает Павел Диакон, и блаженный Серватий. Он узнал, «что окончательное решение неба таково, что вся Галлия должна быть предана ненависти варваров, кроме часовни блаженного диакона и первомученика Стефана, расположенной в Меце». Более того, Павел Диакон повествует и о том, каким образом варварам удалось взять этот хорошо укрепленный город. Гунны «сняли осаду с Меца, поскольку решили, что не смогут завоевать этот город из-за крепости его стен...». Но тут, без всяких осадных машин, одним лишь вышним промыслом, «стена города Меца рухнула и, как было предустановлено свыше, широко раскрыла врагам проход». Гунны, которые успели отойти на двенадцать миль, «услышав, что стены города Меца рухнули, вновь с невероятной поспешностью подступили к нему и, опустошив все пожарами и грабежами, уничтожили многих жителей». Что же касается часовни Св. Стефана, Павел Диакон сообщает некоторые подробности того, как она уцелела:

«Когда бешеные варвары увидели издали ту самую церковь, они немедленно поспешили к ней, намереваясь захватить ее в качестве богатой военной добычи; и когда они подошли поближе, перед их глазами как будто появилась огромная и твердая каменная глыба. Когда они, [пребывая] в духовной слепоте, ощупывали ее вокруг руками, пытаясь отыскать проход, то им не виделось ничего другого, кроме естественной

твердости камня. Одним словом, они часто отступали и вновь возвращались, пока не поняли, что ничего не добьются; наконец, утомленные, они удалились и [таким образом] были обмануты результатом собственных усилий».

Многие города Галлии были уничтожены божественным промыслом, и уничтожение это сопровождалось разного рода чудесными знаменами. Но были и чудеса иного рода, целью которых являлось посрамление гуннов. Так, по сообщению того же Павла Диакона, после того, как город Мец был разрушен, а жители уведены в плен, «гуннов внезапно окружила такая тьма, что они не знали, что делать и в какую сторону двигаться». Они стали искать причину бедствия и выяснили, что претерпевают таковое из-за Ауктора, епископа города Мец, который находился в числе пленных.

«Тотчас же произведя разыскание, они нашли блаженно-го Ауктора. Тогда они его спросили, что он хотел бы получить в награду за то, что освободил бы их от такой опасности. Он ответил на это, что ему нельзя было бы предоставить более приятного вознаграждения, чем если бы они разрешили возвратиться к себе всем, кого увели в плен; что если они это сделают, он обещает, что без сомнения вымолит у своего Господа, чтобы они были избавлены от тех потемок, в которых удерживаются; так и было сделано. И вскоре, разыскав во всем своем войске пленных, которых они увели, гунны передали их блаженному Ауктору и, как им было обещано, были избавлены от своего бедственного положения, поскольку тьма отступила и возвратился свет»⁵⁶².

Свой вклад в борьбу с гуннами внесли многие святые. О некоторых из них рассказывается в тексте VII века «Житие Святой Женеьевы»: «Святой Мартин, достойный всяческой похвалы и восхищения его добродетелью, под городом Вангионом (современный Вормс. — *Авт.*) порученный префектом войска охране, на другой день безоружный отправился навстречу войску противника и с помощью молитвы сумел заключить между двумя сторонами союз. Блаженнейший же епископ Аниан, укрепив город Аврелию (римское название современного Орлеана. — *Авт.*) от гуннской опасности, едва было не погиб от сыпавшихся на него ударов и был избавлен от явной гибели силою молитвы и с помощью готов. А вой-

ско гуннов пришедшая Женевьева не только победила своими молитвами, но и добилась того, что те даже не попытались свернуть в сторону Парижа»⁵⁶³.

Тем временем Аэций, который предпочитал опираться на более приземленные методы борьбы, собирал войска. Павел Диакон сообщает: «...На помощь к римлянам явились: бургунды, аланы вместе со своим королем Сангибаном, франки, саксы, рипариолы, брионы, сарматы, арморициане, литициане и племена чуть ли не со всего Запада, которых Аэций призвал к участию в битве, не желая выходить против Аттилы с неравными силами»⁵⁶⁴. Привел свое войско и Теодорид, король везеготов, взяв с собой старших сыновей, Торисмуда (Торисмунда или Торисмода) и Теодериха⁵⁶⁵.

Союзные войска подошли к Орлеану почти одновременно с Аттилой. В этой местности жили аланы — федераты Западной империи, под предводительством своего вождя Сангибана. Сангибан, напуганный гуннами, обещал сдать город Аттиле. Иордан пишет: «Как только узнали об этом Теодорид и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками»⁵⁶⁶.

Если верить Григорию Турскому, Аттила подошел к Орлеану первым и попытался захватить город «с помощью мощных таранов». Жителям грозила бы гибель, если бы не епископ Орлеана, «блаженнейший Анниан, человек замечательного ума и похвальной святости». Он организовал коллективную молитву, посредством которой город и был спасен.

«...Стены уже дрожали под ударами таранов и вот-вот готовы были рухнуть. Но тут к городу подошли со своими войсками Аэций и король готов Теодор со своим сыном Торисмодом и, потеснив врага, отогнали его. После того как заступничеством блаженного предстателя город был таким образом освобожден, они обратили в бегство Аттилу, который, дойдя до Мавриакской равнины, приготовился к сражению»⁵⁶⁷.

Так или иначе, совместными усилиями молящихся горожан и армии Аэция Орлеан выстоял.

Решающая битва состоялась на расположенной в сравнительной близости от города Мавриакской равнине, называемой также Каталаунскими полями. «Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон...» — пишет Иордан. Он сообщает и размеры равнины: по его словам, если перевести галльские меры длины в современные, она простиралась на 225 километров в длину и на 157,5 километра в ширину⁵⁶⁸. Если верить Иордану, равнина эта покрывала всю современную Шампань, и где именно сошлись войска, остается неизвестным. Некоторые современные историки считают, что это произошло к западу от города Труа и левого берега Верхней Сены⁵⁶⁹.

Исидор пишет: «Множество знаков на небесах и земле предвещало эти события, чудеса предвещали жестокую войну. Постоянно случались землетрясения, луна потемнела на востоке, а с запада появилась огромная комета и была видна некоторое время. На севере заалели небеса, предвещая кровь и огонь, их перечеркнули сверкающие линии, будто золотые копья»⁵⁷⁰.

Аттила, как мы уже знаем, спросил гадателя, и тот, осмотрев внутренности жертвенных животных, предрек поражение ему и гибель верховному вождю противной стороны. «Аттила же, — как пишет Павел Диакон, — решив, что это означает гибель Аэция, смерти которого он так жаждал, не усомнился вступить в битву, надеясь уничтожить Аэция, храбро стоявшего на пути его начинаний, даже ценой гибели своих людей»⁵⁷¹.

Трудно сказать, насколько прав был Павел, приписывая Аттиле такие помыслы. С Аэцием он был дружен, вероятно, с детских лет. Надо полагать, оба знатных подростка играли вместе, когда Аэций был заложником у Руа. Потом Аэций отослал к Аттиле своего сына. Аттила выступал его союзником в войнах, которые вела империя. Полководцы обменивались подарками и оказывали друг другу мелкие услуги... Когда Аттила захватывал земли Восточной империи, Аэций, будучи сановником и полководцем Запада, соблюдал нейтралитет. Теперь друзья впервые оказались по разные стороны фронта.

Битва на Каталаунских полях состоялась, вероятно, в июне 451 года⁵⁷². Она описана многими средневековыми историками⁵⁷³, но ближе всех к первоначальному источнику стоит, вероятно, Иордан. Говоря об Аттиле, Иордан очень часто ссылается на Приска. Надо думать, что битва на Каталаунских полях тоже описана им с опорой на не дошедшие до наших дней тексты Приска и, возможно, Кассиодора. Сам Приск в этой битве, конечно, не участвовал — времена, когда любовью римлянин считал своим долгом отслужить в армии, давно ушли в прошлое, теперь на поля сражений выходили только профессиональные военные и варварские союзники и наемники. Но Приск как дипломат, конечно же, имел доступ к достоверным источникам информации, а как писатель был человеком тщательным и беспристрастным (чему свидетельством сохранившиеся отрывки его записок). Поэтому предоставим слово Иордану⁵⁷⁴.

Аттила, «будучи замечательно изобретательным в военных делах», решил начать битву «около девятого часа дня», рассчитывая, что, «если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его». При этом надо иметь в виду, что римляне делили сутки на двенадцать дневных и двенадцать ночных часов. Дневные часы начинались с восхода солнца, летом они были длиннее, чем зимой. Соответственно «девятый час дня» приходился не на девять утра (как можно подумать, читая, например Томпсона⁵⁷⁵), а на вечер, за три с лишним часа до заката. Об этом же сообщает и Павел Диакон: «Итак, он вступил в битву, когда день уже склонялся к вечеру, чтобы в случае, если он будет побежден врагами, его укрыл мрак наступившей ночи»⁵⁷⁶.

«Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выростало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремились завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же — римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину.

Правое крыло держал Теодорид с везеготами, левое — Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о ко-

тором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти.

Иордан особо отмечает войска германского происхождения: остготов под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, а также «бесчисленные полчища» гепидов Ардариха — вождя, «который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах». Валамира и Ардариха Аттила любил больше, чем других своих союзников. «Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, умением распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием». Поэтому Аттила доверял им, несмотря на то что им предстояло биться «с сородичами своими, везеготами».

«Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них предстал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех».

Два войска боролись за то, чтобы захватить вершину возвышавшегося на поле битвы холма. Это удалось воинам Аэция, и они «с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе». Гунны пришли в смятение, и тогда Аттила обратился к ним с речью. Маловероятно, чтобы текст этой речи мог сохраниться, хотя бы и в вольном пересказе; скорее всего, кто-то из хронистов — вероятно, Приск — сочинил ее сам. Но если она написана Приском, который достаточно хорошо знал Аттилу, она, во всяком случае, должна быть похожа на то, что он мог ска-

зять своим воинам в решающий момент. Нельзя полностью исключить и того, что речь могла быть застенографирована писцами Атиллы и позднее попала в руки римлян (хотя это и маловероятно). Поэтому авторы настоящей книги рискуют воспроизвести ее целиком.

«После побед над таким множеством племен, после того как весь мир — если вы устоите! — покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслащих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрцу слаще стремления платить врагу своей же рукой? насыщать дух мщением — это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха — защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов. Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто — пусть добивается смерти противника, невредим ли — пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе — вот поле, которое

сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»

Армии, сошедшиеся на Каталаунских полях, были по тем временам огромны — здесь столкнулись войска едва ли не всей Европы. Битва была кровавой. Иордан утверждает, что «о подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность». Протекавший по равнине ручей, если верить очевидцам, вышел из берегов от переполнившей его крови. В этой битве погиб король вестготов Теодорид — он был сброшен с коня и растоптан копытами своей же конницы. Некоторые говорили, что его поразило копье знатного гота из рода Амалов. Так или иначе, «нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного песнопениями на глазах у врагов». Иордан пишет, что Теодорид (а не Аэций) и оказался тем самым погибшим вождем противной стороны, смерть которого была обещана Аттиле.

Сам Аттила тоже едва не погиб. Он бежал (как пишет Иордан), но, возможно, просто отступил с поля боя и укрылся в традиционном убежище воина-кочевника — ограждении из повозок.

Ночь спутала все планы сражавшихся. Торисмуд, сын короля Теодорида, который удерживал центральный холм, спустился с него и, «думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов». Он был ранен, сброшен с коня и чудом отбит своими воинами, после чего «отказался от дальнейшего намерения сражаться». Аэций тоже заблудился в темноте и «блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами», но в конце концов отыскал лагерь союзников.

Утро показало, что потери с обеих сторон огромны, но в целом преимущество было на стороне римлян. Иордан пишет:

«На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием,

трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный».

Аэций, посовещавшись с готскими вождями, решил не возобновлять битву, а изнурить гуннов осадой, поскольку у них не было запасов продовольствия. Положение Аттилы было отчаянным. Он был готов к смерти и даже «соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов».

Аттилу и остатки его войска спасло недоверие, которое Аэций питал к собственным союзникам. Он опасался, что, в случае полного уничтожения гуннов, готы могут «утеснить Римскую империю». Поэтому он предложил старшему сыну погибшего короля Теодорида срочно возвращаться домой со своей армией, чтобы трон не захватили младшие братья.

На этом военные действия прекратились. Всего, по сведениям Иордана, на Каталаунских полях пало 180 тысяч человек; из них в главном сражении — 165 тысяч. Еще 15 тысяч гепидов и франков погибли, сразившись друг с другом в ночь перед битвой. Современник этих событий, испанский епископ и хронист Идаций, пишет, что павших было около 300 тысяч⁵⁷⁷.

«Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу»⁵⁷⁸.

Вопрос о том, кто же победил на Каталаунских полях, остался в какой-то мере открытым. Потери с обеих сторон были огромны, но соизмеримы друг с другом. Лагерь гуннов был окружен, но ни Аттила, ни его воины не сдались и не попали

в плен. Не исключено, что они смогли бы прорваться через окружение. А уход готов, хотя и не был заслугой гуннов, давал им шанс на победу, если бы военные действия возобновились. Проспер Аквитанский писал: «...Побежденными следует считать гуннов на том основании, что те из них, кто выжил, лишившись уверенности в [исходе] сражения, стали отступать в свои [земли]»⁵⁷⁹.

Гунны отступили в Паннонию. Аттила вернулся в свою ставку на левобережье Истра и попытался вновь решить вопрос о дани, которую задолжала ему Восточная империя. Маркиан отправил к нему посла — некоего Аполлония. Тот переправился через Истр и прибыл в ставку Аттилы, но гуннский вождь отказался принять его, поскольку Аполлоний не привез ожидаемой дани. Впрочем, Аттила потребовал, чтобы подарки — обязательная принадлежность дипломатии того времени — были ему переданы. Аполлоний отвечал: «Скифы не должны требовать того, что они могут получить или как дар, или как добычу». Тем самым он, по мысли Приска, давал понять, «что Аттила получит либо подарки, если примет его как посланника, либо добычу, если отнимет их, убив его»⁵⁸⁰.

Переговоры ни к чему не привели. Аттила грозился пойти войной на Восточную империю, но вместо этого, вспомнив, что в Риме у него есть невеста, повел свои войска в Италию. Случилось это, согласно разным хронистам, в 451 или 452 году⁵⁸¹.

Войско гуннов беспрепятственно переправилось через Альпы. Задержать его в горах было бы нетрудно, потому что конница не могла карабкаться по кручам, и римлянам достаточно было поставить заставы на перевалах. Но Аэций не был готов к такому повороту событий, Альпы остались без защиты, и в Риме началась паника. Аэций уже готовился вместе с императором покинуть Италию, «однако стыд подавил страх, поскольку считалось, что подобное [бегство] полно бесчестья и опасности»⁵⁸².

Первым городом, лежавшим на пути гуннского войска, была Аквилея — столица провинции Венетий. Аттила осадил город, но взять его долгое время не мог — «внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его соб-

ственное войско уже роптало и стремилось уйти». Но Атила сумел укрепить воинский дух своей армии — эту историю передает Иордан:

«Однажды Атила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: “Посмотрите, — сказал он, — на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки”. Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилейи. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедленно врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов»⁵⁸³.

Павел Диякон приводит список (вероятно, неполный) городов, разоренных гуннами. Он пишет: «Конкордию и Альтину, или иначе Патавий, соседние с Аквилеей города, он также разрушил, подобно последней, и сровнял с землей. После этого гунны, не встречая сопротивления, с яростью прошли по всем венетским городам, то есть прошли через Вицентию, Верону, Бриксию, Бергамо и прочие города, а Медиолан (современный Милан. — *Авт.*) и Тицин, подвергнув той же участи, разграбили, но избавили от огня и меча. Затем, точно так же разграбив города Эмилии, они в конце концов разбили лагерь в том месте, где река Минций впадает в Пад (река По. — *Авт.*)»⁵⁸⁴.

Теперь Атила собирался идти на Рим. Почему он не исполнил свое намерение — непонятно. Причины, которые называют древние хронисты, выглядят не слишком правдоподобными. Иордан, со слов Приска, пишет, что приближенные гуннского вождя напомнили ему о судьбе Алариха, который умер вскоре после взятия Вечного города⁵⁸⁵. Во мно-

жестве хроник передается история о том, что Аттилу отговорил от осады Рима папа Лев I Великий, который лично посетил ставку гуннского вождя с миротворческой миссией. Сама по себе встреча великого полководца и великого понтифика сомнений не вызывает, но каким образом папа сумел оказать влияние на язычника, не вполне понятно. Хронисты — все как один благочестивые христиане — передают весьма духоподъемные, но крайне сомнительные подробности этой встречи. Что же касается Жития св. Льва, там на этот счет говорится следующее:

«Почерпнувши в молитве мужество и твердость, святой Лев решил отправиться к мучителю, чтобы утишить его гнев и прекратить его ярость, готовый в случае нужды даже положить душу за овец своих. Мудрыми сладкоглаголивыми и боговдохновенными словами беседовал он с Аттилою и превратил его из лютого волка в кроткую овцу; грозный и неукротимый воитель смиренно и мягко внимал словам угодника Божия, удивляясь его архиерейскому величию и ужасаясь пред святостью честного лица его. Исполнив все по желанию святого Льва, грозный Аттила отошел от пределов Италии в свои земли.

Воеводы Аттилы немало удивлялись, как Лев мог так скоро и так необычно сделать Аттилу из столь лютого князя столь кротким; они спрашивали Аттилу: Почему ты убоялся одного только римлянина, пришедшего без оружия? Почему ты повинился ему? Почему ты, словно побежденный, предался бегству, оставляя в Италии такое множество богатств? — Не видели вы того, что я видел, — отвечал им Аттила, — а видел я двух ангелоподобных мужей, стоявших по обеим сторонам папы (это были святые первоверховные Апостолы Петр и Павел); в руках они держали обнаженные мечи и грозили мне смертью, если я не послушаюсь Божия архиерея»⁵⁸⁶.

Э. А. Томпсон высказывает иную точку зрения на причины ухода Аттилы из Италии, которая выглядит довольно убедительной, — он считает, что гунны могли испугаться голода и эпидемий, которые в те годы царили на полуострове⁵⁸⁷. Аттила уже потерял огромное количество своих людей на Каталаунских полях и не мог позволить, чтобы смерть от болезней и бескормицы еще сильнее сократили количество его людей

и коней. О том, что эпидемия началась уже в самом гуннском лагере, упоминает Идаций⁵⁸⁸.

Менхен-Хельфен считает, что, несмотря на описанное хронистами победное шествие Аттилы по Италии, дела его обстояли достаточно плачевно и обратно за Дунай его погнали не только мор, голод и летняя жара, которая способствовала росту эпидемии, и уж тем более не увещевания христианских проповедников. Историк ссылается на фрагмент из Идация, в котором говорится о поражении, нанесенном Аттиле войсками Аэция и вспомогательными частями, которые направил против него Маркиан. Лишь после этой победы римского оружия состоялись переговоры папы Льва I с гуннским вождем, по результатам которых Аттила повернул свои войска в Паннонию, «обещая соблюдать мир»⁵⁸⁹.

Впрочем, Приск, которому, пожалуй, было виднее, иначе оценивает успехи Аттилы. Он пишет: «Поработив Италию, Аттила возвратился восвояси и объявил войну и порабощение страны восточным Римским государям, так как дань, поставленная Феодосием, не была выслана»⁵⁹⁰.

Отступая из Италии, Аттила, судя по сообщениям некоторых хроник, вновь передал императору Валентиниану свое требование отослать ему Гонорию «с причитающейся ей частью царских сокровищ»⁵⁹¹. Однако требование это было проигнорировано.

К 453 году гунны вернулись к местам своего постоянного обитания. Аттила перешел Дунай и оказался в своей ставке. Отсюда он, «тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами»⁵⁹². Иордан видит в этом особое коварство, потому что он «в одну сторону грозил, в другую — направлял оружие» и, заставив Восточную империю готовиться к войне, сам тем временем напал на вестготов и алан, обитавших за рекой Луарой. Но Торисмуд, ставший королем после гибели Теодорида на Каталаунских полях, «предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием». Он перехватил армию Аттилы. «Завязалась битва почти

такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам»⁵⁹³.

Однако, несмотря на все поражения, которые потерпел Аттила за последние годы, он все еще оставался одним из величайших властителей мира. Все проигранные им битвы состоялись на чужой территории — его собственная держава никогда не меняла границ иначе, как в сторону расширения. Под его властью оставались все те племена, которые были подчинены его предками и им самим. «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы...» — так писал Иордан о состоянии дел на 453 год⁵⁹⁴.

Аттила был еще в расцвете своей славы и своей силы. Ничто не предвещало конца ни ему, ни его империи. Однако конец этот наступил самым неожиданным образом. Иордан пишет⁵⁹⁵:

«Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей.

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало — как раз в ту самую ночь —

сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие».

Похороны Аттилы состоялись по обряду, который, вероятно, издавна бытовал у гуннских вождей. В честь покойного был, по обычаю кочевников, воздвигнут курган, на котором его соратники справили тризну. Тело вождя покоилось в трех гробах, вложенных один в другой. В какой-то мере это напоминает сюннуский обряд погребения шаньюев, когда гроб помещался внутри двух срубов, вложенных один в другой. Известные нам гуннские погребения выглядят иначе. Но возможно, хороня величайшего из своих вождей, гунны вспомнили традиции, бытовавшие на их далекой родине. Сама же могила была устроена помимо кургана, в тайном месте, — эта традиция не нова, ее практиковали многие кочевые племена, чтобы уберечь заупокойные дары от разграбления...

Иордан так описывает похороны Аттилы:

«Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: “Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, дабы не было отдано и остальное на разграбление, — умилованный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлешей отмщению?”

После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат обеих империй*. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного»⁵⁹⁶.

После смерти Аттилы его наследники начали делить подвластные отцу народы. Иордан пишет: «Сыновья Аттилы, коих, по распушенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами».

Первым восстал против новых властителей король гепидов Ардарих, «возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства». Вслед за этим началась борьба и других коренных народов против власти гуннов.

В 445 году противостоящие стороны сошлись на реке Недао (вероятно, приток Савы) в Паннонии. Восставших возглавляли гепиды и их король Ардарих. Сыновья Аттилы, хотя и спорили между собой за власть, в этой битве выступали единым фронтом. Но слишком многие племена объединились против них. Иордан сообщает: «Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?] ране, и свава⁵⁹⁷,

* «Царственного орната — убора императора — Аттила, конечно, никогда не имел. Быть может, Иордан хотел таким образом выразить мысль о том, что гуннский вождь настолько возвысился, что получал дань от империи» (Iord., Geth., 334, прим. 630).

отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула — с легким оружием»⁵⁹⁸.

Впрочем, есть мнение, что готы в этой битве не участвовали (речь в данном случае может идти только об остготах, потому что именно они находились под властью гуннов; вестготы, обитавшие в Аквитании и Северо-Восточной Испании, к битве на реке Недао вообще не могли иметь отношения). По мнению современных историков, упомянутые Иорданом готы, «сражающиеся копьями», если и оказались среди восставших, то лишь в виде исключения. Томпсон считает, что остготы освободились из-под гуннского гнета еще до битвы при Недао⁵⁹⁹, а Менхен-Хельфен, напротив, полагает, что они были лояльны гуннам до конца 60-х годов⁶⁰⁰. Авторы настоящей книги так и не поняли, почему участие готов в битве при Недао ставится под сомнение. По завершении этой битвы готы получили часть гуннских земель⁶⁰¹, а через некоторое время сыновья Атиллы попытались вернуть себе господство над готами⁶⁰² — все это говорит о том, что готы, во всяком случае, освободились от власти гуннов. И поскольку Иордан упоминает их среди сражающихся, нет особых оснований сомневаться в том, что и они участвовали в общем деле.

Были и племена, которые сохранили верность гуннам и вступили на их стороне. Тем не менее после «многочисленных и тяжелых схваток» гунны и их сторонники потерпели поражение. Их потери составили около 30 тысяч человек. В битве при Недао пал старший сын Атиллы Эллак. «...Перебив множество врагов, [Эллак] погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы»⁶⁰³.

Битва при Недао положила конец гуннской державе, которая просуществовала, если считать от первого появления гуннов в Европе, неполные сто лет. На пике своего могущества она держалась лишь волей и энергией одного человека и после его смерти рассыпалась в одночасье. Иордан пишет⁶⁰⁴:

«Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. <...> Дело Ардариха, короля гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинившимся владычеству гуннов, и подняло их души, — давно пребы-

вавшие в глубокой печали, — к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю и с величайшей милостью принятые тогдашним императором Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили».

Гепиды заселили Дакию, и римляне начали присылать им «обычный дар» — то есть дань, которой империя покупала мир на своих границах. Готы, «увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские земли, а племя гуннов занимает свои давние места, предпочли испросить земли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию». По поводу «давних мест», в которые стали возвращаться гунны, считается, что многие из них отправились на восток, в причерноморские и приазовские степи⁶⁰⁵. Другие народы тоже получили земли для поселения...

Сыновья Атиллы разделили между собой остатки своего племени и расселились в разных местах. Ирна (Эрнак) «избрал отдаленные места Малой Скифии». Его единокровные братья Эмнетзур и Ултзиндур, поселились в Прибрежной Дакии. Еще один брат, Динтцик (Дензик, Денгизих), стал вождем нескольких народов, «а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров». Где они поселились, доподлинно не известно, но, вероятно, в районе Прибрежной Дакии, близости от границ Паннонии, — одно из племен, попавших под власть Динтцика, называлось по имени его брата Ултзиндура, жившего в Прибрежной Дакии. Позднее Динтцик вторгся на территорию занятой готами Паннонии.

Многие из гуннов, по сообщению Иордана, «прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию (Византию. — *Авт.*); до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев». Кто такие сакромонтизии и фоссатизии — сегодня никто не знает; слова эти встречаются в древних источниках один-единственный раз — в сочинении Иордана. Есть мнение (ни на чем, кроме текста Иордана, не основанное), что это — названия племен⁶⁰⁶. Но существует и мнение (с почти столь же зыбкими основаниями), что это — воинские подразделения византийской армии⁶⁰⁷.

Несмотря на поражение при Недао и распад гуннского союза, не исключено, что гунны были еще достаточно сильны и вплоть до 458 года контролировали значительную тер-

риторию к югу от Дуная⁶⁰⁸. Но положение их становилось все хуже год от года.

Гунны, которые остались жить вблизи Паннонии, не смирились с потерей власти и попытались вернуть хотя бы часть бывшего могущества, но это было им уже не по силам. Паннонией тогда правили остготы из рода Амалов — три брата, старшим из которых был Валамир (Валамер). «И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми [силами], долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра (Днепра. — *Авт.*); на своем языке гунны называют его Вар».

Иордан сохранил описание еще одной военной операции гуннов против готов, в результате которой гунны были вновь разбиты. Готы выступили в поход против садагиев, владевших Внутренней Паннонией. Узнав об этом, вождь гуннов Динтцик «собрал вокруг себя тех немногих, которые пока что оставались все-таки под его властью, а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров; они подошли к Базиане, городу в Паннонии*, и, окружив ее валами, начали грабить окрестности». Тогда готы прервали свой поход и выступили против гуннов. «...Так вытеснили они их, покрыв бесслави-ем, из своих пределов, и с тех пор до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия»⁶⁰⁹.

В середине 60-х годов гуннский вождь Хормидак напал на Сердику. Город был разграблен, но вскоре на помощь ему пришел полководец Антемий (Анфимий) — будущий император Западной Римской империи. Он осадил гуннов в ими же захваченном городе. Один из офицеров Антемия перешел на сторону врага (это был кавалерист, поэтому высказывалось предположение о его гуннском происхождении). Но это не помогло осажденным. Сердика была освобождена римлянами, и Антемий заключил мир с Хормидаком — одним из условий мира была выдача перебежчика⁶¹⁰.

* Город между Дунаем и нижним течением Савы.

В конце 60-х годов⁶¹¹ к императору Восточной империи Льву I (Леонту) прибыло посольство от сыновей Аттилы, Денгизиха и Ирны. Они, по сообщению Приска, желали «прекратить прежние несогласия», заключить мир и «по древнему обычаю съезжаться с Римлянами на берегу Истра, в одном и том же месте, продавать там свои товары и взаимно получать от них те, в которых имели нужду». Однако император не захотел, «чтоб Унны, нанесшие столько вреда его земле, имели участие в Римской торговле». Ирна смирился с этим решением, «потому что домашняя война отвлекала его от войны с Римлянами». Что же касается Денгизиха, он решил начать военные действия⁶¹².

Войско Денгизиха вышло к берегам Дуная. Полководец Анагаст, «которому было поручено охранение реки со стороны Фракии», отправил к гунну послов, чтобы узнать, по какому поводу он начинает приготовления к войне. Гуннский вождь не снизошел до переговоров с простым полководцем и, «презирая Анагаста, отпустил посланных без ответа». После этого он вновь направил своих послов в Константинополь «с объявлением, что он нападет на Римлян войною, если царь не даст земли и денег — ему и предводимому им войску». Ответ императора гласил, что он охотно выполнит просьбу гуннов, «если они пришли с тем, чтоб быть ему покорными; ибо он любит тех, которые переходят от врагов его, для заключения с ним союза»⁶¹³.

Тогда гунны перешли к военным действиям. С ними в союзе выступало и какое-то количество готов. Но имперские войска, как пишет Приск, заперли их всех «в одной лошине и осаждали их». Среди осажденных начался голод, и они «послали в Римское войско поверенных и предлагали сдать себя Римлянам и быть у них в повиновении, если получают от них земли для поселения». Но теперь римские военачальники не пожелали вести переговоры с варварами и потребовали, чтобы те обращались в Константинополь. Однако Денгизиху было уже не до амбиций — за то время, что послы добирались бы до столицы и обратно, его воины могли погибнуть от голода. Он принял предложение римлян о том, что все его люди будут разделены на несколько отрядов — по национальностям — и осаждающие будут снабжать их продовольствием до тех пор, пока не придет ответ из Константинополя. Таким образом, готы, воевавшие вместе с гуннами, оказались отделены от гуннов.

После этого один из римских военачальников по имени Хелхал, гунн по происхождению, пришел к готским вождям и объяснил им, что, если Денгизих заключит мир с империей, «Готфы, находясь в состоянии рабов, будут работать для содержания Уннов». Он напомнил о давней вражде, которая существовала между гуннами и готами, и объявил, что даже он сам, будучи гунном по происхождению, «из любви к справедливости» озабочен грядущим бедственным положением готов. «Готфы, смущенные этими словами и полагая, что Хелхал говорит это из расположения к ним, соединились и истребили всех бывших у них Уннов. Как будто по данному знаку между обоими народами начался бой». Римляне присоединились к сражению и «убивали всякого варвара, кто бы ни попался». Лишь немногим удалось прорваться сквозь ряды римлян и избежать смерти⁶¹⁴.

Погиб и Денгизих. Под 469 годом в «Хронике» Марцеллина Комита идет следующая запись: «...Голова Дензика, сына Аттилы, предводителя гуннов, была доставлена в Константинополь»⁶¹⁵.

Предположительно известна судьба еще одного вождя — правда, не сына, а приближенного Аттилы: Иордан упоминает некоего Эдику, предводителя скиров. Возможно, это был тот самый Эдикон, которого около десяти лет назад римляне пытались склонить к убийству повелителя гуннской державы. Имя его похоже на германское⁶¹⁶, — впрочем, не исключено, что его исказили римские авторы. Кем он был по национальности, не вполне понятно. Но вне зависимости от этого он мог быть военачальником у Аттилы, возглавлять от его имени тех же скиров и остаться во главе их войска после распада державы Аттилы. Эдикон, в союзе с многочисленными варварскими племенами, участвовал в битве с остготами у реки Болии* в Паннонии. Иордан пишет:

«Завязалось сражение; готам удалось одержать верх настолько, что поле, смоченное кровью павших врагов, казалось красным морем, а оружие и трупы были нагромождены наподобие холмов и заполняли собой [пространство] более чем на десять миль. <...> А из поистине неисчислимого и разнообразного множества врагов если кто и смог убежать, то эти,

* Точное месторасположение этой реки не известно.

кое-как ускользнувшие, едва вернулись восвояси, покрытые бесславием»⁶¹⁷.

Эдикон, вероятно, погиб. Но его сын Одоакр, став римским военачальником, сверг последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа и был провозглашен первым королем Италии, ознаменовав тем самым конец античного мира и начало Средних веков.

Примерно с 80-х годов V века гуннов как племени в Европе (если вслед за античными авторами считать Европой земли, лежащие к западу от Танаиса) практически не осталось. Отдельные гунны или их небольшие группы могли обитать здесь, влившись в другие народы, или воевать в составе римских войск, но их было очень немного, и свой этнический облик они постепенно утрачивали.

Одним из последних сведений о гуннах (если понимать под этим словом действительно гуннов, а не кочевников «вообще») можно считать рассказ Иордана о некоем Мундоне, который «происходил от каких-то родичей Аттилы». Иордан пишет, что он бежал от племени гепидов за Дунай и там «бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев». Мундон собрал разбойничью шайку, поселился на берегу Дуная и «вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг». Но вероятно, в шайке Мундона собрались не просто бродяги, а серьезные воины, — по сообщению Марцеллина Комита, в 505 году римляне послали против них целую армию — «10 тысяч вооруженных новобранцев и обоз с оружием и провизией». На этом родичу Аттилы мог бы прийти заслуженный конец, но его выручил полководец Теодориха по имени Питцам. Готы разбили римлян, после чего Питцам обратил Мундона, «полного благодарности, — в подчиненного своего короля Теодориха»⁶¹⁸. Впрочем, не вполне понятно, имеет ли вся эта история отношение к гуннам, — так, Марцеллин Комит считал Мундона готом. А согласно Мала-ле, Мундон был сыном короля гепидов⁶¹⁹.

В начале VI века гунны, во всяком случае, окончательно исчезают с политической карты Европы, но слово «гунны» отнюдь не исчезает со страниц исторических хроник — напротив, при

чтении произведений раннесредневековых хронистов, прежде всего византийских и армянских, создается впечатление, что гунны переживают новый расцвет. Но под гуннами эти авторы имели в виду в лучшем случае племена, которые некогда входили в гуннский союз, но этническими гуннами не были. Кроме того, слово «гунны» прочно закрепилось за любыми воинственными кочевниками, кем бы они ни были. Так несколько веков назад словом «скифы» античные авторы стали называть любых варваров, обитавших к востоку от границ Римской империи.

Немногочисленные остатки гуннских племен откочевали на восток, в Северное Причерноморье и Приазовье, а оттуда — на Среднюю Волгу. Об этом мы знаем в основном по данным археологии, и об этом будем подробнее говорить в главе «Археологи о гуннах».

Аммиан Марцеллин, оставивший для нас подробное описание гуннов, описал и их способ ведения войны: «...Они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид... Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. <...> В бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком»⁶²⁰.

Уточним, что слова Марцеллина «построившись клиньями» не следует понимать буквально — слово «синеус» подразумевало «неправильный (с римской точки зрения), глубокий и беспорядочный (рассыпной) строй, атаку которого возглавляли только немногие воины, превосходящие других своим вооружением, знатностью и храбростью»⁶²¹.

Конница была основой гуннской армии. Гуннских коней подробно описывает Вегеций — римский автор рубежа IV и V веков, известный своим трактатом о военном деле, но написавший также и труд по ветеринарии, в котором он рассказывал о гуннских конях:

«У гуннских [коней] большая и крюкообразная голова; выпуклые глаза; узкие ноздри; широкие челюсти; мощная и твердая шея; гривы, свисающие ниже колен; большие ребра; изогнутый хребет; густой хвост; очень крепкие берцовые кости; короткие ноги; плотные и широкие копыта; впалая брюшная полость и целиком костлявое тело; нет никакого жира в ягодицах, никаких выпуклостей в мускулах; стан более склонен к длине, чем высоте; тощий живот; прочные кости; их худоба привлекательна, и в самой уродливости обнаруживается красота; [у них] сдержанная, разумная и переносящая раны натура». Автор особо отмечает, что кони эти выносливы и не боятся холода⁶²². Особо источники отмечают их долгожительство — до 50 лет⁶²³ (современные лошади обычно не живут более 35 лет; рекорд — 62 года⁶²⁴).

Зосим так описывает войну гуннов с готами: «Явившись вместе с конями, женами, детьми и всем имуществом, они напали на живущих выше Истра скифов (готов. — *Авт.*). Они совсем не могли и не умели вступать в правильную битву (да и как [могли бы сделать это люди], не могущие даже твердо стоять на ногах, а живущие и спящие на лошадях?), но, делая объезды, вылазки и своевременные отступления, выстрелами [из луков] с лошадей перебили бесчисленное множество скифов. Делая это непрерывно, они довели скифов до такого [отчаянного] положения, что оставшиеся в живых, покинув свои жилища, предоставили их для жительства уннам, а сами в бегстве переправились на другой берег Истра и, простирая руки, умоляли, чтобы император принял их, обещая исполнять все обязанности верных и надежных союзников»⁶²⁵.

Основой гуннской тактики был обстрел противника из луков с дальней дистанции, благо луки, конструкцию которых предки гуннов принесли с собой из Центральной Азии, были значительно мощнее использовавшихся тогда в Европе. Иордан писал: «Племя это много употребляет такое оружие»⁶²⁶; Олимпиодор, побывавший у гуннов с посольством, отмечал «замечательное искусство» вождей гуннов в стрельбе⁶²⁷.

«Тяжелые» сложносоставные луки гуннов были усилены костяными пластинками-накладками для лучшей упругости; в историю они вошли как луки гуннского (или хуннского) типа. В Восточной Европе у сарматов подобные луки появились еще до прихода гуннов, но, по-видимому, именно гунны использовали их массово⁶²⁸. Неплохо сохранившиеся костяные детали гуннского лука найдены в районе древней дороги у Тагнаиса на Нижнем Дону⁶²⁹. Хорошие наборы накладок на луки обнаружены в Южном Приуралье — в пещерном погребении Кызыл-Адыр, в курганном поминальнике Солончанка I. Лук был и ранговым оружием; иногда в погребениях находят не только костяные, но и золотые накладки на него⁶³⁰.

Гунны обычно использовали трехлопастные наконечники стрел — крупные, под стать своему луку, значительно крупнее, чем у сарматов. Такие наконечники найдены во многих гуннских степных погребениях. Это — довольно весомое подтверждение родства европейских гуннов с азиатскими сюнну — подобные наконечники найдены в сюннуских памятниках в Монголии и Забайкалье. А вот упомянутых Марцеллином костяных наконечников стрел в гуннских погребениях не встречено⁶³¹.

Двулезвийные мечи гуннов и их союзников — интереснейшая сборная солянка образцов разных оружейных традиций и разных художественных стилей. Часть мечей могла перейти к гуннам от побежденных ими сарматов — один такой клинок сарматского облика найден в погребении воина в Саратовском Заволжье⁶³². Какие-то мечи гунны, видимо, принесли с собой — меч центральноазиатских традиций (судя по перекрестью) найден в приднепровской Новогригорьевке.

Гунны и их союзники также использовали мечи, сделанные, судя по самобытным деталям оформления, в Иране. Меч «персидского типа» найден, например, в гуннском погребении в Крыму⁶³³, другой — в одном из загадочных Тураевских

курганов в Прикамье. Не исключено, что воин, похороненный в этом кургане (может быть, угр), участвовал в Закавказском походе гуннов, но в конце концов решил вернуться на родину.

В степи находят и мечи, сделанные в Римской империи, скорее всего в Византии, или даже западнее. У этих мечей широкая прямоугольная гарда, украшенная разного рода перегородчатой инкрустацией в полихромном стиле, или, иначе говоря, в стиле клуазоне (от *фр.* cloisonné — перегородка; подробнее об этом стиле будет рассказано в главе «Археологи о гуннах»). Один такой меч найден у северного побережья Азовского моря⁶³⁴, еще один — на Тамани.

Как носились все эти «гуннские» мечи — не очень ясно, существуют разные мнения и реконструкции на этот счет⁶³⁵. Поясные детали, обнаруживаемые в гуннских (и не только гуннских) погребениях, могут относиться как к португепям так и собственно к поясам — очень часто это невозможно определить.

Гунны, как отмечал Марцеллин, охотно использовали арканы. А вот копьями они, вероятно, почти не пользовались — ни один письменный источник об этом не упоминает. Авторам настоящей книги известен только один гуннский наконечник копья (уже упомянутое погребение в Саратовском Заволжье). Кинжалы в погребениях гуннов тоже почти не встречаются.

Несмотря на разнообразие мечей, создается впечатление, что всадники-гунны были довольно консервативны. Они не восприняли ни популярный в Европе того времени скрамасакс (боевой нож-тесак), ни кинжалы с вырезами у рукояти, бывшие в ходу у сармато-алан и, возможно, германцев. А вот для европейцев гуннская воинская мода оказалась заразной. Правда, они переняли прежде всего декоративный стиль оформления оружия и аксессуаров — как это ни удивительно, но именно гунны, которых считали дикими варварами, в значительной мере передали европейцам свои представления об эстетике. Воины Европы заимствовали у гуннов чешуйчатый декор драгоценных обкладок ножен и седел, который стал популярен от Северной Франции до Кавказа (так оформлены ножны меча в Дюрсо, ножны скрамасаксов в Кав-

казской Алании). Да и в расцвете полихромного стиля, возможно, «повинны» гунны.

Но и гунны все же воспринимали несвойственные им мотивы. Уже упоминавшийся меч из погребения в Саратовском Заволжье был сарматского типа. Интересно, что этот меч имел нефритовую китайскую скобу для подвешивания, но к гуннам это не имело отношения — мечи сарматского типа иногда украшали китайскими скобами. Там же найдена золотая, украшенная гранатами накладка на гарду меча с выступающими в виде орлиных голов. Образ орла — римский или германский — в степь к гуннам почти не проникал, хотя в других регионах Европы он был популярен. Возможно, гунн — владелец сарматского меча — заказал мастеру модную «орлиноголовую» вещицу, подобную той, что он где-то увидел⁶³⁶.

Конская узда у гуннов была довольно проста. Удила были лаконичной формы с кольчатыми (в виде колец) псалями-ограничителями; изредка встречаются и псалии в виде поперечных стержней. Детали сбруйных ремней украшались разнообразными накладками в стиле клуазоне — бронзовая основа накладки обтягивалась золотой или электровой фольгой и украшалась гранатовыми вставками в напаянных гнездах.

Такие кольчатые удила, длинные пластинчатые зажимы уздечных ремней, накладки в форме ромба и секировидные — были распространены в степях Восточной Европы и раньше. Вероятно, гунны переняли все это у сарматов⁶³⁷.

Гунны украшали конскую сбрую оригинальными накладками с изображением мужских лиц. Лица эти — скорее монголоидные, хотя иногда на них отмечена достаточно густая борода, монголоидным мужчинам несвойственная. Обычно в одном погребении бывает не больше одной такой накладки, но в уже упоминавшемся нами погребении в Саратовском Заволжье найдено целых 25 парных личин⁶³⁸. Видимо, они располагались лентой на сбруйном ремне и представляли собой живописное зрелище⁶³⁹. Такие личины находят иногда и за пределами гуннской степи⁶⁴⁰, но все же это скорее гуннский элемент декора.

Важным элементом снаряжения гуннского всадника было седло жесткой конструкции — из дерева и кости, с разнообразными украшениями-накладками. Именно гунны принесли в Европу эту более совершенную конструкцию седел.

Показательно, что самые ранние образцы жестких седел обнаружены в Центральной Азии, в частности, в сюннуском погребении в Ноин-Уле в Монголии⁶⁴¹. Долгое время был неясен общий облик и детали седел гуннского времени. Однако в середине 1970-х годов в окрестностях Новороссийска был открыт грандиозный некрополь Дюрсо. В нем исследованы несколько захоронений боевых коней второй половины V века с хорошо сохранившимися богато украшенными седлами, что позволило создать их достоверную реконструкцию⁶⁴².

«Чешуйчатый» орнамент тонких золотых и серебряных накладок гуннских седел широко разошелся по Европе, Кавказу и другим регионам.

В отличие от треугольных седельных накладок гуннского времени, более поздние накладки (от второй половины V века) получили у археологов название «рыбовидные»⁶⁴³.

Очевидным образом гуннские военные успехи связаны в немалой степени с более совершенными «инструментами воина», которые они принесли в Европу: мощному дальнобойному сложносоставному луку (который у них, в отличие от сарматов, был основным оружием) и жесткому седлу, повышающему боевые возможности всадника на поле боя. Но стремян гунны, вероятно, еще не знали⁶⁴⁴.

Защитное вооружение не было у гуннов популярно. Античные и раннесредневековые авторы, писавшие о гуннах, лишь один раз упоминают гуннский щит⁶⁴⁵; дважды — шлемы⁶⁴⁶ и дважды — нательные доспехи. Судя по археологическим находкам, доспехи гуннов, скорее всего, были кольчугами⁶⁴⁷. Фрагмент кольчуги найден в разрушенном воинском гуннском захоронении в Поволжье в 20-е годы⁶⁴⁸.

Гунны охотно нанимались на военную службу к чужим правителям⁶⁴⁹ и не смущаясь воевали против собственных соплеменников и их союзников. Еще в 370-е годы готский вождь Витимир (наследник Германариха) «за деньги привлек в союз с собою» одно из гуннских племен, пытаясь противостоять натиску алан⁶⁵⁰, уже подчиненных гуннами.

Разумеется, Римская империя с ее богатыми традициями привлечения варваров к воинской службе не могла не воспользоваться такой возможностью. Уже в 384 году гунны сражались за Рим против ютунгов; в 388-м — за Феодосия против

Максима, в 394-м — за того же Феодосия против западного императора Евгения. В 400—401 годах вождь гуннов Ульдис разбил войско гота Гайны. Сам Гайна погиб в сражении, и Ульдис «послал его голову императору, за что и был награжден»⁶⁵¹. В 406 году тот же Ульдис и его гунны участвуют в разгроме готского вождя Радагайса. Отряд гуннов служил в гвардии Стилихона и был уничтожен другим военачальником Стилихона — готом Саром⁶⁵². Другой отряд, в 300 гуннов, был расквартирован в Равенне и в 409 году уничтожил 1100 готов Атаульфа⁶⁵³. В том же 409 году западный император Гонорий призвал 10 000 гуннов для войны с Аларихом⁶⁵⁴. В 411 году в Киренаике (в Северной Африке) базировался отряд из 40, судя по его названию, гуннов, подчинявшийся лично римскому наместнику. В 420-х годах в римскую Африку был направлен еще один гуннский отряд. В 425 году Аэций набирает у гуннского правителя Ругилы воинов для борьбы с войсками Феодосия. В 433 году гуннские отряды воюют в Галлии в составе армии Аэция, в 435—439 годах — в составе армии Литория.

Армия Литория была разгромлена готами в 439 году. На этом служба гуннов в имперских армиях временно прекращается; можно предположить, что Аттила запретил своим соплеменникам зарабатывать наемничеством. Требование к римлянам о выдаче перебежчиков было стандартным в его дипломатии.

В армиях самих гуннов тоже сражались иноплеменники — но в основном это были отряды подвластных народов, под командованием своих вождей⁶⁵⁵. По мере роста гуннской державы число их увеличивалось. Покорение алан дополнило армию тяжелой конницей; покорение готов, а затем и других германских народов — многочисленными отрядами пехоты.

Наконец, привлечение римских «военспецов» снабдило гуннов инженерами и техниками. Во время правления Аттилы наблюдение Аммиана «никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление» безнадежно устарело — гуннская армия того времени в осадном и инженерном отношении не уступала римской. Приск Панийский так описывает осаду гуннами города Наисс в 443 году:

«Скифы (гунны. — *Авт.*) осаждали Наисс, иллирийский город на реке Данубе... Варвары, желая взять этот многолюд-

ный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступить для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрышки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены»⁶⁵⁶.

При осаде Наисса не отмечены метательные машины, но они тоже состояли на вооружении гуннской армии: при осаде Аквилеи в 452 году, кроме прочей техники, использовались

«всякого рода метательные орудия»⁶⁵⁷. Как можно видеть, гунны усвоили и применяли достижения античной военной техники, и Иордан отмечал, что гуннам «не могло противостоять никакое каменное укрепление»⁶⁵⁸.

А вот достижения античной фортификации гунны игнорировали. Дворец Аттилы был, по словам побывавшего там Приска, «обнесен деревянною оградой, более служащей к украшению — нежели к защите», хотя она и была «украшена башнями»⁶⁵⁹. Единственный прием фортификации, активно применявшийся гуннами, был известен в степи со времен скифов, если не раньше, — поставленные вокруг лагеря кибитки и телеги. Этот прием был использован, в частности, в сражении на Каталаунских полях, и «хотя и хрупка была эта защита», но укрывшиеся в лагере гунны отбили атаку готов Торисмунда (сына короля Теодориха), сам Торисмунд был сброшен с коня, ранен в голову и «отказался от дальнейшего намерения сражаться»⁶⁶⁰.

После смерти Аттилы и падения его державы часть гуннов снова подалась на имперскую службу. «...Некоторые из гуннов поселились в части Иллирика»; «Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию; до сих пор (то есть до середины VI века. — *Авт.*) из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев»⁶⁶¹. Во второй половине 460-х годов упоминается некий «Хелхал, родом из уннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков», успешно рассоривший готов с их союзниками — гуннами⁶⁶² (о нем мы уже упоминали).

«Гунны» часто появляются на страницах хроник, описывающих войны Юстиниана, — то как враги, то как наемники в составе византийской армии. Часть из них определенно не была собственно гуннами, «унаследовав» это имя с тех времен, когда их народы входили в державу Аттилы. Не исключено, что некоторые действительно были потомками гуннов, но определить это по сообщениям письменных источников уже невозможно. Археологически их тоже практически невозможно выделить — воинская европейская мода во многом была универсальна для самых разных варваров и для знати молодых европейских королевств.

Археологические памятники гуннов поначалу приписывали самым разным народам. В 20-х годах XX века в Западной Европе гуннскими считали древности авар, появившихся здесь только в середине VI века, а гуннские памятники, в свою очередь, приписывали германцам-готам, аланам или венграм⁶⁶³. Яркие находки гуннского времени в Южной России, открытые еще в XIX — начале XX века, выдающийся российский антиковед М. И. Ростовцев считал аланскими...⁶⁶⁴ Вся эта путаница неудивительна, ибо гуннская материальная культура и искусство пропитаны традициями многих народов, покоренных гуннами и вошедших в состав их державы. В облике гуннских вещей специалисты отчетливо выделяют сармато-аланский, германский «следы», влияние ювелирных позднеримских и даже иранских традиций. В отечественной науке гипотеза, трактующая многие гуннские памятники как сармато-аланские, дожила до 60-х годов XX века⁶⁶⁵, пока не была убедительно опровергнута в работах И. П. Засецкой⁶⁶⁶. Современное представление о хронологии южнорусских гуннских памятников было в основном сформировано в результате знаменитой дискус-

сии между И. П. Засецкой и А. К. Амброзом, которая развернулась в 70-х — 80-х годах⁶⁶⁷.

О проблемах хронологии⁶⁶⁸

Археологических находок гуннского времени в распоряжении ученых имеется очень много (учитывая, что их оставляли в том числе и оседлые народы), но они слишком разнообразны по формам, по способам декора, трудно датируются. Многие типы вещей бытовали еще долгое время после исчезновения гуннов — например, некоторые разновидности мечей⁶⁶⁹ и наконечников стрел⁶⁷⁰, костяные накладки на лук, — и по ним невозможно определить дату погребения.

Престижные изделия римского импорта (например, посуда из драгоценных металлов), иногда находимые в богатых могилах или сокровищницах, передавались из поколения в поколение как фамильная ценность. Их попадание в землю могло сильно «запаздывать», хотя саму дату изготовления таких вещей бывает возможно довольно точно установить по клейму изготовителя или владельца. В немногихкладах гуннского времени встречаются римские монеты, причем в довольно больших количествах. Но год их чеканки позволяет судить лишь о «нижней» дате, раньше которой клад не мог попасть в землю.

Одни из самых важных предметов, по которым датируют погребения и другие комплексы, — это металлическая фурнитура: части мужских и женских поясов, портупей, кожаных сумочек, обуви, детали конской сбруи. Предметы эти часто попадали в могилы и были очень разнообразны по форме. Археологам не всегда удается понять точное функциональное назначение схожих по форме вещиц и установить, относятся они к человеческому костюму или к конской упряжи. Законодателями мод на такую фурнитуру в пределах Восточной Европы, как правило, выступали ремесленные центры восточноримских провинций, изделия которых широко расходились и среди римлян, и среди варваров-кочевников. Новые формы быстро завоевывали популярность у разных народов на огромной территории, вплоть до Центральной Азии.

В гуннских памятниках изделия такого рода встречаются очень часто, особенно — небольшие серебряные или бронзовые пряжки с круглой рамкой из толстого круглого прута и овальным шитком, вырезанным из тонкого листа металла. Эти пряжки могли использоваться в том числе при изготовлении очень популярных у варваров мягких кожаных сапожек, которые застегивались узкими ремешками с маленькими пряжками и наконечниками на концах.

Пряжки, накладки, наконечники ремней очень «динамичны» на шкале времени. Их облик в деталях эволюционирует всегда, а появление новых форм происходит примерно раз в пятьдесят лет⁶⁷¹, что открывает хорошие возможности для датировки погребений по этим предметам. Но в позднеантичное время мода на такие вещи была довольно консервативна, их формы изменялись, но медленно и незначительно. Лишь по некоторым незаметным на первый взгляд деталям археолог сможет отличить ременную пряжку скорее гуннского времени от пряжки предшествующей эпохи. И только один важный признак появился именно в гуннское время — язычок у таких пряжек сильно выступает за рамку, как бы нависает над ней. У пряжек, разработанных раньше, он либо плотно обхватывал рамку, либо едва выступал за ее край. Но эти ранние пряжки оказались весьма «живучи»: они продолжали существовать в гуннскую эпоху⁶⁷². А в погребении, тем более разграбленном, может оказаться только одна — именно такая, «сомнительная», пряжка, и датировка всего погребения окажется непростой.

В гуннскую эпоху женщины кочевых племен отказались от обычая носить и класть в могилы булавки-фибулы⁶⁷³ и этим еще больше усложнили жизнь археологам, пытающимся определиться с хронологией. Раньше именно фибулы, облик которых менялся довольно быстро, позволяли достаточно точно датировать женские погребения.

И поэтому для разработки хронологии эпохи Великого переселения народов, и прежде всего степных гуннских погребений, огромное значение приобрел другой маркер — особенный «полихромный» стиль, который был очень популярен у гуннов. В этом стиле оформлялись детали костюма, оружия, конской сбруи. Зародился он, вероятно, еще в III веке, но пышно расцвел именно в гуннскую эпоху. Вещи, сделанные

в этом стиле — со вставками гранатов на золотой фольге или с яркой, многоцветной перегородчатой инкрустацией, — ни с чем не спутаешь. Они резко отличаются от вещей предшествующей эпохи. С их хронологией возникают другие проблемы: эволюция стиля — процесс длительный и к абсолютным датам привязывается весьма условно.

Так или иначе, сейчас археологи, как правило, довольно уверенно датируют большинство известных гуннских погребений с точностью примерно до полувека. Но в этом смысле для разных районов гуннской ойкумены есть свои нюансы. Если археологическая культура гуннов в Паннонии погибла сразу после краха державы Атиллы, то на востоке она существовала еще какое-то время⁶⁷⁴. И стало быть, в хронологии западных и восточных гуннских памятников не может быть полной согласованности. Кроме того, известно, что некоторые гунны из Паннонии после битвы при Недао вернулись в места прежнего обитания, видимо в Северное Причерноморье, и принесли с собой множество вещей, сделанных еще на Западе. Эти предметы постепенно попадали в гуннские могилы на протяжении нескольких последующих десятилетий. Что вносит дополнительные сложности, ведь, если судить по инвентарю, такие погребения следует отнести к более раннему времени — к эпохе Атиллы⁶⁷⁵.

Не вдаваясь в специальные детали, хронологию гуннских древностей, прежде всего погребений, сейчас возможно представить в следующем обобщенном виде. Это, во-первых, ранние погребения, которые, видимо, совершены еще в IV веке, но, может быть, немного «заходят» и в V век. Таковых набирается меньше десятка. Во-вторых, погребения гуннов, условно говоря, «времени империи». К ним относятся почти все известные гуннские погребения. Время их совершения в основном ограничено первой половиной V века, но южнороссийские датируются несколько шире — примерно до 70-х — 80-х годов. И третья, самая поздняя хронологическая группа — это погребения, вероятно, последних европейских гуннов, — памятники, которые называют «постгуннскими» (а в специальных работах — «шиповским горизонтом»). Их, как и ранних погребений, немного. Они расположены в основном в Среднем Поволжье и датируются наиболее размыто: примерно от 70-х годов V века (или от

конца этого века) до начала или середины века VI. Эта группа погребений, возможно, маркирует и последующий путь гуннов на историческую родину в Центральную Азию. К ним мы еще вернемся.

Гуннские погребения

Гунны не образовывали больших стойбищ, по крайней мере, таковые практически не известны ученым⁶⁷⁶. Пока открыты следы лишь нескольких юрт, возможно, оставленных гуннами, — в Лесостепном Подонье⁶⁷⁷. Основным источником знаний археологов об этом народе — погребения.

Погребения кочевников, связываемые с восточноевропейскими гуннами, в основном расположены в степном поясе Европы: от современных Венгрии и Австрии на западе до российского Среднего Поволжья на востоке. Они крайне немногочисленны: на многие десятки курганов и сотни погребений может встретиться лишь одно гуннского времени, и то не всегда⁶⁷⁸.

Одна из загадок — почти полное отсутствие погребений начального этапа: первых десятилетий пребывания гуннов в Восточной Европе. А. В. Комар указал лишь на четыре курганных восточноевропейских погребения раннегуннского времени, — и все они, по его мнению, относятся к аланам, но не к гуннам⁶⁷⁹. М. М. Казанский выделил пять гуннских погребений для всей Восточной и Центральной Европы, но и с ними не все однозначно. Так, в двух могилах, одна из которых, вероятно, принадлежала мастеру-меднику, а вторая — знатной женщине, найдены в числе прочих вещей и сарматские зеркала⁶⁸⁰. И поэтому не исключено, что в этих могилах были похоронены не «этнические гунны», а «примкнувший к ним» ремесленник-сармат и плененная сарматская женщина.

Возможно, гуннские погребения просто не опознаны археологами среди бедных или совсем безынвентарных степных могил. А. К. Амброз, соглашаясь в основном с Л. Н. Гумилевым, полагал, что в Европу, вероятно, пришла только кучка воинов-гуннов, усвоившая на новой родине новую материальную культуру⁶⁸¹. Только следующее поколение, завое-

вав место под солнцем, обросло хозяйством и обзавелось тем множеством вещей, которые и находят археологи.

Большинство всех известных гуннских погребений относится к периоду от рубежа IV–V веков до краха державы Аттилы. Но в южнорусских степях, куда отступило из Подунавья племенное ядро гуннов в 50-х годах, часть погребений, вероятно, относится также и к более позднему времени. Гунны продолжали обитать в Северном Причерноморье, видимо, до 70-х годов V века, пока не были вытеснены протоболгарами в Поволжье⁶⁸². Там известна группа погребений, относимых археологами уже к постгуннскому времени.

Погребения гуннов, как мы уже писали, разбросаны на гигантском пространстве. Это прежде всего европейский степной пояс — от Среднего Подунавья до Урала. А «шлейф» самых поздних гуннских погребений тянется и в Центральную Азию — в Северный Казахстан и дальше на восток. Несмотря на такой огромный территориальный и временной (порядка двух столетий) охват, во многом они едины: по большинству черт погребального обряда и находимому в могилах инвентарю.

Яркие погребения, так же как и различные «клады» с предметами «интернациональной» воинской моды и вещами, сделанными в традициях полихромного стиля эпохи, находят и в Западной Европе: от Франции и Шотландии до Португалии и Италии — и даже в Северной Африке⁶⁸³. Но эти находки в подавляющем большинстве связаны не с гуннами, а с другими варварами, прежде всего с рядом германских племен и с аланами. Во многих случаях определить этнос погребенного затруднительно — тогдашней вещевого моде были «покорны» многие народы.

Что же собой представлял погребальный обряд собственно гуннов? Надо сказать, что гунны, видимо, вплоть до краха державы Аттилы не очень любили насыпать курганы над могилами. Гуннских курганов нет ни в Паннонии, ни вообще в Западной и Центральной Европе⁶⁸⁴; в севернопричерноморских степях они также скорее редкость. Редки и «впускные» гуннские погребения (так археологи называют погребения, при которых кочевники использовали уже имеющийся,

более ранний курган). Главным образом гунны хоронили усопших в грунтовой яме, без насыпки кургана. Скитаясь по миру, они никогда не могли быть уверены, что их курганы не окажутся на чужой территории и не будут разграблены, и поэтому очень часто выкапывали могилы в неприметных местах. Кстати, сюнну тоже не слишком увлекались возведением курганов. Знаменитый китайский историк рубежа II—I веков до н. э. Сыма Цянь писал, что сюнну «не насыпают могильных холмов, не обсаживают могилы деревьями»⁶⁸⁵.

Напомним, что и могила Аттилы была устроена тайно, а все, кто мог знать о месте ее нахождения, — убиты. Это, кстати, может быть еще одним доказательством родства гуннов с древними тюрками и монголами. Ведь до сегодняшнего дня не найдено ни одной могилы древнетюркских или монгольских правителей — сохранились лишь их поминальные храмы⁶⁸⁶.

Именно поэтому гуннские погребения находят почти всегда случайно: то тракторист или комбайнер при сельхозработах вывернет из пахоты меч, то местные ребятишки на склоне оврага, в обрыве реки или ручья заметят блеск золота из размываемой могилы, то при прокладке траншеи строители наткнутся на погребение... Так, жители Силадъшомийо (в Трансильвании) в конце XIX века нашли богатейшую сокровищницу гуннского или германского вождя, копая картошку на огороде.

Лишь утратив свою великую державу и откочевав во второй половине V века в степи Заволжья, гунны немного ослабились и перестали беспокоиться о сохранности своих могил. Именно в этом регионе, кажется, больше всего гуннских курганов, хотя и грунтовые могилы, очевидно, имели место.

Но и курганные и бескурганые гуннские могилы, как мужские так и женские, — примерно одинаковы. Обычно это простая прямоугольная яма с прямыми стенками, иногда с подбоем — нишей, куда укладывали покойника. Гунны погребали своих умерших, как правило, на спине, в вытянутом положении, головой на север. В могилах довольно часто находят следы напутственной пищи — кости и черепа лошади, овцы или других животных, а также остатки шкур. Находят и простые лепные горшки, видимо с питьем. Сосуды обыч-

но ставили у головы погребенного. В ногах или рядом с телом могли сложить детали конской упряжи.

Встречаются и погребения в деревянных гробах, как женские, так и мужские. Несколько явно гуннских погребений открыто на некрополях позднеантичных городов — в склепах и катакомбах более раннего времени, вторично использованных гуннами⁶⁸⁷.

Западные, паннонские, находки в целом богаче степных, восточноевропейских. В Паннонии, в частности, найдены золотые обкладки сложносоставного лука. Больше там находят и мечей, ножны которых имеют обкладки из золотой фольги, а рукояти украшены дорогой перегородчатой инкрустацией. Самый большой клад золотых монет (около полутора тысяч штук) — след денежных выплат гуннам — также обнаружен на Западе⁶⁸⁸.

Очень редко, но находят гуннские погребения в пещерах. Одно из них открыто в Нижнем Поднепровье⁶⁸⁹, еще одно в Южном Приуралье⁶⁹⁰. В последнем был найден хорошо сохранившийся гуннский ритуальный котел, а само погребение, вероятно, относится ко времени отката гуннов на Восток.

В мужских могилах почти все вещи связаны с извечными мужскими «увлечениями» — войной и верховой ездой. Здесь находят длинные, внушительного вида мечи, костяные накладки на сложносоставной лук, характерные ромбовидные железные наконечники стрел, очень редко — копья, кинжалы, фрагменты кольчуг. Также в мужских погребениях встречаются металлические детали наборных поясов и оружейных портупей — пряжки, наконечники ремней, накладки — из разных металлов и разной сложности исполнения в зависимости от богатства погребенного.

Из конской амуниции находят железные удила, бронзовые и железные части ремней (пряжки, соединения и пр.), различные украшения сбруи. Важной находкой и маркером именно гуннского стиля являются украшавшие седло тонкие золотые или серебряные накладки — обычно треугольной формы, с известным всем гунноведам «чешуйчатым» или реже — «вафельным» орнаментом.

Фурнитура ремней и конской упряжи сделана в узнаваемых традициях той эпохи — в самобытном полихромном стиле, расцветшем в степях именно с приходом гуннов: бронзо-

вая или иная основа предмета обтягивалась тонкой золотой или серебряной фольгой и украшалась вставками из драгоценных камней — обычно разновидностей граната.

Еще в некоторых могилах (только в мужских) и в кенотафах найдены золотые обивки, оставшиеся от небольших деревянных лошадок. В одном крымском погребении глаза такой лошадки были оформлены в виде сердоликовых вставок. Может быть, это следы некоего культа, связанного с конем, или символ социального статуса. Но что-то объединяло тех, кому были посвящены эти статуэтки, — и сурового гуннского воюку, в честь которого был разожен погребальный костер в днепровской степи, и мальчика-подростка, похороненного в Восточном Крыму⁶⁹¹.

Интересны находки так называемых «личин» — это тисненые на золотой фольге изображения округлых мужских лиц, обычно бородатых. Ими украшали накладки ременной сбруи. «Личины» — своего рода визитная карточка гуннского погребения, у других народов они почти не встречаются. Больше всего такие украшения любили поволжские гунны позднего периода гуннской истории, но одна «личина» найдена и в Приднепровье, в Новогригорьевском кенотафе, а матрица для оттисков — на Нижнем Дону, в районе античного Танаиса⁶⁹².

Одно из очень немногих гуннских воинских погребений, не разрушенных грабителями или просто несведущими людьми, раскопано П. С. Рыковым в Оренбургской области в 1925 году. Гуннский воин был погребен в могиле под курганной насыпью, в решетчатом гробу, обшитом берестой. На гробе в ногах лежали седло и конская сбруя. Мужчину сопровождали кинжал в деревянных ножнах с золотой обкладкой, железный наконечник стрелы, бронзовые браслеты. Видимо благодаря особенностям климата, сохранность содержимого могилы была редкостная, и удалось понять, что мужчина был одет в малиновый кафтан до колен с нашитыми бронзовыми бляшками, обтянутыми тонким золотым листом. Сохранились и деревянная долбленая кружка, и часть нагайки, и ряд других вещей из дерева⁶⁹³.

Женские гуннские погребения устроены примерно так же, как мужские. В них нет оружия, но, как и в мужских, археологи

находят в них напутственные кости лошадей, металлические части истлевших седел и конской упряжи. Но главное — это, конечно, украшения: необычные, присущие только гуннским женщинам колты*, кулоны, диадемы. Они сделаны из бронзы и золота, украшены десятками гранатов, сердоликов, трюгольниками из напаянных маленьких шариков — зерни⁶⁹⁴. Встречаются в женских погребениях и украшения попроще — серги в форме «калачика», перстни, бусы. Изредка находят и зеркала, среди которых есть и весьма сарматские на вид. Возможно, они принадлежали сарматским женщинам, ставшим женами гуннов, или потомкам этих женщин.

Одно из самых богатых женских погребений было случайно разрушено и доследовано археологами в 1948 году в районе города Мелитополь⁶⁹⁵. Здесь была найдена одна из лучших гуннских диадем, украшенная различными драгоценными камнями. Нашли и золотые обкладки седла, железные удила, бронзовый котел, «сарматское» зеркало, а также множество золотых накладок с гранатовыми вставками. Правда, с функциональным назначением этих накладок археологи до сих пор не вполне определились.

Еще в одном погребении — у деревни Марфовка в Крыму, недалеко от Керчи, — в середине 1920-х в погребении в кургане был найден весь основной женский гарнитур высшего гуннского ранга: золотая на бронзовой основе диадема, золотые колты и кулоны — случай совершенно уникальный для одного погребения. Рисунки и описания найденного давно опубликованы, но сами марфовские вещи к настоящему времени, увы, утрачены⁶⁹⁶.

Найденные археологами останки гуннов свидетельствуют, что гунны были монголоидами⁶⁹⁷. У погребенных гуннов нередко следы намеренной деформации черепа⁶⁹⁸. В гуннскую эпоху такая традиция появляется и у германских племен. Возможно, и гунны, и германцы восприняли этот обычай у сарматов, у которых он издавна бытовал.

Кроме обычных погребений, время от времени археологи находят гуннские кенотафы — символические захоронения, где

* Височные украшения с петельками для подвешивания к головному убору.

есть только вещи, но нет погребенного. Это — мужские воинские комплексы, судя по тому, что в них лежат в основном оружие и конская сбруя. Скорее всего, они сооружены в память воинов, тела которых не удалось отбить у врагов для погребального обряда.

Гуннские кенотафы бывают нескольких видов, но здесь всегда в той или иной мере имел место огненный ритуал — в них находят угли, обожженные кости животных и необожженные вещи или, например, только кучку вещей со следами огня в небольшой ямке. Сейчас ученые спорят, во всех ли подобных случаях мы имеем дело с кенотафами, или же иногда это могила со следами кремации тела. Но кажется, есть больше оснований считать все или почти все подобные памятники все-таки кенотафами⁶⁹⁹, к чему склоняются и авторы данной книги.

Ярким примером одного из видов кенотафов⁷⁰⁰ являются памятники у Новогригорьевки в Поднепровье, раскопанные в XIX веке Д. Я. Самоквасовым. Под тремя круглыми каменными выкладками находился слой углей и смешанных с ними многочисленных предметов. Воинский набор под каждой из выкладок оказался примерно одинаков: меч в ножнах, наконечники стрел, удила, седельные обкладки, различные ременные уздечные наборы — пряжки, накладки. Многие вещи сделаны из золота и серебра или обтянуты золотой фольгой, вставки — сердоликовые. Возможно, это был родовой поминальник, использовавшийся неоднократно, так как по деталям оформления некоторых вещей одна из символических могил датируется несколько более поздним временем, чем две другие⁷⁰¹.

Кенотаф другого рода был найден в урочище Макартет в Запорожской области — его обнаружил тракторист во время пахоты. В потревоженной плугом небольшой ямке находилось несколько мечей, наконечники стрел, части седла и уздечного набора, два бронзовых котелка. Некоторые предметы побывали в огне, мечи были намеренно согнуты, то есть ритуально «умершвлены». Необычной находкой стал набор из пяти поясных деталей со вставками — сердоликовыми геммами первых веков н. э. Такие геммы гунны могли вывезти из походов на Римскую империю. Подобные поминальники най-

дены и в венгерских Паннонхальме, Печ-Усёге и других местах⁷⁰².

Очевидно, что огненные ритуалы были не чужды гуннам, ведь и Атила в день битвы на Каталаунских полях сложил пирамиду из конских седел, намереваясь броситься в огонь в случае поражения.

Все, описанное выше, относится к воинам и их женам — не очень богатым и не самым знатным. Гуннская верхушка — это другой уровень богатств. Правда, погребений высшей знати эпохи Великого переселения народов открыто буквально единицы, и ни одно из них еще не попало в руки археологов нетронутым. Да и не вполне ясно, гуннские они или принадлежат вождям союзных гуннам племен.

Пожалуй только два таких погребения могут принадлежать именно гуннским властителям или их приближенным — погребение в румынских Концештах (1808 год) у реки Прут и «Суджанский клад» (1918 год) на территории современной Курской области⁷⁰³. В обоих случаях могилы случайно обнаружены местными жителями, разграблены, и вещи лишь постепенно оказывались в музеях. Судя по описаниям находчиков и по вещам, эти погребения имели немало общих черт — они совершены в каменных склепах, в них найдена серебряная римско-византийская посуда и ряд «статусных» предметов, указывающих на высокое положение их владельцев. Кувшин с изображением девяти муз из Суджи, ваза-амфора с сюжетом амазономахии и ведро-ситула со сценами греческой мифологии из Концешт — это произведения искусства, а не просто дорогие вещи. Возможно, это дары гуннским правителям от императоров Рима или Константинополя. В Концештах к такого рода вещам можно отнести и складной римский стул с серебряными обкладками, и дорогой «парадный» железный шлем с серебряным покрытием. Из суджанской могилы происходит интереснейшая массивная золотая гривна с круглым диском-медальоном, украшенным сложной перегородчатой инкрустацией. И. О. Гавритухиным было отмечено сходство этой гривны с теми, что носили римские телохранители⁷⁰⁴. В Концештах найдены и яркие «варварские» вещи — фрагменты золотых обкладок (вероятно, седельных) с узнавае-

мым гуннским чешуйчатым декором⁷⁰⁵. Здесь же впервые были найдены изделия, выполненные в полихромном стиле⁷⁰⁶.

К сожалению, этнос погребенных до конца не ясен, как неясно и правителями каких народов они были. Эти вожди могли быть как гуннами, так и германцами, ведь окрестности Суджи, как и берега Прута, входят в ареал черняховской культуры⁷⁰⁷.

Иордан сообщает, что Аттила был похоронен в трех гробах, один из которых был золотым⁷⁰⁸. Это весьма сходно с обрядом погребения знатных сюнну — археологи подтверждают, что в их могилах гроб помещался внутри двух срубов, вложенных один в другой. Сыма Цянь так описывает похороны сюннских шаньюев: «Для похорон [у них] есть внутренний и внешний гроб, [с покойником кладут] золото и серебро, одежду и шубы, но [они] и не носят траурных одежд. Когда умирает правитель, то вместе с умершим хоронят его любимых слуг и наложниц, их число достигает нескольких сотен или тысяч человек»⁷⁰⁹. Правда, с Аттилой его слуг не погребли, но многие из них тем не менее пали жертвами при похоронах, поскольку их убили ради сохранения тайны. В целом же в гуннских погребениях следов человеческих жертвоприношений не обнаружено.

Как можно видеть, гунны не очень усложняли себе жизнь устройством роскошных усыпальниц. Их могилы максимально просты. Как проста была, вероятно, и их религиозная жизнь. Другая отличительная черта — «тайный», бескуранный характер многих могил, в результате чего до сих пор найдена, вероятно, только малая их часть.

Крупнейший советский специалист по раннесредневековой археологии А. К. Амброз считал, что все известные гуннские погребения принадлежат рядовым воинам, поскольку, несмотря на их кажущуюся роскошь, в них преобладают не золотые предметы, а лишь предметы, обтянутые золотой фольгой и украшенные достаточно дешевыми самоцветами. Гуннская знать времен Аттилы обладала огромными богатствами, и, значит, могилы этих людей пока не найдены⁷¹⁰.

Вполне вероятно, что самые громкие открытия гуннской археологии еще впереди.

Клады

Гунны и их союзники оставили после себя не только богатые погребения, но и довольно многочисленные вещевые и монетные клады. Самые крупные из них найдены на Венгерской равнине и в Южной Румынии.

Два клада в уже упоминавшемся местечке Силадьшомийо в Трансильвании были случайно найдены жителями примерно в одном месте с интервалом около столетия, в 1797 и 1889 годах. Вероятно, оба клада — части одной сокровищницы гуннской эпохи. Здесь были цепь, фибулы с камнями-вставками, браслеты, чаши... Многие вещи оформлены в стиле клуазоне, типичном для V века. Скрупулезно подсчитано, сколько граммов золота и серебра в итоге было найдено — 5,466 и 2,536 соответственно. Привлекают внимание огромные золотые «медальоны» с ушками для ношения; некоторые из них весят по несколько сот грамм и напоминают многократно увеличенные монеты. Такими «медалями» императоры любили награждать федератов-варваров. Среди полутора десятков медальонов первого клада есть и варварские подражания. Самые поздние медальоны изображают императоров времен гуннского нашествия — Валента II и Грациана.

Большинство ученых полагают, что эти ценности принадлежали гепидам и зарыты в середине V века. М. Б. Шуккин, основываясь главным образом на ранней дате чеканки медальонов, приписал сокровища Силадьшомийо готам, а конкретно — одному из их вождей, Фритигерну. Недавно румынские исследователи предположили, что клад Силадьшомийо — это гепидская сокровищница, попавшая в свое время к гуннам. Действительно, гунны могли захватить ценности гепидов, позднее пополнять их предметами, сделанными уже в новом стиле клуазоне, а потом зарыть клад до лучших времен в пору крушения гуннской державы в 50-е годы V века.

Найденный в 1837 году клад в Петросах (недалеко от Бухареста), пожалуй, превосходит по художественной значимости вещей сокровище Силадьшомийо. Он включает сложнейшие по исполнению кубки, блюдо, вычурные птицевидные фи-

булы. Петросовский клад — самый богатый из тех, которые могут быть связаны с гуннами: общий вес золотых вещей достигает 18,8 килограмма. Блюдо, возможно, сделано в Антиохии, и нельзя исключить, что оно попало к гуннам во время одного из восточных походов. Так или иначе, в конце концов клад оказался в руках готов — руническая надпись на одной из найденных золотых гривен гласит: «Священное сокровище готов». Сейчас ученые склоняются к тому, чтобы датировать время сокрытия клада эпохой Аттилы⁷¹¹.

Если говорить о монетных кладах, то создается впечатление, что гунны не очень представляли, куда и как потратить золото, поступавшее к ним в виде дани. На территории державы Аттилы находят многочисленные клады монет гуннского времени, в том числе золотых. Крупнейшие клады исчисляются сотнями и более монет. Это, вероятно, остатки полученных и не потраченных гуннами денег — дани от римлян и византийцев.

Самый большой клад найден в Венгрии и содержал 1440 золотых монет (более 6 килограммов), причем монеты, вероятно, не были в обращении — по-видимому, их в спешке отчеканили, чтобы выплатить гуннам, а потом, в минуту опасности, деньги были сокрыты. На Украине значительный клад — «Рублевский» — найден в Поднепровской лесостепи. В нем была 201 золотая монета⁷¹².

Интересно что возможные годы выпуска монет — и Рублевского, и ряда других кладов — не выходят за пределы 457 года, практически совпадая с датой поражения гуннов при Недао, после чего поток имперского золота к ним, очевидно, и должен был прекратиться⁷¹³.

Ювелирное искусство

Пришествие гуннов в Европу породило возникновение и расцвет нескольких художественных стилей. Из них самый яркий и больше всего связанный с гуннами — полихромный⁷¹⁴.

Полихромный стиль — это золото и гранаты. Красное на золотом. Кроме гранатов иногда использовались сердолик и янтарь. Очень часто основа украшения, сделанная из брон-

зовой пластинки, обтягивалась тонкой золотой или электро-вой фольгой, и получившийся золотой фон декорировался вставками из гранатов в напаянных гнездах. Каждое гнездо обычно состояло из тонкой полоски-ленточки металла, обернутой вокруг камня, а вокруг гнезд зачастую напаялся еще поясok из зерни. Кроме того, промежутки между гранатовыми вставками-гнездами украшались треугольниками и ромбами из зерни или имитации зерни, образующими своеобразный узор и сообщающими дополнительную фактурность орнаментальному полю. Такие украшения выглядят богато и ярко, хотя реальная их ценность не очень высока.

Изделия со вставками в напаянных гнездах, зернеными ромбами и треугольниками более всего присущи варварам-кочевникам того времени, то есть прежде всего гуннам. Так оформлены, в частности, знаменитые гуннские женские украшения — диадемы, колты, кулоны, о которых подробнее будет сказано ниже.

Одно из ответвлений полихромного стиля гуннской эпохи называлось «клуазоне». Лицевая поверхность изделия окантовывалась бортиком, а само поле разделялось подобными же золотыми бортиками-перегородками. В образовавшиеся отсеки помещались гранатовые вставки, обычно не кабошоны, а пластинки. Чтобы понизить себестоимость, ювелиры делали гранатовые вставки потоньше и промежуток между гранатом и дном заполняли пастой на гипсовой или цементной основе. А чтобы камни не «потухали», утратив «золотое дно», под них подкладывали тонкий листок золотой фольги, иногда — с орнаментом⁷¹⁵.

Несколько позднее, но, вероятно, также в гуннское время появилась более сложная разновидность стиля — так называемый «дрожащий клуазоне», когда стенки между вставками делались прихотливых, как бы «дрожащих» очертаний, а камни повторяли их форму. В гуннской степи находки вещей в перегородчатой технике редки. Большинство гуннов предпочитало обходиться «малой кровью»: бронзовая пластина, золотая фольга, напаянные гнезда с гранатами. Но именно вещи в стиле клуазоне обрели чрезвычайную популярность по всей Европе. Стиль надолго пережил гуннов. Клуазоне, особенно «дрожащий», стал очень популярен у первых франкских ко-

ролей династии Меровингов; ряд вещей, найденных в знаменитой могиле короля Хильдерика в Турне, выполнен в этом стиле⁷¹⁶.

У гуннов сформировался яркий и самобытный комплекс женских украшений. Основу его составляли диадемы, колты и кулоны⁷¹⁷. Правда, встречаются эти изделия очень редко. Диадем, включая случайные находки и обломки, набирается чуть больше двух десятков, колтов — порядка десяти, кулонов — и того меньше. Вероятно, только достаточно богатые и знатные женщины могли позволить себе хоть что-то из подобных украшений, а полным гарнитуром обладали единицы.

Диадемы, или налобные украшения, обычно имели вид длинной прямоугольной пластины шириной несколько сантиметров. Как правило, бронзовая основа была обтянута золотой фольгой и декорирована, часто — в несколько рядов, вставками из драгоценных камней, в основном — гранатов. По краям пластины имелись отверстия для ее пришивания на тканую или кожаную основу. Известны несколько особо роскошных образцов с одним или целым рядом «грибовидных» выступов по верхнему краю пластины, очевидно имеющих культовый смысл.

Гуннский колт имел вид овального золотого диска, украшенного гранатовыми и иными вставками, с расходящимися в разные стороны «лучами» — полыми золотыми же трубочками, увенчанными шариками и пирамидками зерни.

Гуннские кулоны оригинальны, сложны по форме и технике изготовления. Их верхняя часть несколько напоминает ракушку, по внешнему краю она украшена либо символическими лучами, как на колтах, либо пирамидками зерни; кроме того, к этим «ракушкам» снизу крепится прямоугольной формы продолжение, исполненное в гуннском полихромном стиле. Между археологами шли споры о том, использовались ли эти изделия как кулоны, или же они — вариант височных подвесок. Но поскольку в «марфовском» погребении в Крыму найден весь основной гарнитур знатной гуннской женщины, включавший и диадему, и колты, и кулоны, — резонно думать, что каждый вид украшений играл собственную роль и они дополняли друг друга, а не дублировали⁷¹⁸. Вероятно,

эти кулоны — окончания шейных гривн, основа которых не сохранилась.

Кроме гранатовых и иных вставок золотое поле любых украшений часто декорировалось напаянными треугольниками зерни, расположенными в разных комбинациях, что делало золотой фон вещей еще более живописным.

Иногда археологи находят очевидно гуннские «женские» предметы не вполне ясного назначения — «дракончики» и круглые бляхи с разными вставками... Но как их носили и носили ли вообще — останется маленьким женским секретом.

Украшения гуннских женщин, несмотря на всю свою оригинальность, имеют некоторое сходство с сарматскими. Если же мы вспомним что в гуннских погребениях находят типичные для сарматов зеркала, то вполне резонно предположить, что гунны часто брали себе в жены женщин, имевших сарматские корни.

Интересно, что большая часть диадем, а также почти все колты и кулоны найдены к востоку от устьев Дуная — в степях Северного Причерноморья, Ставрополя, Поволжья. Только единичные находки есть в Паннонии, в частности на территории современной Венгрии⁷¹⁹.

Параллели с сюнну

Археологические находки позволяют проследить родство гуннов с азиатскими сюнну. Свидетельства этого родства можно условно разделить на явные, или прямые, и косвенные.

К первым относятся литые бронзовые котлы «гуннского» типа⁷²⁰ — их же иногда называют и котлами «сюннуского» типа, независимо от того, кому конкретно они принадлежали. Котлы эти использовались, судя по всему, в ритуальных целях, именно поэтому их форма не слишком изменилась за несколько столетий — ритуальные предметы всегда гораздо меньше подвержены влиянию моды, чем бытовые. Менялась материальная культура: появлялись новые виды утвари, новые украшения, новые технологии и орнаменты, новые, более совершенные, виды вооружения. Даже погребальный обряд — явление достаточно консервативное — изменился. Но котлы,

которые прошли путь от Ордоса до Франции, сохранили основные черты, имевшиеся у них четыре столетия назад.

Сходство между котлами, найденными как на сюннуской, так и на гуннской территориях, равно как и на территориях промежуточных, вполне установлено. Авторы настоящей книги уже упоминали эти важнейшие свидетельства родства между гуннами и сюнну в главе «“Темные века” гуннской истории», но они стоят того, чтобы вернуться к ним еще раз.

Напомним, что, несмотря на общие черты, котлы делятся на две большие группы. Котлы первой группы находят в Азии, они бытовали здесь целых четыре столетия: со II века до н. э. по II век н. э. включительно. Котлы второго типа появляются в Европе вместе с гуннам, бытуют здесь же в V веке и потом, по мере ухода части гуннов из Европы, вновь появляются в Азии.

Очевидно все сюннуские, а затем и гуннские котлы изначально были сделаны в традициях китайской металлообработки — об этом говорит и технология литья, и форма ручек у многих котлов. Кочевники не имели развитых навыков обработки металла, они многое заимствовали у оседлых соседей. Котлы европейских гуннов — это своего рода дыхание великой китайской цивилизации, дошедшее с отрядами гуннов до Европы.

Котлы «гуннского» типа, как правило, имеют цилиндрическое тулово, разделенное на четыре части фигурными линиями, — намек на традиционное для сюнну членение мира на четыре стороны света, которое сюнну любили подчеркивать. Традиция эта запечатлена не только в бронзе, но и в керамике: их посуда нередко украшена линиями, делящими изделие на четыре части. Горловая часть котлов опоясана круговыми ребрами. Контуры ручек тоже подчеркнуты ребрами. На ранних, «восточных» котлах встречаются волнистые линии.

У ранних котлов ручки достаточно часто имели прямоугольную форму, переключаясь с ручками традиционной китайской посуды. Как ни странно, по мере удаления гуннов от границ Поднебесной эта черта их котлов закреплялась. Из века в век ручки все чаще становились прямоугольными и окончательно утвердились в этом к гуннскому времени (хотя базовый прямоугольник мог быть украшен дополнительными

выступами). Прямоугольные ручки «европейских» котлов украшались рядом грибовидных выступов, некоторые исследователи сопоставляют их с выступами на гуннских диадемах, которые также называют грибовидными. Но сходство между этими видами декора — достаточно отдаленное.

Финальный облик котлов сформировался, вероятно, в V веке в Подунавье, во времена державы Аттилы — именно здесь и в это время они наиболее нарядны, разнообразно украшены, как и надлежит «парадным» «имперским» котлам. Они представляют собой довольно крупные сосуды вытянутых «стройных» пропорций. Литьевого орнамента идет несколькими рядами прямых горизонтальных и вертикальных валиков-линий по корпусу и у горла. Верхняя часть тулова часто бывает украшена густым рядом коротких вертикальных валиков с «точками» на концах, напоминающих бахрому. Возможно, эта «бахрома» действительно имитирует какую-то ткань. Иногда встречается деталь орнамента, похожая на крупную стрелу, направленную вниз. Почти каждый котел в каких-то деталях индивидуален, по-видимому, они делались в разных мастерских и отвечали вкусам конкретных заказчиков.

Гуннские котлы, вероятно, имели ритуальное назначение. Их нет в гуннских погребениях (но иногда их находят в погребениях, которые не относятся к гуннам)⁷²¹, они встречаются только в виде отдельных находок (исключение — погребение Кызыл-Адыр в уральской пещере), изредка — в паре с небольшим котелком. Какие именно обряды отправляли гунны с помощью этих котлов, совершенно неясно; во всяком случае, исследователи полагают, что в них варили жертвенное мясо. В. А. Гаряинов, нашедший котел на Урале, считал, что, судя по характеру окислов меди на стенках, в нем находилось мясо и кости.

По картам находок котлов можно легко проследить основные этапы бурной истории сюнну и гуннов — от Северного Китая до Среднего Подунавья⁷²². Отдельные находки хорошо показывают и возвратное движение гуннов на Восток — один поздний экземпляр был обнаружен в Западном Китае.

Котлы европейских гуннов — практически единственная категория находок, явно показывающая их родство с сюнну. Недавно проведенное специальное исследование еще раз

подтвердило, что они не имеют ничего общего с сарматскими котлами⁷²³.

Все остальные свидетельства родства между гуннами и сюнну можно, скорее, отнести к косвенным — в основном это оружие и конская амуниция.

Наконечники стрел европейских гуннов весьма похожи на стрелы, бытовавшие в свое время у сюнну Забайкалья и других соседних регионов. Показательны и мечи из раскопок гуннов в севернопричерноморских степях. Некоторые из них — явно сарматские, другие, вероятно, происходят из Центральной Азии — похожие мечи были распространены в сюннускую эпоху⁷²⁴.

Гунны принесли в Европу седла новой жесткой конструкции — они имеют центральноазиатские происхождение и встречаются в могилах сюнну⁷²⁵. Авторитет победителей половины Европы — гуннов — был настолько велик, что многое связанное с их воинской культурой быстро завоевывало популярность у кавалеристов самых разных племен и народов.

Несколько туманен вопрос со сложносоставным луком с костяными накладками, родиной которого также была Центральная Азия. Его использовали и сюнну, и многие другие народы региона. Хотя в литературе и утвердилось его обозначение как лука «гуннского типа», в то же время очевидно, что в Европе он был известен еще сарматам. Но в целом принято мнение, что этот лук получил широкое распространение в степях Восточной Европы именно с приходом гуннов⁷²⁶.

И. Вернер и А. К. Амброз считали, что любимый гуннами «чешуйчатый» орнамент, который часто использовался при украшении седел, имеет восточные корни и, вероятно, имитирует перья птиц⁷²⁷.

Еще одно свидетельство — пластинчатые пояса, на которые подвешивался меч. Их отличительная черта — множество узких прямоугольных накладок, густым рядом крепившихся на кожаную основу. Эти пояса издревле бытовали в Средней Азии и Южной Сибири — и в догуннское, и в постгуннское время. Есть они и в памятниках Жетыясарской культуры в Приаралье, где также находят и керамические модели сюннуских котлов (догуннского времени). В европейских сарматских древностях таких поясов нет — вероятно, это гунны

принесли их в Европу. Пластинчатые пояса изредка находят в гуннских погребениях Южной России и западнее, вплоть до Шотландии⁷²⁸.

Все это если и не говорит о безусловном родстве гуннов и сюнну, во всяком случае, свидетельствует, что гунны были пришельцами из Центральной Азии. Ученые надеются, что вопрос о предках гуннов в ближайшее время помогут разрешить генетики.

Держава гуннов и ее соседи глазами археологов

Самая высокая концентрация гуннских памятников (напомним, что «памятником» археологи называют любой археологический объект) наблюдается в Северном Причерноморье и на Среднем и Нижнем Подунавье⁷²⁹.

В Подунавье в первой половине V века главными местами расселения гуннов стали Южная Румыния (на Правобережье Нижнего Дуная) и Среднедунайская низменность (по обе стороны Среднего Дуная). Эти два района разделены южным отрогом Карпат, и не случайно в этой горной перемычке нет гуннских погребений.

Среднедунайская низменность — прекрасные земли между предгорьями Альп на западе и Карпатами на востоке. Она разделяется примерно на две равные части Дунаем, протекающим здесь с севера на юг. Восточнее Дуная пролегает русло его притока Тисы. Междуречье этих рек, вероятно, и стало первым местом Среднего Подунавья, где гунны появились и укрепились уже в конце IV века, вскоре после битвы при Адрианополе. К западу от Дуная находилась Паннония. Вдоль реки тянулся Дунайский лимес — так называлась укрепленная граница с прилегающей территорией.

Осваивая междуречье Тисы и Дуная и окрестности (Большую Венгерскую равнину), гунны оказались на землях, которые еще раньше были освоены другими пришельцами с востока — сарматами (речь идет, конечно, не о тех сарматах, которых гунны вытеснили из Северного Причерноморья, а об их сородичах, которые пришли сюда еще в 20-х годах н. э.⁷³⁰) Археологами в низовьях Тисы отмечается своего рода черес-

полосица гуннских и сарматских (уже гуннского времени) захоронений. Это говорит о том, что какая-то часть сарматов осталась на своих землях, уживаясь с гуннами⁷³¹. Здесь, в низовьях Тисы, в районе венгерских городов Чонград и Сегед, предполагают нахождение ставки Аттилы — но только гипотетически, по высокой концентрации гуннских находок. В то же время с гуннами, вероятно, пришли в эти края и «новые сарматы» или какие-то народы из Предкавказья, «увлеченные» гуннами в свое движение на запад. На такие мысли археологов наводит некрополь, раскопанный у того же города Чонград⁷³².

Гунны, прорвавшись в эти края, оказались преимущественно в германском варварском окружении — севернее и восточнее обитали маркоманы, квады, вандалы, вестготы. Охрану Дунайского лимеса на западе во многом обеспечивали германцы же, новые федераты Рима, — готские племена Алатея и Сафрака (в союзе с аланами), поселившиеся здесь после Адрианополя. Возможно, это их погребения обнаружены в районе венгерского города Чаквар⁷³³. Но вскоре после появления в междуречье Тисы и Дуная (или в начале V века) гунны все же согнали со своих земель часть сарматов и германцев, что предположительно подтверждается и археологами. По крайней мере, в некоторых районах междуречья в гуннское время сарматские памятники исчезают⁷³⁴.

О гуннском присутствии в Паннонии свидетельствуют их богатые погребения, условно называемые «княжескими», находки котлов и других характерных вещей. Но часть паннонских римских укреплений (например, Фенекпуста у озера Балатон) благополучно просуществовали всю гуннскую эпоху. А разнообразные ремесла даже переживают в это время расцвет⁷³⁵. Завоевание Паннонии гуннами отнюдь не означало уничтожения римской цивилизации даже в той ее части, которая находилась под полным контролем варваров, — они стремились лишь подчинить себе местных жителей и управлять ими.

Второй регион Подунавья, где обосновались гунны, — Южная Румыния в низовьях Дуная, между его руслом и южными склонами Карпат на правобережной равнине. До гуннов это была зона обитания германских племен, оставивших памятники черняховской культуры, — здесь располагался крайний

юго-западный «язык» их ареала, а западнее черняховцев находился единственный правобережный район римской имперской территории⁷³⁶. Гунны заняли эти края: «подвинули» на север черняховцев и вынудили римлян эвакуироваться за реку — «оптимизировать» границу по Дунаю. Из этих мест происходят яркие гуннские находки: котлы, диадемы, известны и несколько погребений.

В гуннское время черняховцы остались севернее и северо-восточнее Дуная, в лесостепи и в Прикарпатье — в основном на севере Бессарабии (в пределах современных Румынии и Молдавии). Горы и леса были неинтересны гуннам, хотя отдельные предметы их культуры, наряду с черняховскими памятниками, находят и там⁷³⁷. Из этих мест происходит знаменитое «вождеское» погребение в Концештах, расположенное на Среднем Пруте, вне основного ареала гуннских дунайских древностей. Очень дорогие римские и варварские вещи из этого погребения могли принадлежать как гунну, так и германцу. Хотя, скорее всего, владельцем их был именно германец, поскольку гуннами эти места не изобиловали⁷³⁸.

К северо-востоку от Подунавья находилась восточная часть области черняховцев, в основном занимающая бассейн Среднего и Нижнего Днепра, — лесостепь и прилегающие с юга степи Причерноморья⁷³⁹. Приход гуннов означал начало конца черняховцев в этом регионе, количество их памятников сокращается. Но когда именно происходит окончательное угасание жизни многих черняховских поселков — не очень ясно. М. Б. Шукин определял этот рубеж приблизительно первыми десятилетиями V века⁷⁴⁰. Но отдельные «островки» германцев-черняховцев, вероятно, сохранились и к концу гуннского времени⁷⁴¹.

Присутствие же самих гуннов в днепровской лесостепи археологически мало заметно: изредка находят их наконечники стрел, другие вещи «степного» облика, найден один котел⁷⁴². Обнаружены археологами и следы алан — вероятно, союзников гуннов, которые кое-где продвинулись в это время в лесостепь⁷⁴³.

Здесь же известны несколько воинских погребений с мечами и другими вещами «интернациональной» гуннской моды, есть и случайные находки очень дорогих римско-византий-

ских вещей⁷⁴⁴. Определить этнос погребенных трудно — это может быть и гунн, и алан, и гот-черняховец. Ведь часть черняховцев приняла участие в походах гуннов и неизбежно «напиталась» их воинской культурой. Сложно уточнить и время таких погребений — они могут относиться и к зениту гуннского могущества, и к уже постаттиловскому времени. Во всяком случае, уже упомянутое нами богатейшее Суджанское погребение — вряд ли постгуннское, и оно свидетельствует, что гунны или их наместники не упускали из поля зрения Лесостепное Поднепровье и прочно контролировали его. Ведь даже если погребенный был германцем, такие огромные богатства могли оказаться в его руках только в том случае, если он был союзником или вассалом гуннской державы.

В гуннское время происходит усиление славян — племен киевской культуры, область которой в догуннское время как бы нависала над черняховцами с севера. В первой половине V века граница «киевлян» смещается к югу, в область черняховцев. Ослабление последних в борьбе с гуннами привело к усилению славян. Данная коллизия, вероятно, и отражена в источниках, повествующих о совместной борьбе антов и гуннов с остготами Атанариха⁷⁴⁵.

К востоку от Днепра лежит Лесостепное Подонье, здесь в гуннское время возникает множество поселений, жителей которых, вероятно, больше интересовало скотоводство, чем земледелие. Население их было пестрым, смешанным — вещи, постройки, погребения отражают славянские (киевская культура), германские (черняховские), причерноморские (крымские, северокавказские, придунайские) традиции. Найдены и остатки двух юрт, вероятно гуннских, — уникальная находка этой эпохи для всей Европы.

Особенно интересны поселки, открытые в Липецкой области у города Задонска, в местности под названием Острая Лука (на крутой излучине Дона). В них были развиты ремесла — обнаружены следы кузнечного, бронзолитейного, косторезного, гончарного дела. Здесь же ремонтировались или изготавливались кольчуги, костяные накладки на луки, роговые гребни из оленьих и лосиных рогов. Найдены и яркие погребения, одно из них — богатое женское, с золотыми укра-

шениями престижной «дунайской» или «понтийской» моды гуннского времени.

По-видимому, на Острой Луке гунны организовали своего рода опорный пункт: ремесленный, для снабжения кочевников необходимыми вещами, и военно-административный — в том числе для контроля торгового пути, идущего с юга на север. А жители поселков — разноплеменная публика из многих земель, славяне, германцы-черняховцы и другие — были переселены гуннской державой на Острую Луку либо добровольно, либо силой⁷⁴⁶.

Расположенный южнее античный Танаис, разрушенный еще в середине III века готским нашествием, при гуннах возродился и восстановил торговые функции. Сюда опять стали привозить вино — как и раньше, по большей части недорогое, гераклейское. Об этом говорит довольно однообразный состав танаисских амфор гуннского времени. Для более дорогих вин у окрестных гуннов-кочевников и у тогдашних жителей Танаиса, очевидно, были недостаточно изысканные вкусы⁷⁴⁷. Возможно, «гуннские танаиты», среди которых преобладали боспоряне и восточные германцы⁷⁴⁸, также были перемещены и поселены здесь гуннами принудительно или же приглашены добровольно восстановить торговый город.

Возобновилась не только торговля, но и еще один давний промысел Танаиса — рыболовство. Теперь здесь вновь ловили и отправляли рыбу «на экспорт». Археологи находят мощные слои рыбьих остатков, в том числе осетровых. Есть мнение, что промысел осетровых и сома в гуннское время привел даже к некоторому истощению рыбных ресурсов⁷⁴⁹.

Танаис был гуннским портом, перевалочным пунктом, куда товары приходили, чтобы отправиться далее — в степь и за ее пределы. Может быть, один из путей вел на север — к Острой Луке и далее на Оку, в область финской рязано-окской культуры⁷⁵⁰. Ее население в гуннское время переживает настоящий расцвет. В погребениях появляются вещи «заморской» работы, выделяется элитное воинское сословие⁷⁵¹.

Вероятно, гунны оказались неплохими администраторами. Возродив Танаис, они наладили и поддерживали пути дальней караванной торговли, связали ряд далеких, мало сообщавшихся друг с другом земель.

Интересно, что по данным антропологии в некрополе Танаиса гуннского времени (впервые для этого памятника) фиксируются погребенные монголоидной расы⁷⁵².

В Среднем Поволжье — в районе Самарской Луки и до Прикамья включительно — также происходили бурные этнические процессы, вызванные, очевидно, вторжением гуннов. В эти края в последний четверти IV века приходит с запада⁷⁵³ многочисленное население загадочной именьковской культуры. Именьковцы были оседло-земледельческим народом с довольно развитыми ремеслами. По-видимому, они были славянами, испытавшими влияние готов-черняховцев. Вероятно, они происходили от племен зарубинецкой культуры в Поднепровье⁷⁵⁴.

Из какого именно района пришли именьковцы на Среднюю Волгу — неясно и почему, спасаясь от каких врагов, они пустились в путь. Возможно, их исход с Запада — следствие борьбы Винитария с антами. Но вполне возможно, что будущие именьковцы пришли в Поволжье из района Днестра и что оттуда их вытеснило гуннское нашествие. Об этом, в частности, говорят характерные «длинные дома» на одном из именьковских памятников, сходные с днестровскими⁷⁵⁵. Так или иначе, приход массы именьковского населения «подозрительно» совпадает со временем появления гуннов в Восточной Европе.

Отношения с гуннами у пришельцев складывались по-разному. Например, два укрепленных поселения именьковцев в районе Самарской Луки — Лбищенское и Переволочское — погибли в результате военного нападения. Дело вряд ли обошлось без гуннов, так как здесь найдены характерные для них наконечники стрел⁷⁵⁶. Но в целом именьковцы как-то выстроили мирные отношения с гуннами, ибо именьковских памятников известны сотни и они надолго переживают время гуннов. В то же время Лбищенский погром и отдельные погребения гуннов в Поволжье, относимые к первой половине V века⁷⁵⁷, показывают, что гунны держали в этих местах некий «ограниченный контингент» воинов.

Можно предположить и то, что гунны сами переселили именьковцев в поволжскую лесостепь в рамках некой госу-

дарственной политики, как они переселили в донскую лесостепь ремесленников, основавших поселки Острой Луки.

В Крыму при гуннах больших изменений не произошло. Редкое гуннское население пришло на смену столь же редкому сарматскому — погребения и тех и других в степном Крыму очень редки. Херсонес, ставший главной опорой Рима на полуострове, был недоступен гуннам. Города Боспора — как Европейского, так и Азиатского — не испытали серьезных потрясений, в их жизни мало что изменилось. Погребения знатных боспорян говорят о том, что уровень их жизни остался примерно таким же, как и до гуннов⁷⁵⁸ (хотя и не таким роскошным, как до готского нашествия и последовавшего за ним упадка). Боспорская элита отлично приняла новую «гуннскую», или «дунайскую», моду на роскошный клуазоне — и в женских украшениях, и в оформлении оружия. В то же время боспорские женщины стали носить и модные «германо-дунайские» фибулы.

В Крыму богатые гуннские погребения и отдельные вещи обычно находят у крупных оседлых городских центров, в том числе боспорских⁷⁵⁹. Скорее всего, где-то здесь у гуннов был военно-административный центр, тем более что они нуждались в продуктах ремесел. Очевидно, что Боспор был подчинен гуннам, но форма и детали этой зависимости неизвестны.

Крымские «горные» аланы с приходом гуннов уходят к югу, в глубь гор — подальше от беспокойной гуннской степи. Аланские некрополи с приходом гуннов прекращают функционировать в предгорьях и примерно в начале V века появляются выше в горах⁷⁶⁰.

Крайним юго-восточным районом обитания гуннов было Ставрополье, где обнаружено несколько их богатых погребений — у Ставрополя и у Зеленокумска. Южнее, в Предкавказье и далее, гунны, вероятно, проникали только во время своего закавказского похода или походов. С северокавказскими аланами у гуннов были, судя по всему, союзнические отношения⁷⁶¹.

В Дагестане средневековые армянские авторы помещали «Царство гуннов». Главным действующим лицом в нем, по

мнению М. И. Артамонова и А. П. Новосельцева, было племя савир, пришедшее в Дагестан вместе с гуннами или вскоре после них⁷⁶². А. В. Гадло еще более определенно относил Дагестан к сфере политического влияния гуннов⁷⁶³. Л. Б. Гмыря в своей книге «Страна гуннов у Каспийских ворот» связывала историю появления «страны» с гуннским временем и племенами гуннского круга, в том числе с савирами. Словосочетание «страна гуннов» автор берет в кавычки, однако население царства именует гуннами без кавычек вплоть до VIII века⁷⁶⁴.

В рамках настоящей книги у нас нет возможности разбирать вопрос о савирах, об их возможных взаимоотношениях с гуннами и вообще об их наличии в Европе в гуннское время — всему этому посвящена большая специальная литература. Во всяком случае, последние работы на базе анализа письменных источников вызывают скептическое отношение к идее какого-либо гуннского присутствия в Дагестане⁷⁶⁵. «Царство гуннов» — явно более поздний термин, появившийся, когда слово «гунны» стало нарицательным, обозначающим варваров-кочевников «вообще».

Данные же археологии ясно говорят о том, что «степных» погребений, которые принято относить к европейским гуннам, в Дагестане нет. Последние раскопки грандиозного курганного некрополя Паласа-сырт (насчитывает несколько тысяч насыпей) в Южном Дагестане еще более ярко показали: культура местных кочевых и полукочевых племен и догуннского, и гуннского времени — сармато-аланская⁷⁶⁶. Хотя, конечно, предметы «универсальной» моды гуннского времени, например женского костюма, — в погребальных камерах-катакомбах встречаются⁷⁶⁷.

В целом данные археологии говорят о том, что гунны, как ни странно, отнюдь не стремились к разрушению и уничтожению других культур на подвластных им землях. Напротив, в ряде случаев заметны вполне разумные действия по созданию новых центров, налаживанию торговых связей. Но смерть Аттилы и последующий крах его державы положили конец этой деятельности. И теперь уже трудно судить, насколько удачным мог бы получиться гуннский государственный проект.

Поздние гунны

Согласно письменным источникам, основная масса гуннов ушла из Подунавья в конце 50-х — 60-х годах V века. В степях Северного Причерноморья гунны удержались несколько дольше, но и отсюда они были довольно быстро вытеснены новыми пришельцами с востока — кочевыми племенами оногуров и другими, возможно, протоболгарскими, тюркскими народами. Скорее всего, это произошло не позднее 470-х — 480-х годов.

Археологических памятников, относящихся к «постаттиловскому» времени, здесь известно немного. Очевидно, они существуют, но их трудно выделить из основной массы гуннских захоронений середины V века. Один такой памятник известен, например, в некрополе Новогригорьевки — это «могила VII». Здесь же есть и два более ранних захоронения. Очевидно, Новогригорьевский некрополь или поминальник был родовым, воинским, использовался на протяжении длительного времени.

Очень многочисленные богатые женские кочевнические погребения в причерноморских степях (Морской Чулек под Ростовом-на-Дону, Михаэльсфельд под Анапой и другие), датируемые второй половиной V — началом VI веков, скорее всего, уже не гуннские. Похороненные в них знатные кочевницы предпочитают самобытным гуннским женским украшениям, колтам и диадемам — дорогие изделия византийских мастеров: колье с кулонами, перстни и богато украшенные зернью и перегородчатой инкрустацией серьги⁷⁶⁸.

Наверное, уже к концу V века гунны отступают еще дальше: на северо-восток, в Среднее Поволжье. В Саратовской, Самарской областях и дальше, вплоть до Приуралья, открыто порядка десяти их погребений, по большей части курганных, с вещами несколько более поздними, чем в курганах Причерноморья, но выдержанными в традициях европейских гуннов. Поволжские гуннские древности датируются примерно концом V — серединой VI века (так называемый «шиповский» постгуннский горизонт), но эта датировка не очень четкая — неясно, как долго пробыли гунны в этих местах.

«Поволжские» гунны, возможно почувствовав себя здесь в относительной безопасности, стали чаще насыпать курганы. Для гуннских захоронений Центральной и Восточной Европы был больше характерен бескурганый, «тайный», способ захоронений. Даже в эпоху своих максимальных успехов гунны этому не изменили — на Среднем и Нижнем Дунае, кажется, до сих пор не известно ни одного гуннского кургана.

В Поволжье гунны были уже не так богаты, как раньше, в женских захоронениях встречаются совсем дешевые подделки под былую роскошь. В одном из курганов у города Покровск (современный Энгельс) найдены остатки налобной кожаной повязки со следами позолоты — она заменяла ее владелице диадему. Повязку украшали стеклянные бусы. В другом кургане, у станции Шипово (к востоку от основной группы поволжских позднегуннских курганов), найдена бронзовая диадема, обтянутая тонким золоченым листом, украшающие ее вставки — тоже не гранатовые, а из цветного стекла⁷⁶⁹. Однако традиционные богатые гуннские украшения, оружие, вероятно привезенные еще с Запада, — в погребениях также встречаются.

У Шипова раскопаны два позднегуннских кургана, соприкасавшиеся насыпями; в одном похоронен мужчина-воин, в другом — женщина. Возможно, они были близкими родственниками — судя по вещам, погребения совершены примерно в одно время. Интересно, что мужчина был одет в роскошный шелковый малиновый кафтан с бронзовыми нашивными бляшками, обтянутыми золотой фольгой. Это еще раз показывает любовь гуннов не только к гранатам, но и вообще к красному цвету. В женском погребении, под диадемой, также найдены фрагменты шелка⁷⁷⁰.

Интереснейший позднегуннский памятник исследован уральскими археологами в лесостепных предгорьях Южного Урала в Оренбургской области в начале 90-х годов XX века. В курганном комплексе Солончанка I найдены типично гуннские «степные» вещи: золотые обкладки седел с чешуйчатым орнаментом, фрагмент широкой золотой, на бронзовой основе, пластины с зерненным декором и гранатовыми вставками, остатки двух деревянных лошадок (или ослов), обтянутых одна золотой, другая — серебряной фольгой (похожие найдены в причерноморской Новогригорьевке и в гунн-

ских погребениях Крыма — Беляус, Усть-Альма). Поясные и сбруйные детали этого погребения позволяют датировать его немного более ранним временем, чем большинство поволжских⁷⁷¹. А. В. Комар на основе анализа вещей пришел к выводу, что, возможно, мы имеем доказательство быстрой миграции части гуннов после краха державы Аттилы с Запада на Восток: из Подунавья в Причерноморье, затем в Среднее Поволжье и на Южный Урал⁷⁷².

Пребывание европейских гуннов на Южном Урале подтверждается и пещерным погребением Кызыл-Адыр, где найдены гуннский котел позднего типа (вероятно, изготовленный где-то в Европе) и костяные накладки на лук, очень похожие на те, что обнаружены в Солончанке⁷⁷³.

Скорее всего, гунны шли из Европы в разное время, несколькими группами, которые, в свою очередь, дробились на этом гигантском маршруте. Часть гуннов могла осесть в Среднем Поволжье, другая — продолжить путь на восток, в Приуралье. Но и в Южном Приуралье эта часть гуннов если и задержалась, то ненадолго. Еще восточнее — в Северо-Казхстанских степях, в Прибалхашье, Приаралье и даже в Киргизии есть погребения (хотя в их атрибуции не все ясно), которые, возможно, оставлены гуннами при их «возвратном» движении на восток.

Одно из них — воинское погребение у озера Боровое в Прииртышье, где найден кинжал в ножнах, украшенных в полихромном стиле, с гранатовыми вставками, и другие изделия, декорированные в том же стиле. Время совершения погребения принято датировать концом V — первой половиной VI века, при том что некоторые вещи, вероятно, изготовлены раньше⁷⁷⁴. Шведская исследовательница Биргит Аррениус отмечала ранний, в рамках полихромного стиля, принцип обработки гранатов с озера Боровое⁷⁷⁵.

В захоронении из курганного некрополя близ аула Канатас у озера Балхаш найден пояс со множеством тонких серебряных пластинок-накладок — подобный тем, что встречаются в гуннских погребениях Европы. Кроме того, в Канаттасе на погребенной женщине нашли диадему в лучших традициях европейских гуннов — из бронзы и золота, украшенную зернью и гранатовыми вставками. Вернее, нашли часть диадемы — заметно, что один из ее краев неровно обрезан или обрублен,

при том что погребение не ограблено. Возможно, эта диадема была привезена из Европы отступившими гуннами, а потом разделена на части наследниками прежнего владельца⁷⁷⁶.

И Солончанка I, и погребение в Канаттасе принадлежат к многочисленной группе загадочных «курганов с усами»: от одного или нескольких курганов с каменным панцирем отходят, как правило на восток, два «уса» — длинные дугообразные каменные выкладки до нескольких сотен метров длиной. Такие курганы распространены в урало-казахстанских степях, в Европе их практически нет.

Раскопано курганов с «усами» уже немало, но, как выясняется, возводились они на протяжении многих столетий и не связаны с каким-либо одним народом или эпохой⁷⁷⁷. Интересно, что в приднепровской Новогригорьевке, где исследовано три гуннских поминальника, на плане раскопавшего их в 1884 году Д. Я. Самоквасова отмечен и курган, имеющий один длинный каменный «ус». Однако сам курган (точнее, венчающая «ус» каменная округлая выкладка) не содержал вообще никаких вещей, поэтому связывать его с гуннами безосновательно. Вопрос о том, какое отношение имели гунны к возведению курганов с «усами», пока остается загадкой⁷⁷⁸.

В степях и даже горах Центральной Азии (например, на Тянь-Шане) есть еще несколько ярких погребений, может быть принадлежащих мигрировавшим из Европы гуннам или их ближайшим потомкам. Но детальное рассмотрение всех свидетельств гуннского рассеяния не вписывается в рамки этой небольшой книги.

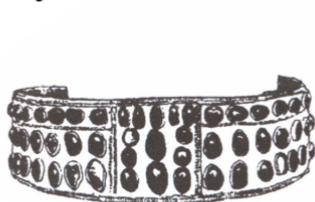
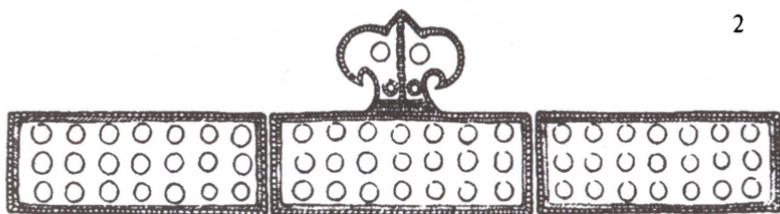
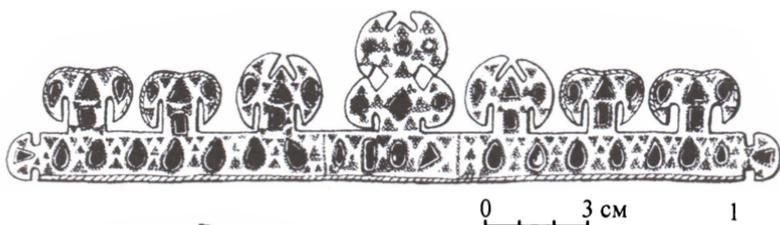
Отметим только одну важную и еще более восточную находку — гуннский котел, который был найден в Западном Китае, в Синьцзяне⁷⁷⁹ — том самом Западном крае, который за семь веков до того покоряли шаньюи сюнну. Этот котел с «грибовидными» выступами и рельефной «стрелой» на корпусе, судя по деталям оформления, сделан где-то в Подунавье.

Таким образом, есть некоторые основания полагать, что европейские гунны во второй половине V или в начале VI века достигли границ Западного Китая и вернулись туда, откуда ушли их предки — сюнну, разгромленные китайцами на рубеже I и II веков нашей эры.

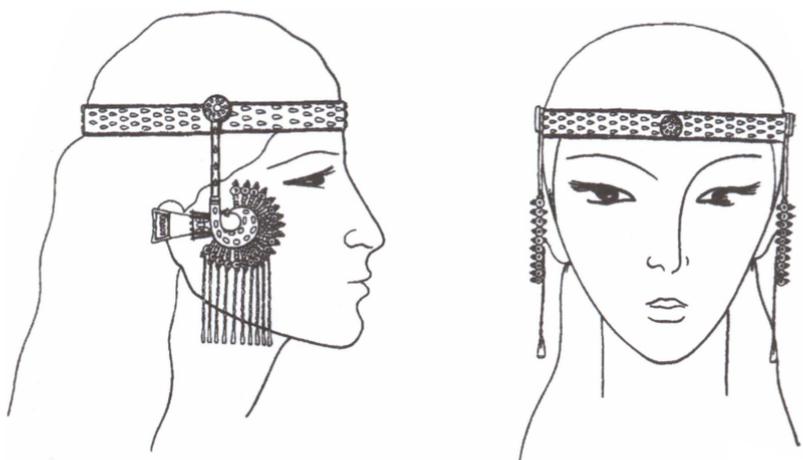
Возвращение гуннов из Европы могло быть длительным, а могло занять и считанные годы, ведь методы археологии не

позволяют предельно узко датировать все отмеченные выше памятники. Сам по себе такой путь преодолевается кочевниками достаточно быстро. Например, когда в XVIII веке европейские калмыки, не поладив с российскими властями, решились вернуться в далекую Джунгарию (в Северо-Западном Китае), это заняло у них всего один кочевой сезон.

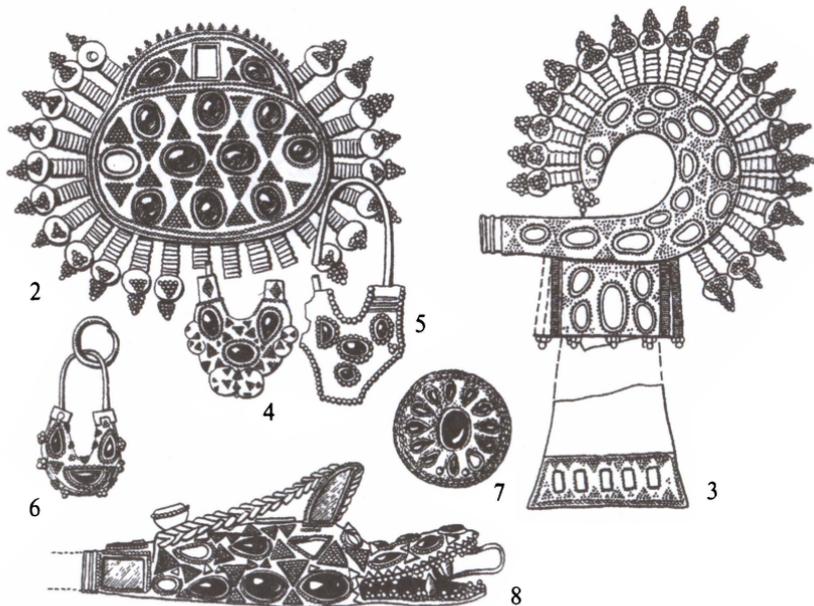
Все подробности, касающиеся времени и деталей путешествия гуннов на восток, могут быть только предположениями, которые вряд ли удастся когда-нибудь окончательно подтвердить. И остается лишь гадать, что же происходило с потомками народа Аттилы после их появления у границ Поднебесной. Но не исключено, что под именем одного из кочевых племен, отмечаемых китайскими источниками этой поры, скрываются вернувшиеся на историческую родину гунны.

Гунские женские диадемы:
 1–2 — Мелитополь (Юг России); 3 — Шипово (Приуралье);
 4–5 — Березовка (Среднее Поволжье)⁷⁸⁰

1

2

5

4

6

7

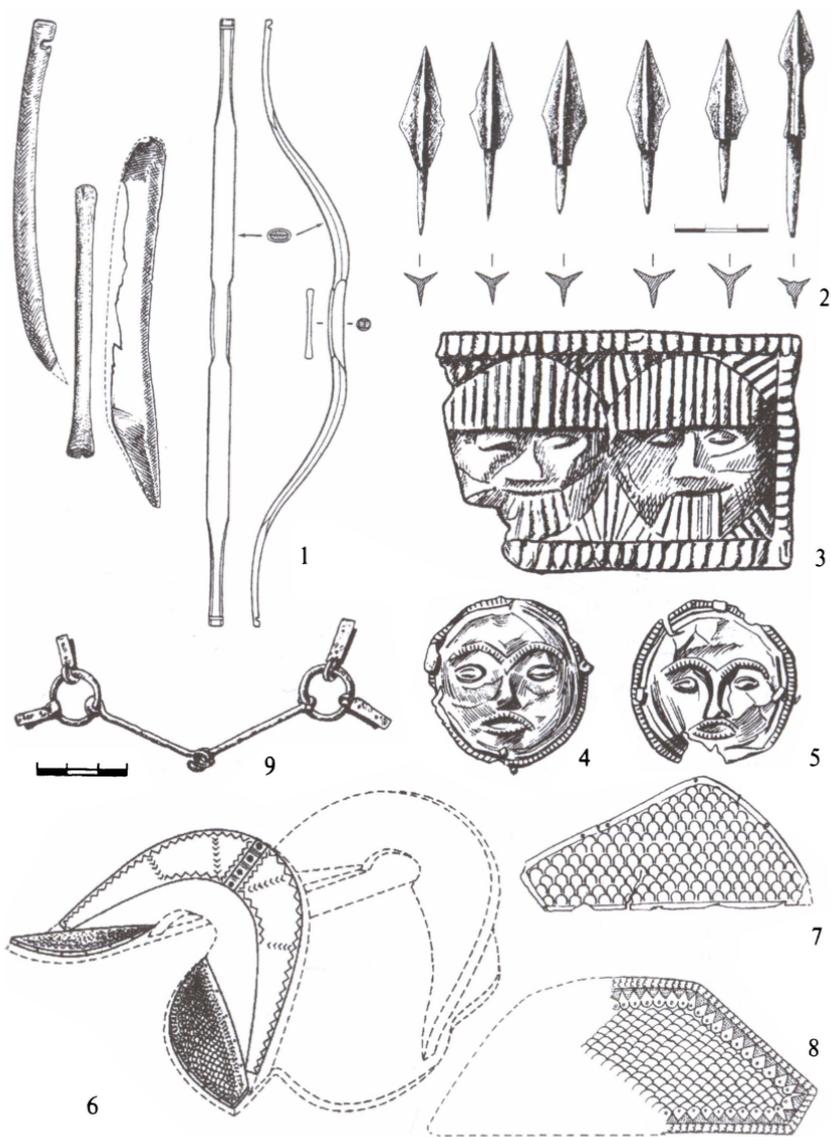
3

8

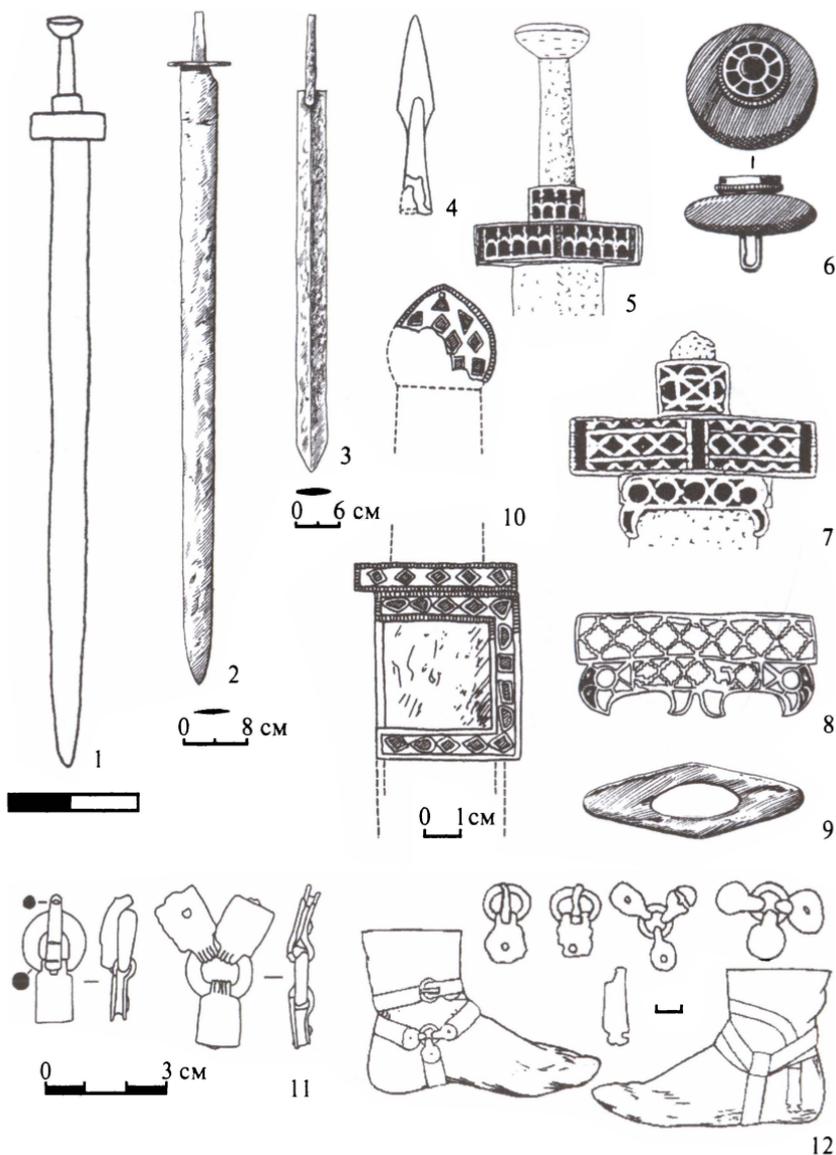
Гуннские женские украшения:

1 — реконструкция; 2 — колт; 3 — кулон; 4—6 — серьги;

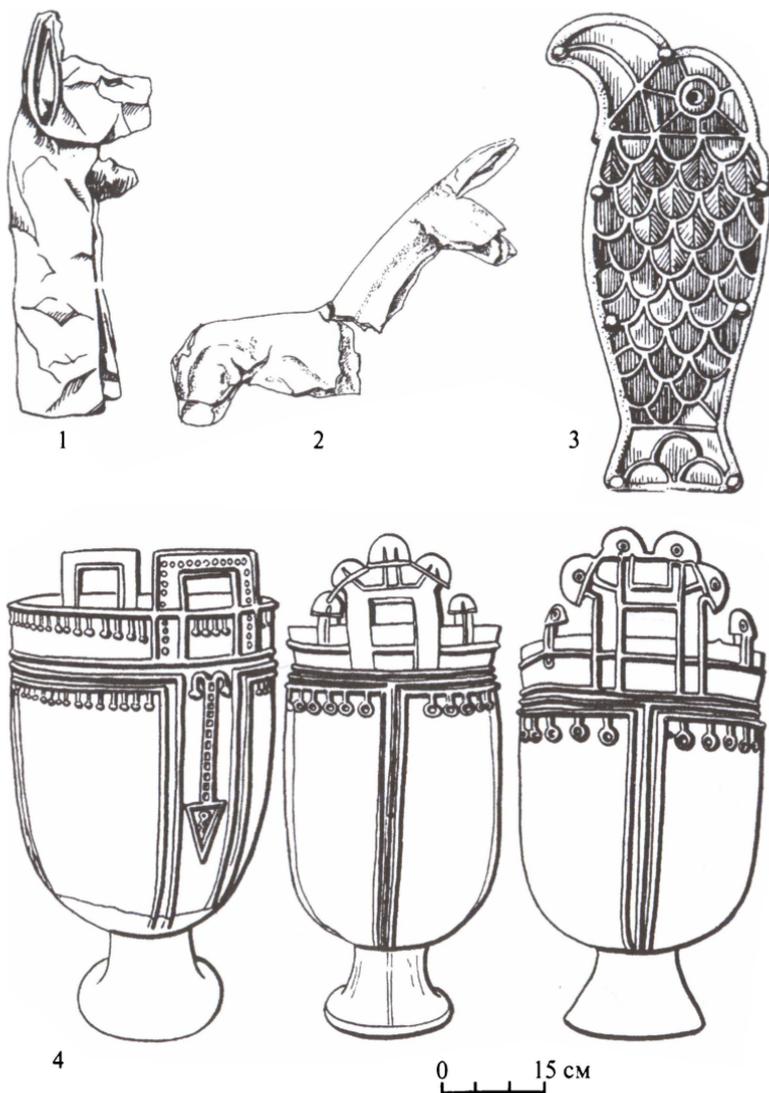
7 — брошь (?); 8 — наконечник гривны (?)⁷⁸¹

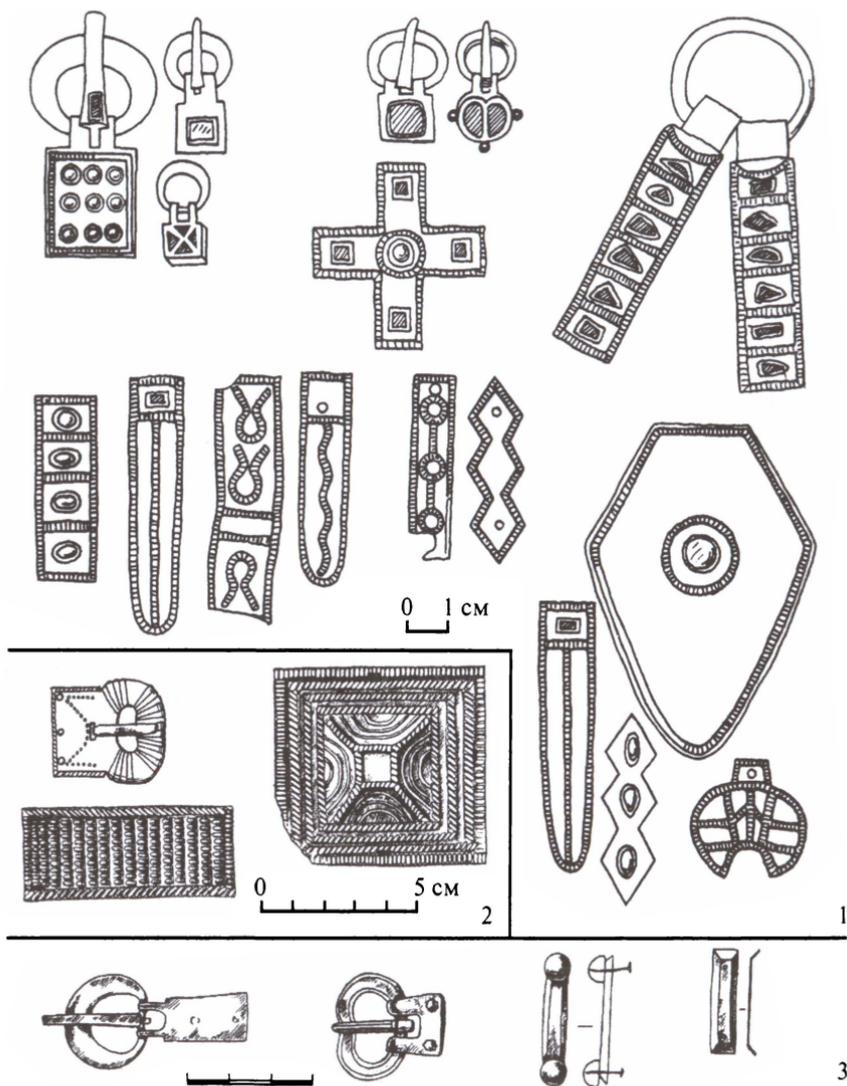
Гуннское оружие и конское снаряжение:
 1 — лук с накладками; 2 — наконечники стрел;
 3–5 — накладки на ремни сбруи — личины;
 6 — седло (реконструкция); 7–8 — седельные накладки; 9 — удила⁷⁸²

Оружие и обувь кочевников (V — первая половина VI века):
 1—3 — мечи; 4 — копье; 5 — верхняя часть меча; 6 — навершие меча;
 7, 9 — гарды; 8 — накладка на гарду; 10 — реконструкция кинжала
 с накладками; 11—12 — обувные детали и реконструкция обуви⁷⁸³

1–2 — гунские золотые обкладки деревянных лошадок;
 3 — гунская седельная (?) накладка в технике клуазоне;
 4 — гунские бронзовые котлы⁷⁸⁴

Поясная и сбруйная гарнитура (пряжки, накладки)
 кочевников гуннского времени Восточной Европы
 (Причерноморье, Поволжье, Приуралье)⁷⁸⁵

- ¹ Вероятно, имеется в виду Малая Скифия, расположенная к югу от устья Дуная.
- ² Вероятно, имеются в виду жители Мёзии, обитавшие между Дунаем и Балканами.
- ³ Пеония — обычно историческая область, очень приблизительно соответствующая современной Македонии, но иногда, как в данном случае, так могли называть Паннонию — историческую область и римскую провинцию на левом берегу Дуная, занимавшую территории современных Западной Венгрии, Восточной Австрии, Восточной Хорватии и частично Словении и Сербии.
- ⁴ Пророчества изложены по: *Атт. Марс.*, XXXI. 1. 2–5.
- ⁵ *Атт. Марс.*, XXXI. 2. 1, 2. 12, 3. 1
- ⁶ *Атт. Марс.*, XXXI. 3. 9.
- ⁷ *Атт. Марс.*, XXXI. 2. 1.
- ⁸ *Ивик О., Ключников В.* Сюнну, предки гуннов, создатели первой степной империи. — М., «Ломоносовъ», 2014.
- ⁹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 384, прим. 17.
- ¹⁰ *Сыма Цянь.* VII. С. 260.
- ¹¹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 327–328.
- ¹² *Бичурин.* Собрание сведений. I. С. 47, прим. 1.
- ¹³ *Сыма Цянь.* VIII. С. 331.
- ¹⁴ *Сыма Цянь.* VIII. С. 196–197.
- ¹⁵ *Сыма Цянь.* VIII. С. 333.
- ¹⁶ *Бичурин.* Собрание сведений. I. С. 56.
- ¹⁷ *Ивик, Ключников.* Сюнну С. 46.
- ¹⁸ *Сыма Цянь.* IX. С. 199; *Бань Гу.* 1973. С. 38.
- ¹⁹ *Бань Гу.* 1973. С. 117–121.
- ²⁰ О женах, детях и наследниках Хухань см.: *Бань Гу.* 1973. С. 43–45.

- ²¹ *Фань Е.* 1973. С. 71–73.
- ²² *Фань Е.* 1973. С. 74.
- ²³ Изложено по: *Фань Е.* 1973. С. 74–78.
- ²⁴ История посольства описана у *Фань Е.* 1973. С. 150–151, прим. 17.
- ²⁵ История северных сюнну изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 78–81.
- ²⁶ Кампании 89–91 гг. описаны по: *Фань Е.* 1973. С. 83–84.
- ²⁷ *Фань Е.* 1973. С. 98.
- ²⁸ *Фань Е.* 1973. С. 84–85.
- ²⁹ *Фань Е.* 1984. С. 71.
- ³⁰ *Фань Е.* 1973. С. 89.
- ³¹ *Кляшторный.* Степные империи. С. 37.
- ³² *Кляшторный.* Степные империи. С. 37; *Аристов.* Усуни. III. 1.
- ³³ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 259–260.
- ³⁴ *Материалы.* 1973. С. 6.
- ³⁵ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 166–167.
- ³⁶ *Никоноров, Худяков.* «Свистящие стрелы». С. 45–53.
- ³⁷ *Засецкая.* Культура кочевников. С. 152–153; *Никоноров, Худяков.* «Свистящие стрелы». С. 203.
- ³⁸ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 259.
- ³⁹ *Кляшторный.* Степные империи. С. 37–38.
- ⁴⁰ *Могильников.* Хунну Забайкалья. С. 272–273; *Мануйлов.* Сюнну. С. 46–47.
- ⁴¹ *Материалы.* 1990. С. 16–17.
- ⁴² *Бань Гу.* 2005. С. 402.
- ⁴³ *Вайнштейн.* Мир кочевников. С. 49–50.
- ⁴⁴ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 166–167.
- ⁴⁵ *Сыма Цянь.* VIII. С. 323.
- ⁴⁶ *Сыма Цянь.* VIII. С. 323.
- ⁴⁷ *Сыма Цянь.* VIII. С. 336–337.
- ⁴⁸ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 259.
- ⁴⁹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 330.
- ⁵⁰ *Миллер и др.* Погребальный комплекс сюнну. С. 55.
- ⁵¹ *Могильников.* Хунну Забайкалья. С. 261–262.
- ⁵² *Миняев.* К топографии. С. 24.
- ⁵³ «Царский» курган описан по: *Коновалов.* Усыпальница; *Миняев, Сахаровская.* Элитный комплекс; *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский.
- ⁵⁴ *Iord., Get.,* 258.
- ⁵⁵ История северных сюнну изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 78–81.
- ⁵⁶ *Фань Е.* 1973. С. 153.

- ⁵⁷ Фань Е. 1973. С. 84.
- ⁵⁸ Фань Е. 1973. С. 98; Юй Тайшан. Исследование.
- ⁵⁹ Обзор мнений см.: Юй Тайшан. Исследование.
- ⁶⁰ Миняев. Сюнну. С. 124.
- ⁶¹ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 112–116.
- ⁶² Никоноров, Худяков. «Свистящие стрелы». С. 120–125.
- ⁶³ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 102–103.
- ⁶⁴ Вайнберг, Горбунова, Мошкова. Основные проблемы. С. 28–29; Заднепровский. Ранние кочевники. С. 86.
- ⁶⁵ Досымбаева. Усуньский археологический аспект. С. 545–548 и сл.
- ⁶⁶ Горелик. Защитное вооружение. С. 159; Кляшторный. Степные империи. С. 39.
- ⁶⁷ Маслов. О датировке изображений. С. 222–225.
- ⁶⁸ Никоноров, Худяков. «Свистящие стрелы». С. 148; Маслов. О датировке изображений. С. 226–229.
- ⁶⁹ Маслов. О датировке изображений; Симоненко. «Гунно-сарматы». С. 397.
- ⁷⁰ О котлах «гуннского типа» см.: Боковенко, Засецкая. Происхождение котлов.
- ⁷¹ Левина. Этнокультурная история. С. 6–8.
- ⁷² Левина. Памятники джетыясарской культуры. С. 61–62.
- ⁷³ Левина. Этнокультурная история. С. 189, 195. Рис. 65, 6, 8–9. Ил. 23.
- ⁷⁴ Мандельштам. К гуннской проблеме. С. 229–235; Засецкая. Культура кочевников. С. 107.
- ⁷⁵ Засецкая. Культура кочевников. С. 138.
- ⁷⁶ Бейсенов, Китов. Впускное погребение гуннского времени. С. 462 и сл.
- ⁷⁷ Засецкая. Культура кочевников. С. 33.
- ⁷⁸ Засецкая. Культура кочевников. С. 39. Рис. 4; 6.
- ⁷⁹ Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 129.
- ⁸⁰ Ptol., III. 5. 10.
- ⁸¹ Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 128.
- ⁸² Подробнее см.: Мошкова и др. Проблемы культурной атрибуции. С. 128.
- ⁸³ Подробнее см.: Буданова и др. Великое переселение. С. 182–183.
- ⁸⁴ Dion. Reg., 726 и сл., пер.: И. П. Цветков // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 186.

- ⁸⁵ *Илюшечкина Е. В.* Прим. 236 // Вестник древней истории. 2006. № 2. С. 240.
- ⁸⁶ Eust., ad Dionys. Per. 730.
- ⁸⁷ Dion. Per., 730.
- ⁸⁸ Подробнее см.: *Буданова и др.* Великое переселение. С. 181–182.
- ⁸⁹ *Гадло.* Этническая история. С. 31–32, 19.
- ⁹⁰ *Черниенко.* Гунны в Европе. С. 24; *Дёрфер.* О языке гуннов. С. 82.
- ⁹¹ *Гафуров.* Таджики. С. 255.
- ⁹² Iranica, ст. «Chionites».
- ⁹³ Amm. Marc., XVII. 5. 1.
- ⁹⁴ Amm. Marc., XVIII. 6. 22.
- ⁹⁵ Amm. Marc., XIX. 1. 7–8.
- ⁹⁶ *Боровкова.* Народы Средней Азии; *Гафуров.* Таджики. С. 257.
- ⁹⁷ Amm. Marc., XIX. 1. 10; 2. 1.
- ⁹⁸ Prisc., IV. 25.
- ⁹⁹ *Майтдинова.* Государство Кирпанд. С. 40.
- ¹⁰⁰ *Майтдинова.* Государство Кирпанд. С. 43.
- ¹⁰¹ *Гафуров.* Таджики. С. 253.
- ¹⁰² Ios. Styl., 9.
- ¹⁰³ Procop., Bell. Pers., I. 3. 1.
- ¹⁰⁴ *Гафуров.* Таджики. С. 260.
- ¹⁰⁵ Procop., Bell. Pers., I. 3. 1–7.
- ¹⁰⁶ *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. и прим.: Чекалова А. А. М., 1993. С. 460, прим. 23. О происхождении хионитов и эфталитов (которых Гафуров считает одной из ветвей хионитов) см. также: *Гафуров.* Таджики. С. 258–264.
- ¹⁰⁷ *Боровкова.* Народы Средней Азии. С. 40.
- ¹⁰⁸ Amm. Marc., XXXI. 2. 1.
- ¹⁰⁹ Claudian., In Rufin., I. 323–324.
- ¹¹⁰ Philostorg., IX. 17.
- ¹¹¹ Herodot., IV. 17.
- ¹¹² Philostorg., IX. 17.
- ¹¹³ Procop., Bell. Vand., I. 4. 24.
- ¹¹⁴ Procop., Bell. Goth., IV. 3. 5–11.
- ¹¹⁵ Procop., Bell. Goth., IV. 5. 1–12.
- ¹¹⁶ *Комар.* Кутригуры и утигуры. С. 169–170.
- ¹¹⁷ *Артамонов.* История хазар. С. 86–87.
- ¹¹⁸ Hieron., Ep. 72 (ч. 2, с. 290–291).
- ¹¹⁹ Agath., V. 11.

- ¹²⁰ Eun., Hist., 41.
- ¹²¹ *Σιμοῦς* — мн. число винит. падеж от *σιμος*. Слово *σιμος* традиционно переводится на русский язык двояко: курносый и плосконосый (см., например, словарь Дворецкого); однако существует мнение, что более точный перевод этого слова — плосконосый (см.: *Оленин*. Облик. С. 60).
- ¹²² Zos., IV. 20. 3 // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 800; оригинальный текст — там же.
- ¹²³ Herodot., V. 9. Перевод Ф. Г. Мищенко, по изданию: *Геродот*. История в девяти книгах. М., 1888. Том II, с. 4. Отметим, что в русском переводе Г. А. Стратановского слова о форме носа лошадей опущены.
- ¹²⁴ Iord., Get., 121–122.
- ¹²⁵ Isid., Hist., 29.
- ¹²⁶ *Боровкова*. Народы Средней Азии. С. 53–54.
- ¹²⁷ Об этой концепции см.: *Боровкова*. Народы Средней Азии. С. 54–55.
- ¹²⁸ *Артамонов*. История хазар. С. 42–43.
- ¹²⁹ Обзор мнений см.: *Черниченко*. Гунны в Европе. С. 11–12; *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 82–83.
- ¹³⁰ *Боталов*. Хунну и гунны; *Боталов*, *Гуцалов*. Гунно-сарматы; *Боталов*. Гунны и тюрки.
- ¹³¹ Критику см.: *Мошкова*. Археологические памятники; *Мошкова и др.* Проблемы культурной атрибуции; *Малашев*. Археологические памятники; *Симоненко*. «Гунно-сарматы»; *Скрипкин*. Проблема происхождения; *Яценко*. К дискуссии; *Любчанский*. Номады поздней древности; *Малашев*, *Мошкова*. Происхождение позднесарматской культуры; *Безуглов*. Позднесарматская культура. См. также: *Боталов*. О гуннах европейских. С. 45–50 и сл.
- ¹³² *Симоненко*. «Гунно-сарматы». С. 392.
- ¹³³ *Симоненко*. «Гунно-сарматы». С. 399.
- ¹³⁴ *Боровкова*. Народы Средней Азии. С. 61, 69, 72.
- ¹³⁵ Attm. Marc., XXXI. 2. 21.
- ¹³⁶ *Боровкова*. Народы Средней Азии. С. 69.
- ¹³⁷ *Пигулевская*. Сирийские источники. С. 241.
- ¹³⁸ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 155.
- ¹³⁹ *Гадло*. Этническая история. С. 15.
- ¹⁴⁰ Prisc., 8.

- ¹⁴¹ А. Ф. Фурасьев в своей прекрасной статье убедительно доказал, что «источники не дают оснований для уверенной этнической характеристики акациров» и что называть акациров, со слов Приска, восточной ветвью гуннов — «значит домысливать за автора» (*Фурасьев. Акациры. С. 187–188*).
- ¹⁴² *Гадло. Этническая история. С. 15–16; Amm. Marc., XXXI. 2. 5.*
- ¹⁴³ *Amm. Marc., XXXI. 2. 19.*
- ¹⁴⁴ *Дворецкий. Латинско-русский словарь. Ст. «Silvestris».*
- ¹⁴⁵ Пер.: С. D. Yonge, по интернет-версии: http://www.tertullian.org/fathers/ammianus_31_book31.htm.
- ¹⁴⁶ *Сергеев. Римская империя. С. 164.*
- ¹⁴⁷ О сакральности императорской власти см.: *Штаерман. Социальные основы религии. С. 171 и сл.*
- ¹⁴⁸ *Aur. Vict., Caes., III. 9, 12; XI. 2.*
- ¹⁴⁹ *Aur. Vict., Caes., XXXIX. 4.*
- ¹⁵⁰ *Amm. Marc., XXXI. 16. 8.*
- ¹⁵¹ *SNA, XVII.*
- ¹⁵² *Amm. Marc., XXIX. 6. 2.*
- ¹⁵³ Они же алеманы.
- ¹⁵⁴ *Amm. Marc., XXVI. 4. 5.*
- ¹⁵⁵ *Amm. Marc., XXX. 5. 13.*
- ¹⁵⁶ *Amm. Marc., XXX. 7. 4.*
- ¹⁵⁷ *Amm. Marc., XXVI. 6. 6.*
- ¹⁵⁸ *Aur. Vict., epit. Caes., 47.*
- ¹⁵⁹ *Iord., Get., 25.*
- ¹⁶⁰ *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 187, прим. 63.*
- ¹⁶¹ Марцеллин и многие древние и современные историки отождествляют гревтунгов с остготами, но в последнее время наметилась тенденция различать эти готские племена (*Безуглов. Аланы-танаиты. С. 81*). Поскольку настоящая книга посвящена гуннам, а не готам, авторы решили не заострять на этом внимание и следовать точке зрения Марцеллина, на которого они часто опираются и ссылаются.
- ¹⁶² *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 194, прим. 64.*
- ¹⁶³ *Iord., Get., 114 и Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 262, прим. 360.*
- ¹⁶⁴ О хронологии «Гетики» см.: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 373–374, прим. 828.*

- ¹⁶⁵ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 188, прим. 66; *Шукин*. Готский путь. С. 26.
- ¹⁶⁶ *Шукин*. Готский путь. С. 26.
- ¹⁶⁷ Подробнее о расселении остготов и вестготов см.: *Гудкова*. Грейтунги.
- ¹⁶⁸ *Гудименко*. Этнополитическая ситуация.
- ¹⁶⁹ *Буданова*. Готы. С. 84 и сл.
- ¹⁷⁰ *Шукин*. Готский путь. С. 135–139.
- ¹⁷¹ *Амм. Марс.*, XXXI. 3. 1.
- ¹⁷² *Iord., Get.*, 116–120 и *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 265–268, прим. 367, 370, 376.
- ¹⁷³ *Циркин*. Античные. С. 260.
- ¹⁷⁴ *Амм. Марс.*, XXXI. 2. 13.
- ¹⁷⁵ *Амм. Марс.*, XXXI. 2. 21.
- ¹⁷⁶ *Амм. Марс.*, XXII. 8. 42.
- ¹⁷⁷ *Амм. Марс.*, XXXI. 2. 12.
- ¹⁷⁸ *Амм. Марс.*, XXXI. 3. 1.
- ¹⁷⁹ *Амм. Марс.*, XXXI. 2. 13.
- ¹⁸⁰ Описание алан: *Амм. Марс.*, XXXI. 2. 17–25.
- ¹⁸¹ *Амм. Марс.*, XXXI. 3. 1.
- ¹⁸² *Айбабин*. Степь и Юго-Западный Крым.
- ¹⁸³ *Паромов*. Памятники ранневизантийской эпохи. С. 151.
- ¹⁸⁴ *Гайдукевич*. Боспорское царство. С. 462–464; *Анохин*. История Боспора. С. 175–178.
- ¹⁸⁵ *Const. Porph.*, De adm. imp., 53.
- ¹⁸⁶ *Болгов*. Закат. С. 26.
- ¹⁸⁷ *Амм. Марс.*, XXXII. 7. 10.
- ¹⁸⁸ История Дона, http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/Middle/Gunni.htm.
- ¹⁸⁹ *Сазанов, Иващенко*. К вопросу о датировках. С. 100; *Сазанов*. О хронологии. С. 58.
- ¹⁹⁰ *Olimp.*, 27.
- ¹⁹¹ Существует также мнение, что статуи, о которых идет речь, были найдены в царствование Констанция III, чье недолгое правление относится к 421 году (*Болгов Н. Н.* Прим. к 422 году // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010). Но авторам настоящей книги это представляется не слишком резонным, потому что к тому времени многочисленные варварские племена давно уже гуляли по всей территории Римской империи.
- ¹⁹² *Oros.*, VII. 33. 9.

- ¹⁹³ Oros., VII. 33. 16.
- ¹⁹⁴ Oros., VII. 41. 8.
- ¹⁹⁵ Амм. Марс., XXXI. 1. 1.
- ¹⁹⁶ Амм. Марс., XXXI. 2. 1–3. 2.
- ¹⁹⁷ Артамонов. История хазар. С. 44–45; Томпсон. Гунны. С. 38.
- ¹⁹⁸ Щукин. Готский путь. С. 229, 232–233.
- ¹⁹⁹ Болгов. Закат. С. 43.
- ²⁰⁰ Iord., Get., 123.
- ²⁰¹ Гадло. Этническая история. С. 12–13.
- ²⁰² Oros., VII. 33. 9.
- ²⁰³ Zos., IV. 20. 3.
- ²⁰⁴ Амм. Марс., XXXI. 3. 7.
- ²⁰⁵ Iord., Get., 127.
- ²⁰⁶ Просор., Bell. Goth., IV. 5. 4–10.
- ²⁰⁷ Aesch., Prom., 729–734; мифограф Аполлодор считает, что Ио пересекла Боспор Фракийский — современный Босфор (Apollo., II. 1. 3).
- ²⁰⁸ Гадло. Этническая история. С. 16–17.
- ²⁰⁹ Просор., Bell. Goth., IV. 5. 9.
- ²¹⁰ Iord., Get., 124.
- ²¹¹ Zos., IV. 20. 3.
- ²¹² Iord., Get., 124.
- ²¹³ Sozom., VI. 37.
- ²¹⁴ Обзор мнений см.: Буданова и др. Великое переселение. С. 186; Колтухов. Тузлинский район. С. 88.
- ²¹⁵ Strab., VII. 3. 18.
- ²¹⁶ Сазанов, Иващенко. К вопросу о датировках. С. 100; Сазанов. О хронологии. С. 58; Айбабин. Этническая история. С. 57.
- ²¹⁷ Айбабин. Этническая история. С. 73, 77.
- ²¹⁸ Айбабин. Этническая история. С. 78, 79.
- ²¹⁹ Храпунов. Администрация Боспора. С. 363–364; Яйленко. Гунно-болгары.
- ²¹⁰ Iord., Get., 125–127.
- ²²¹ Засецкая. Культура кочевников. С. 155–156.
- ²²² Щукин. К вопросу. С. 21; Гавритухин, Обломский. К реконструкции. С. 37; Ахмедов, Казанский. После Аттилы. С. 169.
- ²²³ Iord., Get., 129.
- ²²⁴ Амм. Марс., XXXI. 3. 2.
- ²²⁵ Iord., Get., 129–130.

- ²²⁶ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 323, прим. 613.
- ²²⁷ *Iord., Get.*, 199–200.
- ²²⁸ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 280, прим. 390; с. 323, прим. 613.
- ²²⁹ *Iord., Get.*, 59.
- ²³⁰ *Iord., Get.*, 246–248; *Шукин*. Готский путь, 230–231.
- ²³¹ *Шукин*. Готский путь, 230.
- ²³² *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 323–324, прим. 614.
- ²³³ *Iord., Get.*, 248–250.
- ²³⁴ *Iord., Get.*, 246.
- ²³⁵ *Iord., Get.*, 251; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 301, прим. 500.
- ²³⁶ Старшая Эдда. С. 384–394; с. 458, прим.; *Шукин*. Готский путь. С. 231.
- ²³⁷ Старшая Эдда. С. 384–394; с. 458, прим.
- ²³⁸ *Шукин*. Готский путь, 230.
- ²³⁹ *Amm. Marc.*, XXXI. 3. 3.
- ²⁴⁰ *Amm. Marc.*, XXVII. 5. 6.
- ²⁴¹ *Amm. Marc.*, XXXI. 3. 4–7.
- ²⁴² *Iord., Get.*, 134.
- ²⁴³ *Amm. Marc.*, XXXI. 3. 3.
- ²⁴⁴ *Iord., Get.*, 133.
- ²⁴⁵ *Socr. Schol.*, IV. 34–35.
- ²⁴⁶ *Iord., Get.*, 134–135.
- ²⁴⁷ *Oros.*, VIII. 33. 11.
- ²⁴⁸ *Amm. Marc.*, XXXI. 8. 4.
- ²⁴⁹ *Amm. Marc.*, XXXI. 8. 6.
- ²⁵⁰ *Amm. Marc.*, XXXI. 13.
- ²⁵¹ *Amm. Marc.*, XXXI. 15. 3–16. 7.
- ²⁵² *Засецкая*. Культура кочевников. С. 146.
- ²⁵³ *Marc. Com.*, 427 год.
- ²⁵⁴ *Iord., Get.*, 166.
- ²⁵⁵ О дате заселения гуннами Паннонии подробнее см.: Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010. Прим. Н. Н. Болгова к 427 году; *Томпсон*. Гунны. С. 42.
- ²⁵⁶ *Gračanin*. *The Huns*. P. 31–35, 47–48.
- ²⁵⁷ *Казанский*. Ранние погребения гуннов. С. 121.

- ²⁵⁸ Заметим, что А. К. Амброз отмечал эту же закономерность для ранних авар (Амброз. Хронология древностей. С. 85–86).
- ²⁵⁹ Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 90.
- ²⁶⁰ Philostorg., XI. 8.
- ²⁶¹ Marcian., Рег., 39.
- ²⁶² Засецкая. Культура кочевников. С. 144.
- ²⁶³ Казанский. Ранние погребения гуннов. С. 119–121.
- ²⁶⁴ Буданова и др. Великое переселение. С. 194.
- ²⁶⁵ Отто Менхен-Хельфен. С. 91.
- ²⁶⁶ Гадло. Этническая история. С. 18.
- ²⁶⁷ Philostorg., XI. 8, перевод В. В. Латышева, по изданию: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 3. С. 282.
- ²⁶⁸ Семенов. Место правителя. С. 243–249.
- ²⁶⁹ Aug. Vict., epit. Caes., XLVII. 3 и XLVIII. 5.
- ²⁷⁰ Гриценко. К вопросу о варваризации. С. 54–55.
- ²⁷¹ Pan. Lat. II, XXXII. 4–5, по изданию: Шабига И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.
- ²⁷² Zos., IV. 34. 5; Iord., Get., 142–145; Isid., Hist., 11.
- ²⁷³ Oros., VII. 7.
- ²⁷⁴ Цит. по: Щукин. Готский путь. С. 266.
- ²⁷⁵ Ambros., Ep. 24, 8 и прим. 132.
- ²⁷⁶ Zos., IV. 35.
- ²⁷⁷ Zos., IV. 34. 6.
- ²⁷⁸ Sines., De reg., 14.
- ²⁷⁹ http://www.epidemiolog.ru/all_of_epidemics/2003671.html.
- ²⁸⁰ Cod. Theod., XVI. 1. 2; по изданию: Церковные историки. С. 501, прим. 7.
- ²⁸¹ Isid., Hist., 29.
- ²⁸² Philostorg., XI. 8.
- ²⁸³ Засецкая. Культура кочевников. С. 143. Дату похода, предлагаемую Засецкой (398 год), можно принять в лучшем случае как дату его завершения. Подробнее об этом — ниже.
- ²⁸⁴ Claudian., In Rufin., II. 17–18, 22–25.
- ²⁸⁵ Ios. Styl., 9.
- ²⁸⁶ Chron. Edess., XL.
- ²⁸⁷ Hieron., Ep. 72 (ч. 2, с. 290).
- ²⁸⁸ Hieron., Ep. 56 (ч. 2, с. 159).

- ²⁸⁹ Philostorg., XI. 8. См. перевод В. В. Латышева, например, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 3. С. 282.
- ²⁹⁰ *Гадло.* Этническая история. С. 18.
- ²⁹¹ Hieron., Ер. 72 (ч. 2, с. 291).
- ²⁹² Hieron., Ер. 56 (ч. 2, с. 159).
- ²⁹³ Hieron., Ер. 72 (ч. 2, с. 291).
- ²⁹⁴ Описание похода дано по: Prisc., 8.
- ²⁹⁵ *Ельницкий Л. А.* Прим. 7 / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 245.
- ²⁹⁶ *Ельницкий Л. А.* Прим. 4 / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 254.
- ²⁹⁷ Описание похода дано по: Prisc., 8.
- ²⁹⁸ ЭСБЕ, том 2а. СПб., 1891, ст. «Бакинские огни».
- ²⁹⁹ О дате «персидского похода» см.: *Засецкая.* Культура кочевников. С. 143 (Засецкая отождествляет «восточный» поход гуннов с тем, который описан у Приска, хотя и датирует их оба 398 годом); *Ельницкий Л. А.* С. 257, прим. 3 / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4; *Гадло.* Этническая история. С. 49–50; *Семенов.* К реконструкции. С. 145–146; *Пигулевская.* Сирийские источники. С. 241.
- ³⁰⁰ Prisc., 8.
- ³⁰¹ Prisc., 8.
- ³⁰² Claudian., In Eutrop., I. 245–250.
- ³⁰³ Iord., Get., 125.
- ³⁰⁴ *Гадло.* Этническая история. С. 19–20.
- ³⁰⁵ Входит в летописный свод «Картлис цховреба» («Житие Грузии»).
- ³⁰⁶ Подробнее об этом см.: *Гадло.* Этническая история. С. 19–26.
- ³⁰⁷ Жизнь картлийских царей. С. 25–26.
- ³⁰⁸ *Семенов.* Сообщения Леонти Мровели. С. 7.
- ³⁰⁹ *Габуев.* Об ареале раннеаланской культуры.
- ³¹⁰ Claudian., In Rufin., II. 45–49.
- ³¹¹ Marc. Com., 395 год, 4–5; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 286, прим. 427, со ссылкой на: Iord., Rom., 319.
- ³¹² Socr. Schol., VI. 1.
- ³¹³ Chron. Gall. 452, 34.
- ³¹⁴ Zos., V. 7. 3–6.
- ³¹⁵ Philostorg., XI. 8; Sozom., VIII. 4.

- ³¹⁶ Zos., V. 22.
- ³¹⁷ Philostorg., XI. 8.
- ³¹⁸ Zos., V. 22. 3.
- ³¹⁹ Hieron., Ep. 107. Цит. и нумерация по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949, № 4. С. 229. В издании Киевской духовной академии это письмо имеет № 87, цитируемый фрагмент пропущен.
- ³²⁰ Claudian., In Rufin., II. 2–6.
- ³²¹ Отметим, что Олимпиодор (Olimp., 2) также разделял мнение, что Стилихон был назначен регентом при обоих наследниках.
- ³²² Isid., Hist., 14.
- ³²³ Oros., VII. 37. 4.
- ³²⁴ В русском издании книги Э. А. Томпсона «Гунны» сказано, что под предводительством Радагайса в Италию вторглись гунны, причем, «по словам напуганных современников, их было 400 тысяч» (с. 45–46). Это сообщение Томпсона — явное недоразумение (или, возможно, ошибка редактора или переводчика), поскольку и современники этого события, и раннесредневековые авторы достаточно единодушно считают Радагайса предводителем готов (Chron. Gall. 452, 50; Isid., Hist., 13–14 и пр.); согласны с ними и современные исследователи (см.: *Буданова*. Варварский мир. С. 59). Число 400 тысяч, вероятно, взято у Зосима, но тот пишет, что с Радагайсом шли «около четырехсот тысяч галлов и германцев» (Zos., V. 26. 3).
- ³²⁵ Isid., Hist., 13.
- ³²⁶ Zos., V. 26. 3.
- ³²⁷ Oros., VII. 37. 4.
- ³²⁸ *Буданова*. Варварский мир. С. 59.
- ³²⁹ Oros., VII. 12.
- ³³⁰ Chron. Gall. 452, 52.
- ³³¹ Marc. Com., 406 год, 3.
- ³³² Isid., Hist., 14.
- ³³³ Oros., VII. 37. 14.
- ³³⁴ Isid., Hist., 15, пер.: С. Железнов. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm.
- ³³⁵ *Буданова*. Варварский мир. С. 60–61.
- ³³⁶ Chron. Gall. 452, 55.
- ³³⁷ Chron. Gall. 452, 57.
- ³³⁸ Olimp., 3.

- ³³⁹ Sozom., XI. 5, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 3. С. 311.
- ³⁴⁰ Sozom., XI. 5, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 3. С. 311–312.
- ³⁴¹ Zos., V. 36. В переводе Н. Н. Болгова в этом месте допущена грубая ошибка. Там сказано, что Аларих пытался «получить Гауденция, сына Аэция, и Иовия, сына Ясона, в качестве заложников». У Аэция действительно был сын Гауденций, но он родился значительно позднее описываемых событий. В данном же случае, говоря о Гауденции, Зосим имеет в виду отца полководца — отца и сын Аэция носили одинаковые имена. Т. е. Аларих требовал в заложники Аэция, сына Гауденция. Аналогичная ошибка произошла и с Иовином. Аларих, естественно, требовал в заложники не крупнейшего сановника, префекта претория Иовия, а его сына Ясона. В буквальном переводе этот отрывок сообщает, что Аларих хотел взять в заложники «Аэция и Ясона; один сын Иовия, другой — Гауденция». Авторы благодарят преподавателя Центра библеистики и иудаики РГГУ Леонида Дрейера за консультацию по переводу этого отрывка.
- ³⁴² *Григорий Турский*, II. 8.
- ³⁴³ *Григорий Турский*, II. 8.
- ³⁴⁴ Zos., V. 37. 1.
- ³⁴⁵ Zos., V. 40. 4. Н. Н. Болгов переводит «их жизни», но в комментарии к этому месту отмечает, что буквально в тексте стоит «души» (ταῦ ψυχᾶς).
- ³⁴⁶ Hieron., Ep. 122. Цит. и нумерация по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949, № 4. С. 229. В издании Киевской духовной академии это письмо имеет № 99, перевод неточен.
- ³⁴⁷ Zos., V. 45. 6.
- ³⁴⁸ Zos., V. 48–50.
- ³⁴⁹ Zos., VI.
- ³⁵⁰ *Скржинская.* «История» Олимпиодора. С. 253, прим. 87.
- ³⁵¹ Olimp., 18.
- ³⁵² *Скржинская.* «История» Олимпиодора. С. 239.
- ³⁵³ *Скржинская.* «История» Олимпиодора. С. 253, прим. 87. И. П. Засецкая считает, что посольство Олимпиодора посети-

- ло ставку гуннского вождя в степях Северного Причерноморья, добравшись туда по Черному морю (*Засецкая*. Культура кочевников. С. 145). Но почему именно по Черному и откуда видно, что морским путешествием дело и ограничилось, исследовательница не разъясняет.
- ³⁵⁴ *Скржинская*. «История» Олимпиодора. С. 253, прим. 87.
- ³⁵⁵ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 145; *Томпсон*. Гунны. С. 52. Засецкая считает, что Харатон (Чарато) был сыном Доната, но на чем основано это убеждение — не вполне понятно.
- ³⁵⁶ Marc. Com., 422 год, 3.
- ³⁵⁷ Theod. Sug., V. 37 и прим. к слову «Роил»; *Болгов Н. Н.* Прим. к 422 году // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010.
- ³⁵⁸ Chron. Gall. 452, 116; Prisc., 1.
- ³⁵⁹ Prisc., 1.
- ³⁶⁰ Э. А. Томпсон утверждает, что рассказ о гибели Руа и его войска по воле Господа изложен также у Иоанна Никийского (иначе Никитусского; *Томпсон*. Гунны. С. 93) но на чем основано это предположение, не вполне понятно. Единственное известное произведение Иоанна, «Хроника», написанная в VII веке, действительно повествует о двух необыкновенных грозах, когда огонь, волею Господа, падал с небес на землю — но падал он не на гуннское войско, а непосредственно на Константинополь. Да и случилось это уже в правление императора Льва I (Ioan. Nikiu., 88, 1–3; Лев I правил в 457–474 гг.), т. е. значительно позднее, чем гуннский вождь, будь он Роил или Ругас, мог угрожать восточной столице.
- ³⁶¹ Prisc., 8.
- ³⁶² *Томпсон*. Гунны. С. 48; *Шукин*. Готский путь. С. 287.
- ³⁶³ *Габуев*. Об ареале раннеаланской культуры.
- ³⁶⁴ *Григорий Турский*. II. 8.
- ³⁶⁵ Philostorg., XII. 13–14 (в русском переводе 2007 г. §14 отсутствует, использован по английскому изданию: Epitome of the Ecclesiastical History of Philostorgius. Translated by Edward Walford. London, 1855; интернет-версия: <http://www.tertullian.org/fathers/philostorgius.htm>); Prosp. Tir., 1288; Procop., Bell. Vand., I. 3. 8–9.
- ³⁶⁶ Socr. Schol., VII. 43; Иезекииль 38:22.
- ³⁶⁷ Marc. Com., 427 год, 1.
- ³⁶⁸ *Менхен-Хельфен*. История и культура гуннов. С. 100.
- ³⁶⁹ Prisc., 7.
- ³⁷⁰ *Томпсон*. Гунны. С. 83; *Шукин*. Готский путь. С. 284.

- ³⁷¹ Prosp. Tir., 1310.
³⁷² Socr. Schol., VII. 30.
³⁷³ Prosp. Tir., 1322.
³⁷⁴ Prosp. Tir., 1310.
³⁷⁵ Chron. Gall. 452, 112.
³⁷⁶ Chron. Gall. 452, 116.
³⁷⁷ Prisc., 1.
³⁷⁸ Здесь и далее события излагаются по: Prisc., 1.
³⁷⁹ Prisc., 1.
³⁸⁰ Iord., Get., 180.
³⁸¹ Томпсон. Гунны. С. 82.
³⁸² Вернадский. Древняя Русь. С. 154.
³⁸³ Prisc., 8.
³⁸⁴ Chron. Gall. 452, 116 и 131.
³⁸⁵ Iord., Get., 181.
³⁸⁶ Prisc., 1.
³⁸⁷ Prisc., 1, по изданию: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 245 и прим. 4 там же; см. также: Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского. С. 19, прим. 3.
³⁸⁸ Здесь и далее события излагаются по: Prisc., 1.
³⁸⁹ Prisc., 1, по изданию: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 245–246. Соросги больше нигде не упоминаются; попытки отождествить их с сарагурами или савирами, по-видимому, безосновательны.
³⁹⁰ Prisc., 1.
³⁹¹ Prisc., 8; Suidas, ст. «Zerkon».
³⁹² Песнь о Нибелунгах, 1346.
³⁹³ Песнь о Нибелунгах, 1373.
³⁹⁴ Песнь о Нибелунгах, 1926–1927.
³⁹⁵ Prosp. Tir., 1353; Marc. Com., 445 год, 1; Chron. Gall. 452, 131.
³⁹⁶ Гуго из Флавины.
³⁹⁷ Prosp. Tir., 1322; Мелькские анналы, 434 год.
³⁹⁸ Томпсон. Гунны. С. 84; Шукин. Готский путь. С. 291.
³⁹⁹ Socr. Schol., VII. 30.
⁴⁰⁰ Томпсон. Гунны. С. 84–85.
⁴⁰¹ Сага о Волсунгах, 37–39.
⁴⁰² Песнь о Нибелунгах, 1497.
⁴⁰³ Песнь о Нибелунгах, 1523.

- ⁴⁰⁴ Prosp. Tir., 1335.
- ⁴⁰⁵ Isid., Hist., 24.
- ⁴⁰⁶ Apollin. Sidon., Carm. VII, 246 и след.
- ⁴⁰⁷ *Ешевский*. Аполлинарий Сидоний. С. 159.
- ⁴⁰⁸ Prosp. Tir., 1324; Paul. Diac., Hist. Rom., XIII. 12. Модий — 8,74 л.
- ⁴⁰⁹ Paul. Diac., Hist. Rom., XIII. 12.
- ⁴¹⁰ Iord., Get., 176–177.
- ⁴¹¹ Paul. Diac., Hist. Rom., XIII. 13; см. также Isid., Hist. Goth., 24.
- ⁴¹² Prosp. Tir., 1335.
- ⁴¹³ Iord., Get., 178.
- ⁴¹⁴ Текст Приска дошел до нас в отрывках, которые не всегда можно однозначно расположить в хронологическом порядке и датировка которых тоже не однозначна. Датировка походов Аттилы в промежутке между 441 и 447 годом у других хронистов тоже разнится. В результате разные исследователи видят хронологию походов Аттилы по-разному, как по-разному видится и последовательность взятия некоторых городов и крепостей Восточной империи (подробнее см., например: *Менхен-Хельфен*. История и культура гуннов. С. 135 и сл.). Авторы настоящей книги не стали фиксировать внимание читателя на разногласиях такого рода. При этом наша датировка и последовательность отдельных событий могут отличаться от той, которая приводится у других авторов.
- ⁴¹⁵ Prisc., 2; пер. В. В. Латышева, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 245–246; пер. С. Дестуниса и прим. 10 на с. 22.
- ⁴¹⁶ Prisc., 2.
- ⁴¹⁷ Marc. Com., 441 год, 3.
- ⁴¹⁸ *Томпсон*. Гунны. С. 102; Prisc., 8.
- ⁴¹⁹ *Фиц*. Римская Паннония. С. 273.
- ⁴²⁰ Prisc., 8.
- ⁴²¹ Prisc., 3.
- ⁴²² Prisc., 8.
- ⁴²³ Prisc., 1b, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 246.
- ⁴²⁴ Prisc., 8. Приск пишет, что Наисс был разорен «скифами» (1b). Этим словом он обыкновенно называет гуннов. В данном случае иные толкования исключены, потому что Аттила упоминает Наисс «как город им разоренный» (Prisc., 7).
- ⁴²⁵ Marc. Com., 442 год, 2.

- ⁴²⁶ Prosp. Tir., 1346; Isid., Hist. Vand., 76.
⁴²⁷ Корсунский, Гюнтер. Упадок. С. 74, 75.
⁴²⁸ Chron. Gall. 452, 130.
⁴²⁹ Prisc., 4.
⁴³⁰ Prosp. Tir., 1353; Marc. Com., 445 год, 1; Chron. Gall. 452, 131.
⁴³¹ Томпсон. Гунны. С. 110.
⁴³² Prisc., 8.
⁴³³ Из чего следует, что Э. А. Томпсон, относящий войну с акацирами к 448 году (Томпсон. Гунны. С. 97), безусловно ошибается.
⁴³⁴ Prisc., 8.
⁴³⁵ Iord., Rom., 331.
⁴³⁶ Chron. Gall. 452, 132.
⁴³⁷ Феофан Исповедник. С. 81.
⁴³⁸ Chron. Gall. 452, 132.
⁴³⁹ Iord., Rom., 331; Marc. Com., 445 год, 5.
⁴⁴⁰ Томпсон. Гунны. С. 112–114.
⁴⁴¹ Evagr. Schol., I. 17.
⁴⁴² Несторий, Р. 366–368.
⁴⁴³ Prisc., 5.
⁴⁴⁴ Просоп., de Aed., IV. 3. 20–22.
⁴⁴⁵ Marc. Com., 447 год, 4.
⁴⁴⁶ Феофан Исповедник. С. 81.
⁴⁴⁷ Prisc., 5.
⁴⁴⁸ Prisc., 7.
⁴⁴⁹ На несоответствие этих жалоб ничтожности выплачиваемых сумм обратила внимание Е. Н. Нечаева (см.: Нечаева. Дипломатические отношения).
⁴⁵⁰ Olimp., 44.
⁴⁵¹ Феофан Исповедник. С. 81.
⁴⁵² Prisc., 5.
⁴⁵³ Prisc., 5.
⁴⁵⁴ Prisc., 6.
⁴⁵⁵ Описание посольств 448 года дано по: Prisc., 7, 8.
⁴⁵⁶ Prisc., 8.
⁴⁵⁷ Томпсон. Гунны. С. 125–126.
⁴⁵⁸ Отсюда и ниже события излагаются по: Prisc., 8.
⁴⁵⁹ Иштванович, Кульчар. «Вождеские» погребения. С. 255–256.
⁴⁶⁰ Prisc., 8.
⁴⁶¹ Prisc., 9.
⁴⁶² Prisc., 10.

- ⁴⁶³ Prisc., 11.
- ⁴⁶⁴ Suet., Aug., 51. 5 и 21. 2.
- ⁴⁶⁵ Aug. Vict., Caes., 13. 8.
- ⁴⁶⁶ *Буданова*. Варварский мир. С. 66–67.
- ⁴⁶⁷ *Томпсон*. Гунны. С. 96.
- ⁴⁶⁸ Prisc., 8.
- ⁴⁶⁹ Iord., Get., 182–183.
- ⁴⁷⁰ Suidas, ст. «Μεδιόλανον».
- ⁴⁷¹ Iord., Get., 178.
- ⁴⁷² Iord., Get., 196.
- ⁴⁷³ Iord., Get., 182 и прим. Е. Ч. Скржинской к этому месту.
- ⁴⁷⁴ Prisc., 8.
- ⁴⁷⁵ Prisc., 8–10.
- ⁴⁷⁶ Отсюда и ниже Аттила и его двор описаны по: Prisc., 8.
- ⁴⁷⁷ Iord., Get., 259.
- ⁴⁷⁸ Prisc., 8.
- ⁴⁷⁹ Iord., Get., 262.
- ⁴⁸⁰ Prisc., 8.
- ⁴⁸¹ Prisc., 8.
- ⁴⁸² Claudian., In Rufin., I. 323–328.
- ⁴⁸³ Amm. Marc., XXXI. 2. 11.
- ⁴⁸⁴ Prisc., 8.
- ⁴⁸⁵ Amm. Marc., XXXI. 2. 2–3.
- ⁴⁸⁶ Iord., Get., 182–183.
- ⁴⁸⁷ Iord., Get., 255.
- ⁴⁸⁸ *Менхен-Хельфен*. История и культура гуннов. С. 27.
- ⁴⁸⁹ Amm. Marc., XXXI. 2. 2.
- ⁴⁹⁰ Iord., Get., 128.
- ⁴⁹¹ Amm. Marc., XXXI. 2. 3.
- ⁴⁹² Isid., Hist., 29.
- ⁴⁹³ Prisc., 8.
- ⁴⁹⁴ *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского. С. 47, прим. 57; *Ельницкий Л. А.* Прим. 3 / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 253; *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 84.
- ⁴⁹⁵ *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского. С. 47, прим. 58; *Ельницкий Л. А.* Прим. 4 / *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948, № 4. С. 253; *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 84–86.
- ⁴⁹⁶ *Таскин*. Скотоводство у сюнну. С. 41–44.

- ⁴⁹⁷ *Ивик*. Еда. С. 77–78.
- ⁴⁹⁸ *Тортика*. Северо-Западная Хазария. С. 123–124, включая примечания.
- ⁴⁹⁹ *Amm. Marc.*, XXXI. 2. 4, 10.
- ⁵⁰⁰ *Prisc.*, 8.
- ⁵⁰¹ Напомним, что перевод этого отрывка сомнителен. См. с. 47.
- ⁵⁰² *Amm. Marc.*, XXXI. 2. 5–6.
- ⁵⁰³ *Prisc.*, 8.
- ⁵⁰⁴ *Amm. Marc.*, XXXI. 2. 6.
- ⁵⁰⁵ *Prisc.*, 8.
- ⁵⁰⁶ *Prisc.*, 1.
- ⁵⁰⁷ *Iord., Get.*, 128.
- ⁵⁰⁸ *Zos.*, IV. 20. 4.
- ⁵⁰⁹ *Prisc.*, 8.
- ⁵¹⁰ *Amm. Marc.*, XXXI. 2. 7.
- ⁵¹¹ Отсюда и ниже излагается по: *Prisc.*, 8.
- ⁵¹² *Prisc.*, 8.
- ⁵¹³ *Iord., Get.*, 196.
- ⁵¹⁴ *Томпсон*. Гунны. С. 57.
- ⁵¹⁵ *Theod. Curg., Orat. IX, 1045 / Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1948, № 3. С. 300.
- ⁵¹⁶ *Procop., Bell. Vand.*, I. 11. 9.
- ⁵¹⁷ *Porphyr., de abst.*, XXI. 21. 3–4.
- ⁵¹⁸ *Herodot.*, I. 216.
- ⁵¹⁹ *Eus., Praep.*, I. 4. 7.
- ⁵²⁰ *Hieron.*, Ep. 107. Цит. и нумерация по изданию: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1949, № 4. С. 229.
- ⁵²¹ *Oros.*, VII. 41. 8.
- ⁵²² ЭСБЕ, том XLIIa, СПб., 1904, ст. «Феотим».
- ⁵²³ *Sozom.*, VII. 26.
- ⁵²⁴ *Theod. Curg.*, V. 30 и 32, но V. 37.
- ⁵²⁵ *Theod. Curg.*, V. 31.
- ⁵²⁶ *Юан. Мал.*, XVIII. Пер.: А. А. Чекалова, по изданию: *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Гайная история. СПб., 1998. С. 470.
- ⁵²⁷ *Сазанов, Иващенко*. К вопросу о датировках. С. 100.
- ⁵²⁸ *Кляшторный*. Степные империи. С. 19, со ссылкой на: *Миняев С. К.* К проблеме происхождения сюнну // *Информационный*

- бюллетень Международной ассоциации по изучению культур
Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985.
- ⁵²⁹ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 155.
- ⁵³⁰ *Боровкова*. Народы Средней Азии. С. 61.
- ⁵³¹ *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 82.
- ⁵³² *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 83–86.
- ⁵³³ *Эрдели*. Археология Венгрии. С. 310.
- ⁵³⁴ Prisc., 8.
- ⁵³⁵ Iord., Get., 2.
- ⁵³⁶ *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 88.
- ⁵³⁷ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 155.
- ⁵³⁸ *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 92.
- ⁵³⁹ *Менхен-Хельфен*. История и культура гуннов. С. 367–368.
- ⁵⁴⁰ *Тенишев*. Гуннов язык; *Мудрак*. Язык во времени.
- ⁵⁴¹ Prisc., 8; Cass., Var., I. 4. 10.
- ⁵⁴² Prisc., 12.
- ⁵⁴³ *Гуго из Флавиньи*.
- ⁵⁴⁴ *Григорий Турский*, II. 5.
- ⁵⁴⁵ Iord., Geth., 184–185.
- ⁵⁴⁶ Prisc., 13.
- ⁵⁴⁷ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 13.
- ⁵⁴⁸ Iord., Geth., 224.
- ⁵⁴⁹ См., например: Prisc., 8.
- ⁵⁵⁰ Iord., Geth., 224.
- ⁵⁵¹ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 9.
- ⁵⁵² Иоанн Антиохийский, фр. 199, по: *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского. С. 77, прим. 96; Prisc., 13.
- ⁵⁵³ Oros., VII. 43. 2–6.
- ⁵⁵⁴ Iord., Rom., 326.
- ⁵⁵⁵ Marc. Com., 434 год.
- ⁵⁵⁶ Марцеллин Комит относит заочную связь Гонории с Атилиой к 434 году (Marc. Com., 434 год), но это — явная ошибка.
- ⁵⁵⁷ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 13.
- ⁵⁵⁸ Prisc., 12–13.
- ⁵⁵⁹ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 2.
- ⁵⁶⁰ Iord., Geth., 184–188.
- ⁵⁶¹ *Григорий Турский*, II. 6.
- ⁵⁶² *Павел Диакон*. Деяния мецских епископов.
- ⁵⁶³ Житие святой Женевьевы. § 11.

- ⁵⁶⁴ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 4; аналогичный список в Iord., Geth., 191.
- ⁵⁶⁵ Iord., Geth., 189.
- ⁵⁶⁶ Iord., Geth., 195.
- ⁵⁶⁷ Григорий Турский, II. 7.
- ⁵⁶⁸ Iord., Geth., 192 и прим. 525 на с. 312.
- ⁵⁶⁹ Томпсон. Гунны. С. 169.
- ⁵⁷⁰ Isid., Hist. Goth., 26.
- ⁵⁷¹ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 5.
- ⁵⁷² Томпсон. Гунны. С. 169; Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 155.
- ⁵⁷³ Например: Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 5; Луго из Флавины.
- ⁵⁷⁴ Ход битвы на Каталаунских полях будет описан, если это не оговорено особо, по: Iord., Geth., 192 и сл.
- ⁵⁷⁵ Томпсон. Гунны. С. 169.
- ⁵⁷⁶ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 5.
- ⁵⁷⁷ Идаций.
- ⁵⁷⁸ Iord., Geth., 192–218.
- ⁵⁷⁹ Prosp. Tir., 1364.
- ⁵⁸⁰ Prisc., 14.
- ⁵⁸¹ Томпсон датирует выступление Атиллы в Италию летом 452 года. Менхен-Хельфен, ссылаясь на Идация, пишет, что Атила отправился в Италию сразу после битвы на Каталаунских полях, в 451 году.
- ⁵⁸² Prosp. Tir., 1367.
- ⁵⁸³ Iord., Geth., 219–221.
- ⁵⁸⁴ Paul. Diac., Hist. Rom., XIV. 11.
- ⁵⁸⁵ Iord., Geth., 222–223.
- ⁵⁸⁶ Память святого отца нашего Льва, папы Римского // Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Барнаул, 2003–2004.
- ⁵⁸⁷ Томпсон. Гунны. С. 178.
- ⁵⁸⁸ По: Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 163.
- ⁵⁸⁹ Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 163–167; Iord., Geth., 223.
- ⁵⁹⁰ Prisc., 15.
- ⁵⁹¹ Iord., Geth., 224.
- ⁵⁹² Iord., Geth., 225.
- ⁵⁹³ Iord., Geth., 227.
- ⁵⁹⁴ Iord., Geth., 253.

- ⁵⁹⁵ С этого места события излагаются по: Iord., Geth., 254–260.
- ⁵⁹⁶ Iord., Geth., 254–260.
- ⁵⁹⁷ Саввы — то же, что свевы.
- ⁵⁹⁸ Iord., Geth., 259–263.
- ⁵⁹⁹ Томпсон. Гунны. С. 184.
- ⁶⁰⁰ Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 170.
- ⁶⁰¹ Iord., Geth., 264.
- ⁶⁰² Iord., Geth., 268.
- ⁶⁰³ Iord., Geth., 262–263.
- ⁶⁰⁴ Отсюда и ниже события излагаются по: Iord., Geth., 263–273.
- ⁶⁰⁵ Вероятно, та часть остготов, которая до сих пор обитала в Поднепровье (население черняховской культуры), опасаясь возвращающихся на восток гуннов, тоже переселилась в Паннонию (см., например: Казанский. Остроготские королевства. С. 185).
- ⁶⁰⁶ Буданова. Варварский мир. С. 338, 389.
- ⁶⁰⁷ Кулаковский. История Византии. I. С. 311.
- ⁶⁰⁸ Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. С. 187.
- ⁶⁰⁹ Iord., Geth., 263–273.
- ⁶¹⁰ Apollin. Sidon., Carm. II, 235 и сл.; Томпсон. Гунны. С. 185–186.
- ⁶¹¹ Томпсон датирует эти события 468 или 469 годом (Гунны. С. 187); С. Дестунис — не позже 467 года.
- ⁶¹² Prisc., 30.
- ⁶¹³ Prisc., 32.
- ⁶¹⁴ Prisc., 33.
- ⁶¹⁵ Marc. Com., 469 год.
- ⁶¹⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. и прим.: Е. Ч. Скржинская. СПб., 2001. С. 349, прим. 696.
- ⁶¹⁷ Iord., Geth., 278–279.
- ⁶¹⁸ Iord., Geth., 299–302; Marc. Com., 505 год.
- ⁶¹⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. и прим.: Е. Ч. Скржинская. СПб., 2001. Прим. 781 на с. 363.
- ⁶²⁰ Amm. Marc., XXXI. 2. 6–9.
- ⁶²¹ Никоноров. Военное дело. С. 241.
- ⁶²² По: Никоноров. Военное дело. С. 244–245.
- ⁶²³ Никоноров. Военное дело. С. 245.
- ⁶²⁴ <http://zoolife.com.ua/loshadi/loshadi/loshad-prodolzhitelnost-zhizni/3543>.
- ⁶²⁵ Zos., IV. 20. 4–5.
- ⁶²⁶ Iord., Geth., 255.
- ⁶²⁷ Olimp., 18.

- ⁶²⁸ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 36; *Нефедкин*. Военное дело. С. 173–174.
- ⁶²⁹ *Шелов*. Танаис и Нижний Дон. С. 323–324.
- ⁶³⁰ *Никонов*. Военное дело. С. 280.
- ⁶³¹ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 152–153.
- ⁶³² Погребение на землях колхоза «Восход».
- ⁶³³ У совхоза им. Калинина.
- ⁶³⁴ У дер. Дмитриевка Запорожской области.
- ⁶³⁵ Одну из реконструкций см.: *Радюш, Шеглова*. Волниковский «клад». С. 13.
- ⁶³⁶ О мечях см.: *Дмитриев*. Погребения всадников; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 23 и сл., табл. 3, 10, 32 и др.; *Казанский*. «Вождеские» погребения; *Засецкая и др.* Морской Чулек. С. 122–141; *Казанский*. К истории парадного клинкового оружия; *Радюш*. «Княжеская» и «вождеская» культура.
- ⁶³⁷ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 40–45; *Малашев*. Периодизация ременных гарнитур.
- ⁶³⁸ *Амброз*. Хронология древностей. С. 73–74; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 44, табл. 6. 3–4, табл. 32. 9.
- ⁶³⁹ *Амброз*. Хронология древностей. С. 73–74.
- ⁶⁴⁰ *Амброз*. Хронология древностей. С. 74, 299.
- ⁶⁴¹ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 49.
- ⁶⁴² *Дмитриев*. Погребения всадников.
- ⁶⁴³ «Чешуйчатая», золотая или позолоченная, вытянутой формы, такая накладка и правда была «более всего похожа на широкую золотистую рыбу с лобастой головой и коротким массивным хвостом, тем более что вся блестящая поверхность пластины мерцает мелкой чешуей». Именно так описали свои находки — «две рыбы» — рабочие, случайно разрушившие погребение в станице Преградной на Северном Кавказе, но сдавшие находки в музей. Позднее «рыбы», вероятно от условий хранения в музейных фондах, рассыпались, и только через много лет, благодаря проницательности А. К. Амброза, удалось понять, какие же «рыбы» были сданы в музей в числе прочих находок (*Амброз*. Хронология древностей. С. 78–79).
- ⁶⁴⁴ *Никонов, Худяков*. «Свистящие стрелы». С. 216, 218.
- ⁶⁴⁵ *Sozom.*, VII. 26. 8.
- ⁶⁴⁶ *Никонов*. Военное дело. С. 290.
- ⁶⁴⁷ *Никонов*. Военное дело. С. 291–292.

- ⁶⁴⁸ Селение Федоровка. См.: *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 34. 16.
- ⁶⁴⁹ Сводку сведений о гуннах-наемниках в римских армиях см.: *Никонов*. Военное дело. С. 250–256.
- ⁶⁵⁰ *Amm. Marc.*, XXXI. 3. 3.
- ⁶⁵¹ *Zos.*, V. 21. 3.
- ⁶⁵² *Zos.*, V. 34. 1.
- ⁶⁵³ *Zos.*, V. 45. 6.
- ⁶⁵⁴ *Zos.*, V. 50. 1.
- ⁶⁵⁵ *Iord.*, *Geth.*, 199–201.
- ⁶⁵⁶ *Prisc.*, 1b, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1948, № 4. С. 246.
- ⁶⁵⁷ *Iord.*, *Geth.*, 221.
- ⁶⁵⁸ *Iord.*, *Geth.*, 210.
- ⁶⁵⁹ *Prisc.*, 8.
- ⁶⁶⁰ *Iord.*, *Geth.*, 211.
- ⁶⁶¹ *Iord.*, *Geth.*, 266.
- ⁶⁶² *Prisc.*, 39, по изданию: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1948, № 4. С. 265–266.
- ⁶⁶³ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 10; *Амброз*. Хронология древностей. С. 63–64; *Амброз*. К итогам дискуссии. С. 93; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 10.
- ⁶⁶⁴ *Rostovtzeff M.*, 1923. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain. — *Monuments et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. Paris, v. 26 (по: *Амброз*. Восточноевропейские. С. 10)
- ⁶⁶⁵ Подробнее см.: *Шелов*. Волго-донские степи. С. 83–84; *Амброз*. К итогам дискуссии. С. 93.
- ⁶⁶⁶ *Засецкая*. О хронологии погребений; *Засецкая*. Гунны.
- ⁶⁶⁷ *Амброз*. Проблемы раннесредневековой хронологии; *Амброз*. К итогам дискуссии; *Амброз*. Хронология древностей; *Засецкая*. О роли гуннов; *Засецкая*. О хронологии и культурной; *Засецкая*. Культура кочевников.
- ⁶⁶⁸ О хронологии археологических памятников гуннов см.: *Засецкая*. Культура кочевников. С. 111 и сл., рис. 25; *Богачев*. К вопросу о поздней дате; *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 43; *Казанский М. М.*, *Мастыкова А. В.* Хронологические индикаторы.

- С. 119; *Казанский*. Ранние погребения гуннов; *Казанский*. Вождеское захоронение; и другие работы.
- ⁶⁶⁹ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 28.
- ⁶⁷⁰ *Безуглов, Ильюков*. Памятник позднегуннской эпохи. С. 32–33.
- ⁶⁷¹ *Богачев*. Процедурно-методические аспекты; *Богачев*. К вопросу о поздней дате.
- ⁶⁷² *Строков*. Ременные гарнитур; *Казанский*. Ранние погребения гуннов.
- ⁶⁷³ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 12; *Амброз*. Хронология древностей. С. 39.
- ⁶⁷⁴ *Амброз*. Хронология древностей. С. 44.
- ⁶⁷⁵ *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 29.
- ⁶⁷⁶ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 11; *Плетнева*. Кочевники южнорусских степей. С. 20.
- ⁶⁷⁷ *Обломский*. Этнокультурные компоненты.
- ⁶⁷⁸ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 11–12.
- ⁶⁷⁹ *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 19–20, 43.
- ⁶⁸⁰ *Казанский*. Ранние погребения гуннов. С. 121 и рис. 3, 2; 4, 4.
- ⁶⁸¹ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 23.
- ⁶⁸² *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 33.
- ⁶⁸³ *Кузнецов, Пудовин*. Аланы в Западной Европе (и более поздние работы В. А. Кузнецова); *Амброз*. Восточноевропейские. С. 12–13 и сл.; *Казанский*. Аланы на западе. С. 150, 152, рис. 3, 4; *Радюш, Щеглова*. Волниковский «клад». С. 22.
- ⁶⁸⁴ *Казанский, Мастыкова*. «Царские» гунны. С. 119.
- ⁶⁸⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 330.
- ⁶⁸⁶ *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 14–15.
- ⁶⁸⁷ *Айбабин*. Этническая история. Рис. 27; *Пуздровский и др.* Погребение воина; *Пуздровский*. Воинское погребение.
- ⁶⁸⁸ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 22.
- ⁶⁸⁹ *Михайлов*. Погребение гуннского времени.
- ⁶⁹⁰ *Гаряинов*. Гуннское погребение.
- ⁶⁹¹ *Айбабин*. Этническая история. Рис. 27; *Пуздровский и др.* Погребение воина. Рис. 6, 14; *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 2, 1; *Любчанский, Таиров*. Археологическое исследование. Рис. 9.
- ⁶⁹² *Амброз*. Хронология древностей. С. 73–74, рис. 30 и сл.; *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 38–39, рис. 4, 47–50, 52; *Безуглов, Яценко*. Танаисская бронзовая маска-штамп.
- ⁶⁹³ *Рыков*. Археологические раскопки; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 188–190, табл. 40–41.

- ⁶⁹⁴ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 12.
- ⁶⁹⁵ *Тиханова, Черняков*. Новая находка погребения с диадемой.
- ⁶⁹⁶ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 177, табл. 24.
- ⁶⁹⁷ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 198–199; *Казанский, Мастыкова*. «Царские» гунны. С. 118.
- ⁶⁹⁸ *Казанский, Мастыкова*. «Царские» гунны. С. 110.
- ⁶⁹⁹ *Комар*. Комплекс из Макартета.
- ⁷⁰⁰ Вопрос о том, кенотафы Новогригорьевские комплексы или погребения по обряду кремации, — окончательно не решен. Подробнее см.: *Комар*. Комплекс из Макартета.
- ⁷⁰¹ *Самоквасов*. Могилы; *Семенов А. К* выявлению. С. 97 и сл.; *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 1–6; *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 38–39; *Комар*. Комплекс из Макартета. С. 99 и сл.
- ⁷⁰² *Комар*. Комплекс из Макартета.
- ⁷⁰³ *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 19–21; *Казанский*. Вождеское захоронение; *Казанский*. Погребение ... в Концештах; *Мацулевич*. Погребение варварского князя; *Радюш*. «Княжеская» и «вождеская» культура; *Шукин*. Готский путь. С. 379–382.
- ⁷⁰⁴ *Гавритухин*. Комплексы элиты. С. 34.
- ⁷⁰⁵ *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 19–21.
- ⁷⁰⁶ *Засецкая*. Золотые украшения. С. 5.
- ⁷⁰⁷ *Казанский*. Остроготские королевства. С. 184; *Казанский*. Аланы на западе. С. 33–34.
- ⁷⁰⁸ *Iord., Geth.*, 258.
- ⁷⁰⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 330.
- ⁷¹⁰ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 22.
- ⁷¹¹ Подробнее см.: *Шукин*. Готский путь. С. 363–379; *Шукин*. Силадшомйо. С. 158–167; *Амброз*. Восточноевропейские. С. 22; *Иштванович, Кульчар*. «Вождеские» погребения. С. 256–257; *Treasures on the Danube: Barbarian Invaders and Their Roman Inheritance*. Wien, 1985.
- ⁷¹² *Амброз*. Восточноевропейские. С. 22.
- ⁷¹³ *Гавритухин*. Некоторые перспективы. С. 235–236.
- ⁷¹⁴ Подробное описание полихромного стиля сделано в трудах И. П. Засецкой: *Засецкая*. Культура кочевников. С. 50–75; *Засецкая*. Полихромные изделия; *Засецкая*. Золотые украшения; *Засецкая*. Классификация полихромных. См. также: *Амброз*. Проблемы раннесредневековой хронологии. № 2. С. 102; *Амброз*. Восточноевропейские. С. 12–13; *Шукин*. Готский путь. С. 340 и сл.

- ⁷¹⁵ *Шукин*. Готский путь. С. 343.
- ⁷¹⁶ *Шукин*. Готский путь. С. 361; *Казанский, Перен*. Могила Хильдерика.
- ⁷¹⁷ Иллюстрации см: *Засецкая*. Культура кочевников; *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 7; *Казанский, Мастыкова*. «Царские» гунны. Рис. 5.
- ⁷¹⁸ *Охонько, Отюцкий*. Богатое захоронение; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 64–65.
- ⁷¹⁹ *Тиханова, Черняков*. Новая находка погребения с диадемой. Рис. 4; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 203; *Казанский*. Погребение ... в Концештах. Рис. 2.
- ⁷²⁰ О гуннских котлах см. также: *Амброз*. Восточноевропейские. С. 18–19; *Боковенко, Засецкая*. Происхождение котлов; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 104–108, табл. 38–39, рис. 20–24; *Erdy*. Unique Xiong; *Erdy*. Three archaeological links; *Демиденко*. О позднесарматских ... котлах; *Худяков*. Материалы хуннского времени. Рис. 4, 5; *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 33; *Комар*. Комплекс из Макартета. С. 105–106; *Гаряинов*. Гуннское погребение; *Батчаев*. Гуннский котел; *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 33.
- ⁷²¹ *Комар*. Комплекс из Макартета. С. 105–106.
- ⁷²² *Боковенко, Засецкая*. Происхождение котлов. Рис. 3; *Засецкая*. Культура кочевников. Рис. 24; *Erdy*. Three archaeological links.
- ⁷²³ *Демиденко*. О позднесарматских ... котлах.
- ⁷²⁴ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 29–33.
- ⁷²⁵ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 49–50.
- ⁷²⁶ *Нефедкин*. Военное дело. С. 173–174.
- ⁷²⁷ *Амброз*. Проблемы раннесредневековой хронологии. № 3, с. 120.
- ⁷²⁸ *Таиров*. Раннесакские боевые пояса; *Тишкин и др.* Степушка-I. Рис. 11; *Радюш, Щеглова*. Волниковский «клад». С. 21–22; *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 34.
- ⁷²⁹ *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 2 на с. 104; *Кузнецов*. Аланы в Западной Европе; *Шукин*. Готский путь; *Šćikin etc.* Des les goths aux huns; *Иштванович, Кульчар*. «Вождские» погребения; *Erdy*. Three archaeological links. Рис. 8; *Боковенко, Засецкая*. Происхождение котлов. Рис. 3; *Шаламон, Баркоци*. Археологические данные; *Шаги*. Остроготы.
- ⁷³⁰ *Эрдели*. Даки, сарматы, германцы, гунны. С. 280.
- ⁷³¹ *Иштванович, Кульчар*. «Вождские» погребения.
- ⁷³² *Кузнецов*. Аланы в Западной Европе. С. 22–23.

- ⁷³³ *Шаламон, Баркоци*. Археологические данные. С. 42; *Шукин*. Готский путь. С. 393.
- ⁷³⁴ *Иштванович, Кульчар*. «Вождские» погребения. С. 256.
- ⁷³⁵ *Шаги*. Остроготы. С. 51 и сл.; *Шаламон, Баркоци*. Археологические данные. С. 47–48.
- ⁷³⁶ *Седов*. Славяне в древности. Рис. 76.
- ⁷³⁷ *Казанский*. Погребение ... в Концештах. С. 34 и сл.
- ⁷³⁸ *Казанский*. Вождское захоронение. С. 43.
- ⁷³⁹ См.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. Карта 23 на с. 126.
- ⁷⁴⁰ *Шукин*. Готский путь. С. 252–254, 395.
- ⁷⁴¹ *Гавритухин*. Некоторые перспективы.
- ⁷⁴² *Гавритухин, Обломский*. К реконструкции. С. 24, 28, 37.
- ⁷⁴³ *Казанский*. Остроготские королевства. С. 184.
- ⁷⁴⁴ *Радюш*. «Княжеская» и «вождская» культура; *Казанский*. «Вождские» погребения. Рис. 6, 12; *Гавритухин, Обломский*. К реконструкции. С. 33–34.
- ⁷⁴⁵ *Гавритухин, Обломский*. К реконструкции. С. 37–38; *Казанский*. Остроготские королевства. С. 184; *Зиньковская*. К вопросу об этнокультурных контактах. С. 206.
- ⁷⁴⁶ Острая Лука Дона; *Обломский*. Лесостепное Подонье. С. 75 и сл.; *Обломский*. Этнокультурные компоненты (там же список литературы по теме).
- ⁷⁴⁷ *Ильяшенко*. Стандартные dipinti. С. 43, 61, 97, 107, 114–115, 128, 130, 132.
- ⁷⁴⁸ *Безуглов, Толочко*. О ... связях населения Танаиса. С. 101–102.
- ⁷⁴⁹ *Васильева*. Особенности рыбного промысла; также о рыбном промысле в Танаисе см.: *Ильяшенко*. Стандартные dipinti. С. 115; *Бёттгер, Ульрих*. Позднеантичное поселение в Танаисе. С. 299.
- ⁷⁵⁰ *Обломский*. Хронология поселения Танаиса. С. 181; *Обломский*. Этнокультурные компоненты. С. 249.
- ⁷⁵¹ *Ахмедов, Белоцерковская*. Культура рязано-окских могильников. С. 135.
- ⁷⁵² *Батиева*. Население Танаиса. С. 26.
- ⁷⁵³ *Халиков*. Об этнокультурной ситуации. С. 77–79.
- ⁷⁵⁴ Об именьковской культуре см. работы В. Ф. Генинга, В. В. Седова, Г. И. Матвеевой и др. Список литературы и историография см.: *Богачев*. Славяне, германцы, гунны.
- ⁷⁵⁵ *Богачев*. Славяне, германцы, гунны. С. 154–159, 170–171, карты на рис. 54, 55.

- ⁷⁵⁶ *Богачев*. Хронология двукружковых. С. 15; *Богачев*. Славяне, германцы, гунны. С. 98, 211, 305.
- ⁷⁵⁷ Федоровка, Ленинск.
- ⁷⁵⁸ О Европейском Боспоре в гуннское время см.: *Айбабин*. Степь и Юго-Западный Крым. С. 15.
- ⁷⁵⁹ Погребения у Керчи, Феодосии, также Усть-Альминские, Беляусские.
- ⁷⁶⁰ *Айбабин*. Степь и Юго-Западный Крым. С. 22.
- ⁷⁶¹ *Габуев*. Об ареале раннеаланской культуры. С. 60, 62–63.
- ⁷⁶² *Артамонов*. История хазар. С. 66, 69–70, 183–184; *Новосельцев*. Хазарское государство. С. 81–82.
- ⁷⁶³ *Гадло*. Этническая история. С. 18 и сл.
- ⁷⁶⁴ *Гмыря*. Страна гуннов. С. 47–51, 55–57, 205.
- ⁷⁶⁵ *Хамидуллин*. «Царство гуннов». С. 160 и сл.; *Семенов*. Место прародителя. С. 44, 49.
- ⁷⁶⁶ *Габуев, Малашев*. Памятники ранних алан. С. 159–160; *Малашев*. Место курганных могильников Дагестана. С. 234; *Гаджиев, Малашев*. Этнокультурная принадлежность. С. 232;
- ⁷⁶⁷ *Казанский, Мастыкова*. Германские элементы. С. 127–128.
- ⁷⁶⁸ *Гаврилов*. Погребение кочевника; *Засецкая и др.* Морской Чулек; *Засецкая*. Михаэльсфельд; *Казанский, Мастыкова*. Женские могилы.
- ⁷⁶⁹ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 17; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 181–182, 190.
- ⁷⁷⁰ *Амброз*. Восточноевропейские. С. 17; *Засецкая*. Культура кочевников. С. 188–190.
- ⁷⁷¹ *Любчанский, Таиров*. Археологическое исследование.
- ⁷⁷² *Комар*. Актуальные проблемы хронологии. С. 39; *Комар*. Комплекс из Макартета. С. 100, 104–106.
- ⁷⁷³ *Гаряинов*. Гуннское погребение; *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 36, 38–39; *Любчанский, Таиров*. Археологическое исследование. С. 25; *Боталов и др.* Курганы с «усами». С. 113–114.
- ⁷⁷⁴ *Засецкая*. Культура кочевников. С. 126, различные реконструкции кинжала с озера Боровое — рис. 28–29.
- ⁷⁷⁵ *Бернштам*. Находки у оз. Борового. Рис. 2–6; *Шукин*. Готский путь. С. 353.
- ⁷⁷⁶ *Кадырбаев*. Памятники ранних кочевников. С. 177, 179–182, 193–197, рис. 13–15, 24–25.
- ⁷⁷⁷ *Боталов и др.* Курганы с «усами». С. 176–177.

- ⁷⁷⁸ Семенов А. К. выявлению. С. 98–99, рис. 1; *Комар*. Комплекс из Макартета. С. 89, 100 и сл., рис. 8–10.
- ⁷⁷⁹ Худяков. Материалы хуннского времени. С. 164, рис. 4, 5.
- ⁷⁸⁰ 1 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 7. 1; 2 — *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 7. 6; 3 — *Засецкая*. Полихромные изделия. Рис. 5. 3; 4 — *Засецкая*. Полихромные изделия. Рис. 5. 1; 5 — *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 7. 1.
- ⁷⁸¹ 1 — *Охонько, Отюцкий*. Богатое захоронение. Рис. 2; 2, 4–6, 8 — *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 7. 21, 19, 20, 5, 10; 3 — *Охонько, Отюцкий*. Богатое захоронение. Рис. 1. 1а, 4 (реконструкция по — *Амброз*. Хронология древностей. Рис. 43. 7); 7 — *Гаврилов*. Погребение кочевника. 1996. Рис. 2. 7.
- ⁷⁸² 1 — *Шелов*. Танаис и Нижний Дон. С. 324; 2 — *Богачев*. Славяне, германцы, гунны. Рис. 56. 4–9; 3 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 32. 9; 4–5 — Там же. Табл. 6. 3–4; 6 — *Дмитриев*. Погребения всадников; 7 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 7. 9; 8 — Там же. Табл. 41. 8; 9 — Там же. Табл. 34. 9.
- ⁷⁸³ 1 — *Засецкая и др.* Морской Чулек. Рис. 35. 4; 2 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 3. 1; 3 — Там же. Табл. 34. 1; 4 — Там же. Табл. 32. 2; 5 — *Засецкая и др.* Морской Чулек. Рис. 35. 3; 6 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 3. 8; 7 — *Засецкая и др.* Морской Чулек. Рис. 44. 5; 8 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 32. 6; 9 — Там же. Табл. 3. 1а; 10 — *Амброз*. Хронология древностей. Рис. 7. 12; 11 — *Медведев*. Два позднеантичных склепа. Рис. 5. 9, 11; 12 — *Комар*. Детали обуви. Рис. 3. 1–6.
- ⁷⁸⁴ 1 — *Засецкая*. Культура кочевников. Табл. 2. 1; 2 — Там же. Табл. 26. 7; 3 — Там же. Табл. 19. 2; 4 — *Амброз*. Восточноевропейские. Рис. 4а. 1–3.
- ⁷⁸⁵ 1 — *Амброз*. Хронология древностей. Рис. 7–8; 2 — *Засецкая*. Культура кочевников. Рис. 40; 3 — по: *Богачев*. Славяне, германцы, гунны. Рис. 58.

Указатель имен исторических лиц и древних авторов

- Авит — 130, 131
Аврелиан — 50, 51, 54, 64
Аврелий Виктор — 52, 58, 90
Агатангехос (Агафангелос) — 35
Агафий Миринейский (Схоластик) — 41
Аларих — 92, 95, 102, 103, 106–109, 111–115, 204, 223
Алафей (Алатей) — 81, 82, 248
Александр Великий — 75, 157
Амалы — 201, 212
Аммиан Марцеллин — 5–7, 36–38, 40, 43, 45, 46, 53, 55, 58, 61–65, 69–71, 76, 80, 81, 83–85, 156, 165, 166–173, 183, 217–220, 223
Анагаст — 213
Анатолий (константинопольский посол) 141, 153, 155
Ангантюр — 78–80
Андарик — 192
Аниан (Анниан) (святой, епископ Аврелианский) — 195, 196
Антемий, регент Востока (408–414) — 110
Антемий (Анфимий), император Запада (467–472) — 212
Аполлоний (константинопольский посол) 203
Араваций (епископ города Тонгр) — 188
Арбогаст — 93, 98, 102
Ардам — 102
Ардарих — 139, 199, 209, 210
Аркадий (император) — 92, 93, 104–108, 110
Арнигискл — 139
Аспар, Флавий — 127, 137, 140, 225
Атанарих — 57, 61, 81, 82, 91, 250
Атаульф — 111–114, 190, 223
Атли — см. Аттила
Аттал — 113, 114
Аттила (Атли, Этцель) — 7, 12, 16, 27, 44, 46, 49, 84, 86, 98, 111, 114, 117, 120–122, 124–130, 132, 134–143, 145–165, 167, 168, 171–177, 181, 183, 184, 186–193, 196–210, 212–215, 223, 225, 229, 231, 237, 238, 240, 245, 248, 254, 257, 259
Ауктор (епископ города Мец) — 195
Афридон — 102
Аэций — 85, 111, 115, 118–120,

- 122, 123, 128–130, 132, 157,
176, 186, 189, 196–198,
201–203, 206, 223
- Бавтон — см. Бауто
Баламбер — 44, 76, 77
Басих — 98–100, 102, 118
Бауто (Бавтон) — 92
Беремуд (Беримуд) — 77
Бериг — 59
Беримуд — см. Беремуд
Би — см. Хуханье II
Бледа (Бледель, Влида) — 16,
44, 45, 124–128, 132, 134,
136, 137, 142, 150, 151, 171,
173, 175
Бож — 77
- Вадамерка — 77
Валамир (Валамер) — 76, 139,
192, 199, 212
Валент II — 5, 7, 55, 57, 58, 61,
68, 82, 83, 90, 92, 102, 239,
102, 239
Валентиниан I — 5, 55, 57
Валентиниан II — 57, 58, 92,
93, 105
Валентиниан III — 115, 118,
119, 122, 130, 176, 187,
189–193, 206
Валия — 85, 114
Вегций — 218
Верих — 153
Вигила — 147–150, 153, 154
Видемер (сын Вандалария) —
199
Винитарий — 77, 80, 81,
252
Витимир (наследник Германа-
риха) — 80, 81, 222
Влад (славянское имя) — 45
Владимир (славянское имя) —
44
- Влида — см. Бледа
Вэнь-ди — 12
- Гайна (Гаин) — 104, 105, 131,
223
Гао-ди, Гао-цзу (Лю Бан) —
11, 12
Галла Пластиция — 115, 118,
119, 190
Галерий — 54
Гезимунд — 77
Гейзерих (Гизерих) — 136, 188,
192
Гелиогабал — 54
Геркулан, Флавий Басс — 191
Германарих (Эрменрих) — 61,
69, 75, 77, 80 222
Геродот — 40–42, 178, 187
Гизерих — см. Гейзерих
Гонорий — 93, 96, 104, 106,
107, 110, 111, 113–115, 118,
223
Гонория (Онория), Юста Гра-
та — 189–192, 206
Грациан — 7, 57, 58, 90, 92,
239
Григорий Турский — 111, 118,
188, 193, 196
Грод — 182
Грумбат — 36, 37
Гуан-у — 18, 19
Гуго из Флавины — 128, 129,
188
Гундихарий (Гундахар, Гун-
тер) — 128, 129
Гэн Куй — 28
- Данкварт — 128
Дарий — 59, 187
Динтцик (Дензик, Денгизих) —
211–214
Диоклетгиан — 51–56
Дионисий Периегет — 34, 35

- Дионисий Флавий (римский посол) — 123
Домициан — 51, 52
Донат — 115
Дрепаний, Латиний Пакат — 90
Дэу-хянь — 22
- Евагрий Схоластик — 139
Евгений (любовник Гонории) — 191
Евгений (узурпатор) — 93, 96, 98, 102, 223
Евдокия (императрица) — 93.
Евнапий — 41
Евсевий Кесарийский — 178, 179
Евстафий Фессалоникский — 35
Евтропий — 93, 110
- Женевьева (святая) — 195, 196
- Зевс — 72
Зеркон — 127, 128, 162, 186
Зигфрид — 129
Зосим — 41, 42, 71, 73, 91, 93, 104, 105, 107, 111–113, 173, 218
- Идаций — 202, 206
Идотей — см. Одотей
Иероним Стиридонский — 41, 96–98, 105, 112, 179
Иешу Стилит — 38, 96
Ильдико — 207
Ио — 72, 75
Иоанн Златоуст — 181
Иоанн Малала — 182, 183, 215
Иоанн (узурпатор) — 115, 118, 119
Иовин — 114
- Иордан — 27, 42, 58–61, 72, 73, 75–77, 80–82, 86, 100, 124, 125, 131, 132, 158, 159, 163, 164, 167, 168, 173, 176, 183, 185, 188–192, 197–199, 201, 202, 204, 206–209, 211, 212, 214, 215, 219, 225
Ирна (Эрна, Эрнак) — 164, 176, 211, 213
Исидор Севильский — 42, 94, 107, 108, 130, 168, 197
Исла — 154, 155
- Калигула — 51, 52
Каракалла — 52, 53
Карпилион (Карпилеон) — 186
Кассиодор — 198
Квирин — 53
Кидара — 38
Кир — 59
Клавдиан, Клавдий (поэт) — 40, 95, 96, 100, 102, 165
Клавдий Птолемей — 34
Констант II (узурпатор) — 114
Констанций — см. Констанций
Константин I Великий — 6, 53, 54
Константин III (узурпатор) — 110, 113, 114
Констанций (Константий)
Констанций II — 67
Констанций III — 114, 115, 118, 189
Константий (письмоводитель Аттилы, герой истории с драгоценными фиалами, казненный до 448 года) — 134, 164
Константий (письмоводитель Аттилы в 448 году) — 160, 164
- Крека (Рекан) — 163, 172, 175

- Кримхильда — 129
Куридах — 138, 139
Курсих — 98–100, 102, 118
Кутригур — 40
- Лаошан-шаньюй — 12, 13
Лев I Великий (папа Римский) — 205, 206
Лев (Леонт) I (император) — 213
Леонтий (анкирский епископ) — 181
Ли Му — 10
Литорий — 130, 132, 186, 223
Лициний (император) — 54
Лю Бан — см. Гао-ди
- Мавия — 57
Магн Максим — 92, 93, 105, 222, 223
Максим (узурпатор) — 114
Максимиан (цезарь) — 52
Максимин Фракиец — 190
Максимин (константинопольский посол) — 148, 149, 154, 167, 173
Маодунь (Модэ, Моду) — 11, 12, 13, 48
Маркиан (император) — 187, 191, 203, 206, 207, 211
Маркиан Гераклеяский — 87, 88
Марс — 64, 158, 159
Мартин (святой) — 195
Марцеллин Комит — 85, 86, 108, 117, 120, 135, 136, 139, 140, 191, 214, 215
Меровинги — 242
Мин-ди (Сянь-цзун) — 19
Митра — 54
Митридат — 74
Модэ, Моду — см. Маодунь
Мугел — 182
- Мундзук (Мундиух) — 124, 125, 155, 208
Мундон — 215
- Небротиды — 102
Несторий — 140
Ном, Флавий — 137, 155
- Одоакр — 215
Одотей (Одофей, Идотей) — 92, 93
Октавиан Август — 157
Октар (Оптар) — 121, 124, 125, 129, 157
Олимпий (римский военачальник) — 112
Олимпиодор — 67, 68, 115–117, 143, 219
Онигисий (Онегесий) — 146, 152, 160, 163, 164, 167, 168, 171–175
Онория — см. Гонория
Оптар — см. Октар
Орест Римлянин (писец Аттилы) — 146, 147, 154, 164
Орозий — 68, 71, 83, 91, 107, 108, 179, 180
Оэбарсий (Оиварсий) — 125
- Павел (апостол) — 205
Павел Диакон — 131, 132, 189, 191, 192, 194–198, 204
Павел Орозий — см. Орозий
Пап — 57
Пероз — 38
Петр (апостол) — 205
Питцам — 215
Планта, Флавий — 123
Порфирий (неоплатоник) — 178, 179
Приск Панийский — 38, 46, 98, 99, 100, 117, 118, 120, 123, 124–127, 133–136, 138,

- 141, 143, 145, 148, 150–152, 156–169, 171–175, 181, 183, 184, 186–189, 191, 198, 199, 203, 204, 206, 207, 213, 223, 225
- Прокл (архиепископ Константинополя) — 119
- Прокопий (узурпатор) — 57, 61
- Прокопий Кесарийский — 36, 38, 39, 40, 72, 73, 178
- Проспер Аквитанский — 129, 130, 132, 203
- Пульхроний, (епископ города Верден) — 188
- Пульхерия (императрица) — 187
- Пуну — 17, 18
- Радагайс — 107–109, 223
- Рекан — см. Крека
- Роил (возможно, он же — Руа, см.) — 117, 124
- Ромул (римский посол у гуннов) — 98, 100
- Ромул Август — 215
- Руа (Ругила, Ругас, Роас, возможно, он же — Роил, см.) — 16, 117–120, 122–126, 164, 173, 197, 223
- Рустикий — 164
- Руфин — 93, 95, 96, 103, 104, 106
- Сангибан — 196, 198
- Сапор — см. Шапур
- Сар — 108, 109, 113, 223
- Сафрак — 81, 82, 248
- Светоний — 157
- Серватий (святой) — 194
- Сидоний, Апполинарий — 130, 131
- Силл — 152
- Сильван (меняла в Риме) — 134, 135
- Синезий — 93
- Созомен — 73, 104, 110, 180
- Сократ Схоластик — 82, 104, 118, 119, 121, 124
- Стефан (святой) — 193, 194
- Стилихон — 93, 96, 104–109, 113, 223
- Страбон — 74, 75
- Сыма Цянь — 10, 11, 24, 25, 26, 232, 238
- Сянь-цзун — см. Мин-ди
- Таргамос — 101
- Теодемир — 199
- Теодорет — см. Феодорит
- Теодорих I (Теодорид) — 114, 130, 131, 188, 192, 193, 196, 198, 201, 202, 206, 225
- Теодорих II (Теодерих) — 196
- Теодорих Великий — 215
- Тилан — 44
- Торисмуд (Торисмунд, Торисмод) — 196, 201, 202, 206, 207, 225
- Тоумань — 10, 11
- Траян — 56, 157
- Трдат — 35
- Требигальд (Требигильд) — 104
- У-ди — 13, 14
- Ултзиндур — 211
- Ульдис (Ульдин, Ульд) — 104, 105, 107–111, 113, 223
- Утигур — 40
- Фань Е — 17, 18, 20, 21
- Феодорит (Теодорет) Кирский — 117, 118, 124, 177–179, 181

- Феодосий I Великий — 55, 57, 90–94, 96, 98, 102, 103, 106, 189, 190, 222, 223
- Феодосий II — 110, 114, 117, 124, 135–141, 146, 147, 153–155, 158, 160, 167, 187, 191, 192, 206, 223
- Феодосий Старший (полководец) — 57
- Феотим (епископ города Томы) — 180
- Феофан Исповедник — 140, 143
- Филимер — 42
- Филосторгий — 40, 86–88, 93, 94, 96, 97, 100, 104, 105, 119
- Фирм — 57
- Фотий — 115
- Фритигерн — 82, 83 239
- Харатон (Чарато) — 116
- Хелхал — 214, 225
- Хервёр — 78
- Хильдерик — 242
- Хлёд — 77, 78, 79, 80
- Хормидак — 212
- Хосров I Великий — 35
- Хрисафий — 114, 147, 154, 155
- Хумли — 78, 79
- Хуханье I — 14–17
- Хуханье II (Би) — 17, 18
- Хэфтал — 38
- Цезарь, Кай Юлий — 157
- Цинь Ши-хуанди — 10
- Чао Цо — 24
- Чарато — см. Харатон
- Чжан-ди — 20
- Чжичжи — 14, 15
- Шапур II (Сапор) — 36
- Эдикон (Эдекон) — 146–149, 154, 214
- Эдика (возможно, то же, что Эдикон) — 214, 215
- Эллак — 163, 164, 210
- Эмнетзур — 211
- Эол — 95
- Эпиген — 124
- Эрменрих — см. Германарих
- Эрмий Созомен — см. Созомен
- Эрна, Эрнак — см. Ирна
- Эсла — 123
- Эсхил — 75
- Этцель — см. Аттила
- Эфталан — 38
- Юй (шаньюй) — 20
- Юйчуцзянь — 21
- Юлиан (Отступник) — 54, 55, 57, 65, 70
- Юпитер — 53
- Юстиниан I — 85, 182, 225

Указатель топонимов и этнонимов

- авары — 36, 45, 226
Аврелия (совр. Орлеан) — 195, 196
Австорианы — 55
Австрия — 56, 230
Адрианополис — 83, 85, 90, 140, 248
Адриатическое море — 116
Азия — 18, 32–34, 41, 43, 44, 49, 62, 68, 73, 88, 95, 219, 222, 227, 230, 231, 243, 244, 246, 247, 258
Азовское море — см. Меотида
Акациры — 46, 138, 158, 163, 174
Аквилея — 203, 204, 224
Аквитания — 114, 157, 187, 210
аламанны — 55, 57, 107, 112
Алания — 221
Аланские ворота — см. Дарьяльское ущелье
аланы — 6, 7, 39, 43, 45, 56, 62–65, 69–71, 75, 77, 80, 81, 83, 87, 90–92, 96, 109, 112, 170, 183, 196, 206, 210, 223, 226, 230, 231, 248–250, 253
алпидзуры — 75
Алтай — 24
алшилдзуры — 75
Альпы — 84, 112, 157, 203, 247
Альгина (Патавий) — 204
Амида (совр. Диярбакыр) — 36
Анапа — 255
ангискиры — 211, 212
Антиохия — 97 240
анты — 77, 81, 184, 250, 252
Апеннинский полуостров — 96
Апшеронский полуостров — 99
Аравия — 57, 96, 98
Арагвские ворота — см. Дарьяльское ущелье
Арагат — 101
арверны — 130
Аргей (совр. Эрджияс) — 95, 100
Аркадиополь — 139
Армения, армяне — 35, 56, 57, 62, 95, 97, 98, 104, 216
арморициане — 196
Асимунт — 140, 145
аттакотты — 55
Афганистан — 38
Африка — 49, 56, 57, 188, 223, 231
Базиана — 212
бактрийцы — 178
Баку — 99
Балатон — 248

- Балканский полуостров — 59, 103, 106
 Балтийское море — 61, 158
 Балхаш — 22, 257
 бардоры — 211, 212
 бастерны — 34
 Белград — 134
 белые гунны — см. эфталиты
 Беяус — 257
 Бергамо — 204
 Бессарабия — 249
 биттугуры — 211, 212
 боиски — 75
 Болгария — 110
 болгары (кочевники-тюрки) — 36
 Болия — 214
 Борисфен — см. Днепр
 Боровое — 257
 Боспор (город) — 182
 Боспор Киммерийский — 40, 62, 64, 72, 74, 75, 182, 183
 Боспорское царство, боспоряне — 7, 64, 65, 66, 70, 182, 183, 251, 253
 Босфор (Боспор Фракийский) — 53
 брионы — 196
 Бриксия — 204
 Британия — 49, 55, 57, 92, 158
 Буг — 64
 Бургунды, бургундионы — 107, 109, 112, 114, 121, 122, 128–130, 157, 179, 196
 Бухарест — 239
- Валерия (провинция) — 56, 85
 Вангион (совр. Вормс) — 114, 195
 вандалы — 59, 60, 84, 107, 109, 112, 136, 179, 188, 248
 Вар — см. Днепр
 Варна — см. Одесс
 везеготы — см. готы
 Венгерская равнина — 46, 184, 247
 Венгрия — 56, 128, 129, 230, 237, 239, 240, 243, 248
 венгры (кочевники) — 36, 45, 226
 Венетий, Венетия (провинция) — 203, 204
 Верден — 188
 Верона — 204
 вестготы — см. готы
 Византий (город) — 6, 53
 Византия (Восточная Римская империя) см. Рим
 Виминакий, Виминаций — 133, 138
 винделики — 157
 Висла — 59, 60
 Вифлеем — 98
 Вицентия — 204
 Волга — 43, 158, 185, 216
 Вормс — см. Вангион
 Ворота Александра — 97
- Галис (совр. Кызылырмак) — 95, 97, 98
 Галлия (историческая область и одноименный диоцез), галлы — 55, 57, 92, 107, 109, 112, 114, 130, 131, 157, 187, 188, 191, 193, 195, 223
 Галльская империя — 50
 Ганьсуский проход — 13
 гаогюйцы — 23
 геланы — 36
 гепиды — 59, 60, 84, 107, 112, 139, 192, 202, 209–211, 215, 239
 Гераклея — см. Ираклея
 Германия (историческая область и две одноименные

- римские провинции на ее территории) — 114
- германцы — 59, 107, 214, 220, 221, 223, 226, 231, 235, 238, 248–251
- Гермонасса — 64
- герулы — 112, 192
- Гесперийские страны — 77
- геты — 58
- Гинь-вэй-шань (предположительно хребет Тарбагатай) — 22
- гирканцы, гирканы — 178
- Горгиппия — 64
- готы, готская держава — 7, 27, 42, 43, 56–58, 61, 64, 65, 68, 70, 71, 75–84, 87, 90–92, 94, 102, 104, 105, 107–109, 112–115, 131, 181, 182, 184, 186, 190, 192, 195, 202, 209–215, 218, 223, 226, 239, 240, 250–252
- вестготы (везеготы, тервинги) — 59–61, 81, 82, 91, 92, 112–115, 131, 186–188, 190, 192, 196, 198, 206, 210, 248
- остготы (остроготы, гревтунги) — 58, 60–62, 64, 69, 70, 76, 80–82, 87, 92, 96, 107, 139, 210, 212, 214, 223
- Гран (совр. Эстергом) — 129
- гревтунги — см. готы
- Греция, греки, эллины — 53, 56, 103, 106, 161, 171, 185
- Грузия — 98, 101
- Дагестан — 253, 254
- Дакия (в т. ч. провинция Прибрежная Дакия) — 61, 82, 90, 157, 211
- Далмация — 56, 103, 116, 157
- Данапр — см. Днепр
- Данастий — см. Днепр
- Данубий — см. Дунай
- даньлань — 10
- Дарданеллы — 140
- Дарубанди (Дербент) — 101
- Дарьяльское устье (Сарматские, или Аланские, или Арагвские ворота) — 95, 98, 99, 101
- Дербент — см. Дарубанди
- дербики — 178
- Джунгария — 259
- динлины — 20
- Диярбакыр — см. Амида
- Днепр (Данапр, Борисфен, Вар) — 34, 45, 77, 87, 185, 212, 249
- Днепровская лесостепь — 60, 75
- Днестр (Данастий) — 34, 60, 81, 82, 252
- Дон (река Танаис, Танаид) — 34, 40, 41, 45, 59, 60, 62, 64, 68, 71, 73, 87, 88, 96–98, 165, 170, 215, 219, 234
- Донские степи — 8
- Дубравица — 126
- Дунай (Истр, Данубий) — 6, 41, 42, 49, 56, 57, 59, 60, 61, 81–84, 86, 87, 92, 93, 95, 96, 102, 104, 107, 110, 116, 125, 126, 133, 134, 137, 143, 146, 148, 149, 155, 180, 181, 203, 206, 212, 213, 215, 218, 223, 243, 247–249, 256
- дунху — 10
- Дюрсо — 220, 222
- Евразия — 31
- Европа — 6–7, 18, 29–35, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 58, 60, 62, 68, 71–75, 78, 87–90, 93, 94, 99, 100,

- 105, 114, 139, 157, 158, 170,
182, 190, 201, 210, 215, 219,
220–222, 225–227, 230, 231,
233, 240, 241, 244, 246, 247,
250, 256–258
- Евфрат — 97, 98
Евфратисия — 97
Египет, египтяне — 57, 98, 169
Енисей — 13
- Забайкалье — 33, 219, 246
Заволжье — 33, 232
Задонск — 250
Закавказье — 102, 220
Западный край (Синьцзян) —
13, 20, 22, 29, 30, 258
Запорожская область — 236
Зауралье — 45
Зеленокумск — 253
- Иберия — 98
Иерусалим — 97
Иллирик (диоцез) — 56, 103,
106, 109, 157, 171
Иллирик (префектура) — 56,
103, 106, 107, 109, 127, 135,
136, 223, 225
Индия — 38, 151
Ираклея (Гераклея) Фракий-
ская — 140
Иран — 35, 98, 219, 226
Ирландия — 49
Испания — 52, 114, 210
Истр — см. Дунай
Италия — 52, 58, 92, 96, 98,
102, 107–109, 111, 112, 119,
120, 191, 203, 205, 206, 215,
231
итимары — 75
Кавказ — 45, 96–101, 220, 222,
250
Казахстан — 22, 33, 45, 231,
257
- Каллиполь — 140
калмыки — 259
Канаттас — 257, 258
Кангюй — 22, 32, 39
Канны — 83
Кантабрия — 157
Каппадокия — 95, 98, 100, 101
Карагандинская обл. — 33
Карпато-Дунайский реги-
он — 78
Карпаты — 247, 248
Карподаки — 93
Картли — 102
Каспийский проход (Каспий-
ские ворота) — 95, 254
Каспийское море — 35, 44, 62,
68, 70, 99
Каспийско-Черноморская
степь — 98
Каспийцы, каспии — 35, 178
Кассандрия — 140
Кастрамартис — 110
Каталаунские (Мавриакские)
поля — 111, 176, 196, 197,
198–202, 205–207, 225, 237
квады — 55, 57, 112, 192, 248
Келесирия — 97
Керчь — 74, 235
Керченский полуостров — 65
Керченский пролив — см.
Боспор Киммерийский
Кёреш — 148
кидариты — см. Кушанское
царство
Киликия — 57, 95, 97
Киммерия, киммерийцы — 40,
100
кионайе — см. эфталиты
Киргизия — 257
Киренаика — 223
Китай (Поднебесная, Средин-
ное государство), китайцы —
7–11, 13–15, 17–25, 27–31,

- 39, 40, 43, 48, 166, 169, 176,
177, 187, 221, 244, 245, 258,
259
- Конкордия — 204
- Константинополь — 6, 53, 55,
83, 84, 91, 102–106, 116, 117,
119, 123, 124, 131, 134, 135,
137, 139–141, 146, 147, 149,
152, 153, 160, 165, 167, 182,
187, 188, 190, 213, 214, 237
- Констанция — 134
- Концешты — 237, 249
- Корейский полуостров — 13
- Кронийское море — 35
- Крым — 40, 64, 65, 74, 219, 234,
235, 242, 250, 253, 257
- Кубань — 34
- куманы — 36
- Курская область — 237
- кутригуры — 40
- Кушанское царство, кушане,
кидариты — 38
- Кызыл-Адыр — 219, 245, 257
- Кызылырмак — см. Галис
- лангобарды — 131
- Лбишенское поселение — 252
- Ледовитый океан — 7, 40, 69,
167
- лезгины — 45
- Ливия — 127
- линьху — 10
- Липецкая область — 250
- литициане — 196
- лоуфань — 12
- Мавриакские — см. Каталунские
- Майнц — 114
- Макартет — 236
- Македония — 143
- Малатья — см. Мелитена
- Малая Азия — 52, 53, 100, 141
- Малая Скифия — 211
- Маныч — 34
- Маньчжурия — 13, 31
- Марг — 126, 133, 134, 172
- Маркианополь — 139
- маркоманы — 192, 248
- Марош — 148
- Марфовка — 235, 242
- Масис — 101
- массагеты — 40, 62, 97, 177,
178, 179, 181
- Медиолан (совр. Милан) — 52,
55, 96, 159, 204
- Мелитена (совр. Малатья) —
97
- Мелитополь — 235
- Меотида, Меотийское боло-
то (Азовское море) — 7, 40,
41, 62, 64, 68–75, 97, 99, 167,
200, 220
- Месопотамия — 169
- Мец — 193, 194, 195
- Мёзия (Европейская Мисия) —
61, 82, 124, 164
- мизийцы — 6
- Мидия, Мидийское царство —
62, 98, 99, 100, 158
- Милан — см. Медиолан
- Минций — 204
- Михаэльсфельд — 255
- Молдавия — 249
- Монголия, монголы — 13, 23,
24, 33, 219, 222, 232
- Морава — 126
- Морской Чулек — 255
- Мраморное море — 140
- Наисс (совр. Ниш) — 136, 146,
148, 149, 223, 224
- Нарбон — 130, 131
- невры — 40
- Недао — 209–211, 229, 240
- Никомедия — 52
- Ниш — см. Наисс

- Новогригорьевка — 234, 236, 255, 256, 258
 Новороссийск — 64, 222
 Новы Фракийские — 143
 Ноин-Ула — 222
 Норик (в том числе провинции Прибрежный Норик и Внутренний Норик) — 56, 103, 120
- Овернь — 130
 Одесс (Одисс, совр. Варна) — 136, 139, 141
 Ока — 158, 251
 Ольвия — 64
 оногуры — 255
 Ордос — 11, 13, 31, 244
 Оренбургская область — 234, 256
 Орлат — 31
 Оронт — 95, 97
 осилы — 34
 османы — см. турки
 остготы, остроготы — см. готы
 Орлеан — см. Аврелия
 Острая Лука — 250, 251, 253
 офлоны — 34
- Пад (По) — 204
 Пакистан — 38
 Паласа-Сырт — 254
 Палестина — 41, 57, 97, 98, 100, 105
 Пальмирское царство — 50
 Паннония (историческая область, а также диоцез Паннония и одноименные провинции в его составе — Верхняя Паннония, Паннония Прима и пр. Иногда могла называться Пеонией — не путать с Пеонией, находившейся примерно на территории современной Македонии), пеонийцы — 6, 55—57, 84—88, 90, 102, 103, 111, 112, 120—122, 129, 134, 143, 146, 148, 157, 172, 184, 203, 206, 209, 211, 212, 214, 229, 231, 233, 243, 247, 248
 Паннонхальм — 237
 Пантикапей — 64, 74
 Париж — 196
 парфяне — 38, 158
 Патавий — см. Альтина
 Пеония, пеонийцы — см. Паннония
 Переволокское поселение — 252
 Персидский залив — 157
 Персия — 36, 56, 89, 98—100, 118, 158
 Петросы — 239, 240
 Печ-Усёг — 237
 Пиза — 113
 пикты — 55
 Пиренеи — 112
 По — см. Пад
 Поволжье — 182, 222, 229—231, 243, 252, 255—257
 Поднепровье, Приднепровье — 60, 158, 219, 233, 234, 236, 240, 250, 252, 258
 Подонье — 158, 230, 250
 Подунавье — 231, 245, 247—249, 255, 257
 Покровск (совр. Энгельс) — 256
 Понт — см. Черное море
 Португалия — 231
 Предкавказье — 34, 88, 96, 97, 170, 248, 253
 Приазовье — 6, 40, 158, 211, 216
 Приаралье — 32, 246, 257
 Прибайкалье — 13

- Прибалхашье — 257
 Приднепровье — см. Поднепровье
 Прииртышье — 257
 Прикамье — 220, 252
 Прикарпатье — 249
 Прикаспий — 29, 31, 62, 65
 Прикубанье — 6
 Приуралье — 44, 219, 233, 255
 Причерноморье — 34, 40, 41, 42, 46, 60, 64, 65, 75, 87, 88, 158, 166, 211, 216, 229, 231, 243, 246, 247, 249, 250, 255, 257
 протоболгары — 231, 255
 Прут — 81, 237, 238, 249

 Равенна — 109, 111–113, 116, 223
 Ратиария — 136, 152
 Рейн — 49, 107, 108, 112, 114, 121, 128, 129, 157, 188, 193
 Ретия — см. Реция
 Рим (город) — 55, 92, 95, 105, 108, 109, 111–115, 122, 131, 134, 136, 167, 189, 190, 203, 204
 Рим (Римская империя, Империя), римляне, авсонии — 7, 36–38, 43, 46, 49, 50–55, 57, 58, 60, 61, 65–67, 70, 71, 82–87, 89–91, 94, 99, 102–104, 107, 109, 110, 130, 131, 133, 138, 140–143, 145, 147, 150, 152, 154, 158, 160–162, 164–167, 172–174, 182, 184–186, 190, 198, 201, 202, 211, 216, 221, 222, 225–227, 236, 248, 249, 253, — Восточная Римская империя (Византия), восточные римляне — 12, 89, 94, 95, 103–106, 113, 114, 116, 118, 123, 124, 132, 135, 137, 139, 143–147, 152, 153, 155, 186–188, 190–192, 197, 203, 206, 207, 211, 213, 214, 216, 220, 222, 225, 237, 240, 249\250, — Западная Римская империя, западные римляне — 89, 94, 96, 103, 105–107, 109–111, 114–116, 118, 120, 122–124, 132, 143, 156, 157, 186, 187, 189–192, 196, 197, 212, 215, 222, 227, 237, 240, 249
 рипариолы — 196
 Рифейские горы — 40
 Родопа — 83
 роксоланы — 34
 Россия — 226, 229, 231, 247, 259
 Ростов-на-Дону — 255
 руги — 59, 192
 Румыния — 180, 237, 239, 247, 248, 249
 Рэция (Ретия) — 55, 92, 157

 Сава — 209
 савиры — 254
 Савия — 56, 85
 Савойя — 129
 садагии — 212
 сакромонтизии — 211, 225
 саксы (саксоны) — 55, 57, 107, 112, 196
 салассы — 157
 Самарканд — 31
 Самарская Лука — 252
 Самарская область — 255
 Саньму лоуцзы — 19
 Саратовская область — 255
 Саратовское Заволжье — 33, 219, 220, 221
 Сардика — см. Сердика

- сармато-аланы — 220, 226
 Сарматские ворота — см.
 Дарьяльское ущелье
 сарматы — 44, 45, 55, 57, 62, 84,
 107, 112, 196, 219, 221, 230,
 235, 243, 246–248
 Сая — 120
 свевы (савы) — 107, 109, 179,
 192, 209
 Севастополь — 64
 Сегед — 248
 сельджуки — см. турки
 Семиречье — 30, 31
 Сена — 197
 Сербия — 56, 126, 134, 136
 Сердика (Сардика; совр.
 София) — 139, 146, 148, 212
 Сибирь — 246
 Силадшомийо — 232, 239
 Сингидунум — 134
 Синьцзян — см. Западный
 край
 Сирия — 38, 95, 97, 98, 100,
 101
 Сирмиум, Сирмий — 134, 172
 Сист — 140
 Сицилия — 137
 Скандинавия, «остров Сканд-
 за» — 58
 Скиры — 93, 111, 214
 Скифия — 59, 72, 75, 107, 127,
 158, 159, 163, 165, 179, 212
 Скифы (если употреблено
 в значении «гунны», в ука-
 затель не входит) — 6, 35,
 40–42, 60, 72, 75, 90, 98, 99,
 104, 159, 162, 166, 178, 181,
 187
 скотты — 55
 скрамасаксы — 220
 славяне — 44, 77, 183, 184, 250,
 251
 Словения — 56
 Солончанка — 219, 256, 257,
 258
 соросги — 127
 София — см. Сердика
 спартанцы — 162
 Средиземное море — 64,
 130
 Среднедунайская низмен-
 ность — 84, 158
 Средняя Азия — 30, 31, 33, 34,
 38
 Сремска-Митровица — 134
 Ставрополь — 253
 Ставрополье — 243, 253
 Суджа — 237, 238, 250
 Сырдарья — 22, 32
 сюнну (хунну, ху, хусцы), дер-
 жава сюнну — 7–31, 39,
 43–45, 49, 169, 183, 185,
 187, 219, 222, 232, 243–246,
 258
 сяньби (сяньбийцы) — 20, 21,
 28–30
 тавры — 100
 Таганрогский залив — 73, 74,
 75, 99
 Таманский полуостров — 65,
 74, 220
 Танаид, Танаис (река) — см.
 Дон
 Танаис (город) — 34, 60, 64, 73,
 219, 234, 251, 252
 танаиты — 34, 69
 Тарбагатай — см. Гинь-вэй-
 шань
 таргамосиане — 101, 102
 тибарены (тибареняне) — 177,
 178
 Тибр — 185
 Тигр — 157
 Тиса — 59, 148, 247, 248
 Тицин — 204

- Томы (Томис, Констанца) — 180
 Тонгр — 188
 Трансильвания — 232, 239
 Труа — 197
 Тулуза — 114
 тункарсы — 75
 Тураевские курганы — 219, 220
 Туркестан — 13
 турки — сельджуки и османы — 36
 Турнэ — 242
 турцилинги — 192
 Турция — 36, 97, 98
 тюрки — 43, 44, 183, 185, 232
 Тянь-Шань — 258
 Увэй (округ в древнем Китае) — 20
 угры — 44
 узы — 36
 Украина — 240
 Укселлодун — 157
 ултзинзуры — 211, 212
 ульмеруги — 59
 унны (тунны, фракийские фины) Дионисия — 35
 Урал — 40, 231, 245, 256, 257
 Усть-Альма — 257
 усуни (Усунь) — 21, 31
 усунь, Усунь — 12, 28
 Ута — 139
 утигуры — 40

 Фанагория — 64, 74
 Фасис (Риони) — 96, 100
 Фенекпуста — 248
 Фермопилы — 140
 Фессалоники — 61
 Филиппополь — 139
 Финикия — 98
 финно-угры — 44
 финны — 44
 фоссатизии — 211, 225

 Фракия — 56, 61, 67, 82, 83, 90–92, 94, 102–105, 110, 117, 124, 127, 135–137, 140, 171, 213
 франки — 57, 114, 187–189, 192, 196, 202, 241
 Франция — 31, 130, 220, 231, 244

 хазары — 36, 101, 102, 169, 170
 Халкедон — 6
 Халкидики — 140
 Хань (династия) — 11, 17, 20, 21
 ханьцы (этнические китайцы) — 18
 Херсонес Таврический — 64, 65, 253
 Херсонес Фракийский (полуостров Галлиполи) — 140, 141
 хиониты, хоны — см. эфталиты
 Хорватия — 56
 Хрейдготланд — 80
 Хуанхэ — 11, 13, 14
 хуны (Птолемея) — 34
 хуцзе — 12

 Цзесцы — 24
 Цидн (Кидн) — 98
 цяны — 20

 Чаквар — 248
 Чаосянь — 13
 Черное море (Понт) — 64, 75, 136, 140, 210
 Чжао (царство) — 10, 116
 Чонград — 248
 Чэши — 39

 Шампань — 197
 Шипово — 256
 Шотландия — 57, 231, 247

Эгейское море — 140	эфталиты (хиониты, хионы, хоны, кионайе, белые гунны) — 31, 36–39
эллины — см. Греция	
Эмилия — 204	
Энгельс (город) — см. Покровск	ютунги — 92, 105, 222
Эрак (Низовья Днепра) — 77	Юэбань (Юебань) — 22, 23, 25, 28
Эрджияс — см. Аргей	юэчжи — 12, 13, 39, 45
Эстергом — см. Гран	

Библиография

- Aesch., Prom. — *Эсхил*. Прометей прикованный.
- Agath. — *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. Пер.: М. В. Левченко. М., 1953.
- Ambros., Ep. — *Амвросий Медиоланский*. Письма. По изданию: St. Ambrose of Milan, Letters. Oxford, 1881 (интернет-версия: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/index.htm#Ambrose_Letters).
- Апп. — *Аммиан Марцеллин*. Римская история. Пер.: Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни. М., 2005.
- Аполлин. Sidon., Carm. — *Аполлинарий Сидоний*. Оды. По изданию: *Sidonius*. Poems and letters. Vol. I. L., 1963.
- Aug. Vict., Caes. — *Аврелий Виктор*. О Цезарях. Пер.: В. С. Соколов // Римские историки IV века. М., 1997.
- Aug. Vict., epit. Caes. — Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Выдержки из книг Секста Аврелия Виктора от Цезаря Августа до императора Феодосия. Пер.: В. С. Соколов // Римские историки IV века. М., 1997.
- Cass., Var. — *Кассиодор*. *Variae*. По изданию: Cassiodorus: *Variae*. Transl.: S. J. B. Barnish. Liverpool, 1992.
- Chron. Edess. — Эдесская хроника. Пер.: Н. В. Пигулевская // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. М., 2000.
- Chron. Gall. 452 — Галльская хроника 452 года. По изданию: *Козлов А. С.* О тенденциозности «Галльской хроники 452 года» // Античная древность и средние века. Вып. 35. Екатеринбург, 2004.
- Claudian., In Rufin. — *Клавдий Клавдиан*. Против Руфина. Пер.: М. Л. Гаспаров // Поздняя латинская поэзия. М., 1982.

- Claudian., In Eutrop. — *Клавдий Клавдиан*. Против Евтропия. Cod. Theod. — Кодекс Феодосия.
- Const. Porph., De adm. imp. — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Dion. Per. — *Дионисий Перизгет*. Описание Ойкумены. Пер. и прим.: И. В. Илющечкина // Вестник древней истории. 2005, № 4; 2006, № 1, 2.
- Eun., Hist. — *Евнаний*. Продолжение истории Дексиппа // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890.
- Eus., Praer. — *Евсевий*. Евангельское приуготовление.
- Eust., ad Dionys. Per. — *Евстафий Фессалоникский*. Комментарии к Дионисию Перизгету. Пер.: И. П. Цветков // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890.
- Evagr. Schol. — *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Пер. Санкт-Петербургской духовной академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой. М., 1997.
- Herodot. — *Геродот*. История. Пер: Г. А. Стратановский. М., 1972.
- Hieron., Ep. — *Иероним Стридонский*. Письма. По изданию: Творения блаженного Иеронима Стридонского. Пер. Киевской духовной академии. Часть 2. Киев, 1894; часть 3. Киев, 1880. (По этому же изданию приводится нумерация писем).
- Ioan. Mal. — *Иоанн Малала*. Хронография.
- Ioan. Nikiu. — *Иоанн Никиусский*. Хроника. По изданию: John, Bishop of Nikiu: Chronicle. Transl.: R. H. Charles. London, 1916 (интернет-версия: http://www.tertullian.org/fathers/nikiu2_chronicle.htm).
- Iord., Get. — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Пер. и прим.: Е. Ч. Скржинская. СПб., 2001.
- Iord., Rom. — *Иордан*. Римская история. Transl.: Brian T. Regan. Интернет-публикация: <http://www.harbornet.com/folks/theedrich/Goths/Romana.htm>.
- Ios., Bell. Iud. — *Иосиф Флавий*. Иудейская война.
- Ios. Styl. — Хроника Иешу Стилита. Пер.: Н. В. Пигулевская // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. М., 2000.

- Isid., Hist. — *Исидор Севильский*. История готов, вандалов и све-
вов. Пер.: Попова А. М., Тюленев В. М. // *Формы исторического
сознания от поздней античности до эпохи Возрождения*. Ива-
ново, 2000.
- Isid., Hist. Goth. — *Исидор Севильский*. История готов. Пер.:
Т. А. Миллер, С. Железнов. Интернет-публикация:
http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm.
- Isid., Hist. Vand. — *Исидор Севильский*. История вандалов. Пер.: Thiet-
mar. Интернет-публикация:
http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/vand.phtml?id=582.
- Marcian., Per. — *Маркиан Гераклеяский*. Обезд Внешнего моря.
Пер.: В. В. Латышев / *Латышев В. В.* Известия древних писате-
лей о Скифии и Кавказе // *Вестник древней истории*. 1948, № 3.
- Marc. Com. — *Марцеллин Комит*. Хроника. Пер. и прим.:
Н. Н. Болгов. Белгород, 2010.
- Olimp. — «История» Олимпиодора (В записях и выборках Фотия).
Пер. и прим.: Е. Ч. Скржинская // *Византийский временник*.
Вып. 8. М. — Л., 1956.
- Oros. — *Павел Орозий*. История против язычников. Книги I—VII.
Пер. и прим.: В. М. Тюленев. СПб., 2004.
- Ran. Lat. — Латинские панегирики.
- Paul. Dias., Hist. Rom. — *Павел Диакон*. Римская история.
Пер.: И. Дьяконов. Интернет-публикация:
[http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P_III/text13.
phtml?id=6127](http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P_III/text13.phtml?id=6127).
- Philostorg. — *Филосторгий*. Сокращение «Церковной истории». Пер.:
В. А. Дорофеева // *Церковные историки IV—V веков*. М., 2007.
- Porphyg., De abst. — *Порфирий*. Об отказе от одушевленного [Об
отказе от мясной пищи]. Пер.: Т. Г. Сидаш // *Порфирий*. Сочин-
ения. СПб., 2011.
- Prisc. — Пер.: С. Дестунис, по изданию: *Сказания Приска Паний-
ского*. СПб., 1861.
- Procop., Bell. Goth. — *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. Пер.:
С. П. Кондратьев. М., 1950.
- Procop., Bell. Pers. — *Прокопий Кесарийский*. Война с персами //
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами.
Тайная история. Пер. и прим.: А. А. Чекалова. М., 1993.
- Procop., Bell. Vand. — *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами
// *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами.
Тайная история. Пер. и прим.: А. А. Чекалова. М., 1993.

- Prosop., De aed. — *Прокопий Кесарийский*. О постройках. Пер.: С. П. Кондратьев // Вестник древней истории. 1939. № 4.
- Prosop. Tig. — Хроника Проспера Аквитанского [Проспер Тирон]. Пер.: Д. Суровенков. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id=6887.
- Ptol. — *Клавдий Птолемей*. Пер.: И. П. Цветков // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 231–232.
- SHA — Жизнеописания Августов. По изданию: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Пер.: С. П. Кондратьев. М., 1992.
- Sines., De reg. — *Синезий Киренский*. О царстве. Пер.: В. М. Левченко // Византийский временник. Вып. 6. М., 1953.
- Socr. Schol. — *Сократ Схоластик*. Церковная история. Пер.: Санкт-Петербургская духовная академия, под ред. И. В. Кривушина. М., 1996.
- Sozom. — *Созомен Саламинский*. Церковная история. По изданию: Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.
- Strab. — *Страбон*. География. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1964.
- Suet., Aug. — *Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август. Пер.: М. Л. Гаспаров // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993.
- Suidas — Энциклопедия Суда. Интернет-публикация: <http://www.stoa.org/sol>.
- Theod. Sug. — *Феодорит епископ Кирский*. Церковная история. М., 1993.
- Theod. Sug., Orat. — *Феодорит Кирский*. Речи.
- Zos. — *Зосим*. Новая история:
Книга IV: пер.: В. В. Латышев / В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4;
Книга V. Пер.: Н. Н. Болгов // Проблемы историографии всеобщей истории. Белгород, 2000;
Книга VI. Пер.: Н. Н. Болгов // Вопросы всеобщей истории и политологии (к двадцатилетию исторического факультета БелГУ). Белгород, 1997.
- Айбабин*. Степь и Юго-Западный Крым — *Айбабин А. И.* Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причер-

- номорье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология. М., 2003.
- Айбабин.* Этническая история — *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз.* Восточноевропейские — *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VII в. // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981.
- Амброз.* К итогам дискуссии — *Амброз А. К.* К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // *Советская археология.* 1985. № 3.
- Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии — *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. // *Советская археология.* 1971. № 1, 2.
- Амброз.* Хронология древностей — *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
- Анохин.* История Боспора — *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Аристов.* Усуни — *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или каракыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. (Используется по интернет-версия: http://bizdin.kg/elib/kitepter/html/taryh/aristov_usuni).
- Артамонов.* История хазар — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Ахмедов, Белоцерковская.* Культура рязано-окских могильников — *Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В.* Культура рязано-окских могильников // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э.* М., 2007.
- Ахмедов, Казанский.* После Аттилы — *Ахмедов И. Р., Казанский М. М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье.* СПб., 2004.
- Бань Гу.* 1973 — *Бань Гу.* История династии Хань // *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).* Вып. 2. Пер.: В. С. Таскин. М., 1973.
- Бань Гу.* 2005 — *Торчинов Е. А.* Доклады Чао Цо о сюнну. Пер.: Е. А. Торчинов // *Страны и народы Востока.* Вып. 32. М., 2005.

- Барфилд*. Опасная граница — *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009. Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. (Используется по исправленной и дополненной электронной версии, размещенной в Интернете Д. В. Рухлядевым: <http://barfield.narod.ru>).
- Батиева*. Население Танаиса — *Батиева Е. Ф.* Население Танаиса в эпоху великого переселения народов // Вестник антропологии. Вып. 14. М., 2006.
- Батчаев*. Гуннский котел — *Батчаев В. М.* Гуннский котел из селения Хабаз // Советская археология. 1984. № 1.
- Безуглов*. Аланы-танаиты — *Безуглов С. И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.
- Безуглов*. Позднесарматская культура — *Безуглов С. И.* Позднесарматская культура и Нижний Дон (Современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010.
- Безуглов, Яценко*. Танаисская бронзовая маска-штамп — *Безуглов С. И., Яценко В. В.* Танаисская бронзовая маска-штамп эпохи переселения народов // Донская археология. 1999. № 1.
- Безуглов, Ильюков*. Памятник позднегуннской эпохи — *Безуглов С. И., Ильюков Л. С.* Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. Москва — Иерусалим, 2007.
- Безуглов, Толочко*. О... связях населения Танаиса — *Безуглов С. И., Толочко И. В.* О культурно-исторических связях населения Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Древности Боспора. Вып. 10. М., 2006.
- Бейсенов, Китов*. Впускное погребение гуннского времени — *Бейсенов А. З., Китов Е. П.* Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Челябинск, 2013.
- Бернштам*. Находки у оз. Борового — *Бернштам А. Н.* Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. 13. М. — Л., 1951.
- Бернштам*. Очерк истории гуннов — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

- Бёттгер, Ульрих.* Позднеантичное поселение в Танаисе — *Бёттгер Б., Ульрих М.* Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // Сарматы и их соседи на Дону. / *Материалы и исследования по археологии Дона.* Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.
- Бичурин.* Собрание сведений. I—III — *Бичурин Н. Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I—III. М. — Л., 1950—1953.
- Бичурин.* Статистическое описание — *Бичурин Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи. М., 2002.
- Богачев.* К вопросу о поздней дате — *Богачев А. В.* К вопросу о поздней дате древности «гуннского круга» // *Российская археология.* 1996. № 3.
- Богачев.* Процедура-методические аспекты — *Богачев А. В.* Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV—VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.
- Богачев.* Славяне, германцы, гунны — *Богачев А. В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н. э. Саарбрюккен, 2011.
- Богачев.* Хронология двукружковых — *Богачев А. В.* Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграции в Волго-Камье на рубеже IV—V вв. // *Проблемы археологии Оренбуржья.* Вып. 8. Оренбург, 2007.
- Боковенко, Засецкая.* Происхождение котлов — *Боковенко Н. А., Засецкая И. П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // *Петербургский археологический вестник.* Вып. 3. СПб., 1993.
- Болгов.* Закат — *Болгов Н. Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Боровкова.* Царства Западного края — *Боровкова Л. А.* Царства «Западного края» во II—I вв. до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Боровкова.* Кушанское царство — *Боровкова Л. А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.
- Боровкова.* Народы Средней Азии — *Боровкова Л. А.* Народы Средней Азии III—VI веков (по древним китайским и западным источникам). М., 2008.

- Боталов.* Хунну и гунны — *Боталов С. Г.* Хунну и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3.
- Боталов.* Гунны и тюрки — *Боталов С. Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009.
- Боталов.* О гуннах европейских — *Боталов С. Г.* О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Челябинск, 2013.
- Боталов, Гуцалов.* Гунно-сарматы — *Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- Боталов и др.* Курганы с «усами» — *Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э.* Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006.
- Буданова.* Варварский мир — *Буданова.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
- Буданова.* Готы — *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Буданова и др.* Великое переселение — *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.
- Бураев.* Географический фактор — *Бураев А. И.* Географический фактор в формировании военно-политического объединения хунну // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.
- Вайнберг, Горбунова, Мошкова.* Основные проблемы — *Вайнберг Б. В., Горбунова Н. Г., Мошкова М. Г.* Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992.
- Вайнштейн.* Мир кочевников — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Васильев.* [рец. на:] *Гумилев.* Хунну — *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // Вестник древней истории. 1961. № 2.
- Васильева.* Особенности рыбного промысла — *Васильева А. В.* Особенности рыбного промысла населения Недвиговского городища // Донская археология. 1999. № 3–4.
- Вернадский.* Древняя Русь — *Вернадский Г. В.* История России. Древняя Русь. Тверь — М., 1996.

- Вольфрам*. Готы — *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века. СПб., 2003.
- Габуев*. Об ареале раннеаланской культуры — *Габуев Т. А.* Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Вып. 43. Махачкала, 2011.
- Габуев, Малашев*. Памятники ранних алан — *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Гаврилов*. Погребение кочевника — *Гаврилов А. В.* Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996.
- Гавритухин*. Комплексы элиты — *Гавритухин И. О.* Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007.
- Гавритухин*. Некоторые перспективы — *Гавритухин И. О.* Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ / Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Гавритухин, Обломский*. К реконструкции — *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007.
- Гаджиев, Малашев*. Этнокультурная принадлежность — *Гаджиев М. С., Малашев В. Ю.* Этнокультурная принадлежность курганов могильников IV–V вв. н. э. Южного Дагестана // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М., 2014.
- Гадло*. Этническая история — *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.
- Гайдукевич*. Боспорское царство — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М. — Л., 1949.
- Гаряинов*. Гуннское погребение — *Гаряинов В. А.* Гуннское погребение в пещере Южного Приуралья // Советская археология. 1980. № 4.
- Гафуров*. Таджики — *Гафуров Б. Г.* Таджики. Кн. 1. Душанбе, 1989.
- Гмыря*. Страна гуннов — *Гмыря Л. Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.

- Горелик.* Защитное вооружение — *Горелик М. В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Грант.* Римские императоры — *Грант М.* Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи. М., 1998.
- Григорий Турский — Григорий Турский.* История франков. Пер.: В. Д. Савукова. М., 1987.
- Гриценко.* К вопросу о варваризации — *Гриценко В. А.* К вопросу о варваризации поздней римской императорской армии // Вестник Московского государственного областного университета, серия «История и политические науки». 2011, № 4.
- Гуго из Флавиньи — Гуго из Флавиньи.* Хроника. Пер.: И. Дьяконов. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Hugo_Flaviniacensis/frametext2.htm.
- Гудименко.* Этнополитическая ситуация — *Гудименко И. В.* Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Гудкова.* Грейтунги — *Гудкова А. В.* Грейтунги в припонтийских степях // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Гумилев.* Хунну — *Гумилев Л. Н.* Хунну. СПб., 1993.
- Давыдова.* Иволгинский комплекс — *Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Давыдова, Миняев.* Художественная бронза — *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Художественная бронза сюнну. СПб., 2008.
- Дворецкий.* Латинско-русский словарь — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Использовался по электронной версии в составе словаря Альфа, <http://gurin.tomsknet.ru/alpha.html>.
- Демиденко.* О позднесарматских... котлах — *Демиденко С. В.* О позднесарматских бронзовых литых котлах // Российская археология. 2014. № 1.
- Дёрфер.* О языке гуннов — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

- Дмитриев.* Погребения всадников — *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4.
- Досымбаева.* Усуньский археологический аспект — *Досымбаева А. М.* Усуньский археологический аспект в истории гуннов и тюрков Центральной Евразии // Гуннский форум. Челябинск, 2013.
- Ешевский.* Аполлинарий Сидоний — *Ешевский С. В.* К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения С. В. Ешевского. Часть третья. М., 1870.
- Жизнь картлийских царей — *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Пер.: Цулая Г. В. М., 1979.
- Заднепровский.* Ранние кочевники — *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992.
- Засецкая.* Гунны — *Засецкая И. П.* Гунны в южнорусских степях. Конец IV — первая половина V в. н. э. (по археологическим данным) М., 1971.
- Засецкая.* Золотые украшения — *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая.* Классификация полихромных — *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Засецкая.* Культура кочевников — *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.
- Засецкая.* Михаэльсфельд — *Засецкая И. П.* Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего Средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38. СПб., 2010.
- Засецкая.* О роли гуннов — *Засецкая И. П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V века нашей эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Л., 1977.
- Засецкая.* О хронологии и культурной — *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских

- степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1978. № 1.
- Засецкая*. О хронологии погребений — *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // Советская археология. 1968. № 2.
- Засецкая*. Полихромные изделия — *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968.
- Засецкая и др.* Морской Чулек — *Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.* Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб, 2007.
- Зиньковская*. К вопросу об этнокультурных контактах — *Зиньковская И. В.* К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской Лесостепи на рубеже римского времени и раннего Средневековья // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Ивик*. Еда — *Ивик О.* Еда древнего мира. М., 2012.
- Ивик, Ключников*. Сюнну — *Ивик О., Ключников В.* Сюнну, предки гуннов, создатели первой степной империи. М., 2014.
- Ильяшенко*. Стандартные *dirinti* — *Ильяшенко С. М.* Стандартные *dirinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н. э. / Боспорские исследования. Вып. 29. Симферополь — Керчь, 2013.
- История Дона — Web-учебник «История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года». Интернет-публикация Южного федерального университета (http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/Don_titl.htm).
- Иштванович, Кульчар*. «Вождеские» погребения — *Иштванович Э., Кульчар В.* «Вождеские» погребения и центры власти позднеимского времени и эпохи Великого переселения народов в Карпатском бассейне // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. М., 2014.
- Кадырбаев*. Памятники ранних кочевников — *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана //

- Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Вып. 7. Археология. Алма-Ата, 1959.
- Казанский.* Аланы на западе — *Казанский М. М.* Аланы на западе в эпохе переселения народов: археологические данные // Этногенез и этническая история осетин. Владикавказ, 2013.
- Казанский.* «Вождеские» погребения — *Казанский М. М.* «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том 1. М., 2010.
- Казанский.* Вождеское захоронение — *Казанский М. М.* Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus aevorum. Том 1. № 1. 2014.
- Казанский.* К истории парадного клинкового оружия — *Казанский М. М.* К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012.
- Казанский.* Остроготские королевства — *Казанский М. М.* Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. — Кишинев, 1997.
- Казанский.* Погребение... в Концештах — *Казанский М. М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014. № 4.
- Казанский.* Ранние погребения гуннов — *Казанский М. М.* Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010.
- Казанский, Мастыкова.* Германские элементы — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир, 1998.
- Казанский, Мастыкова.* Женские могилы — *Казанский М., Мастыкова А.* Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимов-

- ские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.
- Казанский, Мастыкова.* «Царские» гунны — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.
- Казанский, Мастыкова.* Хронологические индикаторы — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010.
- Казанский, Перен.* Могила Хильдерика — *Казанский М. М., Перен П.* Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 218. М., 2005.
- Кляшторный.* Степные империи — *Кляшторный С. Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Ковалёв.* Происхождение хунну — *Ковалёв А. А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии. // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002.
- Колосовская, Штаерман.* Передвижения племен — *Колосовская Ю. К., Штаерман Е. М.* Передвижения племен и падение Западной Римской империи // История Европы. Том I. Древняя Европа. М., 1988.
- Колтухов.* Тузлинский район — *Колтухов С. Г.* Тузлинский историко-географический район Боспора Киммерийского в античную эпоху // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том I. Вып. 1. Симферополь, 2005.
- Комар.* Актуальные проблемы хронологии — *Комар А. В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.
- Комар.* Детали обуви — *Комар А. В.* Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010.
- Комар.* Комплекс из Макартета // *Комар А. В.* Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Челябинск, 2013.

- Комар.* Кутригуры и утигуры — *Комар А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев — Судак, 2004.
- Коновалов.* Усыпальница — *Коновалов П. Б.* Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ, 2008.
- Коновалов.* Происхождение... хунну — *Коновалов П. Б.* Происхождение и формирование погребального комплекса хунну // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.
- Корсунский, Гюнтер.* Упадок — *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.
- Крадин.* Империя хунну — *Крадин Н. Н.* Империя хунну. М., 2001.
- Крадин.* Гумилев и современные проблемы — *Крадин Н. Н.* Л. Н. Гумилев и современные проблемы изучения хунну // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. СПб., 2012.
- Кузнецов.* Аланы в Западной Европе — *Кузнецов В. А.* Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Аланы, Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- Кузнецов, Пудовин.* Аланы в Западной Европе — *Кузнецов В. А., Пудовин В. К.* Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. 1961. № 2.
- Кулаковский.* История Византии — *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Том I—III. СПб., 2003.
- Кызласов.* Города гуннов — *Кызласов Л. Р.* Города гуннов // Евразийские древности. М., 1999.
- Кычанов.* Кочевые государства — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Левина.* Памятники джетысарской культуры — *Левина Л. М.* Памятники джетысарской культуры середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992.
- Левина.* Этнокультурная история — *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Любчанский, Таиров.* Археологическое исследование — *Любчанский И. Э., Таиров А. Д.* Археологическое исследование комплек-

- са Курган с «усами» Солончанка 1 // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск, 1999.
- Любчанский*. Номады поздней древности — *Любчанский И. Э.* Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010.
- Майтдинова*. Государство Кирпанд — *Майтдинова Г.* Государство Кирпанд — империя в Срединной Азии (II — начало VIII вв.). Душанбе, 2011 (по электронной версии: <http://www.kroounov.ru/files/10923.doc>; номера страниц указаны по этому файлу).
- Малашев*. Археологические памятники — *Малашев В. Ю.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II—IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. 2007. № 3.
- Малашев*. Место курганных могильников Дагестана — *Малашев В. Ю.* Место курганных могильников Дагестана позднесарматского и гуннского времени в системе древностей Северного Кавказа и восточноевропейской степи // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.
- Малашев*. Периодизация ременных гарнитур — *Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.
- Малашев, Мошкова*. Происхождение позднесарматской культуры — *Малашев В. Ю., Мошкова М. Г.* Происхождение позднесарматской культуры (К постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010.
- Мандельштам*. К гуннской проблеме — *Мандельштам А. М.* К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Мануйлов*. Сюнну — *Мануйлов А. Н.* Сюнну: традиции и обычаи // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993.
- Маслов*. О датировке изображений — *Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М., 1999.

- Материалы. 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. Предисл., пер. и прим.: Таскин В. С.
- Материалы. 1990 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990. Предисл., пер. и прим.: Таскин В. С.
- Мацулевич.* Погребение варварского князя — *Мацулевич Л. А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. М. — Л., 1934.
- Медведев.* Два позднеантичных склепа — *Медведев А. П.* Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.
- Мелькские анналы — Мелькские анналы. Пер.: И. В. Дьяконов. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mellicenses/text.phtml.
- Менхен-Хельфен.* История и культура гуннов — *Менхен-Хельфен О.* История и культура гуннов. М., 2014.
- Миллер и др.* Погребальный комплекс сюнну — *Миллер Брайан К., Оллард Ф., Эрдэнэбатор Д., Ли К.* Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 // Археологические вести. Вып. 15. СПб., 2008.
- Миняев.* К топографии — *Миняев С. С.* К топографии курганных памятников сюнну // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 184. М., 1985.
- Миняев.* Сюнну — *Миняев С. С.* Сюнну // Исчезнувшие народы. М., 1988.
- Миняев.* Комплекс погребений 44 — *Миняев С. С.* Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 194. М., 1988.
- Миняев, Елихина.* К хронологии — *Миняев С. С., Елихина Ю. И.* К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки Института истории материальной культуры РАН. Вып. 5. СПб., 2010.
- Миняев, Сахаровская.* Элитный комплекс — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1.
- Михайлов.* Погребение гуннского времени — *Михайлов Б. Д.* Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.

- Могильников*. Хунну Забайкалья — *Могильников В. А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Мошкова*. Археологические памятники — *Мошкова М. Г.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II—IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // Российская археология. 2007. № 3.
- Мошкова и др.* Проблемы культурной атрибуции — *Мошкова М. Г., Малашев М. Ю., Болелов С. Б.* Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. — IV в. н. э. // Российская археология. 2007. № 3.
- Мудрак*. Язык во времени — *Мудрак О.* Язык во времени. Классификация тюркских языков. Лекция, прочитанная в 2009 году; интернет-версия: <http://www.polit.ru/article/2009/04/30/mudrak>.
- Несторий — Несторий*. Книга Гераклида Дамасского. По изданию: Nestorius, The Bazaar of Heracleides (1925); интернет-версия — http://www.tertullian.org/fathers/nestorius_bazaar_5_book2_part2.htm.
- Нефедкин*. Военное дело — *Нефедкин А. К.* Военное дело сарматов и аланов. СПб., 2011.
- Нечаева*. Дипломатические отношения — *Нечаева Е. Н.* Дипломатические отношения между Римом и варварами в V в. Доклад. Интернет-версия: <http://centant.spbu.ru/sno/publ/Nech.htm>.
- Никонов*. Военное дело — *Никонов В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Том I (XXVI). СПб., 2002.
- Никонов, Худяков*. «Свистящие стрелы» — *Никонов В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. СПб., 2004.
- Новосельцев*. Хазарское государство — *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Обломский*. Лесостепное Подонье — *Обломский А. М.* Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007.

- Обломский.* Хронология поселения Танаис — *Обломский А. М.*
Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула, 2010.
- Обломский.* Этнокультурные компоненты — *Обломский А. М.*
Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV–V в.) // Гуннский форум. Челябинск, 2013.
- Оленин.* Облик — *Оленин А. Н.* Облик или портрет Великого Князя Святослава Игоревича // Сын Отечества. 1814. № 2.
- Острая Лука Дона — Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.
- Охонько, Отюцкий.* Богатое захоронение — *Охонько Н. А., Отюцкий И. В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // Советская археология. 1982. № 4.
- Паромов.* Памятники ранневизантийской эпохи — *Паромов Я. М.*
Памятники ранневизантийской эпохи. Историографический очерк // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология. М., 2003.
- Песнь о нибелунгах — Песнь о нибелунгах. Пер.: Ю. Корнеев.
По изданию: Песнь о Нибелунгах. СПб., 2000.
- Пигулевская.* Сирийские источники — *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. М., 2000.
- Пилипенко и др.* Генофонд — *Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Коновалов П. Б., Журавлев А. А.* Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011.
- Плетнева.* Кочевники южнорусских степей — *Плетнева С. А.*
Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века. Воронеж, 2003.
- Полосьмак.* Некоторые аналоги — *Полосьмак Н. В.* Некоторые аналоги погребения в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990.

- Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск, 2011.
- Пуздровский.* Воинское погребение — *Пуздровский А. Е.* Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. Вып. 22. Донецк, 2010.
- Пуздровский и др.* Погребение воина — *Пуздровский Е. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. Вып. 10. Симферополь, 1999.
- Пуллиблэнк.* Язык сюнну — *Пуллиблэнк Э. Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
- Радюш, Щеглова.* Волниковский «клад» — *Радюш О. А., Щеглова О. А.* Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012.
- Радюш.* «Княжеская» и «вождеская» культура — *Радюш О. А.* «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Среднем Поднепровье: новые исследования и находки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. М., 2014.
- Рыков.* Археологические раскопки — *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете. Вып. 1. Саратов, 1926.
- Сага о Волсунгах — Сага о Волсунгах. Пер.: Б. Ярхо // Корни Иггдрасиля. М., 1997.
- Сазанов.* О хронологии — *Сазанов А. В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. 1989. № 4.
- Сазанов, Иващенко.* К вопросу о датировках — *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // Советская археология. 1989. № 1.
- Самоквасов.* Могилы — *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли М., 1908.
- Седов.* Славяне в древности — *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.

- Семенов А. К.* К выявлению — *Семенов А. И.* К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. Л., 1988.
- Семенов.* К реконструкции — *Семенов И. Г.* К реконструкции политической истории Картли (Иберия) в последней трети IV века // Вестник древней истории. 2010. № 2.
- Семенов.* Место правителя — *Семенов И. Г.* Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк'») // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. М., 2014.
- Семенов.* Сообщения Леонти Мровели — *Семенов И. Г.* Сообщения Леонти Мровели о хазарах // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. 2007. № 2.
- Сергеев.* Римская империя — *Сергеев И. П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999.
- Симоненко.* «Гунно-сарматы» — *Симоненко А. В.* «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград, 2010.
- Сиротенко.* Борьба — *Сиротенко В. Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395–125 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Вып. 8. Свердловск, 1972.
- Скржинская.* Иордан — *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica» // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001.
- Скржинская.* «История» Олимпиодора — *Скржинская Е. Ч.* «История» Олимпиодора (В записях и выборках Фотия) // Византийский временник. Вып. 8. М. — Л., 1956.
- Скрипкин.* Проблема происхождения — *Скрипкин А. С.* Проблема происхождения позднесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. Волгоград, 2011.
- Старшая Эдда — Старшая Эдда. Пер.: А. Корсун, прим.: М. Стеблин-Каменский. СПб., 2011.
- Строков.* Ременные гарнитур — *Строков А. А.* Ременные гарнитур гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. Вып. 21. Симферополь — Керчь, 2009.
- Сыма Цянь.* I–IX — *Сыма Цянь.* Исторические записки. Том I–IX. М., 1972–2010. Пер.: Вяткин Р. В., Таскин В. С. и др.

- Таиров*. Раннесакские боевые пояса — *Таиров А. Д.* Раннесакские боевые пояса // Российская археология. 2004. № 1.
- Таскин*. Скотоводство у сюнну — *Таскин В. С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- Тенишев*. Гуннов язык — *Тенишев Э. Р.* Гуннов язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.
- Тиханова, Черняков*. Новая находка погребения с диадемой — *Тиханова М. А., Черняков И. Т.* Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье // Советская археология. 1970. № 3.
- Тишкин и др.* Степушка-I — *Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В.* Степушка-I — памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Челябинск, 2013.
- Томпсон*. Гунны — *Томпсон*. Гунны. Грозные воины степей. М., 2010.
- Тортика*. Северо-западная Хазария — *Тортика А. А.* Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Фан Сюаньлин*. 1989 — *Фан Сюаньлин*. История династии Цзинь // Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989. Пер.: Таскин В. С.
- Фань Е*. 1973 — *Фань Е*. История поздней династии Хань // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. Пер.: Таскин В. С.
- Фань Е*. 1984 — *Фань Е*. История династии Поздняя Хань // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. Пер.: Таскин В. С.
- Феофан Исповедник* — Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер.: пер. В. И. Оболенский, Ф. А. Терновский. М., 1884.
- Фиц*. Римская Паннония — *Фиц Й.* Римская Паннония // Археология Венгрии. М., 1960.
- Фурасьев*. Акациры — *Фурасьев А. Ф.* Акациры — соседи эстиев // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 39. СПб., 2013.
- Халиков*. Об этнокультурной ситуации — *Халиков А. Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысяче-

- летия нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Хамидуллин.* «Царство гуннов» — *Хамидуллин С. И.* «Царство гуннов» и княжество Бурджан // Вопросы истории. 2011. № 3.
- Храпунов.* Администрация Боспора — *Храпунов Н. И.* Администрация Боспора в V в. н. э. // Древности Боспора. Вып. 15. М., 2011.
- Хуань Куань.* Спор. I—II — *Хуань Куань.* Спор о соли и железе. Том I—II. СПб., 1997—2001. Пер.: Кроль Ю. Л.
- Худяков.* Вооружение — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков.* Материалы хуннского времени — *Худяков Ю. С.* Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Вып. 4. Горно-Алтайск, 1999.
- Циркин.* Античные — *Циркин Ю. Б.* Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб., 2006.
- Циркин.* Майориан и Рицимер — *Циркин Ю. Б.* Майориан и Рицимер. Из истории Западной Римской империи // Мнемон. Вып. 11. СПб., 2011.
- Черниенко.* Гунны в Европе — *Черниенко Д. А.* Гунны в Европе. Ижевск, 2003.
- Шаги.* Остроготы — *Шаги К.* Остроготы (остготы) в окрестностях озера Балатон // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
- Шаламон, Баркоци.* Археологические данные — *Шаламон А., Баркоци Л.* Археологические данные к периодизации позднеримской Панонии (376—476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
- Шелов.* Волго-донские степи — *Шелов Д. Б.* Волго-донские степи в гуннское время. Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Шелов.* Танаис и Нижний Дон — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
- Шицзин — Шицзин.* Книга песен и гимнов. Пер.: Штукин А. М., 1987.

- Штаерман*. Социальные основы религии — *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Шукин*. Готский путь — *Шукин М. Б.* Готский путь. СПб., 2005.
- Шукин*. К вопросу — *Шукин*. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 158. Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979.
- Шукин М. Б.* Силадьшомйо — *Шукин М. Б.* Силадьшомйо или Шимлео Сильваней и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Эрдели*. Археология Венгрии — *Эрдели И.* Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. М., 1960.
- Эрдели*. Даки, сарматы, германцы, гунны — *Эрдели И.* Даки, сарматы, германцы, гунны в I–VI вв. // Археология Венгрии. М., 1960.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
- Юй Тайшан*. Исследование — *Юй Тайшан*. Исследование проблем истории и этнической идентичности гуннов в китайской историографии. Интернет-публикация: <http://gov.cap.ru/home/13/про/гунны.doc>.
- Яйленко*. Гунно-болгары — *Яйленко В. П.* Гунно-болгары II–V вв. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // Древности Боспора. Вып. 5. М., 2002.
- Яценко*. К дискуссии — *Яценко С. А.* К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II — 1-й половины III века нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. Волгоград, 2011.
- Iranica — Encyclopædia Iranica. По электронной версии: <http://www.iranicaonline.org>.
- Erdy*. Three archaeological links — *Erdy M.* Three archaeological links between the xiongnu and the hunns // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002.

- Erdy*. Unique Xiong — *Erdy M.* Unique Xiong-nu Cauldron Urumqui
// Onner Asia Report Neusletter of the Harward Students for Onner
Asia. № 7. Cambrige, USA. 1990
- Gračanin*. The Huns — *Gračanin H.* The Huns and South Pannonia //
Byzantinoslavica. Т. XVI. Praha, 2006.
- Ščukin etc.* Des les goths aux huns — *Ščukin M., Kazanski M., Sharov O.*
Des les goths aux huns. 2006.

Материалы сайтов:

- Восточная литература — <http://www.vostlit.info>;
История Древнего Рима — <http://ancientrome.ru>;
Библиотека Annales — <http://Annales.info>;
Википедия — <http://www.wikipedia.org>.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сюнну.	9
Глава 2. «Темные века» гуннской истории	28
Глава 3. Европа накануне гуннского нашествия	48
Глава 4. Появление гуннов в Европе	67
Глава 5. Рождение державы	89
Глава 6. Завоевания Атиллы	123
Глава 7. Дипломатия Атиллы	142
Глава 8. Атила и его гунны	156
Глава 9. Расцвет и гибель державы	186
Глава 10. Военное дело	217
Глава 11. Археологи о гуннах	226
<i>Примечания</i>	<i>266</i>
<i>Указатель имен исторических лиц и древних авторов</i>	<i>296</i>
<i>Указатель топонимов и этнонимов</i>	<i>302</i>
<i>Библиография</i>	<i>312</i>

Ивик О., Ключников В.

И25 Гунны / Олег Ивик, Владимир Ключников. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 344 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-259-2

В 70-х годах IV века восток Европы потрясло нашествие неведомого ранее племени — гуннов. Никто не знал, кто они такие и откуда пришли. Было их, вероятно, совсем немного, но напуганные ими орды варваров, обитавшие в степях Дона, Днепра и Дуная, в ужасе стронулись с места и ринулись в пределы Римской империи, положив начало великому переселению народов. Христиане называли гуннов «бичом Божиим» и считали, что они посланы им за грехи. Около ста лет хозяйничали пришельцы в Европе, соперничая в могуществе с Римом и Византией, а потом их кочевая империя рассыпалась в одночасье, и гунны исчезли столь же неожиданно, как и появились. Куда они ушли, тоже никто не знал. Лишь современная наука смогла пролить некоторый свет на происхождение гуннов и их дальнейшую судьбу. Но и сегодня далеко не все вопросы гуннской истории и археологии решены. О гуннах — их корнях, их недолгом величии и истории их изучения рассказывает эта книга. Писатель Олег Ивик и археолог Владимир Ключников собрали в ней практически все, что известно об этом загадочном народе.

УДК 94(369.1)

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Олег Ивик, Владимир Ключников

Гунны

Редактор К. Муллис
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 17.03.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21,5. Тираж 1000 экз. Заказ 1454

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАНИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. Заложники ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ
СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Олег
Ивик
Владимир
Ключников
Гунны

В 70-х годах IV века восток Европы потрясло нашествие неведомого ранее племени — гуннов. Никто не знал, кто они такие и откуда пришли. Было их, вероятно, совсем немного, но напуганные ими орды варваров, обитавшие в степях Дона, Днепра и Дуная, в ужасе струнулись с места и ринулись в пределы Римской империи, положив начало великому переселению народов. Христиане называли гуннов «бичом Божиим» и считали, что они посланы им за грехи. Около ста лет хозяйничали пришельцы в Европе, соперничая в могуществе с Римом и Византией, а потом их кочевая империя рассыпалась в одночасье, и гунны исчезли столь же неожиданно, как и появились. Куда они ушли, тоже никто не знал. Лишь современная наука смогла пролить некоторый свет на происхождение гуннов и их дальнейшую судьбу. Но и сегодня далеко не все вопросы гуннской истории и археологии решены. О гуннах — их корнях, их недолгом величии и истории их изучения рассказывает эта книга. Писатель Олег Ивик и археолог Владимир Ключников собрали в ней практически все, что известно об этом загадочном народе.

ISBN 978-5-91678-259-2

9 785916 782592